ОЛДОС ХАКСЛИ

НЕТ ГЛАЗ В ГАЗЕ

3.° ИЗДАНИЕ

1944

Перевод В. Миранды рейс

ИЗДАНИЕ КНИЖНОГО МАГАЗИНА ГЛОБУСА ПОРТУ-АЛЕГРИ

Название издания на английском языке:

“БЕЗГЛАЗЫЙ В ГАЗЕ” (1936)

Глава I - 6 ноября 1902 г.

Кудрявый оранжевый мех между рогами; розовая морда безоговорочно наклоняясь над крошечной чашкой на блюдце; глаза, которые выражали больше, чем человеческое изумление. Это был “бык”, как было сказано на шестидюймовой вывеске: “бык В чашке ЧАЙНЫЙ”. Предполагаемая причина или просто причина, чтобы купить экстракт мяса.

Бык в чашке. Слова и грубо комичная фигура размылись внутренние округа в течение всего этого летнего и осеннего периода как сквернословие. Одна из многих грязных инфекций и позорный. Поезд, который доставил Энтони Бивиса в Суррей, ехал наверняка Миля от этих экзем пошлости. Таблетки, мыло, таблетки от кашля и - более воспаленный и более gafento, чем все другие-экстракт говядины, Говядина в чашке.

- Тридцать один… тридцать два, - говорил ему мальчик, чувствуя себя не начали свой счет, как только поезд отправился. От Ватерлоо до ветка Клэпхэма там должны были быть сотни волов. Миллионы.

Напротив, откинувшись в углу, стоял отец Энтони, делающий левая рука светозащитник для глаз и перемещение губ под

коричневые висячие усы.

- Подожди меня там, - сказал Джон Бивис человеку, который за его веки были сжаты, иногда он жил еще, иногда он был чем-то инертным и холод плывет по своим последним воспоминаниям.

“Подожди там меня; что я обязательно когда-нибудь пойду к тебе спать под холодная надгробная плита.”

Бессмертие, несомненно, было иллюзией. После Дарвина, после от сестер Фокс, после собственного отца Джона Бивиса, хирурга, как может ли быть бессмертие? Под холодным надгробием ничего не было. Но все же так, о, все же, подожди меня, подожди меня, подожди, подожди! “Тридцать три.”

Обращаясь от созерцания беглого пейзажа, Энтони пошел с зрелище этой руки на глазах, этих шевелящихся губ. Что если бы у него была идея сосчитать волов, которых он видел, казалось ему, внезапно, позор, предательство. Между тем, там был дядя Джеймс, на краю

банк, с его Times и его нервными и непрерывными ИКТ, читая и делая гримасы, когда я читал. Должен ли он хотя бы иметь порядочность не читать сейчас, - теперь, когда вы отправлялись в путешествие… Энтони не осмелился произнести имя; ном пришел, чтобы пролить свет на все это, и у него не было ни одного. желание видеть ясно. Читать “Таймс” может быть стыдно; но это, это другое дело, это было ужасно, ужасно до такой степени, что о ней нельзя было думать и, тем не менее, таким ужасным образом, что нельзя было не думать.

Энтони вывернул глаза из окна, уже тогда слезясь от слеза. Светимость auriverde лета St. Мартин плавал на затменная радужность. Внезапно колеса поезда начали сочленяться песня: “Dêdê-dêdêdê-a-dead-a-dead-a-dead-a-dead…“Мертва! мертвая, навсегда!. Слезы выпрыгнули из его глаз, скатились по нему. лицо, теплое на мгновение, а затем ледяное. Вытащил шарф и вытер-рассеивая туман, которым они закрывали ему глаза. Светящийся под от солнца, мир, который затем очистил его, казался ему огромной жемчужиной и усложнять. Вязы, высушенные, имели бледно-золотые оттенки. Возвышаясь над полями огромными и неподвижными, они казались медитируя, в кристально ясном свете утра. Можно было бы сказать, что они

вспоминали. Там, на грани смерти, накануне самой гибели, казалось, бросили ретроспективный взгляд, в последнем экстазе воскресших воспоминаний, сосредоточиться в этот сияющий осенний момент вся слава, которую они покрывали. весна и лето. “Dêdêdè-a-dead-a-dead”… они кричали быстрые колеса и безумный, когда поезд пересек мост, ” a-dead-a-dead!”

Энтони стремился не слушать. Напрасно. А потом пытался сделать так, чтобы колеса сказали что-то еще. Потому что им не нужно было говорить то, что они говорили. когда-то: если они потянут цепь, поезд внезапно остановится?

И с большим усилием старался сконцентрироваться и заставить их измениться. припев:

“Если они тянут цепь, поезд внезапно останавливается, если они тянут цепь дай-дай-дай-дай-дай-дай—дай-дай-а-мертвый-а-мертвый…“Какой! это было бесполезно!

Мистер Бивис на мгновение открыл глаза и выглянул в окно. Такие полные жизни, эти осенние деревья! Жестокая внешность, контраст оскорбительно с чем-то неприступным, безнадежным в этом неподвижность, в этой хрупкости стекла, которая привела к катастрофе, которая он возвещал, пророческий, близкую тьму с черными ветвями, двигающимися-если пытали среди звезд и града, чтобы разрезать его стрелами, ветер улулянт.

Дядя Джеймс перевернул страницу “Таймс”. Он читал, что ритуалисты и Кенсититы снова были в туррах. И кончил. Пусть они кусаются, как собака. Далее он прочитал: “мистер Чемберлен в школе Университетского колледжа.“Который собирался

там сделать дьявола старика? Во всяком случае, он обнаружил своего рода эпитафию в погибший на войне мальчик: “на фронт ушло более ста юношей двенадцать из которых отдали свои жизни за Родину в Южной Африке (Аплодисменты). - Бедные обманутые идиоты. - подумал Дядя Джеймс, который у него всегда были большие симпатии к бурам.

Среди королевских коров, разбросанных по их пастбищам, были, нарисованные, огромные рога, треугольник с оранжевым кудрявым мехом, Венты вглядывающиеся и чашка чая. Энтони закрыл глаза, чтобы не видеть.

- Нет, не хочу, - сказал он с тем же решением, что и я. скорее старается не слышать шум колес. Он отказался от научного ужас, который ему показали колеса. Я не хотел сейчас, так мало, знать о вол. Но какой смысл отказываться? Колеса продолжали кричать. И как мог ли он отказаться от того, что это был бык тридцать четвертый справа от ветки из Клэпхэма? Число-это всегда число, даже когда вы путешествуете для… Но было стыдно так считать. Это было похоже на дядю Джеймса. чтение Times. Это был неприличный побег, трусливое обламывание, предательство. Тем не менее, то, о чем они должны были думать на самом деле это было слишком ужасно. Это было как-то вне вещей естественный.

“Каким бы ни было или остается наше мнение о причинах, необходимость, справедливость войны, которая, к счастью, теперь приходит к вам. срок, я я думаю, что это должно вдохновить всех нас на глубокое чувство удовлетворения. тот факт, что все живые силы нации скованы, как один человек., когда Родина взывала к оружию своих детей”… С лицом все еще из-за раздражения, которое вызвало у него чтение, дядя Джеймс сверг “Таймс” и он проверил часы.

- Две с половиной минуты опоздания, - сердито заметил он.

- Если бы опоздание было меньше ста лет, - подумал брат. “Или, если бы вместо задержки был десятилетний аванс… нет, от двенадцать, тринадцать лет. Если бы мы были в первый год нашего брака…”

Джеймс Бивис выглянул и продолжил: “И мы все еще в одном миля Лоллингдона.

Как будто они нащупали рану или больной зуб, их пальцы они снова прогуливались по хронометру в кармане жилета. Это было время для время. Одержимость временем. Время всегда властное, всегда категорично, даже если это было просто время посмотреть на часы и увидеть который был час, то есть маркировка времени…

Колеса стали говорить все медленнее и медленнее, и в конце концов, онеметь. Скрипели тормоза.

- Лоллингдон, Лоллингдон, - кричал носильщик.

Но дядя Джеймс уже стоял на платформе и кричал: - скорее! —

Быть он шел широким шагом рядом с все еще движущимся поездом. Еще один его рука нащупала эту мистическую язву, постоянно грызущую его сознание. - Быстрее!

Внезапное раздражение завладело братом. “Спешите, для чего?” Как если они рискуют потерять что-то, какое-то удовольствие, какое-то ненадежное и эфемерное веселье.

Энтони приземлился позади своего отца. Они направились к двери., идя вдоль стены, полной иллюстрированных объявлений, чьи слова и картинки быстро преуспели: …КАЖДАЯ КОРОБКА РАВНА ГИНЕЯ — …И БЛАГОДАТЬ, ДАРОВАННАЯ ЛЮДЯМ, Перья Марка PICKWICK OWL E… — …УБИВАЕТ МОЛИ ДЕШЕВЫЕ ПОСТЕЛЬНЫЕ КЛОПЫ-ХЛЕБ ЕСТЬ ХЛЕБ СЫР ЕСТЬ СЫР И КОФЕЙНЫЙ СЛОЙ БРЭНСОНА… - БЫК НА… И они появились здесь., внезапно рога, выразительные глаза, чашка-тридцатая пятая чашка. “Я не хочу этого видеть! не хочу!“Но, хотел я этого или нет, здесь было тридцать пятая; тридцать пятая, от перекрестка Клэпхэм и на правом берегу.

В машине пахло соломой и кожей. Запах соломы, кожи, а также, восемьдесят восьмого года… Восемьдесят восемь? Да, восемьдесят восемь, на Рождество, когда они ехали на машине на бал Шампернаунов-он, она и ее мать - за холодная ночь, в спортивном костюме из овчины, прикрывающем их колени. Как будто случайно (потому что я еще не осмелился сделать это намеренно) его рука коснулась ее; он коснулся, как случайно, и все еще случайно оставил-если вы поддерживаете. Старуха рассуждала о трудностях в организации служанок — и когда они устраивались, они ничего не умели делать, они были ленивыми. Она он не поднял руку! Согласна ли она? Рискнул: его пальцы закрылись о ее. И вдобавок ко всему, они были непослушными, все еще старуха; быть… Он почувствовал давление, которое было ответом, и, подняв глаза,, в темноте он догадался, что она ему улыбнется.

- Правда, - говорила старушка, - я не знаю, куда мы идем. стоп, в эти дни. Видел, как тупой комментарий, зубы Мэйси озорно сияют; в то же время, что и это легкое рукопожатие это было восхитительно тайным и незаконным смыслом заговора.

Медленно, один сюда, другой туда, старый конь тянул; медленно, преодолевая короткие пути, он проник в центр великой осенней жемчужины Кристалл и золото и, наконец, остановились в самом ее сердце. На солнце, башня церковь была серо-янтарной. Джеймс

Бивис с раздражением заметил, что часы с башни опоздали. Они прошли через дверь кладбища. Четыре против них поднимались ужасные темные старухи: две женщины

огромные (которые Энтони казались гигантскими) вышли из поездки как двое куча черной одежды. С ними, еще больше увеличенные цилиндрами, это были два столь же колоссальных человека.

- Шампернауны, - сказал Джеймс Бивис; и слоги этого имени знакомые были для брата, как удар, еще один удар мечом в живой плоти. - Шампернауны и-пусть увидят - как это называлось тот парень, который женился на их дочери? Анстейр? Эннерли? Пришел один вопросительный взгляд на Джона. Но Джон смотрел вперед и не ответить.

- Амершам? Атертон? - Джеймс Бивис нахмурился, раздражая-если. Дотошный, он придавал огромное значение именам, датам и цифрам; он гордился своей способностью воспроизводить их точно. Самый маленький провал памяти было достаточно, чтобы разозлить его. - Атертон? Андерсон? - И что еще больше отчаяния было то, что мальчик произвел такое хорошее впечатление, вел себя-если так хорошо, без этого идиотского способа военной жесткости тестя генерал, но, наоборот, он был грациозен и находчив в жестах… - Я не знаю, каково это. что я позову тебя, - сказал Я тебе; и начал чувствовать на правой щеке подергивание, как будто живое существо застряло под кожей и приложите жестокие усилия, чтобы уйти.

Они подошли. У Энтони было впечатление, что он проглотил свое сердце, проглотил его целиком, не пережевывая. Чувствовал себя хорошо, плохо, как в ожидание избиения.

Черные гиганты поднялись высоко, развернулись и вернулись к их встреча. Запертые. Рукопожатия.

- Посмотри на любимого Антония! - сказала Леди Чамперноун, когда пришла, наконец, его очередь. Не сдержался и, поклонившись, дал-поцелуй его.

Она была толстой. Его губы оставили на лице мальчика влагу брезгливый. Энтони ненавидел ее.

- Думаю, я тоже должна его поцеловать, - подумала Мэри

Эмберли советуясь с мамой взглядом. Естественно, даже ожидать, что замужняя женщина сделала это. Шесть месяцев назад, когда она была еще Мэри Чамперноун и только что окончивший среднюю школу, это была бы абсурдная идея. Но теперь… Мы не очень хорошо знали. Однако он решил, что не будет целоваться маленький, который был бы действительно смешным. Он пожал ей руку, ничего не сказав, и только с улыбкой смутной безопасности.в своем тайном счастье. Быть почти шесть месяцев она была беременна и в течение этих двух последних недели жили в каком-то блаженном экстазе, оцепенении. невыразимо вкусно. Счастлив в мире, который стал до неузнаваемости красивый, богатый и доброжелательный. Поле показалось ему

рай в это утро, когда они проходили мимо, упакованные мягкими боле отчет, и это маленькое пространство зелени среди золотых деревьев было сам Эдем. Правда в том, что бедная Миссис Бивис умерла. Так красиво они все еще такие девчонки. Как все это было грустно! Как бы то ни было, хотя, эта печаль не влияла на его интимное счастье, она продолжалась без всякого значение, это было похоже на печаль человека, населяющего другую планету.

Энтони на мгновение поднял глаза на это улыбающееся лицо, сияя в черном ободе одежды, позволяя миру светиться и интимное счастье. Затем, полный застенчивости, опустил глаза.

В то же время Роджер Эмберли, очарованный, наблюдал за своим тестем и он восхищался тем, как можно было жить так, чтобы кто-то всегда был в безупречная линия; о том, как можно одновременно быть настоящий генерал и дать идеальное впечатление, визуальное и слуховое, одного генерал оперетты. Даже на похоронах, даже по случаю сказать своему скорбящему мужу несколько очень подготовленных слов, он не это был чистый Гроссмит! И я должен был видеть, как я сокращаюсь. неудержимо губы под красивыми каштановыми усами.

- Похоже, эстай-очень изможденный, - подумал генерал, разговаривая с Джоном Бивис; и ему было жаль беднягу, хотя он по-прежнему не нравился. Быть, без сомнения, драгоценный, скучный, предполагаемый, умный, да, но в то же время дурак. И хуже всего было то, что его нельзя было считать одним мужчина. Всегда в середине юбок. Юбки мам, юбки тетушек, юбки жена. Ему не хватало нескольких лет армии, которые сделали бы его,

без сомнения, очень хорошо. Однако он, казалось, был очень подавлен. Ужасно униженный. Мэйси была милым и милым существом. Слишком хорошо для него, естественно…

Они стояли на месте. Затем все они направились медленно в церковь. Энтони шел посередине, как карлик, окруженный гигант. Черная тень, которую они отбрасывали, покрывала все это, затемняла небо затмило янтарную башню и деревья. Он шел, как на заднем плане, из зыбучего колодца, черные стены которого шуршали вокруг него. Она начала плакать.

Я не хотел осознавать этот факт, я сделал все, чтобы получить от него только одну поверхностное понятие, так, например, как известно, что рисует и пять приходит после тридцати четырех. И теперь пришел этот черный колодец и наполнил его ужас смерти сконцентрирован в его темноте. Мне некуда было бежать. Е разразился рыданиями. Мэри Эмберли, потерянная в восторженном созерцании сусальное золото, развеянное в бледности неба, на мгновение опустило глаза. об этом маленьком существе, которое плакало на этой другой планете и возвращалось после новый для Эдемских парамосов.

- Бедный ребенок! - сказал Тебе Отец. Затем, как бы складывая бросаю: - бедный сирота! - собрался с решением, доволен (ибо хотел страдать) от боли, которая причиняла ему такие слова. Посмотрел на сына, увидел его лицо замучено, губы полные и чувствительные, отмеченные тоской, лица изуродованные слезами, которые текли, и выше, широкий, высокий лоб, по-видимому, indene в своей изящной чистоте. Увидел; и почувствовал, что еще один боль в сердце.

- Мой дорогой сын! - сказал и, сказав это, думал о союзе больше в том, что они будут испытывать общие страдания. Правда, с ребенком, это была не просто естественность, легкий контакт. Но печаль и воспоминания обычные, естественно, будут… И сжал в своей маленькой руке, сына.

Они стояли у дверей церкви. Колодец развалился.

- И как будто мы в Тибете — - подумал Дядя Джеймс когда пришлось снять шляпу. - Почему бы не снять и ботильоны?

Внутри церкви была темнота, разоблачающая вещи. древние, пахнущие веками деревенского благочестия. Энтони потягивал на

двоих иногда этот вздор прелюбодействовал и чувствовал, что диафрагма сжимается в спазм тошноты. Страх и уныние уже дали ему чувство проглатывание собственного сердца; и теперь этот запах, этот запах тошнотворно объявляет, что это место кишит микробами… — Кишит микробами! - Я снова слышал ее голос - этот голос, который всегда он менялся, когда она говорила микробами, голос становился другим, как если бы он говорил с кем-то другим. В обычных случаях, когда не было сердитый, голос звучал так мягко и в некотором смысле томно — томность смеха, томности усталости. Но страх перед микробами сделал его почти дикий голос. - Что я никогда не перестану плевать, когда почувствую себя плохо. запах, - сказала она ему. - Что в воздухе могут быть микробы тифа. — Вспоминая эти слова, эти материнские советы, он почувствовал, как его рот наполнился-если от слюны. Но как я мог плевать там, в церкви? Не было никакого лекарства, кроме проглотить плевок. И проглотил его с мурашками от страха и тошноты. Вдруг заболеть в этом зловонном месте? Из-за припадка ему стало еще хуже. И как должны ли мы вести себя во время похорон? До этого никогда не было присутствовал на этих церемониях.

Джеймс Бивис проконсультировался с часами. Через три минуты начнутся волшебный. Почему Джон не предпочел церемонию без пышности? Как будто бедная Мэйси придала этому значение. Глупость, да, но никогда не блаженная; ее глупость была не глупостью религии, а глупостью простая непрофессиональная глупость женского легкомыслия. Эта глупость читать романы в диван, чередующийся с глупостью чаев, пикников и танцев. О

удивительно было то, что Джон перенес всю эту ерунду, что он даже, казалось, все это понравилось! Женщины кудахтают, как цыплята вокруг чайного стола. Джеймс Бивис закрыл все в хмурится от презрения и раздражения. Женщины раздражают-на-тошнит-узел. Все эти извилистые, волнистые, мягкие выступы их тел. Ужасная вещь. И глупость, и пустота ума. Но в любом случае бедная Мэйси никогда не была Каролой, никогда не преследовала священников. Этот ужасные ее родственники, эти, да. В семье были деаны-деаны и деаны. Джон, естественно, не хотел их обидеть. Слабость. В вопросах принципы, надо было обидеть. Надо было обидеться.

Слышен орган. Через открытую дверь проник небольшой кортеж перекрытия. Некоторые люди приносили что-то похожее на куча

цветов. Раздался пение. Последовало молчание. А потом, с необыкновенным голосом священник начал:-Христос восстает из лона он постоянно говорил о Боге, о смерти и о животные Ефеса и материи. Энтони, однако, едва слушал, потому что не мог думать только о тех микробах, которые все еще были там, несмотря на запах цветы, и в слюне, которая продолжала наполнять его рот, и что он должен был глотание, несмотря на сыпной тиф и грипп, и это ужасное недомогание в желудке. Как долго все это продлится?

- Похоже на кричащего козла, - сказал Джеймс Бивис, слушая его. голос, доносившийся с полки хора.

Затем он снова посмотрел на молодого зятя Шампернаунов. Андертон, Абди…? Какой красивый профиль, классический!

Сидя, низко и прикрывая сотню рук глазами, его брат думал в пепле, который был внутри коробочки, там, под цветами - пепел, который был ее телом. В конце концов, ремесло было закончено похоронный. - Слава Богу! - подумал с тобой Энтони, плюясь пробрался в платок, который сложил и спрятал в кармане с микробами и всем остальным. - Слава Богу! - Мне удалось не заболеть. Сопровождал отца до двери, и когда, сделав еще несколько шагов, вы оказались вне этой полутени сумеречный, это был своего рода экстаз, который дышал чистым воздухом. Еще было солнце. Оглянулся и посмотрел на бледное небо наверху. Наверху, в башне, из церкви крик грачей напоминал стук камня пробираясь по замерзшей воде и производя, бороздя лед, длительный Тинтин.

- Не бросай камни в лед, Энтони, - крикнула ему однажды его мать. — Они цепляются за него, а затем за фигуристов…

Он вспомнил, как так часто видел, как она каталась на коньках, как правильно вместо этого она подошла к нему, делая повороты и зигзаги и скользя

затем прямо, как Чайка; все в Белом; красивый. А теперь… В новые, если они наполнили его глаза водой. Но почему, почему он настаивал на в тот раз, чтобы он тоже катался на коньках?

- Не хочу, нет. - он ей ответил. И, спросив ее за что он не мог объяснить. Я боялся, что над ним посмеются. Не я хотел подвергнуть себя насмешкам. Но как я должен был вам это

сказать. Закончить плач — в присутствии всех. Хуже быть не могло. У него был почти ненависть в то утро. И теперь она была мертва, и там, наверху, грачи бросали камни по льду прошлой зимой.

Теперь они были на краю могилы. Еще раз Г-Н Бивис сжал рука сына. Он старался подготовить его дух к последним и очень болезненные моменты.

- Мужество, сын мой, - прошептал он. Увещевание, которое так служило сын, как и сам.

Сгорбившись, Энтони заглянул в могилу. Ему показалось необычайная глубина. У него была дрожь, он закрыл глаза; и он сразу увидел там, скользя к нему, белый, как Чайка, и белый еще в ее атласной “туалете”, когда она пришла, чтобы дать ей хороший-ночь перед тем, как пойти на ужин, с тем ароматом, который она почувствовала, когда у кровати наклонилась над ним и эта свежесть его обнаженных рук.

- Ты похож на кота, - говорила она, когда он терся о лицо в твоих руках. Почему бы тебе не мурлыкать, как кошка?

— В любом случае, - с удовлетворением думал дядя Джеймс, - О Джон был тверд в отношении кремации. Христиане потерпели поражение. Воскресение тела, по сути! В 1902 году нашей эры!

Когда настала его очередь, теперь подумал Джон Бивис, вот где это будет хоронить. Там, в той самой могиле. Его прах рядом с ее.

И снова раздался этот странный голос священника: - вы знаете, Господи, секрет наших сердец… - Энтони открыл глаза. Двое мужчин на дно ямы загоняют небольшую терракотовую урну, почти из размер формы для печенья. Урна коснулась дна, и веревки пошли поднимать.

- Земля, земля, - звучал, как блеяние, козий голос. - в пыль, порошок.

- Ваш прах, мой прах, - писал Джон Бивис. — Смешанный.

И вдруг вспомнил то время в Риме, через год после женаты; из тех июньских ночей, с светлячками под деревьями, в Сады Дориа, как звезды, которые сошли с ума.

- Что нужно преобразовать наше мерзкое тело, чтобы

отождествить его с

его славное тело…

- Мерзко, мерзко? -в знак протеста Он вышел из фонда Альмы.

Падала первая лопата Земли, вторая, а остальные шли вслед. А урна была почти покрыта. Она была такой маленькой, невероятной маленькой и непредвиденный… Образ этого огромного быка, этой крошечной чашки чая это поразило воображение Энтони. Преследовал непристойно, отказываясь, противодействие экзорцизму. Грачи снова кричали в башне. Какой Чайка, она бросилась, безмятежная, прямо к нему. Безмятежная и красивая. Но бык он все еще был там, все еще в своей чашке чая, все еще неблагородный и отвратительный; и еще более неблагородным, еще более ненавистным он сам себя чувствовал.

Джон Бивис отпустил руку, которую держал, и, проведя рукой по повернувшись с плеч мальчика, прижал его худенькое тельце к своему — все больше и больше, пока он не почувствовал в своей плоти рыдания, которые его взбудоражили.

- Бедный ребенок! Бедный сирота!

Глава II - 6 ноября 1902 г.

Охранник свистнул, и поезд, повинуясь, двинулся в движение. Пройти Китинг медленно; последовал Брэнсон; последовали Пиквик, Сова и Уэверли; вскоре после и в ускоренной последовательности-Бичем, Оубридж, Картер, груши; прошел фабрику Хамфри, прошел Лоллингдон; после, почти в двадцати часовых милях компания Eno’s; затем груши, Груши, Груши. Груши, Груши-и вдруг платформа и заборы, которые гарнизоны нырнули в космос и исчезли, затянулись в вораге. зеленые поля. Энтони откинулся в своем углу и с благодарностью вздохнул. В конце концов, это был побег; в конце концов, он смог выбраться из этого колодца, из этой черной бездны в который его толкнули, и он снова был свободен. Это был радость для ваших ушей шум колес, которые говорили так: - если тянут цепь, поезд внезапно останавливается, кто тянет, не будучи точным,, платит штраф: пять фунтов, пять фунтов, пять фунтов, пять фунтов ФУНТ … Но

какой ужасный обед был у бабушки!

- Работать, - говорил Джеймс Бивис. - И единственное, что нужно сделать в такой случай.

Брат ануиу, с головой. - Да, это было единственное. После прошлого момент нерешительности, добавил он, осознавая себя, в этом странном жаргон, который он имел для популярного языка — - это был почти “нокаут” что мы получили. Популярный язык Джона Бивиса был, О. чаще всего собранные в книгах. Этот “нокаут” был метафорой борьбы бокс, который он никогда не посещал. - К счастью, - продолжил он, - у нас есть, на данный момент впереди много работы. - Это был намек на ваши чтения. Он также ссылался на их сотрудничество в Оксфордском словаре. Гора от книг, до карточек, до их огромного указателя адресов, до писем собратья-филологи. И исчерпывающее эссе о сленге якобитов. — Не думайте, что вы собираетесь в это намерение “Лента” со страданием, — он собрал, поместив сленговый термин среди слуховых эквивалентов кавычек. Джеймс не должен был думать, что он намеревался утопить свою боль, свою боль, свою печаль на работе. Казалось, он нащупал предложение. - Э… это один духовная музыка, которую мы отдадим! - наконец-то эякулировал.

Джеймс продолжал соглашаться с легкими движениями головы, как будто заранее уже знал все, что сказал брат или мог сказать. На его лице были резкие, непроизвольные тики. Один нервное нетерпение подрывало его, опустошало его, как будто оно чувствовало его, как что грызет его до костей. - Точно, - сказал он, - точно. - И сделал последний знак головы. Последовало долгое молчание.

- Завтра, - думал Энтони, - у нас будет алгебра со стариком Джимбаг. - Неприятно, что на него смотрели. Он не был сильным по математике и Мистеру Джеймсону, даже в лучшие моменты, даже когда он шутил и шутил, он был грозным учителем. - Если Джимбаг начать точить себя, как в тот раз на прошлой неделе… — Вспоминая эту сцену, Энтони нахмурился; кровь поднялась к его лицу. Джимбаг сделал несколько саркастических замечаний, дергал его за волосы. Он прорвался в слезах. (Кто бы не заплакал?(Слеза упала сверху уравнения, которое он пытался решить, и произвело огромное размытие Редондо - потом зверь Стейтса издевается над ним, высмеивает его. К счастью, Фокс

пришел ей на помощь. Они смеялись над Фоксом, потому что это было заикание, но дело в том, что Фокс был очень порядочным парнем.

В Ватерлоо Энтони и его отец взяли “хэнсом”. Дядя Джеймс он предпочел идти пешком. Я могу взять одиннадцать минут отсюда до клуба, - сказал я им. Он положил руку в карман жилета. Посоветовался с часами; затем повернулся спиной и, не сказав ничего другого, он шел вниз по склону.

- Юстон! - крикнул Джон Бивис кучеру.

Осторожно маршируя по гладкому склону, лошадь пошла за ним. Автомобиль он задыхался, как корабль. Энтони неслышно бормотал “Вашингтон Пост.“Мне всегда было очень приятно путешествовать в “Хансом”. У подножия холма Кучер хлестал лошадь, ставя ее на рысь. В какой-то момент они почувствовали запах пива, а затем запах жареная рыба. Позже они прочитали о Вымпеле “Прощай, Долли Грей”. и они вошли в болеус по дороге от моста Ватерлоо. Движение реклама вибрировала и струилась вокруг них. Там не был твой отец и Энтони, как сообщается, пел вслух.

Поздний вечер позволил увидеть еще некую дымную ясность над крыши домов. И, когда этого меньше всего ожидали, здесь возникла река, светлая река со своими черными шлюпами и буксиром; в небе, как воздушный шар, собор Святого Павла; короче говоря, таинственная Shot Tower.

С моста мужчина кидал в чаек хлеб. Заблудившись в тумане,, почти невидимые, они скользили по воздуху; они поворачивались, продвигая крылья серые, уступающие приобретенному импульсу и внезапно появляющиеся в ясность, как снег на темных краях неба; оставляли после, опять же, освещенная зона космоса и там они летали, пока не стали невидимый. Энтони продолжал смотреть и перестал трахаться. И так обычно сделать конькобежец на льду, когда он приходит скольжения в нашей направление…

И как будто, тревожно, он тоже понял тайное чувство резкого падения полетов этих птиц. — Сынок

дорогой, - начал Мистер Бивис, нарушая долгое молчание и сжимая слегка рука Энтони.

- Милый сын!

С тяжестью в сердце Энтони ждал остальной части предложения.

- Мы должны жить сейчас всегда вместе, всегда вместе, - сказал г-н. Бивис.

Мальчик набросал шепот согласия.

- Хорошо вместе. Потому что мы оба… - колебался; - мы оба любить.

Была еще одна тишина. - Ах, если бы только он это прекратил! - Это был желание Энтони. Желание напрасно. Отец продолжал:

- Мы всегда будем ей верны, - сказал он. — Никогда… никогда больше забыть ее… Да?

Энтони молча соглашался.

- Никогда! - с акцентом повторял Джон Бивис. - Никогда! - И еще один вместо этого он читал себе стихи, которые приходили к нему в те последние дни обсидиандо:

“Пока боль, что болезнь, или что старость, один день,

Должен жениться на моем теле на пыли, которую он так любит;

И должен космос заполнить пустой гробницы

Мое сердце держит в мире Кампо-Санто,

Подожди меня под холодным надгробием!”

Затем, вслух и почти неповиновением, я сказал: “она никогда она будет мертва для нас. Мы должны сохранить ее в наших сердцах… Не так ли, сынок?

- Живи, всегда, для нас, - продолжал отец, - повезло, что мы можем жить для нее — превосходно, благородно, так, как она хотела чтобы мы жили. - Сделал паузу, на грани разговорной речи — этот вид разговорной речи, который, по его мнению, был школьником я бы понял и оценил. — Жить… ну, как два ” хороших ребята”, - сказал он, наконец, смущенно, а затем, пытаясь импровизировать заменитель термина, который он использовал, продолжил: - хорошие парни, которые также товарищи, настоящие товарищи. Теперь мы будем товарищи,

Энтони; хорошо?

- Что все было в порядке, - снова сделал Энтони головой. Чувствовал себя полный стыда и смущения. “Товарищ.“Напомнил ему, что история, которую он выучил в старшей школе: класс риторики в школе Святого Воскресенье. Мы смеялись, читая ее, мы смеялись, теряя. Товарищи! И скоро

с кем? с собственным отцом! Он почувствовал, как его лица сгорели. Посмотреть через маленькое боковое окошко, чтобы скрыть свое недомогание, он увидел одну из этих птиц серые, спускающиеся с неба, в резком полете, над мостом; птица приблизилась-если все больше и больше; затем он наклонился, отошел влево, осветил момент, преображен, и исчез.

В старшей школе все вели себя удобно, с удобством что бы напугать его, изолировать. На самом деле чрезмерная резервация. Эй мальчики вели себя с таким благоразумием, таков был страх причинить ему боль, обидеть его в своих интимных чувствах, обидеть его расширением его собственное и естественное веселье, которое после нескольких демонстраций обманутые сердечностью, они оставили его одного. Это было почти то же самое, он думал, что Энтони отправят в Ковентри. Ваша ситуация не может быть, было бы хуже, если бы он был пойман с поличным за кражу или убежать.

Никогда с первых дней своего первого года обучения в старшей школе не чувствовал себя так безнадежно одиноко и брошено, как это было в ту ночь.

- Жаль, что вы не смотрели “матч” сегодня днем. — сказать Мистер Томпсон, когда они сели за стол, чтобы поужинать. И это было похоже на обращаясь к дяде, который приедет к нему.

- Игра была хорошей? - спросил Энтони тем же тоном вежливости принуждать.

- Был; очень взволнован. Но они выиграли-три х два. Разговор она тянулась, рыхлая. Смущенный, Томпсон не видел, как и где продолжать. Читать комикс Баттерворта о молодой леди Илинг? Нет, он не мог повторить это, не говоря уже о сегодняшнем дне, когда мать Бивиса…Что тогда? Шум на другом конце стола он решил проблему, предоставив ему предлог для прекратить разговор. - Что там? - крикнул он с преувеличением интерес. - Что

это? - И с этого момента все говорили и смеялись. в то же время. Отделенный от остальных невидимой пропастью, Энтони был просто слушатель и зритель.

- Инес! - крикнул один из них служанке. - Инес! - Inez pugnable, Инес уступчивая, недобросовестная, Инес дерьмовая, - сказал Марк Стейтс, но в низкий голос, чтобы она не слышала: грубость с творением была считается в Булстроуде уголовным преступлением и по этой причине лучше всего, даже если это был sotto voce. Смеха не было, да, ждать. Однако сам Стейтс оставался серьезным. Эта бесстрастие среди смеха, который он сам вызвал, это давало ему необыкновенное чувство силы и превосходства. Слишком много, это уже было урной традицией фа ми Лии. Ни один Стейт никогда не улыбался.

когда он произносил шутку, он бросал эпиграмму или давал ответ спиртной.

Заплетая взгляд вокруг стола, Стейтс понял, что этот ” парень Бебе”, который был жалким бенгером Бивисом, не смеялся с остальными, и в течение секунды он наполнялся обидой и раздражением против этого существо, которое осмелилось не найти забавы в своей добыче. Что сделало еще более невыносимым оскорблением был тот факт, что Бенгер был не чем иным, как нулем. Футбол, он плохо играл; крикет, то же самое. Единственное, что он знал, было работать. Работать! И это был такой мальчик, который осмелился встать на лицо закрыто, когда он… Потом вдруг вспомнил, что бедный парень потерял мать, отменил жесткое выражение лица и он обратился к нему через пространство, которое их разделяло, с улыбкой признание и сочувствие. Энтони ответил на улыбку и отклонился в вслед за взглядом, краснея под действием Смутного недомогания, как будто снаружи удивлен, совершив какой-то промах. Осознание своей собственной великодушие и зрелище смущения, в котором стоял Бенгер, восстановили Staithes его хорошее настроение.

- Инес! — кричать. - Инес!

Огромная, с хроническим раздражением, Инес все-таки появилась.

- Больше консервов, Инез, пожалуйста.

- Больше разговоров, Инес, - каламбур Томпсон. Все снова

смеялись, не из-за грабежа, который был самым заразным, но просто потому, что в тот момент все хотели смеяться.

- И хлеб тоже.

— Да. Больше Броа.

- Еще бро, Инес, пожалуйста.

- Еще бро… Давайте разберемся с ними! - возмущенно сказала Инес, пока я брал пустую тарелку хлеба с маслом. - Почему бы и нет вы учитесь правильно говорить то, что хотите? Смех удвоился. Они не они умели говорить то, что хотели-абсолютно не знали, зачем говорить “бро” вместо “хлеба” уже стало традицией среди Булстродианцев и это был как бы символ их единства, знак их превосходства над все непосвященные.

- Больше Броа и будь краток, Инес! - крикнул Стейт.

- Это! Бро скоро!

- Огурец Краткий!

Смех стал почти истеричным. Все помнили то время, в прошлом году, когда на уроках истории Европы, они пришли в глава огурец краткое. Скоро! Огурец скоро! Первый в раскомментировать себя был Баттерворт; затем Пембрук-Джонс; затем Томпсон

— и, наконец, весь класс II, со Стейтсом и всеми остальными, отпираем. Старый Джимбаг выглядел как ярость. Что стало тогда, еще смешнее вещь.

- Дураки! - сказала Инес; и, обнаружив, что они все еще смеются когда он вернулся оттуда немного, чтобы принести больше хлеба, он повторил, с твердым цель ранить их: - это не что иное, как кучка очень плохих парней дураки! - Но их слова не могли сделать их вмятинами. Он они были вне его досягаемости, очень далеко, транспортированы в экстазе радости без причины.

Он хотел, чтобы Энтони тоже смеялся, как они, но он не осмелился сделать это больше, чем улыбка, далекая и размеренная, как тот, кто в чужой стране и, не осознавая духа факеции, он тем временем хочет показать, что не возражает пусть другие будут веселиться. И через несколько мгновений, уже

голодный и имея перед собой пустую тарелку, я не видел выхода из этого мутизма, в котором неожиданно он закрылся. Потому что просить больше “Броа” или больше “осколка” для святости состояния изгоя, в котором он тогда видел себя, время непристойность и вторжение-непристойность, потому что человек, который был освящен смертью собственной матери, не должен очевидно, использовать сленговые термины и вторжение, потому что профан не имеет права использовать специальный язык, предназначенный для избранных. Я колебался, не зная, стоит ли говорить. Пробормотал, наконец: - пожалуйста передать мне хлеб. - И когда я почувствовал, что слова звучат для него ужасно. вынужденная и глупая, она покраснела до корней волос.

Наклоняясь к соседу с другой стороны, Томпсон продолжал шепчущее повествование анекдота. — … Через весь потолок, - заключил он. Е они смеялись над визгом.

К счастью, Томпсон не слышал, а Энтони чувствовал это очень облегчило. Несмотря на то, что он был голоден, он больше ничего не просил.

Было движение во главе стола; старый Джимбаг был поднятый. Ужасный шум ног стула, царапающих пол, казалось, что комната полностью заполнена. Затем наступила абсолютная тишина. — За все, что нам дано получить… - И снова вспыхнул голос, когда девочка подошла к двери, постукивая ногами.

В коридоре Энтони почувствовал, что рука коснулась его руки. - Привет, Б-Бенгер.

- Привет, Фокс. - Не сказал “Привет, конь”, из-за чего это произошло утром. Выражение было бы настолько неуместным для обстоятельств момент, как термин “Броа”.

- Т-у меня есть с-вещь, чтобы м-показать тебе, — сказал Брайан Фокс. Е это грустное, уродливое лицо, действительно, казалось, внезапно загорелось, когда он улыбнулся

Энтони. Остальные смеялись над Фоксом, потому что он был заикающимся и имел лицо. верховая езда. Но почти всем он нравился, несмотря на то, что он был силен в учебе и не быть слишком сильным в играх. Кроме того, он был пуританином, а не наслаждаясь непристойностями; и казалось, что она никогда не смущалась, никогда не видела себя в трудностях с мастерами.

Однако, несмотря на все это, он навязывал себя дружбе всех, потому что это было то, что можно назвать достойным мальчиком. Достоинство, даже, неправильно применяемое, иногда; потому что, на самом деле, это не было право относиться к первокурсникам так, как он относился к ним — как к равным. Uns маленькие кусочки людей, девятилетние комары, очень глупые, как будто будьте равны мальчикам одиннадцати и двенадцати; представьте себе! Нет, Фокс нет я должен был относиться к ним так; в этом не могло быть ни малейшего сомнения. В любом случае, всем нравился его старый друг, Конный парень.

- Что это? - спросил Энтони; и он был так благодарен этим простые и естественные способы, которыми Конный парень говорил с ним, что на ваш вопрос, конечно, грубость, боюсь, что другой обнаружит вас чувство.

- Приходите посмотреть, - намеревался сказать Брайан, но не мог выйти за рамки одного просто ” В-В-В-в -…“это повторялось и продолжалось, в тоске заикания. Е в другой момент Энтони, может быть, рассмеялся, может быть, он закричал: - Смотри наш Конный парень с рвотой! - Теперь, однако, не сказал ничего. Он думал только о печальной удаче, которая была для его бедного друга дефект. В конце концов, Брайан Фокс в конце концов отказался от попытки сказать — Приходите посмотреть — и перешел к этому другому предложению: - это в моем с-с-коробке игрушка.

Они спустились, побежали по лестнице и направились в темный вестибюль, где коробки с игрушками хранились.

- Ви-смотри! - сказал Брайан, поднимая крышку коробки. Энтони шпионил, и когда он увидел изящный маленький корабль, снабженный тремя мачтами и парусами бумажные квадраты. - Да, сэр! - воскликнул он, - какая красота! Ты это действительно так?

Брайан покачал головой. В тот день в его распоряжении были все деревообработка-весь необходимый инструмент. Вот почему я ушел. так хорошо сделано, как будто это работа профессионала. Это было то, что он я хотел объяснить Энтони, чтобы разделить с ним удовольствие, которое это было при выполнении работы. Однако он никогда не забывал, что он заикался и я прекрасно знал, что такое удовольствие испарится при первых же трудностях что он нашел, пытаясь сформулировать слова, которые он должен был выразить. Е потом, какая ужасная вещь

сказать, это слово “плотник”. И было, что согласитесь сказать:-L-скоро еще v - мы положим его n-n’вода. Но улыбка, которая сопровождала его слова, в то же время была

извини за их недостаточность, у меня была вся сумма компенсации.

Осторожно, с нежностью почти, Брайан демастрировал маленький корабль и засунул палочки спичек, которые служили мачтами, паруса и все в внутренний карман куртки; копыто ушло в карман брюк. Слышен один звонок в дверь. Это было время спать. Послушный Брайан закрыл ящик для игрушек. И они снова поднялись по лестнице.

- G-я выиграл сегодня больше с-пять Р-матчей с моим с-конкурентом.

- Пять! крикнул Энтони. - Как становится мой Конный парень!

Он забыл, что он изгой, что он изгой на земле, и смеялся.

хорошо смеяться. Он чувствовал себя в состоянии истинной эйфории. Это было только тогда, когда он начал раздеваться в своей комнате, что все вернулось ему в память. И почему? из-за зубной пыли.

- Два раза в день, - казалось ему, услышав, как она сказала, когда надела влажная щетка над розовым порошком и пахнет феновой кислотой. — Быть по возможности, также после обеда. Из-за микробов.

- Но, мама, ты не хочешь, чтобы после обеда я забрался в общежитие для чистки зубов!

Это было раненое тщеславие (она думала, что ее зубы были такими грязные?) это было тщеславие, которое сделало его грубым. Я думал, что это ретроспективное оправдание. размышляя о том, что подниматься в общежитие было против правил колледжа днем.

На другой стороне деревянного табика, который отделял его кабину от Энтони, Брайан Фокс засунул свою пижаму. Сначала левая нога; затем справа. И как раз когда он потянул их вверх, он ограбил его. внезапно эта идея, идея настолько ужасная, что

почти заставила его кричать: - если моя мать умерла? - Она тоже могла умереть. Если бы мать Бивиса была умер, без сомнения, она тоже могла. И вдруг он увидел ее дома., лежа на кровати. Ужасно бледная. И агония, этот хрип смерти,, то, что он уже знал, читая в книгах, слушал его сейчас, отчетливо; это было похоже на шум одного из этих больших деревянных матрацев, с которым они пугают птиц; сильный и непрекращающийся, как шум, издаваемый машина. Невозможно для человека произвести такой шум. И все же он вышел-его изо рта. Это был хрип. Это был храп смерти. Она умирала.

С брюками, еще не подтянутыми, все еще наполовину бедрами, там был Брайан на лопате, его глаза были полны слез, его взгляд устремился в комнату. лакированная коричневая древесина, которая стояла перед ним. Это было то, что я мог. что еще страшнее. Гроб; затем пустой дом; затем, когда он ложись спать, никто из тех, кто пришел пожелать тебе Спокойной ночи.

Внезапно, выйдя, с отрывом, из этой неподвижности, он приостановил брюки и с некоторой силой завязали шнур ремня.

- Но кто сказал, что она мертва! - я сказал вам. - Нет., нет!

Через две четверти Томпсон выпустил одну из этих высоких трах и чрезвычайно продолжительные, которые сделали его знаменитым в Булстроуде. Были приветствия, настоящий хор смеха. Сам Брайан смеялся - Брайан, который обычно отказывался признавать, что есть в этом виде что-нибудь смешное. Но это было такое облегчение, такое удовлетворенность, которую он испытал в этот момент, что что-нибудь это могло бы заставить его смеяться. Она была еще жива! И хотя, конечно, она я бы не хотел знать, что его сын развлекается с такой низкой вещью, он не тем не менее, он мог бы не дать расширения благодарной радости, которую он чувствовал полный. И раздался громовой смех, затянувшийся, как будто ринчинг. Внезапно остановился, бывший резкий. Он вспомнил Бивиса. Мать его, эта, была действительно мертва. О чем он должен думать? Брайан ему было стыдно за то, что он смеялся; за то, что он смеялся по такой причине.

Позже, когда они выключили свет, он забрался на утюг у кровати кровать и, заглядывая через ширму в комнату Энтони, прошептал: - в - мы exp-периментируем новый б-б-Б… новый корабль?

Энтони вскочил с кровати и, поскольку ночь была холодной, надел халат-де-шамбре и надел тапочки; затем, не издавая шума, забрался в стул; и от стула (отодвигая длинную саржевую занавеску) перешел к подоконник. Занавес, свободный, снова обернул его вокруг спины, закрывая его в пролете.

Это было высокое узкое окно, разделенное перемычкой на две части. А нижняя и большая часть состояла из пары гильотин; меньшее стекло и у супериора были гонзо наверху, и он открывался наружу. Когда гильотины они были сжаты, самая низкая образовывала узкий край, половина высоты из окна. Стоя на этом краю, мальчик мог пройти мимо головы, и плечи через маленькое четырехугольное отверстие, которое было выше. Каждое окно, или, вернее, каждая пара окон открывалась на фронтоне, так что кто наклоняй тело наружу, открывай с каждой стороны крутой скат черепица и прямо напротив, на том же уровне, что и перемычка, длинный желоб через какая вода стекала с крыши.

Корыто! Именно Брайан раскрыл весь потенциал ресурсов, которые она я предлагал им. Ком земли, затуманивающий карман и унесенный спрятанная в общежитии горсть камней-и была дамба. После того, как дамба была построена, был собран сбор всего, что было кувшином воды в общежитии, которые кувшины поднимали один за другим на крышу и его вода вылилась в желоб. Очевидно, что на следующее утро никто я бы помылся; но какое это имело значение? Длинная рука моря тянулась

ночь внутри. Лодка будет плавать, ее остроконечный киль будет петь воды и безграничность этих пятидесяти футов жидкой поверхности приглашали во сне они были стимулом для воображения. Вся опасность была под дождем. Если бы шел сильный дождь, кто-то должен был бы, как бы то ни было, ползти туда в поднимитесь и прорвитесь через дамбу, какой бы ни был риск. В противном случае желоб переполнение; и переполнение означало, в данном случае, серию неловкие расследования и скучные наказания.

Взгромоздившись наверх, между холодным стеклом и грубым, пушистым твилом драпировки, Брайан и Энтони сгорбились от смежных окон до темнота, разделенная лишь простым разделением кирпичей. Мочь, таким образом, говорить тихо.

- Давай, конь, - послал Энтони, - можешь дуть!

И, как аллегорический зефир из картины, дул Конный парень. Движимый бумажным парусом, лодка скользила по тонкой проволоке воды.

- Мило! - сказал Энтони, очарованный; и наклонился, пока не получил лицо почти коснувшись н'воды, он посмотрел одним прищурившимся глазом и целеустремленно размыто, пока чудесным образом приближающаяся лодка не была превращенный в огромный трехмачтовый корабль, корабль-призрак, который шел издалека продвигаясь к нему, тихо, сквозь тьму. Один грозный корабль-линкор-сто десять пушек-под облако парусов-корабль северо-восточных торговцев, плывущий по твердой лодке — плавание со скоростью десять узлов - с восемью колоколами… Он поднялся с прыжка, когда бизань-мачта ударила его по носу. И это было достаточно, чтобы реальность всплыла на поверхность.

- Это действительно похоже на настоящий корабль, — сказал он Брайану, в то время как я помогала лодочнику проехать по водосточному желобу. - Хотите посмотреть? Опусти голову и смотри косоглазый. Я буду дуть.

Еще раз величественный трехмачтовый корабль возвращался медленно.

- Похоже на Т-т-т… Вы знаете, эта картина.

Энтони сделал своей головой, что он знал; он никогда не соответствовал невежество.

- Т-Сорвиголова, - напоследок проговорил другой.

- Я уже знаю, я знаю, - с некоторым нетерпением сказал Энтони, как будто это было то, что он знал с давних времен. Снова опустив голову, искал снова наслаждаться видом этого огромного корабля сто десять тонн перед северо-восточными торговцами; но потерпел неудачу; маленькая лодка отказывалась быть преображенный. В любом случае, это был прекрасный корабль. — Красота, — воскликнуть.

- Недостаток в том, что он немного опрокинут, - сказал Брайан., скромно принижая свою работу.

- Потому что я думаю, что так и должно быть,-успокоил его Энтони. - Таким образом, кажется, что он кренится из-за ветра. — Кряхтя: - почувствовал странное удовольствие от произнесения слова. Никогда не он говорил раньше; только в книгах он видел ее. Какое слово красавица! И, найдя предлог, чтобы повторить это, он также сказал: - только шпион как он прилипает, когда дует сильный ветер.

Дул; маленькая лодка почти перевернулась. Он сказал: ураган он врезался в Броды правого борта… вырвал бурситы из носа и вилы… он пробил единственную лодку, которая у нас есть… он так кренился, что планшир даже коснулся воды… - Но это было то, что очень утомляло, продолжать дуть так, так сильно. Поднял глаза из желоба сток и ходил по небу; все слушали тишину царствующий. Воздух был неподвижен, как никогда; ночь почти безоблачная. И какие звезды! Там был Орион, его ноги запутались в ветвях дуб. И Сириус. И все остальные, чьи имена он не знал. Тысяча, миллионы из них.

- Ну и дела! - все-таки прошептал.

-Для чего, как вы думаете,они нужны? - спросил Брайан, потом от долгого молчания.

- Что? Звезды?

Брайан подтвердил жестом.

Вспоминая то, что сказал ему дядя Джеймс, Энтони он ответил: - они ни на что не годятся.

- Вы должны служить, - возразил Брайан.

- Почему?

- Потому что t-все s-подходит для alg-ГУМа вещь.

- Я не верю в это, нет.

- B-просто v-вы думаете о ab-Bellas, - сказал Брайан с уверенностью трудность.

Энтони был потрясен. У них было несколько уроков ботаники старый Bumface, с рисунками пестиков с другими вещами. Пчелы? Да, конечно, они были полезны. Хотел бы я вспомнить именно то, что сказал ему дядя Джеймс. Грозные тайны природа. Но грозные,

почему?

- И мамины горы, - продолжал Брайан, мучительно. - Если нет если бы мамины горы, не было бы дождя, когда бы ни было точно.

- Тогда скажите, для чего они нужны, - сказал Энтони, указание дебютов подбородком.

-Т-может быть, это хаб-бит.

- О, это, нет! Это только Марс. - Уверен Энтони был догматический.

Заткнулись. Затем решил, как будто принял решение найти, как бы то ни было, объяснение дела, Брайан сказал: иногда я задаюсь вопросом: кто знает, если они не живут, как мы? - Нетерпеливо посмотрел на товарища: будет ли Бенгер смеяться над ним? Но Энтони, с пристальным взглядом на звезды он не выглядел издалека ни по голосу, ни по жест, издевайся-над другом; просто покачал головой, очень серьезно, соглашаясь. Тайная, беспомощная и застенчивая маленькая идея Брайана оставалась невредимой, нет она была ранена насмешками. Его чувство благодарности было глубоким; и внезапно он почувствовал что-то странное, что-то вроде волны, что он поднимался по всему телу. Он чувствовал себя почти подавленным этим жестоким вторжением в дружба и болезненная симпатия к бедному Бенгеру (О, если вместо того, чтобы быть его, Будь моей матерью!) Почувствовала стеснение в горле и слезы они поднялись в глаза. Было желание протянуть руку и держать руку Бенгер; но это, естественно, не выглядело хорошо.

Однако Энтони продолжал созерцать Сириус. — Да здравствует, — я бы повторил это для вас. — Да здравствует. - Как сердце, бьющееся в небе, и мерцание при каждом сердцебиении. Он пришел к ней в память о том, что щенок маленькая птичка, которую он нашел во время своего отпуска на прошлую Пасху. Находиться на земле и еще не умел летать. Мама подшучивала над ним, потому что не хотела поймать питомца. Крупных животных он любил, но не знал, почему он был в ужасе от прикосновения к любому живому животному. Наконец, стремясь победить ужас, он поймал его. протянул на ладони его рука, она была похожа на сердце, завернутое в перья, горсть крови. теплый и пульсирующий, пульсации которого он ощущал на ладони и

пальцах. И это было таким образом, именно такое сердце Сириус явился ему там в небе, над бахромой деревьев. Да здравствует. Дядя Джеймс, конечно что надо было смеяться.

Чувствуя нелепость этой фантазии и стыдясь того, что ее привели к такая ребячливость, перестала смотреть на звезды и раздраженно спросила: - как это что они могут быть живы?

Брайан испугался. - Почему он злится? - он спросил себя. Потом вслух начал: - потому что, если д-Бог жив…

- Потому что мой отец не ходит в церковь. - возразил Энтони.

- Не будет, м-но… - Как бы мало я ни хотел говорить, я не мог пойти. вперед. Энтони даже не мог ждать и возился: - он не верит в эти вещь.

-Но Цюй-имеет значение Бог; n-это не i-i-церковь. - Ах, если бы не было

это ужасное заикание! Как я мог объяснить-все так хорошо; как я мог скажи все те вещи, которые сказала тебе твоя мама! Однако это было похоже на было, что важно, в то время, не было, так мало, вещей, которые она я сказал. Вопрос не в том, чтобы говорить; вопрос был в том, чтобы чувствовать, в интересоваться людьми, даже страданиями.

- А мой дядя, понимаешь? - сказал Энтони, - даже в Бога он не верит. И я, тоже, нет, - добавил он, чтобы спровоцировать.

Но Брайан не принял вызов. - Осмотри, б-б-б… - началось с жжение. И такая же интенсивность этого пыла делала его все более заикающимся. — Б-Бенгер, - сумел, в конце концов, сказать. Это была настоящая пытка чувствовать все эта волна чувств заблокирована таким образом и отклонена от своего курса. Однако, сопротивляясь гротескному и абсурдному препятствию их продвижению, волна он поднимался, казалось, наполнялся новыми силами и, наконец, стал таким сильным внутри. о нем, который, полностью забыв, что он не должен этого делать, Брайан сверг внезапно рука на руке Энтони. Его пальцы побежали в рукаве и затем они сжимались вокруг голого кулака, а затем каждый раз, когда его заикание встало между его чувством и объектом этого чувствуя, он сжимал этот кулак почти судорожным жестом отчаяние.

— Мне стало т-т - так грустно, из-за С-с — твоей мамы, - продолжил он. — Я не qu-qu-имел в виду раньше. N-на f-перед другими. S-Вы знаете? Я был п-п- п-… - Он еще больше сжал кулак Энтони. Это было похоже на то, чтобы обеспечить недостаток его задушенных слов красноречием осязания; как будто попытайтесь убедить другого в том, что эта волна, которую он чувствовал внутри себя, все еще во всей своей силе, все еще неукротимо, несмотря на барьер, он был противником. Он возобновил предложение с достаточным импульсом чтобы преодолеть препятствие: - я был П-думаю сейчас м-то же самое, что п-это могла быть моя мать. Ах, Бивис, Ди-это должно быть ужасно!

Удивленный, Энтони сначала посмотрел на него с выражением лица подозрение, почти страх. Но по мере того, как другой продолжал тартамудал, его сопротивление сдавалось, пока, не чувствуя себя смущенный тем, что он делал, он начал плакать. Но сбалансированные на высоких пролетах из окон двое детей долго молчали. У обоих были лица, холодные от слез; но в кулаке Энтони давление этой утешительной руки было упрямым насилием одного я хочу, чтобы вы спаслись.

Неожиданно с легким шелестом сухих листьев раздался порыв выход из тьмы и выход из нее. Трехмачтовая лодка он вздрогнул, как будто испугался, как будто они вырвали его из сна.; и тихо, с видом того, кто спешит прибыть, поставил себя на

скользить задним ходом по желобу.

Слуги уже собрались. Абсолютная тишина во всем доме. Медленно, в темноте, Джон Бивис покинул свой кабинет и пошел вверх по лестнице, шаг за шагом; выиграл первый бросок, прошел через мезонин, прошел через гостиную и продолжал подниматься на второй этаж. Снаружи, на улице в пустыне шум копыт лошадей приблизился, а затем отошел. И тишина снова окутала его-тишина его одиночества, тишина (вздрогнул) от ее могилы.

Остановился, слушая долгие секунды, бил сердце; затем, решительный, он выиграл последние две ступени, сделал несколько шагов в темноте и, открыв дверь, он повернулся к свету. В зеркале туалета он увидел ее собственное изображение, смотрящее на него, бледное. Все было на своем обычном месте: серебряные кисти, маленькие тарелки, держатели для булавок, этот ряд банок кристалл. Посмотрел на другую точку. У розового

пухового одеяла был один из его концы повернуты; увидел две подушки близко друг к другу, а над ними на стена, фотогравюра Мадонны из Сикстинской часовни, которую они имели купленный вместе в магазине рядом с Британским музеем. Поворачиваясь, он стал смотреть на себя, в полный рост, мрачно черный, в зеркале охранника-туалет. Гардероб … Он прошел через комнату и повернул ключ в замок. Тяжелая стеклянная дверь открылась сама по себе, и вот, от чофре, до дышать воздухом даже от ее присутствия, слабый аромат корня лилии, оживленный, так сказать, втайне, для какого-то более сильного и теплого аромата. Он смотрел на нее, один за другим, платья-одно серое, одно белое, одно зеленый, бледно-розовый, черный. Как будто она умерла десять раз и десять раз повешали ее там, вялая, ужасная, и все же, aureolada все еще, по иронии судьбы, из-за этого дыхания духов, своего рода мягкий символ вашей жизни. Протянул руку и коснулся различных тканей. Так эти оборки, которые были завышены, от них отделились сильнее. ее духи. Он закрыл глаза, чтобы, вдыхая этот аромат, впечатление о вашем присутствии. То, что осталось от нее, сгорело, и пепел лежал на дне той могилы на кладбище Лоллингдон.

“Подожди меня”, - бормотал Джон Бивис в тишине.

Боль сжала его горло; слезы поднялись из его сжатые веки. Закрыв дверь шкафа, отошел и начал раздеваться.

Только тогда он понял, как он устал, как он подавил усталость. С огромным усилием ему удалось смыться. И когда он лежал, заснул почти сразу.

Утром, когда свет нового дня и шумы, исходящие с улицы, уже

они начали проникать во внутреннюю тьму, Джон Бивис все еще мечтал; приснилось, что я иду по коридору, ведущему в его прелестную комнату в Королевском колледже. Ходьба, нет; бег. Ибо коридор взят очень долго, и была какая-то причина, ужасно срочная., чтобы быстро добраться до его конца, чтобы быть там в течение часа. В течение часа, для чего? Он не знал, но когда он бежал, он чувствовал себя захваченным мучительный захват, который, казалось, поднимался, рос, расширялся внутри него., все более интенсивным. И когда, в конце концов, он открыл дверь в зал курсов, нет это была абсолютно комната для курсов, Но, да, ее спальная комната, с Мэйси лежит, задыхаясь, ее лицо горит от

лихорадки, переходя от красного к фиолетовый с ужасным приближением удушья и пересеченный двумя полосами голубоватые и бледные, которые были его разобщенными губами. Картина была такой в ужасе, что он пробудил испуганный. Бледный дневной свет напился сквозь шторы; одеяло выглядело более розовым; в зеркале охранника-в платьях была скромность света; снаружи молочник в своем утреннем повороте, он говорил: “Лиеит, лиеит! - Во всем был вид успокаивающее знакомство, все вещи все еще были в твоих соответствующие места. Это был не что иное, как плохой сон. После, повернув голову, он увидел, что другая половина его огромной кровати пуста.

Звук колокольчика приближался все ближе и ближе, просачивался сквозь слои. они были горячими и глубокими от сна, пока, наконец, не забили его без угрызений совести. обнаженная, тиритантная совесть. Энтони открыл глаза. Какой шум отвратительно! Но мне не нужно было думать о том, чтобы встать, кроме как от других пять минут. Это было блаженство, это тепло под простынями. Потом к нему пришла мысль, которая все испортила-он вспомнил, что первый урок, который я собирался взять, был по алгебре с Джимбагом. Сердце казалось залезть ему в горло. Эти ужасные уравнения второй степени! Джимбаг я бы с криком подошел к нему. Это было несправедливо. И я бы начал плакать. Но потом ему пришло в голову, что, вероятно, Джимбаг на этот раз не было бы так жестоко по отношению к нему… из-за-вспомнил внезапно-из того, что случилось с ним накануне. Парень на лошади-вспомнил- если еще — это было, прошлой ночью, образцовое достоинство.

Однако пришло время вставать. Раз, два, три, И… о, как холодно отвратительно! Когда он надевал рубашку, кто-то сильно ударил кроток у двери спальни. Еще одно движение, и голова вышла из рубашка, в полном свете. Встал и пошел открывать. Staithes стоял на коридор. Да, это был Стейт, показывающий свои зубы, с явными показами доброжелательность; тем не мение… Энтони был обеспокоен. Полный недоверия, но с притворной приветливой улыбкой он спросил: - Что там? —

Другой поднес палец к губам и скрылся: - приходите посмотреть. Чудо!

Энтони был польщен этим приглашением от кого, как “капитан” “одиннадцать” футбол, имел право быть совершенно противным

ему, как обычно. Он боялся Стейтса и не любил его. — быть поэтому он был особенно рад видеть, как Стейтс отдает себя неприятно приходить и искать его таким образом, спонтанно…

Комната Стейтса уже была заполнена. Тишина заговора кипела и он пузырился с мучительным пылом. Томпсону пришлось заткнуть рот шарф, чтобы заглушить любые слухи о смехе, и Пембрук-Джонс согнулся все в пароксизмах немого удовлетворения. Сжатый в туго пространство между ножками кровати и умывальником, Партридж стоял лицом к лицу приклеена к табике. Стейтс ударил его по плечу. Партридж повернулся и пришел в центр спальни. Его лицо, полное веснушек, было таким же выражением лица, как и радость, и он извивался и суетился, как будто чувствовал, как лопается мочевой пузырь. Стейтс указал на место, которое он оставил вакантным, и Энтони занял позицию. Они вытащили узел, который был в дереве табика, и через отверстие, которое остался, можно было увидеть все, что происходило в соседней комнате. Лежа на кровать, имея только на теле шерстяную футболку и стропу, стояла Гогглер Ледвидж. У него были приоткрытые губы, а за толстым стеклом из очков, глаза закрыты. Выражение спокойствия, счастье, безмятежность, как в церкви.

- Он все еще там? - секрет Стейтса.

Показывая зубы в безмолвном смехе, Энтони покачал головой; в затем он еще больше прижал глаза к отверстию табика. Что ему казалось, что еще смешнее было то, что это был Goggler - Гогглер, школьный дурак, жертва всех, предопределенная, для его слабость и застенчивость, к неизбежному преследованию. Для него это было все вкус новизны.

- Мы его напугаем, - предложил Стейт; и забрался на изголовье кровати.

Партридж, который играл в качестве “центрального форварда” первой “одиннадцати”, сделал упоминание о том, чтобы сопровождать его. Но это было для Энтони, к которому обратился Стейтс неожиданно. - Иди сюда, Бивис, - прошептал он. - Иди сюда, чтобы вверх, со мной. - Хотел проявить определенное внимание к бедному коллеге-за его мать умерла. Кроме того, мне было приятно иметь возможность унизить этого тупого Партриджа.

Энтони принял с алакризмом почти возражает против лестного

приглашения и залез рядом с ним. Остальные смотрели, плохо уравновешенные, на ногу с кровати. По знаку Стейтса все встали и, глядя сверху, из табика они прорвались в БУ.

Вырванный таким образом, БМВ самом деле, из маленького Эдема клизм и вибрационные движения, в которых он был в восторге (не было, по в то время как в Эдеме женские жители), Goggler не мог сдержать крик от испуга; он открыл глаза, полные ужаса; он был бледен на мгновение, и в затем он покраснел. Я дергал обеими руками за футболку, но эта была короткой слишком много, чтобы прикрыть его наготу или даже стропу. Короткая до абсурда, как будто это детская футболка. (Который собирался посмотреть, сможет ли она служить в том же году, что эта шерстяная одежда стоила так дорого, - сказал он мать, чьи жертвы, чтобы отправить его в Булстроуд, были огромный.)

- Давай, давай! - Стейтс кричал ему с сарказмом, подбадривая его в своих усилиях.

- Почему Генрих VIII не хотел впускать Анну Болейн в ваш курятник? - сказал Томпсон. Все знали ответ, без сомнения. Е смех был общим.

Стейтс поднял одну ногу, снял туфлю с кожаной подошвы, прицелился и бросил его. тапочка ударила по щекам Гогглера, который, издав крик боли и выпрыгнув из кровати, он встал, с плечи подняты, а голова охраняется обнаженной рукой, в то время как на этих насмешливых лицах смотрели слезящиеся глаза.

- Стреляйте и своими! - кричал Стейтс остальным. Затем в видеть, кто только что появился на пороге вашей комнаты, сказал, снимая другую тапочку: - Привет, конь! Приходите стрелять тоже! - Поднял руку. Однако, прежде чем он сможет бросить тапочка, уже Конный парень вскочил на кровать и держал его запястье.

- Нет, не надо!— сказать. - Не делай этого. - И он тоже схватил рука Томпсона. Через плечо Стейтса Энтони бросил свой тапочка со всей силой, какой только могла. Goggler наклонился, и тапочки пошли стучать в противоположном табике.

- Бивис! - крикнул Конный парень. И был такой тон цензуры, что Энтони внезапно почувствовал, как стыд распял его.

- Не бил его, - сказал извиниться; и не зная, почему, он вспомнил эту ужасную глубокую могилу на кладбище Лоллингдон.

Но уже Стейтс нашел, что сказать: - я думаю, ты не знаешь что ж, Что ты делаешь, о конь, - сказал он, рассердившись и вырвав тапочки от руки Брайана. - Лучше позаботься о своей жизни.

- Это несправедливо, - ответил Брайан.

- Что нечестно, что!

- С-пять против одного.

- Но вы там знаете, что он делал?

- Я даже не хочу с-с-с -… неважно.

- Это было бы важно, если бы вы знали — - сказал Стейт; и перешел к сказать ему самым непристойным языком, на который он был способен, что он был изготовление Goggler.

Брайан опустил глаза, и в мгновение ока его лица стали сургуч. Необходимость слушать непристойности — это было то, что огорчало его и в то же время время смущало его.

- Смотри, как конь краснеет! - воскликнул Партридж; и все начали смеяться, и ни один из них не был более насмешливым, чем Энтони. Потому что у Энтони было время стыдиться самого стыда, время от того, чтобы больше не думать о могиле на кладбище Лоллингдон, время, наконец, от пройти, как по очарованию, ненавидеть конного парня - за то, что он парень. — я бы сказал, Если бы кто-нибудь попросил у нее объяснений. его ненависть. Но настоящая причина была глубже, темнее. Если он я ненавидел конного парня, это было потому, что конный парень имел достоинство. экстраординарный; это было потому, что у конного парня было мужество убеждений то, что, по мнению Энтони, должно быть и его убеждениями, Энтони — убеждения, которые действительно были бы его собственными, если бы он мог хотя бы иметь мужество иметь их. Это было именно потому, что он так любил парня-де- Лошадь, которую он теперь ненавидел. Или, лучше: потому что было так много причин и так мало причин, чтобы тот отплатил ему дружба. Конный парень был одарен всеми видами добра качества, которых ему либо совершенно не хватало, либо, что еще хуже, он он обладал, но в

любом случае не мог проявить себя. Этот смех насмешка была выражением своего рода завистливой обиды на превосходство, которое он любил и которым восхищался. Действительно, дружба и восхищение каким-то образом вызывало обиду и зависть — он производил их, но сохранял их, как будто под поверхностью, в состоянии предварительное и ожидаемое бездействие, состояние, которое в то же время внезапно вырванный кризисом, подобным кризису настоящего момента.

- Я просто хотел, чтобы вы его увидели, — заключил Стейтс. И, кстати, что если он чувствовал себя более юмористическим, он смеялся-он соизволил смеяться.

- Чтобы он увидел его в этой стропе, - добавил Энтони тоном презрение и отвращение. Грыжа Гогглера представляла собой обострение преступления.

- Верно. С этой жалкой стропой, — подтвердил и одобрил Стейт. Не было никаких сомнений; в сочетании, таким образом, с очками и застенчивость, стропа делала разряд тапочек не семенем неизбежным, но даже справедливый, моральный долг.

- Он отвратителен, - продолжал Энтони, приятно оставляя себя

нести за свое праведное негодование.

Впервые с тех пор, как Staithes начал свое описание деятельность Гогглера, Брайан поднял глаза. - M-mas p-почему это он больше нодженто, чем другие? - тихо спросил. - Af-конец- - из бисера, - продолжал он, в то время как кровь снова поднималась к нему. лицо, - он не единственный.

Был момент молчания, когда было видно недомогание. Естественно, он был не единственным. Но единственный, у кого была стропа, и очки и футболка, Вот так, так коротко, что он был — все были думая; единственный, кто делал это среди бела дня и позволял себе быть пойманным таким образом, с поличным была разница.

Стейтс нанес ответный удар в другом секторе. - Красивая проповедь преподобного Конь! - сказал он с насмешкой и сразу же отвоевал инициативу, а ваша позиция превосходства. - Ера! - добавил он другим тоном, - это уже поздно. Мы должны подготовиться.

Глава III - 2 апреля 1903 г.

В Паддингтоне Мистер Бивис и Энтони вошли в купе пустой третий класс и ждали отправления поезда. Для Энтони, поездка на поезде все еще была чрезвычайно важной вещью, она все еще что-нибудь сакраментальное. Мужская душа, когда еще незрелая, naturaliter ferrovialis. Этот огромный и божественный зеленый божественный монстр, по пример, который теперь входил на станцию и останавливался у платформы N.˚ 1-если бы не Ватт и Стивенсон, он бы никогда не вошел, вот так, величественный, в своем столичном соборе и из закопченного стекла. Но интенсивность наслаждения, которую чувствовал Энтони, когда видел приближающееся существо божественный, когда он вдыхает вонь дыма и горячего масла, когда он слышит и почти бессознательно имитировать tch-ff, tch-ff, TCH-ff, задыхаясь от их затяжек из пара, это было достаточным доказательством того, что детское сердце должно было быть таинственно подготовлен к появлению Puffing Билли и “ракеты”, что настоящий локомотив, когда он возник, соответствовал (и с чем точность!) на неопределенном и пророческом краю Локомотива, ранее существовавшего в дух детей с начала эпохи палеолита. Tch-ff, tch-ff; в затем тишина; затем ужасный и уничтожающий рев, производимый утечка пара. Чудо! Красота!

Чучела, в черном, как пара Королев победы, две толстые старушки проходили мимо, медленно, в поисках купе где они могли бы поговорить и не были вынуждены слышать неудобства язык. У мистера Бивиса действительно был респектабельный вид. Они ставили, они посоветовались друг с другом; но Антоний, сгорбившись в окне, сделал их такими гримаса, что они снова включились. Он торжествующе улыбнулся. Сохранить отсек для себя, как зарезервированный отсек, это был один из предметов священного искусства путешествий, это был эквивалент, более или меньше, чем королевская свадьба в игре безига; было отмечено сорок очки, так сказать, каждый раз, когда вы покидаете станцию, не имея в машине незнакомец. Обед в машине-ресторане стоил последовательности-двести и пятьдесят очков. Двойной безиг-но этот, на данный момент, Энтони он никогда не отмечался-он соответствовал “slip carriage”.

Охранник свистнул, и поезд начал двигаться.

- Ура! - воскликнул Энтони.

Игра началась хорошо: королевская свадьба с первой взятки. Но через несколько минут он уже оплакивал отсутствие этих двух старый. Потому что, внезапно пробуждаясь от тишины, в которой, абстрактно, нырнув, Джон Бивис наклонился и, коснувшись колена сына, спросил-его полугласным тоном, который был для Энтони необъяснимым

важно: - помните, какой сегодня день месяца?

Энтони посмотрел на него, полный сомнений, а затем вошел, чтобы представлять, с видимым преувеличением роль расчетливого человека, который хмурится перед лицом сложная проблема. Он заметил в своем отце все, что казалось неизбежным это преувеличение.

- Пусть увидит, - сказал он без естественности; - мы отправляемся в отпуск в день тридцать один — или это было тридцать? Это была суббота; а сегодня понедельник…

- Сегодня второй день, - сказал отец таким же тихим голосом. Энтони он испугался. Если отец знал дату, почему он спросил?

- Прошло ровно пять месяцев, - продолжил мистер Бивис.

Пять месяцев? А потом, как сердце сжимает его, Энтони он понял, что имел в виду его отец. Со второго ноября по День два апреля. Прошло пять месяцев с тех пор, как она умерла.

- Второй день каждого месяца-должен быть для нас священным днем.

Энтони пошевелил головой, соглашаясь; и отвернулся, как кто

чувствует себя виноватым.

- Связаны, один за другим, по естественному благочестию, - говорил Мистер Бивис.

О чем он сейчас говорил? И почему? почему я должен был сказать такие вещи? Ужасный; недостойный, это; да, недостойный; мы не знали, куда посмотреть. Как в те времена, когда бабушкин живот делал те ужасные булькающие шумы после еды…

Глядя на обращенное лицо сына, г-н Бивис заметил признаки сопротивление, и ему было больно, он опечалился и почувствовал, что его печаль это превратилось в Смутное негодование по поводу того, что Энтони так не страдает интенсивно, как он. Конечно, сын был еще совсем маленьким, но не в состоянии понять всю степень своей утраты; но все же, все равно…

Энтони почувствовал невыразимое облегчение, когда увидел, что поезд идет понижая передачу до первой остановки. Пригород Слау они проходили медленно и, по их мнению, медленнее, чем никогда. Вопреки всем правилам священного искусства, он теперь дал обеты, чтобы кто-нибудь вошел в купе. И благодарил небеса, когда увидел, что, на самом деле, кто-то вошел — крепкий, сургучный человек, который, в другой раз Энтони ненавидел бы это. В этот момент, однако, он нашел его необычайно симпатичным.

Защищая глаза рукой, Г-Н Бивис снова встал на ноги в мире тишины.

После того, как они взяли машину и когда они уже отошли от станции Мистер Твайфорд, Энтони чувствовал, что его отец, умертвив его, стал оскорблять-Ло.

- Там вы должны вести себя как можно лучше, - рекомендовал он.

- Естественно, - сухо сказал Энтони.

- И он всегда должен быть пунктуальным, - продолжил мистер Бивис. - И никогда показать себя прожорливым за столом. Колебаться. Набросал улыбку, которая была предвкушение того, что я собирался сказать. И бросил, а затем сленговый термин: - больше отлично, что ” буй ” будет. - Последовала небольшая тишина. - И быть очень внимателен к Абигейлам, - собрался он.

Они покинули дорогу и вошли через тополь, который извивался между максимумами. рододендрон. Затем он появился на другом конце обширной лужайки, окруженной из деревьев лепной фасад в грузинском стиле. Не было большой дом, но солидный, удобный и в то же время стильный. Построить, как можно было догадаться, кто-то может процитировать Горация с мастерство и в любом случае. Отец Ракель Фокс-размышлял Мистер. Бивис размышляет над домом-должно быть, он оставил много денег. Архитектура

морской… И кажется, что старик был изобретателем всего, что было принято Адмиралтейство. Фокс тоже был богат, был в хорошей жизни. бизнес, связанный с углем. (Какое очарование, эти нарциссы вон там трава, под деревьями!), Но это был тупой, угрюмый человек., касмурро, который не понял-Г-Н Бивис вспомнил — один маленькая филологическая шутка, которую он сделал со словом “карандаш”. Шутка, что, на самом деле, он, конечно, не осмелился бы сделать, если бы в то время знал что у бедняги была язва двенадцатиперстной кишки.

Миссис Фокс и Брайан пришли им навстречу, когда машина остановилась. Два мальчика отошли вместе, в то время как Мистер - . Бивис сопровождал ее хозяйка в салон. Это была высокая, стройная и очень тесная женщина с любым вещь такая величественная в порте, такая благородно строгая в линиях и выражение лица, которое г-н Бивис всегда чувствовал, в его присутствии, слегка запуган и смущен.

- Это было действительно так любезно ваше приглашение, - сказал он. - И не его я могу заставить его почувствовать то, за что он выступает, все хорошее, что из этого выйдет…

- некоторое время колебался; затем (так как это был второй день месяца) с небольшим движение головы и в более низком тоне: -… для этого моего бедного сиротка: провести здесь свой отпуск.

Чувство сочувствия придавало светло-коричневым глазам леди на оттенок темнее, когда она слышала о мистере Бивисе. Всегда прямостоячие, всегда серьезные, ее губы полны, вылеплены в почти цветочном стиле, они выражали, объединяясь, что-то большее, чем обычная гравитация.

- Но я так рада, что вы здесь со мной, - сказала она с теплый и музыкально живой голос чувства. — Довольство эгоист, это мое, потому что это тоже из любви к Брайану.

Улыбаться. И он заметил, что ее рот, даже когда она улыбалась, выглядел благодаря своей чуткости и глубокой способности страдание и наслаждение, эта серьезность, та совершенная чистота, которая характерно, когда в состоянии покоя.

- Эгоистично, да — - повторяла она. - Потому что, когда он доволен, я тоже.

Мистер Бивис согласился. А потом сказал, вздыхая: - нет перестань быть благодарным, чтобы чувствовать, по крайней мере, как отражение, чужое счастье.

- Великодушно, я уже предоставил Энтони право не страдать — хотя, естественно, когда мальчик был немного старше и мог бы иметь большее понимание…

Миссис Фокс не продолжила разговор. Чувствовал, в словах и его манеры, что-то несимпатичное, что-то, что ее раздражало. Дал, но спешите смести от Духа это неприятное впечатление, потому что, в конце концов, важным, существенным был тот факт, что бедный человек пострадал, тот факт, что я все еще страдаю. Диссонирующая нота, ложная, если ложь была, это было после факта, это было в простом выражении страдания.

Она предложила прогуляться перед чаем. Прогулялись по саду и пошли затем дальше, войдя в одомашненную пустыню, которая была всей этой расширение травы и деревьев. На поляне, образованной небольшим кустом который ограничивал усадьбу на севере, три калеки собирали весну. С ловкостью, которая вызывала жалость, они шли от букета к букету, раскачиваясь на костылях и издавая пронзительные крики энтузиазм.

- Они жили, - объяснила госпожа Фокс в одном из своих хижина. Это были трое из “моих калек”, как она их называла.

Когда они услышали его голос, дети подняли глаза и сразу же они хромали сквозь свободное пространство, навстречу ей.

- Смотри, госпожа, посмотри, что я нашел!

- Смотри сюда, госпожа!

Как ее зовут, госпожа?

Она отвечала на их вопросы, реплицировала их с другими, обещала-сходить к ним ночью.

Чувствуя себя обязанным также угодить калекам, Мистер Бивис он начал рассказывать им об этимологии английского слова “примула”. — Primercle на среднеанглийском, - пояснил он. Эта роза была засунута туда обман. - Петизы широко смотрели на него, не понимая.

- Просто ошибка народа, - продолжил он, - затем, подмигивая

глазу, собрала: - простая “картошка”. Как и тот другой, очень Наш знакомая — и улыбаясь им с тонким видом-наша старая подруга

“Козуэй”.

Была тишина. Миссис Фокс сменила тему.

- Бедняги! - сказала она, когда, наконец, смогла отойти в сторону. их. - Они так счастливы, что даже хочется плакать. И самое худшее что через неделю мы должны вернуть их обратно. Снова в ваши свинарники. Мы чувствуем, что это слишком жестоко. Но что нам делать? Их так много. Они не могут быть сохранены здесь, в ущерб другой.

Они шли какое-то тихое время, когда внезапно леди Фокс решил, что существуют и искалеченные духом. Люди от эмоций, таких хромых и шатких, которые они даже не знали, как чувствовать с приличие. Люди с каким-то выростом или уродством в их факультет выражения. Джон Бивис был, возможно, в этом случае. Но как это было несправедливо! И какая презумпция тоже! “Не суди, чтобы не судите вас”. В любом случае, если быть правдой, была еще одна причина чтобы пожалеть его.

- Я думаю, что мы уже на чаепитии, - сказал он вслух. И для запрещать себе продолжать формулировать какие-либо другие суждения, он продолжал рассказывать ей о тех школах для Стропиатов, в которых она была помощь в организации в Ноттинг-Дейле и Сент. Панкрас. Описал жизнь, которую естропия брала домой: отсутствующих родителей, на работу; с утра до вечера, даже не тень человеческого лица; пища, скудная и неудобно; ни игрушек, ни книг, ничего не делать, кроме лежать, неподвижно, ждать — ждать чего? Позже он сослался на скорая помощь, которая затем поворачивается округлостью, рывком и перевозить детей в школу; и сказал о партах, уроках, классные комнаты, меры, принятые в целях обеспечения детей правильное питание.

- И весь наш приз, - сказал он, открывая дверь, чтобы войти в дом, - вся наша награда - это то самое счастье, которое болит и от которого я говорил с ним недавно. Я не могу не чувствовать ее как своего рода цензура, как обвинение. Каждый раз, когда я вижу это счастье,, интересно, какое у меня право найти себя в состоянии предоставить его так легко, просто потратив немного

денег и давая мне некоторые неприятности, некоторые приятные неприятности. Да, какое право? — Быть ясный и теплый голос немного дрожал, когда она сформулировала вопрос. Поднял руки в вопросительном жесте, оставил их после, опять упал и быстро вошел в зал.

Мистер Бивис сопровождал ее, не произнося ни слова. Слушая последние фразы госпожи Фокс, вторглись в него и расширились внутри своего рода

жара фрименте, которая была похожа на чувство, которое я испытывал, когда читал последняя сцена из “Measure for Measure”, или я слышал Иоахима на концерте Бетховен.

Мистер Бивис мог задержаться всего на две ночи. Была встреча важное значение в филологическом обществе. И кроме того, он, естественно, имел, которые работают для словаря.

- Старый труд каждого дня, - объяснил он Миссис Фокс в тон от скорби о себе и со вздохом, который едва ли был нацелен даже на убежденность. Правда заключалась в том, что его работа представляла для него удовольствие, без которого он чувствовал бы себя потерянным. - И леди действительно уверен, — сказал он, - что Энтони не станет для него слишком неприятным большой?

- Неприятность? Посмотри туда! И через окно она указала на то место, где два мальчика играли в велосипедное поло на поле.

- И дело не только в этом, - продолжил он. - За эти два дня я только что получить действительно очень любят Энтони. Есть что-нибудь из глубоко трогательно. Кажется, как-то так уязвимо. Хотя от всего этого его ума, здравого смысла и твердости духа. Можно было бы сказать, что часть его ужасно во власти мира. - Да, во власти мира, я повторял ее до сих пор с вами, вспоминая этот широкий и откровенный лоб, от этих чувствительных губ до почти дрожи, от этого слабого подбородка и деликатный. Его было легко обидеть, легко сбить с пути. Каждый раз, когда он глядя на нее, она чувствовала себя смутно виноватой и ответственной за него.

— Однако, - сказал г-н Бивис, - бывают случаи, когда он кажется странно равнодушно. - Воспоминания об этом эпизоде поезда не он утратил свой ядовитый характер. Ибо, хотя и желая, естественно, что сын был счастлив, хотя он решил, что

единственный счастье, которое отныне он сам мог бы познать, будет результатом созерцание счастья сына, но упорствовал, неясный, старик обида: к нему приставали, потому что Энтони мало страдал, потому что он, казалось, сопротивлялся и отталкивал страдания, когда они были навязаны ему. — Странно равнодушно, - повторил он.

Миссис Фокс наклонилась. - Да — - сказала она, - это своего рода броня, которую он приносит с собой; броня, которая покрывает его уязвимость в более открытая точка, в то же время, когда другие точки раскрываются, из к счастью, самые легкие травмы должны действовать как своего рода отвлечение, своего рода анти-раздражающее средство. И самозащита. Однако - (его голос наполнился серьезностью и эмоциями), - однако я считаю, что, со временем он станет лучше и духовно здоровее, да, и также счастливее, если бы он мог решить поступить как раз наоборот- если бы

если бы я мог противостоять легким травмам, которые отвлекают его, как удовольствие, как от боли, и подвергать свою уязвимость только ударам большие и глубокие.

- Как все это правда! - сказал мистер Бивис, чувствуя себя собственное точное применение ее слов.

Наступило молчание. Затем вернемся к вопросу, который изначально Мистер Бивис, миссис Фокс решительно заверила: - нет, нет; далеко не чувствуя это как груз, я, напротив, действительно в восторге чтобы он был здесь со мной. Не только потому, что он сам по себе, но и потому, что что он для Брайана — и, кстати, для того, что Брайан для него. Это рад вас видеть. Я хотел, чтобы Вы были вместе на каждом празднике. А Миссис Фокс сделала небольшую паузу, а затем продолжила: - серьезно, если у вас еще нет планов на лето, поразмышляйте над этим немного: мы взяли маленький домик в Тенби на август. В вы и Энтони не поедете в Тенби?

Г-н Бивис нашел эту идею превосходной; и мальчики, когда он общались, были очень довольны.

- Так что только до августа я прощаюсь с вами, - сказала миссис Фокс. по случаю прощания. И с теплом, которое было тем больше, как это было результатом преднамеренного усилия сердечности,

он собрал: хорошо, что до тех пор мы, естественно, все еще будем встречаться.

Машина быстро двинулась по тополю; и на расстоянии ста ярды или около того, Энтони побежал за ним, крича “до свидания” и размахивая шарф с яростью, которую Мистер Бивис принял как знак сожаления соответственно интенсивно наблюдать, как он уходит. Но на самом деле это была только проявление избытка энергии и радости. Обстоятельства его они наполнили тело и душу глубокой радостью жизни и счастья. Такой государство требовало физического выражения, и уход отца был предлогом для чтобы он выбежал и жестикулировал. Г-н Бивис получил чрезвычайно сенсибилизирован. Если бы только-продолжал думать с грустью, если бы меньше было средств, чтобы направить эту любовь, так же как и любовь, которая он чувствовал к своему сыну, чтобы эта волна привязанности орошала всех засушливые моменты сосуществования diuturna! И как женщины они лучше понимали эти вещи! Я чувствовал себя действительно тронутым, чтобы увидеть как бедный ребенок отвечал на любовь Миссис Фокс. И, возможно, - я все еще размышлял — может быть, это было именно потому, что не было женщина, которая направила ему чувства, которые Энтони казался ему таким равнодушный. Возможно, именно из-за того, что он был сиротой, он никогда не мог иметь ребенка чувствовать, как и должно быть, смерть своей матери. Это был порочный круг. Влияние Миссис Фокс была бы хорошей вещью не только в этом отношении, но и

уважение тысячи других вещей. Мистер Бивис вздохнул. Если бы это было, по крайней мере, можно связать мужчину с женщиной; не в браке, но для общий конец, ради детей, осиротевших от матери, сирот от отца! Может быть хорошая женщина-замечательная, необыкновенная, даже. Но, несмотря на это (почти из-за этого) это может быть только союз для общей цели. Никогда, свадьба. И как бы то ни было, там была Мэйси — там, в ожидании его; для него, который, в обязательном порядке, будет… Но союз для любовь детей - это ни в коем случае не было бы предательством.

Возвращаясь с пробежки, Энтони насвистывал песню ” а Жимолость и пчела”. Любил отца-любил, правда, силой привычка, как нам нравится наша Родина, к ее традиционным блюдам. — но как бы то ни было, он мне искренне нравился. Что, кстати, ни в чем он боролся за то, чтобы уменьшить дискомфорт, который он

всегда испытывал в присутствии Мистера. Бивис.

- Брайан! - крикнул он, когда подходил к дому — - крикнул один он не осознавал себя, потому что считал странным называть его Брайаном вместо Фокс или “конь”. Несколько женоподобный, что-то, даже, из пуховик.

Свист, который Брайан дал в ответ, исходил из класса.

— Я решил взять велосипеды, Энтони, - крикнул он.

В старшей школе они играли с конным парнем из-за его мания птичек. - Идите сюда, товарищи, - говорил Стейт, ведя Конный парень за руку, - угадайте, что я видел сегодня! Два пчелоеды плюют-плюют и мочат камышевку. И грохочущий хор и Грозный хохот стругия-хор, в котором Энтони принимал участие. Однако здесь, где не было никого, кто мог бы высмеять его интерес к весенние перелетные птицы, по коллекциям гнезд, по гнездам цапли, здесь он с энтузиазмом предавался своей Фаине поимки птица. Входя мокрым и грязным после полудня, он привык он спросить, полный славы, еще до того, как бедный Брайан успел от тартамизменить слово: - дама знает, какую птичку мы слышим петь сегодня? Щебетание камышевки! - или еще: - крапивник! — Быть Ракель Фокс отвечала: “какая красота! - таким образом, что он чувствовал полный гордости и счастья. Как будто эти писающие камышевки их никогда не было.

После чая, когда я спустил шторы и принес лампы, Миссис Фокс читал им. Энтони, который раньше чуть не умер от скуки из-за рассказов о Скотт, теперь следил за приключениями Найджела с самой страстной внимание.

Приближалась Пасха, и Найджела временно отодвинули в сторону.

Вместо этого Миссис Фокс читала им отрывки из Нового Завета. — Быть он сказал им: “душа моя безмерно печальна перед смертью”. Ficai здесь, на страже. И сделал несколько шагов вперед, и пал ниц, и умолял что, если бы это было возможно, я бы прошел этот час. И сказал: Авва, отец, все все возможно для тебя; Сними мне эту чашу; но пусть будет сделано, а не мое, но твоя воля. - Свет лампы образовывал круговой остров в темнота комнаты; и, продвигаясь к этому острову, выступал мыс неточный красный свет, идущий от печи. Энтони лежал на земле и от

итальянского высокого стула рядом с лампой слова спустились к нему. уши преображены, так сказать, этим теплым музыкальным голосом, он содержит значения, которые никогда не открывали ему ранее. - И это была третий час, и они распяли его. - В последовавшей тишине, пульсации его сердца ощущались как удары молотка по гвоздь. Так, так, так… Провел пальцами одной руки по гладкой ладони другой; от ужаса напряглось все его тело и сильный припадок спастический пробежал по его ретезированным мышцам.

И когда наступил шестой час, тьма охватила всю землю до девятый час. Миссис Фокс сложила книгу. — Это одно из дополнений, что я говорил с вами, — сказал он, - один из этих вышитых костюмов край истории. Мы должны учитывать время, когда жили авторы Евангелий. Они верили, что эти вещи могут и, более того, они думали, что они должны происходить иногда важный. Они хотели почитать Иисуса; они хотели, чтобы история Иисуса это выглядело более чудесно; и тем не менее, мы не думаем, что они чтят его при этом. Что для нас замечательно, - продолжил он своим голосом что фремия на глубокой ноте рвения, - это то, что Иисус был человеком, так не в состоянии творить чудеса или приказывать им творить их за него, как мы другие, только один человек — и все же он мог делать то, что делал, мог быть тем,что было. Вот в чем чудо.

Было издано долгое молчание. Слышны только крестики-нолики часов и печь, потрескивание пламени, которое было похоже на шелест шелка. Лежачий, теперь на спине Энтони смотрел на потолок. Все стало внезапно ясно. Дядя Джеймс был прав; но другие тоже были причина. Только один человек — и все же… О, он тоже, он тоже хотел сделать, хотел быть!

Миссис Фокс снова взяла книгу. Его тонкие страницы трескались, по мере того, как она возвращалась к ним.

— А потом, в первый день недели, очень рано утром, они они пришли к гробу и принесли специи, которые они приготовили, и они, некоторые другие. И увидели, что камень был от гроба.

Камень… Но в Лоллингдоне была земля; и только пепел в этом маленькая коробка — в этой маленькой коробке размером с форму для печенья. Энтони закрыл глаза в надежде изгнать ненавистное видение; но не мог позволить чтобы различать, на

фоне малиновой тьмы, создаваемой веками сжатые, аккуратно нарисованные, эти рога, треугольник из кудрявого меха, оранжевый цвет. Поднес руку ко рту и, чтобы наказать себя, начал кусать указательный палец, все сильнее и сильнее, пока боль не станет почти невыносимый.

Позже, когда она пришла пожелать ей спокойной ночи, Миссис Фокс села на край кровати Энтони и взял его за руку.

- Ты, Энтони, - сказал он после минуты молчания, - нет наверное, он боится думать о ней.

- Боюсь? - он постучал, как будто не понял, но имел возможно, я понял больше, чем то, что она имела в виду. Подняться-его кровь на его лицах, в чувстве вины. Испугался, как если бы в каком-то смысле она это сделала, поймала бы это в петлю, как если бы она это сделала. непокрытый-испуганный и, следовательно, обиженный.

- Вы не должны бояться страдать, - продолжила она. - Когда вы думает о ней, грустит; это неизбежно, это; но так и должно быть. А печаль иногда необходима — это как операция; мы не можем чувствовать себя хорошо без грусти. Я знаю, что ты страдаешь, Энтони, когда думаешь в ней. Но если вы не думаете об этом, вы приговариваете ее ко второй смерти. Дух из мертвых продолжает жить в Боге. Но он живет и в мозге, и в сердце живых-помогая им, делая их лучше и сильнее. И мертвые могут иметь только этот вид бессмертия; если живые находят себя готовы одарить их ею. Не хочешь, чтобы ты дал ей это бессмертие, Энтони?

Немой и залитый слезами, ответ он дал ей с опусканием головы. То, что успокаивало его, то, что заставляло его поднимать настроение, было не столько слова сами по себе, что касается того, что они были ее, что они были произнесены, в том голосе, который навязывался и заставлял. Их страхи развеялись., его подозрительное негодование угасло. Он чувствовал себя рядом с ней. Он был опущен до такой степени, что рыдал в рыданиях, которые затем поднимались к нему., неотразимые, до горла.

- Бедный Антоний! - Она выпрямляла ему волосы. — Бедный Энтони. Для этого нет лекарства; всегда будет больно-всегда. Ты вы никогда не сможете вспомнить ее без страданий. Даже время не может сделать полностью прекратить страдания, Энтони.

Сделал паузу. И в течение минуты, которая казалась ему долгой,

он был молчит, думает об отце, думает о муже. Старый отец, раньше так

крепкий, такой величественный, с видом пророка-затем в своем кресле колеса, парализованные, все сморщенные и со странным воздухом, голова свисала, чтобы сторона, пускающая слюни на белую бороду, едва может говорить… И человек, который она обручилась с восхищением его энергией, уважением к его праведность; что она обручилась, чтобы потом обнаружить, что она не любила его, что она не любила его. я мог бы любить. Ибо сила обнаружила, что она холодна и без великодушия; праведность, грубость и жестокая праведность. И боль его долгой и последней болезни сделала его и сердитый. Он умер неустанно, сопротивляясь его нежности до тех пор, пока последний момент.

- Да, всегда будут боль и печаль, — продолжил он. — Быть ведь, — всплыла у него в голосе теплая нота гордости, почти неповиновения, - мы можем ожидать, что все будет иначе? Вы бы не хотели забыть свою мать, не так ли, Энтони? Ни о том, чтобы не связывать больше важности, только чтобы освободиться от небольшого страдания. Разве вы этого не хотите?

Все еще рыдая, он покачал головой. И это было правдой, что я и хотел сказать. В этот момент он не хотел убегать. В каком-то неясном смысле это был утешение-страдать от этих крайностей боли. И любил ее, справедливо потому что она знала, как заставить его страдать.

Миссис Фокс наклонилась и поцеловала его. - бедный Энтони! — я продолжал повторять. Бедный Энтони! Дождь в пятницу Страсть; но в субботу погода изменилась, и Пасхальное воскресенье представило-если символически золотой цвет, как будто нарочно, как если бы он был притча. Воскресение Христа и возрождение природы-два аспекты идентичной тайны. Солнечный свет, облака, как осколки, мраморная скульптура в бледно-голубом небе, все казалось, из какого-то глубокий и невыразимый способ подтвердить то, что сказала миссис Фокс.

Они не ходили в церковь; но, сидя на лужайке, она читала вслух, сначала отрывок из пасхального воскресного ремесла, затем несколько отрывки из" жизни Иисуса " Ренана. Слушая их, у Энтони были глаза наполненные слезами, и я чувствовал невыразимое желание быть хорошим, исполнять что-нибудь

красивое и благородное.

В понедельник группа несчастных детей пришла на день в саду и в лесу. В Булстроуде эти мальчики будут восприниматься как единое целое непослушные и обращенные с самым оскорбительным презрением, как будто их не существует. Они были бы настоящими дикарями, и когда они стали старше, они прошли бы это были какие-то болваны и грубоваты. Однако здесь все было иначе. А Миссис Фокс превратила непослушных в несчастных детей, которые они, вероятно, никогда больше не увидят поле во второй раз во время целый год.

- Бедняги! - Энтони сказал Миссис Фокс, когда они

прибывать. Однако с неохотой сострадание, к которому он приложил все усилия чувствовать, несмотря на всю свою решительную добрую волю, не мог не испытывать тайный страх перед этими убогими и, тем не менее, ужасно пожилыми людьми. с которыми он предложил поиграть. Я боялся их, и именно поэтому ненавидеть. Они выглядели неизмеримо экзотично. Ее одежда залатана и пятнистые, их камбайские ботильоны были как будто их собственная кожа из них кожа другого пигмента, чужеродная; когда они говорили, в их диалектный язык, как будто они говорили по-китайски. Простое появление от них Энтони чувствовал, что совесть обвиняет его. И кроме того, этот режим смотреть на него со смесью ненависти и насмешек над его новая одежда и по-разному; а потом все еще шепот и смеха, на которую осмелились самые смелые из них. Когда они смеются над Брайан из-за его заикания, это смеялся и с ними, повезло, что, дайте немного, не смейтесь больше, или смейтесь просто дружелюбно и почти с симпатия. Энтони, напротив, делал вид, что не воспринимает их манеры насмешки. Джентльмен, как он учился, не только через обучение явно, но все же неявно постоянным примером старших, джентльмен вообще не обращает внимания на подобные вещи. И он он вел себя так, как будто этого хихиканья не было. Что не мешало пусть остальные будут продолжать смеяться.

Все то утро, проведенное за игрой в мяч и игрой в прятки, он искренне ненавидел. Но хуже всего было сопровождать их во время завтрак. Он предложил служить за столом. Против самой службы ничего не было что сказать. Но этот запах бедности, когда двадцать детей собрались в столовой, это было так коварно

отвратительно (напомнил ему церковь Лоллингдона, но была намного хуже), что ему пришлось уйти два или три раза во время еды, чтобы плюнуть в унитаз. — Кишит микробами! - казалось, он еще однажды услышал голос своей матери, между испуганным и злым. - Кишит микробами! - И когда миссис. Фокс задал ему вопрос, все, что он мог сделать, это покачать головой и издавать с закрытым ртом невнятный шум; если бы он говорил, ему пришлось бы проглотить. Проглотить что? Простое воспоминание возмутило его.

- Бедняги! - снова сказал, когда в компании Миссис Фокс, вы бы смотрели их матч. - Бедняги! -И почувствовал еще более стыдно за свое лицемерие, когда миссис Фокс он был благодарен за то, что так усердно трудился, чтобы приветствовать и дарить петизес.

К тому времени, когда Энтони уже удалился в кабинет, Миссис Фокс повернулся к сыну: - я тоже благодарю тебя, любовь моя. Вел себя роскошно.

Краснея от удовольствия, Брайан покачал головой и сказал: “Это было т-все работа s-ваша. И внезапно почувствовав, как сильно я ее люблю, как хорошо она была и восхитительно, его глаза наполнились слезами.

Они вместе вышли в сад. Она, положив руку ему на плечо. Отвязывать-если от нее мягкий запах одеколона. Внезапно, как будто также один из элементов, которые сделали ее достойной восхищения, солнце вышло из-за облако.

- Посмотрите на эти нарциссы! Божественные! - воскликнул он тем голосом, что для Брайан, сделал это странно более правдивым, чем сама правда. сколько она говорила. - И сердце теперь наполняет меня удовольствием… Помнишь, Брайан?

Красный и с сияющими глазами, он сделал знамение, которое он помнил; и собрался: - и Д-танец…

- Танцуй с нарциссами. - Она больше его прижала к вам. Счастье то, что он вторгся в него, было выражено. Они продолжали ходить, молча. Рев-ревет из своих юбок, думал Брайан, как море; как море в Вентноре, в прошлом году, когда он не мог спать по ночам из-за волны бьют по пляжному песку. Лежа там в темноте, слушая далекое передышка моря, я чувствовал страх, и больше всего на свете мне было грустно., ужасно грустно. Но теперь,

вместе с матерью, воспоминания об этом страх, эта глубокая и беспричинная печаль, становились прекрасными; и в то же время время, и смутно, совершенно новая красота этих воспоминаний казалась чтобы отразить себя в ней, сделать ее еще более восхитительной в ваших глазах. Двигаясь, то в одном, то в другом направлении, по лужайке. в нем было что-то от тайн ветра в темноте, от непрекращающийся и неутомимый взад и вперед от волн.

Бедный Энтони! - сказала миссис Фокс, разрывая длинный молчание. - И мучительно, и ужасно! - И я думал, что так же больно. это должно было быть бедственное положение бедной Мэйси. Милостивое существо с их таяния, их молчание, их абстракции в царстве химеры и в затем его резкие повороты к смехотворной деятельности-которые должны были видеть со смертью такое существо? Или с родами, если говорить правду? Мэйси с ребенком, которого нужно воспитывать - она не видела в этом больше смысла, чем в Мэйси мертвый.

- Это должно быть т-т-т… - но “ужасный” не хотел уходить. - Это должно быть м-ужасно, - сказал Брайан, кропотливо касаясь препятствия, когда его эмоции предшествовали ему и бросились в вспышку слов, непроизносимые и непроизносимые, - у нас н - нет м-матери.

Миссис Фокс нежно улыбнулась и, кланяясь, на мгновение замолчала, лицо против его волос. - Страшно и то, что у нас его нет

сын, - сказал он, и, сказав это, понял, что его слова были еще больше истинные, чем я хотел, чтобы они были — что они были истинными в план более глубокого, более существенного существования, чем тот, в котором тогда он двигался. Он намеревался сослаться на настоящее; но было ли ужасно не иметь его сейчас, как несравненно страшнее было бы тогда, после того, как отец у нее был смертельный приступ и в годы болезни мужа! В этом период боли и крайней духовной нужды, его любовь к Брайану была единственное, что у него осталось. Ах, ужасно, действительно ужасно, так что мы не иметь ребенка!

Глава IV - июнь 1903 г.-январь 1904 г.

Это стало обрядом, таинством (так было сам Джон Бивис интерпретировал это): таинство причастия. В во-первых, акт открытия гардероба и прикосновения рукой к ее платья. Закрыв глаза, я дышал ароматом, который эти платья они выдыхали нежную и мягкую сущность ее тела через бездну время, которое все больше отдаляло ее от него. Затем акт открытия ящиков. На этих трех слева была его одежда, белая. Пакетики с лавандой они были связаны в бледно-голубой фигуре. Это кружево от вашей рубашки сон, который он разворачивал, коснулся… Даже в мыслях, Джон Бивис избегал произносить слова “твоя грудь”, ограничиваясь представьте себе легкое дыхание округлого мяса под клубком вышитые; потом были воспоминания о тех ночах в Риме; и, наконец, воспоминание о Лоллингдоне, о глубокой могиле, о земле, о тьме и ужасного молчания. Я снова складывал рубашку для сна, спрятать ее в ящике, и тогда настала очередь двух ящиков справа — от перчаток, которые защищали его руки, от ремней, которые были у него я опоясал резьбу и что он теперь обвивает кулак или сжимает против висков, как филактерия. Обряд заканчивался чтением ее письма — те трогательно детские письма, которые она написала во время помолвки. Это было для него завершением агонии; обряд он заканчивался, и он мог лечь с другим мечом, все еще воткнутым в сердце.

Однако в последнее время казалось, что меч притупился. Как будто ее смерть, до сих пор столь острая и столь живая, также начала умереть. Обряд, казалось, утратил свои магические достоинства. Завершение сделало-если все труднее и труднее быть доведенным до срока, а когда доведено до срока, это было менее болезненно и, следовательно, менее удовлетворительно. Ибо то, что сделало жизнь в эти последние месяцы, достойная того, чтобы жить, была именно болью его потеря. Желание и нежность внезапно были лишены своего объекта. Это была мучительная ампутация. И теперь эта боль — и это было все, что ей от нее остались-эта драгоценная тоска убегала от нее, умирала, именно так умерла Мэйси.

В ту ночь она, казалось, полностью вымерла. Он погрузился в лицо в ароматных оборках ее платьев, растянутое кружево и шамбре которую она носила близко к своей коже, взорвала в одной из своих перчаток и осталась подглядывая, он смотрел, как постепенно складывается этот образ ее руки сжимаясь-умираю, умираю, пока малышка снова не обвиснет.,

мягкий и пустой даже от симулякра жизни. Но ritos больше не они не дали никакого эффекта. Джон Бивис больше не был тронут. Знал, что она она была мертва, и потеря, которую она понесла, была ужасной. Но, кстати, я не чувствовал ничего из этой потери — ничего, кроме своего рода вакуума в духе и ощущение пыли, к которому все сводилось.

Он лежал безудержно и в некотором смысле унижен. Магические обряды они оправданы успехом. Когда они перестают производить эмоциональные эффекты что характеризует их, оператор чувствует, что его обманули, и наполняется нелепый.

Сухой, как мумия в пыльном одиночестве гроба, Джон Бивис он долго лежал в постели, не имея возможности спать. Полночь, один час; два; и после того, как он уже полностью потерял надежду на примирить сон, это пришло, и он мечтал, что она была там, рядом с ним; и это было та самая Мэйси, которую она провела в первый год своего брака, грудь полный и задыхающийся под кружевом, и рот, о, рот приоткрыт в невинное согласие. Взял ее на руки.

После его смерти это был первый раз, когда он мечтал о ней живой и не с ее мертвой или умирающей.

Джон Бивис проснулся с чувством стыда; и когда еще днем он увидел Мисс Ганнетт, которая, очевидно, была у него ожидание, как обычно, во внешнем коридоре своей комнаты курсов, сделал, что он не увидел ее и поспешно прошел мимо, глядя на землю, нахмурившись, как будто был обеспокоен какой-то заумной и неразрешимой проблемой высокого филология.

Но на следующий день мы встретились с ним в “at Flome”, который давала тетя Эдит еженедельно. И, конечно же, хотя он, увидев ее, проявил возможно, чрезмерный сюрприз-конечно, Мисс Ганнетт была там. Он знал что она должна быть, потому что она никогда не пропускала ни одного четверга тети Эдит.

- Вы вчера были в ужасной спешке, - сказала она потом что его сюрприз серенара.

- Я? Когда? - Я делал вид, что не знаю, что она имела в виду.

- В школе, после урока.

- Но был ли он там? Я ее не видел.

- Теперь он думает, что я сделал газету, - пожаловалась она одному отсутствует третье лицо. С тех пор, как я впервые встретил его в комнате визиты тети Эдит, Мисс Ганнетт всегда, верно, посещала все конференции вашего публичного курса.

- Чтобы улучшить дух, - объясняла она. - Учитывая, что мой дух так нуждается в совершенствовании, - добавил он с видом шутливо, что в то же время было что-то серьезное.

Г-н Бивис протестовал: - но я никогда не говорил ничего подобного.

- Потому что я покажу вам записки, которые я сделал.

- Нет, нет, пожалуйста, не делай этого. - Тогда настала ваша очередь грабить. - Если бы я знал, как мне надоели мои конференции!

- Потому что дело в том, что вы чуть не сбили меня в коридоре, когда вы покидаете свою конференцию.

- О, в этом случае…

- Я никогда не видел, чтобы кто-то шел так быстро.

Он согласился на знак головы. - На самом деле, я действительно был в большой спешке; там это было. Я должен был принять участие в собрании. В вся особенная комиссия, - собралась с акцентом.

Она посмотрела на него с очень открытыми глазами и, отказавшись от тона шутка, с которой он говорил, была с величайшей серьезностью, которую он заметил — - должен быть на самом деле довольно неприятной вещью, смягчением, этим быть таким такой важный человек; не правда ли?

Мистер Бивис улыбнулся серьезному и уважительному ребенку, который стоял перед ним - этот невинный ребенок, который когда-то был пухлой женщиной, маленькая, милая двадцатисемилетняя, - улыбнулась с удовольствием и подхватила усы. - О, я не так важен, как вы думаете, - возразил он. Не я такой… он помедлил мгновение; сжал рот, моргнул; и в конце концов швырнул вульгаризм: - я не такой “секционный”, как кажется.

Сегодня утром пришло только одно письмо. Он принадлежал Энтони. Бивис, разрывая конверт.

Булстроуд, 26 июня

Мой дорогой отец.

Большое спасибо за ваше письмо. Я думал, что мы проведем отпуск в Тенби. Разве это не то, что вам подходит с миссис Фокс? Фокс говорит, что она считает с нами там, и если это так, кажется, что мы не должны ехать в Швейцарию, как я читаю в вашем письме. Вчера мы сыграли два матча: первый" одиннадцать " против Санни Бэнк и второй В. Мамбридж. Мы оба выиграли. Это была игра горячо оспаривается. Я играл во втором "одиннадцати" и сделал шесть до нуля. Начать теперь читаю книгу под названием Lettres de mon Moulin по-французски, но мне кажется, это отстой. Мне больше нечего вам сказать, и потому, заканчивая, я, с большой любовью, сын, который очень хочет его

Энтони

Постскриптум не забудьте написать миссис Фокс, потому что, по словам Фокса, я заявлено, что она в курсе, она предполагает, что мы поедем в Тенби.

Мистер Бивис прочитал загруженное письмо о перерисовке, и когда он закончил

пообедав, он вскоре сел за свой стол, чтобы написать ответ.

EarFs Court Square, 27-VI-03

Мой дорогой Энтони.

Для меня было большим разочарованием тот факт, что у меня есть ты встреченный с небольшим энтузиазмом то, что я ожидал, будет для вас новостью действительно благоприятный. В его возрасте я бы, конечно, приветствовал с безграничной радостью перспектива путешествовать, "выезжать за границу", и, особенно в Швейцарии. Взаимопонимание с миссис Фокс было очень расплывчатым, ничто не было преднамеренным и не сидело. Но бесполезно говорить, что я написал она вскоре представилась

счастливой возможностью исследовать в компании это соответствует Бернскому Оберланду, который произошел всего несколько дней назад, делая чтобы я отложил реализацию наших расплывчатых проектов по Тенби. Если вы хотите точно знать, куда мы идем, возьмите свой карта Швейцарии, ищите на ней регион Энтре-Лагос и озеро Бриенц, возьмите в восточном направлении от конца озера Майринген и оттуда направляйтесь к Юг, в направлении Гриндельвальда. Давайте останемся у подножия перевала Шейдек, в Розенлауи, почти в тени, отбрасываемой этими так называемыми гигантами Юнгфрау, Вайсхорн и другие. Я не знаю места, я делаю вывод, из всех полученная информация, которая должна быть" с кончика", райская вещь.

Я был очень рад узнать, что ты с честью вел себя в своем "матч". Продолжай, сын мой, продолжай так, все более храбрым. В год что будет дальше, я надеюсь увидеть, как вы боретесь за славу первого "одиннадцати".

Что мне не кажется нормальным, так это то, что вы думаете, что Доде "наркотик". Я подозреваю, что это мнение проистекает из трудностей, с которыми начинающий как и вы, он предлагает чтение Доде. После того, как вы освоите полностью язык, вы будете знать, как наслаждаться сладким очарованием вашего стиля и остроумие вашего духа.

Желаю, чтобы вы работали с желанием исправить его жалкое отставание в математике. Признаюсь, я тоже никогда я блистал в этой области исследований и поэтому нахожусь в состоянии понимание трудностей, которые вы чувствуете. Однако упорная работа он творит чудеса, и поэтому я уверен, что, нападая на алгебра и геометрия, вы легко получите профессиональные звания ровно через год.

Примите всю привязанность вашего отца

J. B.

- Это очень грустно! - сказал Энтони по окончании чтения письма отца. Слезы доносились до его глаз, и он едва мог вынести боль, которую он

доминировать.

- Что он говорит? - спросил Брайан.

- Все решено. Он написал своей матери, сообщив, что мы пойдем для грязного cafundo там из Швейцарии, вместо того, чтобы идти в Тенби. Не представь, как это меня раздражает! - Помял письмо и в гневе бросил на земле; затем отошел и попытался разгрузить свои iras, нанося удары по ваша коробка с игрушками. - Это меня очень раздражает! Много! - Продолжал повторять.

Брайан тоже чувствовал себя обиженным. Они собирались провести несколько прекрасных дней в Тенби; они уже предвидели все в воображении, они уже построили ранее самые вкусные детали; а теперь, catrapós! он распустил сон, рухнул замок, и такие прекрасные дни были там. превращены в осколки.

— В т-в любом случае, - сказал он ведь после долгого молчания, — я надеюсь, что вы хорошо проведете время в Швейцарии. - И, движимый импульсом внезапный, объяснение которого он едва мог найти, поднял с земли письмо от мистера Бивиса, развязал ему страницы и вернул Энтони. - Т-возьми свое С-письмо, - сказал он.

Энтони прицелился в мгновение ока, открыл рот, как будто собирался говорить, сделал потом закрыл его и, взяв письмо, сунул в карман.

Достойная компания, в которой они должны были исследовать Бернский Оберланд когда они прибыли в Розенлауи, оказалось, что это не кто иной, как Мисс Ганнетт со своей старой одноклассницей Мисс Луи Пайпер. Мистер. Бивис всегда говорил о них как о “девочках”, или о них оттенки героико-комической филологической шутливости, к которой он так склонялся, “Девы” - dominkellae, уменьшительное двойное от domina. Этот мечтательные подростки! Он улыбался каждый раз, когда произносил слово. Для Энтони такие девушки были не чем иным, как парой женщин надоедливые и уже старушки. Худенькая Пайпер выглядела как гувернантка. Он я бы предпочел Ганнетт, толстушку, несмотря на ее ужасно грустный смех и пронзительно, тяжело от того, как она била себя и потела, поднимаясь по холмам. Ганнетт, по крайней мере, была благонамеренной. К счастью, в отеле были другие два английских мальчика. Они были из Манчестера, и у них был способ говорить. карикатурно, но они были хорошими товарищами и знали много историй. непристойный. Лучше всего то, что они обнаружили это в лесу, который был позади. от отеля логово, где прятали сигареты.

Сколько вернулся в Булстроуд, Энтони с гордостью сообщил, что курил почти каждый день в котором он был в отпуске.

В субботу днем в ноябре г-н Бивис пришел в Булстроуд. В течение нескольких минут они наблюдали за футбольным матчем и в

затем они отправились на утомительную прогулку, которая, тем не менее, закончилась в Королевском Аррасе. Г-н Бивис заказал пельмени ” жареные яйца в масле для этого паладин ” (подмигнул глаз горничной, с видом заговора, как будто она также знала исторический и этимологический смысл этого слова), ” и следовать, вишневое варенье — разве это не твоя любимая сладость”?

Энтони подтвердил это, покачивая головой. Вишня была чем он больше нравиться. Однако он чувствовал недоверие с такой заботой. Что может быть концом всего этого? Он сказал бы что-нибудь о своих исследования? О завершении курса следующим летом? Или в отношении а…? Он покраснел. Но, нет, его отец, в конце концов, не мог ничего знать немного об этом. Это было невозможно. В конце концов он отказался от открытия это может быть; я не мог сделать никаких идей. Но когда после долгое молчание, которое не было привычным, сказал отец, наклоняясь вперед,

- у меня для тебя интересная новость, мой мальчик, - Энтони вскоре он понял, как будто внезапной интуицией, что именно он я хотел сказать.

- Он женится на той Ганнетт, - сказал он вам. И я действительно собирался. Мы середина декабря.

Это будет для вас компания, — говорил Мистер Бивис.

Эта Юность, эта живость, эта радость духа в цветок! - Это будет ваша спутница и в то же время вторая мать.

Энтони собирался согласиться на знак головы. Но “компаньон”

- что это за слово? И вспомнил, как пухленькая поднималась. мучительно пряди Розенлауи, красныйона, пахнет потом, дымиться… И вдруг в ушах прозвучал голос матери.

- Паулина хочет, чтобы ты назвал ее по имени, — мистер Бивис

продолжал. - Будет больше… да, веселее, не правда ли?

Энтони сказал:" Я думаю", потому что ему больше нечего было сказать. И служил-если еще раз вишневое варенье.

- Третье лицо единственного числа аориста рибнма? — спросить Энтони.

Конный парень ошибся. Это был Стейт, который ответил правильно.

- Второй из множественного числа более чем совершенного из èrxonai? Брайан колебался и его колебания были результатом чего-то более серьезного, чем его заикание.

- Ты сегодня тупой, конь, - сказал Энтони и в затем он указал пальцем на Стейтса, который снова ответил правильно — Мне это нравится, Стейтс. - И поворачиваясь к конному парню и

пародируя кавернозный голос Джимбага, он повторил и без того очень гостеприимный и напряженный шутка того же Джимбага: - шлак всегда остается на дне, чувак-де- Лошадь.

- Бедный Конный парень! - сказал Стейтс, ударив его по спине. Теперь, когда он был рад видеть, что другой знает меньше греческого, чем он, Стейтс почти полюбил его.

Было почти одиннадцать часов, уже давно они стерли огни и все трое все еще были собраны в туалете. Энтони, в твоем качестве как экзаменатор, он сидел с достойным, величественным видом, и другие пригнулись ниже, на земле. Это была безмятежная и теплая ночь май, тот; через шесть недель они будут перед газетными киосками экзаменаторы, сдающие экзамены в конце курса: Брайан и Энтони в Итон, Марк Стейтс в регби. Это было сразу после праздников на Рождество что Стейтс пришел в Булстроуд с новостями о том, что он собирается предоставить свою экзамен на степень бакалавра. Удивительные новости, и, для ваших ухаживаний обожает и миньоны, просто изумительные. Что это была глупая урна, и что те что они подчинялись ей, были достойны всякого презрения — таково было мнение что между ними бежало с силой аксиомы. И все же там был Staithes также решил бакалавр себя, следуя примеру таких "прикладные

хорошие парни” - Бенгер Бивис, Конный парень и тот ужасный тик, который был Goggler Ledwidge. Вещь взяла на себя пропорции отступничества, предательства всему, что было самым священным.

Во-первых, со словами, а затем, более эффективно, с помощью их поступки Стейтс сумел успокоить их, примириться с ними. А идея бакалавра была от его “старика”. Это было не ради деньги, он поспешил добавить. “Старик” не связывался с деньги. Но это был вопрос чести, вопрос славы; это было, наконец, потому что это была единая семейная традиция. Твой отец, твои дяди, все, все у них была степень бакалавра. Повезло, что было бы нехорошо расставаться, не любить семья. Но это совершенно не изменило того факта, что такое увлечение учебой было скучная вещь, и что те, кто сжигал ресницы, просто потому что они получали от этого удовольствие, как, казалось, в случае с конным парнем и из Бивиса, или из любви к деньгам, как это было с этим несчастным Гогглер, это были не что иное, как презренные черви. И чтобы доказать это., прошел насмешку-заикание Конского парня, устроил поход против Гогглера из-за страха, с которым он играл в футбол и колол перья в задницу Бивиса во время предварительных испытаний и хотя он тоже много учился, искал компенсации и в игре много и не упустить возможность рассказать всем, кто думал об исследовании глупая вещь, которая абсолютно не видела вероятности пройти через нас

выпускные экзамены.

После того, как он достаточно спас внешность, он изменил свою тактику с Бивисом и конным парнем, и после того, как он показал себя, во время некоторого время, все более приветливое к обоим, в конце концов предложило им творение Общества взаимопомощи тех, кто серьезно учился степень бакалавра. Именно он в начале летнего учебного года предложил ночные сеансы в частном порядке. Брайан хотел включить Гогглера в эти сеансы чтения и исследования вместе; но двое других протестовали; кстати, как это было бы легко продемонстрировать, туалет был слишком мал, чтобы вместить четыре люди, он должен был согласиться на помощь Goggler в течение получаса иногда в течение дня. Ночь и “кабинет” были зарезервированы для триумвират.

Брайан хотел объяснить причину провала этой ночи и начал: - я сегодня ЭСТ - т-так С-С-с -… - Не мог сказать “устал” и заменил на “f-утомленный”.

Бледность и темные круги, которые он представлял, свидетельствовали об истинности его слова; но для Марка Стейтса все это, очевидно, было оправданием с помощью которого Конный парень надеялся уменьшить боль своего поражения в конкуренция с кем-то, кто не” копал ” годами последовали, как и два его соперника, но всего несколько месяцев. Это оправдание это подразумевало признание неполноценности. С триумфом Стейтс понял, что можно и нужно быть великодушным. - Это был кайпоризм! - с заботой сказал. - Давайте немного отдохнем.

Из кармана своего “robe de chambre” Энтони достал три карамели, на самом деле уже довольно мягкие со временем, но они даже не оставили быть высоко оцененным.

В тысячный раз с тех пор, как было решено, что он закончит свою и сдаст выпускные экзамены, Стейтс сказал: - Если бы только я скорее всего, пройдет…

- Но вероятность в том, что вы не ошибетесь.

- Ничего! Это сумасшедшая идея, простая мания старика! — повторял он, качая головой. В действительности, однако, это было с живым и горящее чувство гордости, ликования, которое он помнил словами отцовский. - Мы Стейтесес… Когда ты Стэйт… Ты такой умный как и любой из нас, в семье, с такой же силой воли… — Он вздохнул и еще раз громко настоял: - О, если бы я был меньше шансов!

- Честно говоря, это так, и в этом нет недостатка.

- Не говори глупостей! Он отказывался признавать даже возможность факт, подготавливая почву для того, чтобы в случае неудачи можно было сказать,

смеясь: - Я им не говорил? - И в случае успеха, как тесно он верил, что сможет это сделать, так что тем хуже будет его слава. Кроме того, сколько тем больше была его настойчивость в отрицании своих шансов, тем больше часто бывали случаи, когда

ему приходилось с удовольствием слушать со стороны коллеги, неоднократные утверждения о вашем возможном, о вашем вероятном успехе. Успех, кроме того, в том, что было их специальностью; успех, несмотря на от того, что он постоянно отказывался, вплоть до начала последнего года, принимать серьезно эта нелепая привязанность к книгам.

Теперь Бенгер был тем, кто принес его честь. - Джимбаг думает, что вы, скорее всего, пройдете, - сказал он. “Вчера я слышал, как он разговаривал с Джеко об этом.”

- Он в этом разбирается, этот придурок Джимбаг? - сказал Стейтс с гримаса презрения, которая, кстати, не могла скрыть удовольствия, которое он сиял в его коричневых глазах. - А что касается Джеко…

Внезапный шум в дверной ручке заставил их резко если бы они вернулись. - Привет, ребята, - это был умоляющий, шепчущий голос, который они прошли через замочную скважину, извините! Я с одним ужасная боль в животе.

Брайан в спешке поднялся с земли. - Мы должны d-впустить его, — начать.

Но Стейтс, потянув его, заставил его снова сесть. - Перестань быть дураком! - сказал потом, повернувшись к двери: - ищите внизу одну; мы заняты.

- Но я слишком тугой.

- Чем быстрее, тем лучше.

- Ублюдки! - возразил шепчущий голос; - черт их побери! — добавил; и они услышали звук шлепанцев, уходящих и спускающихся быстро по лестнице.

Стейтс поморщился и сказал: - это хорошо, чтобы он научился. — Быть затем: - давайте посмотрим еще немного греческой грамматики?

Уже заранее обиженный, Джеймс Бивис почувствовал ее возмущение он становился все больше и больше с каждой минутой, которую он проводил в доме своего брата. Весь дом, безусловно, был связан с браком. Это было душно! И Джон там,

сидя, купаясь в этих невидимых излучениях женского тепла, потягивая эти пары через дрожащую ветру, безмерно довольный. , отвратительный счастливый ум! Как самец сурка-вот что Джеймс Бивис внезапно пришел в голову - как самец сурка с его самка, склеенная, мех против меха, в его подземной норе. Да, дом

это было точно так же, как логово — логово с худым сурком, который это был Джон на одном конце стола, а на другом-тот самка сурка мягкая и округлая; и между ними по одному с каждой стороны стола, он сам, Джеймс, обиженный и тошнотворный, и несчастный Антоний, как один сын обменялся, пришедший из внешнего мира, из чистого воздуха, за которым охотились, тащили туда, чтобы низко и заточено в этом питомнике Сурков. Возмущение породило также сильная жалость и привязанность к этому несчастному ребенку и в то же время он порождал ретроспективное чувство симпатии к бедная Мэйси. Когда она была жива, он считал ее дурой - безнадежно F полезно. Теперь брак Джона и обстоятельства и это было очень важно, чтобы они были рядом с ними. они заставили его забыть свое собственное мнение о Мэйси, когда она она все еще жила и считала ее женщиной с большим превосходством. (по крайней мере, имел благодать быть легкомысленным), посмертно замученный за мужа, за любовь к этой самке сурка, за мясо и за угри отталкивающий. Это было ужасно! И было совершенно справедливо, что он разозлился.

Однако Паулина отказалась снова подавать себе шоколад “суфле”.

— Но, моя дорогая, ты должен принять это, - настаивал Джон Бивис.

Паулина смоделировала показательный вздох, что она уже чувствовала себя переполненной. — Не

мочь.

- Даже любимый шоколад? - Мистер Бивис работал всегда слово шоколад в оригинале azteca.

Хихикнув, Паулина косо посмотрела на тарелку. - Я не должен, — он сказал, неявно признавая, что его повторение не было полным.

- Но почему? - сказал он тоном, который был объятием.

- Теперь он хочет, чтобы я прибавила в весе! - оплакивал ее тоном цензура. - Хочу попробовать меня!

- И почему не надо поддаваться искушению?

На этот раз вздох Паулины был вздохом мученика. — Прекрасно, — сказала, покорная. Служанка, которая была невозмутима, ожидала результата из противоречия он снова представил блюдо. Паулина служила сама.

— Это то, что значит быть хорошей девочкой, - заметил г-н Бивис с видом отцовский и доброжелательный и подмигивающий глаза. — И теперь я надеюсь, что вы, Джеймс, ты последуешь хорошему примеру.

Его укачивание и холера были настолько сильны, что Джеймс не осмелился говорить, боясь сказать что-нибудь оскорбительное. Довольствовался встряхиванием слегка голову.

- А вы? Не пробуете шоколад? - спросил Мистер Бивис, возвращаясь-если для Энтони. - Я уверен, что тебе будет жаль пудинга. —

И, увидев, что Энтони помогает себе, собрался: - О, молодец. Вот так… колебался в течение доли секунды — … так можно съесть конфету!

Глава V - 18 июня 1912 г.

КНИГА. Стол в спальне Энтони был накрыт ими. Впятером infolios de Bayle, в английском издании 1738 года. Перевод Рикаби из Summa contra Gentiles. Problème du Style от De Gourmont. путь совершенства. Памятные вещи из Дома Мертвых Достоевского. Три Тома писем Байрона. Работы Святого Иоанна Креста на испанском языке. Пьесы Уичерли. История священнического безбрачия Леа.

Если бы только Энтони подумал, возвращаясь с прогулки, если бы мы меньше было две пары глаз! Янус мог читать одновременно, Кандид и подражание. Жизнь была такой короткой, а книги-такой бесконечной. Сладострастно просматривал книги на столе, открываясь наугад, то один, то другой том. Он читал: - он не

хотел ложиться; так как его шея была слишком большой для отверстия, священник оказался вынужден заглушить-ему восклицания с увещеваниями еще громче. Голова была снято до того, как вид успел отследить удар; но попытка отдача, несмотря на то, что она удерживалась и обнажалась волосами, первая голова была отрубили заподлицо с ушами; два других были оторваны с большим количеством навык. Первый вызвал у меня жар и жажду и заставил меня так дрожать, что я я едва мог держать бинокль… Счастье-это благо, свойственное разумная природа должна быть связана с разумной природой каким-то образом. то, что ему свойственно. Но аппетит не свойственен природе умный, если не тот, который можно найти во всех вещах, хотя и по-разному в разных существах. Воля, как аппетит, не является сущностью разумная природа, за исключением случаев, когда она считается зависимой от интеллект; но сам интеллект свойственен разумной природе. Таким образом, счастье состоит, по существу и главным образом, в акте интеллект-больше, чем акт воли … - Даже в самом интимном из моей души я никогда не мог думать о любви, кроме как о борьбе, которая он начинается с ненависти и заканчивается моральным подчинением… - Ублюдок, я не буду, говорю Я; будет опасность стать ублюдком. Но тогда, ты хорошо вылечился от своей последней тунды?… “La primera noche o purgacion es горький у ужасный для Эй смысл, как мы скажем Ахора. La segunda no tiene comparacion потому что ES horrenda y especiable para el espiritu… — Предположить прочитав где-то, что чувство точности уже дошло до такой степени, что шашки они больше не сказали бы — j’ai mangé des confitures, но des fitures. В этих условия, более половины слов в словаре Академии Французы должны быть ликвидированы…

В конце концов, Энтони остановился на пути к совершенству Святой Терезы

и начал серьезно читать. Когда Брайан вошел через час, у него было читаю до молитвы тишины.

- ОК-купадо? - спросил Брайан.

Энтони сделал знак “нет”.

Другой сел. - V-vim v-посмотреть, есть ли что-нибудь, что нужно d-определить до утра-утра.

Миссис Фокс и Джоан Терсли, Мистер Бивис и вы должны прийти Оксфорд проведет день. Брайан и Энтони договорились принять их и побалуйте их.

Хок или Сотерн? “Майонез” из лобстера или холодного лосося? Вдруг дождь, какая программа будет лучшей на полдень?

- Вы приходите сегодня вечером к Фабианцам? - спросил Брайан, когда они только что обсудили планы на следующий день.

- Конечно, - ответил Энтони. В ту ночь должны были быть выборы новый президент. - Между вами и Марком Стейтсом будет напряженная драка. Вам нужно набрать как можно больше голосов…

Прервав его, Брайан сказал: “Я сдался.

- Сдался? Но почему?

- По разным причинам.

Энтони посмотрел на него и покачал головой. - Это не то, что я когда-либо я бы подумал о том, чтобы подать заявку. Я не могу представить себе ничего другого скучно, чем быть президентом любой организации. — О просто принадлежать к организации уже не было много вещей приятный. Зачем страдать от тирании делать выбор, когда не хотелось выбирать, придерживаться ряда принципов, когда важно и необходимо было быть свободным, взять на себя обязательство ассоциировать-если с другими людьми, когда была такая же вероятность, что они захотят быть одиноким, обещать с предвкушением быть в определенных местах, определенные часы? С большим трудом Брайан убедил его присоединиться Фабианцам; в остальном он был свободен. - Ничего более скучного — настаивать. — Однако, если есть возможность, почему сдаться?

-Марк будет лучшим президентом, чем я.

- Если вы имеете в виду грубее, я согласен.

- А-кроме того, действовал с такой тонкостью, чтобы быть избранным, - ИА начиная Брайан; но вскоре прервался, обидчивый. Anthony podia предполагая, что де хотел критиковать Марка Стейтса, он предполагал Ареса превосходства над ним. -Я имею в виду, что он знает он так хорошо справился со своим бременем, — вскоре он исправился. — К п-шаг я… Так что нет v-

видеть с-как ни р-потому что…

- Правда в том, что ты думал, что будешь ему приятен.

- Нет, н-нет! Брайан протестовал мучительным тоном. - Н-н-это не так, нет!

- Марк-петух террейро, - продолжил Энтони, не обращая внимания на протест другого. - Хочет быть; это должен быть петух террейро — даже если будь то крошечный террейро Фабианцев! - Засмеялся. Бедный Марк! В чем не должно быть его отчаяния, когда он видит, что не может даже смотреть в лицо-если на насесте! Мы предпочитаем книги. - Погладил том Святой Терезы. - Тем не мение, я бы хотел, чтобы ты не сдался. Я я бы немного посмеялся, когда увидел, что Марк избит тобой и пытаясь притвориться, что мне все равно. — А потом в другом тоне: - читаю там что-нибудь, да?

Облегченный сменой темы, Брайан подтвердил — - о р-рр…

- О грехе?

- П - роль профсоюза.

Они оба смеялись.

- И странно! - сказал Энтони, когда они перестали смеяться, - простой идея говорить социалистам о грехе есть что-то… как сказать? экстравагантно, правда. Грех И… социализм. - Встряхнул голова. - И как если бы мы скрестили утку с зеброй.

— Но нельзя было говорить о грехе, не было бы даже причины для этого, если отправной точкой было другое.

- Какой?

— Общественная организация. Если бы общество было настолько хорошо организовано, что человек у него не было простейшей возможности совершать грехи.

- Но вы, честно говоря, думаете, что такое общество может существовать?

- Т-может быть, - сказал Брайан с некоторым сомнением, в то же время что социальная реформа вряд ли может отменить их

неблагородные желания, не могли даже узаконить такие желания, кроме как внутри определенные условные ограничения. И, покачивая головой: - Н-Нет, не с-знаю, — завершать.

- Я не могу понять, что если бы я мог сделать больше, чем просто перенос наших грехов с одного плана на другой. Но это мы уже сделать. Возьмем для примера зависть и амбиции. Они привыкли проявление в плане физического насилия. Общество было таким реорганизованный режим, который они должны проявлять, в большинстве случаев, с точки зрения экономической конкуренции.

- Что, кстати, мы отменим.

И тем самым вернуть моду на физическое насилие, не так ли?

- Я-это то, что вы d-хотите, не так ли? - сказал Брайан. И собрался, смеясь: - Ты ужасен.

Последовало молчание, во время которого Брайан, отвлеченный, поймал Путь к совершенству, и, перелистывая страницы, прочитал здесь строчку, пункт там. Затем, вздохнув, закрыл книгу, поставил ее на свое место. и, покачав головой, подумал: - Не п-я могу понять, почему это что v-Вы читаете этот D-черт. А v-раз n - не верит n-в это.

— Но я верю, - настаивал Энтони. - Нет, естественно, нас православные объяснения. Эти, оказывается, идиоты. Но я верю в костюм. И в фундаментальной метафизической теории мистицизма.

- Qu-означает, что p - может прийти к V-истинности p - своего рода прямой союз с ней?

Энтони подтвердил. - И самый ценный и самый важный вид правда, только таким способом.

Сидя, с локтями на коленях и длинным лицом между руками Брайан стоял на мгновение молча, уставившись на пол. Потом, не поднимая глаз, сказал, в конце концов: - мне кажется, что в-вы j-играть с p-палкой d-из d-два b-b-b…

- Клюв, - закончил Энтони.

Другой опустил голову, подтверждая. - Использование c-скептицизма против r-религии - против t-всякого рода D-идеализма, на самом деле, — добавил он, вспоминая резкую иронию, с которой Энтони наслаждался ранить каждый энтузиазм, который казался ему чрезмерным, - и в то же время, ut-тилизация этого d-наркотика-указала на путь совершенства… - c-против c-научного аргумента, когда это c-подходит вашему 1-1-1… Не он мог сказать “книга” и начал писать ее по буквам.

Энтони снова зажег трубку, прежде чем ответить. — Но почему бы и нет должны ли мы воспользоваться обеими сторонами? - спросил он, стреляя в плита спичка погасла. - Со всех сторон. Почему бы и нет?

- Вопрос c-согласованности, c-искренности…

- Но я не ценю искренность. Что я ценю, так это полноту. Я думаю, что наш долг-развивать все наши возможности — все. Не позволяй себе быть тупо привязанным к одному. Согласованность и искренность! - повторил он, - но устрицы тоже слаженные и искренние. Муравьи также последовательны и искренни.

- Ну, это только подтверждает мою решимость не быть святым…

- M-mas c-как вы можете f-сделать что-нибудь, не будучи c-когерентным и s-искренний? И первое условие для любого empr-предприятия.

- Но кто сказал вам, что я хочу чего-то достичь? — спросил Энтони. — Никогда. То, что я хочу, это быть и таким образом,

полный. И я все еще хочу знать. И насколько достижение знания совпадает с действием, с предприятием я принимаю это первое условие, искренне. - И мундштуком своей трубы указывал на книги в на стол.

- Вы n-не принимаете c-условия D-этого вида c-co- “я”, - возразил Брайан, вновь указав путь Совершенство. - Молитесь и j-поститесь и t - все остальное.

- Потому что это не знание, это особый вид опыт. Есть вся возможная разница между знанием и переживанием. Например, между изучением алгебры и сном с женщиной.

Брайан не улыбнулся. Продолжая пристально смотреть на землю, сказал: — М-но ты Р-думаешь, что М-мистические переживания приводят нас в с-контакт с v-правда?

- Так же, как ложиться.

- И? - спросил фальшивый Брайан. Он не был бы доволен этим разговорный жанр, тем более теперь, когда я любил Джоан-люблю- и, тем не менее, (он даже ненавидел себя за это), желая его зверством, неправильно…

- Когда женщина соответствует нашему идеалу, - ответил другой с озорной атмосферой того, кого я знал по опыту, каждая удача женщина. В действительности, хотя ему было стыдно признаться в этом, он все еще девственница.

— В этом случае вам не придется мучить себя j-J-постами, — ответил Брайан, внезапно иронично.

Энтони поморщился. - Я совершенно доволен просто знать путь к совершенству, - сказал он.

- Я думаю, что я d-должен хотеть exp-периментировать его t-тоже, - высказал мнение Брайан, после перерыва.

Энтони покачал головой и возразил: - Это не компенсирует. И это правильно в этом зло всей искренней и последовательной деятельности. Она тренируется в обмен свободы. Она загоняет человека в угол, делает его пленником.

- Но тот, кто хочет быть свободным, должен быть заключенным. И состояние свобода-от истинной свободы.

- Истинной свободы! - Повторил Энтони, придавая голосу тон клерикальный. Мне очень нравятся подобные аргументы. Противоположность одной вещи не это наоборот, о, пожалуйста, нет! И сама вещь, но как она выглядит поистине. Спросите себя у консерватора, что такое консервантизм и он ответит, что это настоящий социализм. И классные газеты пивовары? Там полно статей о красоте истинной умеренность. Вульгарная умеренность состоит именно в жестоком и полном отказе

но истинная умеренность, истинная умеренность - это нечто гораздо более изысканный. Настоящая умеренность - это бутылка

бордового в каждый прием пищи и три двойных” виски ” после ужина. Лично я все для истинной умеренности, потому что я нахожу умеренность отвратительной. Но мне нравится быть свободным. Поэтому я не хочу отношений с истинной свобода.

- Что n - не imp-просит от с-оставаться V-истинным свобода, - упорно настаивал другой.

- Что в имени? - продолжал Энтони. - Вот и все. ответ: - практически все, если имя хорошее. Свобода-это имя чудесный. Вот почему вы так хотите его использовать. Это кажется вам что, только призвав в тюрьму настоящую свободу, вы добьетесь, чтобы все если вас тянет в тюрьму. И что еще хуже, вы совершенно правы. Для большинство людей имя стоит больше, чем вещь. Такие люди следуют человек, который повторяет это чаще и громче. И нет сомнение в том, что” истинная свобода “- лучшее название, чем “свобода” tout court. Истина — вот одно из волшебных слов. Объединим ее с магией слова “свобода” и эффект будет ужасным. - После одного мгновение молчания, он продолжал отступать и в другом тоне: - любопытно пусть никто не говорит об истинной истине. Я полагаю, это звучит слишком странно. Истинная истина; истинная истина, - повторяется для испытывать. - Нет, сразу видно, что ничего не получается. И что-нибудь вроде бери-бери или Ваггa-Ваггa. Черный язык. Это не то, что можно было бы принимать всерьез. Тот, кто хочет сделать противоположность истине приемлемой, должен называя это духовной истиной, или внутренней истиной, или высшей истиной, или даже…

— Но есть M-момент, Вы были d-говоря qu - что был своего рода s-высшая правда. Некоторые с-вещи, которые можно было знать только с-м-мистически. V-вы сами с-противоречите.

Энтони засмеялся. - Потому что это одна из привилегий свободы. Кроме того, - собрался, серьезнее, - надо различать познание и переживание. Известная истина-это не то же самое, что пережитая истина. Должно быть два разных слова.

- Вы всегда можете найти выход, оторваться от T-все.

- Не надо, - настаивал Энтони. - Там всегда будет. — Снова указал на книги. - Всегда будет знать. Тюрьма знание-потому что, несомненно, знание - это еще и тюрьма. Но я буду всегда готов остаться в этой тюрьме.

-Всегда? - допросил Брайана.

- Почему бы и нет?

- Это 1-роскошь exc-cessivo.

- Наоборот. Это случай презрения к удовольствиям и кропотливой жизни.

- Что не д-перестает быть т-тоже пиар-удовольствие.

- Конечно. Но разве мы не имеем права получать удовольствие от нашей работы?

Брайан сделал это; и сказал: - Вопрос n-это не p-это правильно. А

дело в том, что n-мы не знаем s-служить нам наши p-привилегии.

— То, что у меня есть, не так уж и много, — возразил Энтони. — Приблизительно шесть фунтов в неделю, - добавил он, уточнив доход, который ему Кубера за смерть матери.

- M-плюс P-отдых.

- Что еще?

-A s-удача случиться g-нравится c-подобные вещи; - продлен до рука и ударил по инфильтрациям Бойля. - И из всех его д-д-д-д-д-д-д-д-д интеллигенция.

- Но я не могу сделать себя искусственно глупым, - возразил он Энтони. - Вы тоже.

- N-нет, но p-мы можем применить n-к чему-то другому, чем p-мы обладаем.

- Другое дело, к которому у нас нет никакого призвания, - предложил другой ехидно.

Но Брайан симулировал, что не слышит сарказма, и продолжил с серьезностью еще более интенсивным и страстным, чем раньше:

-В особом виде c-c-жертвоприношения на День благодарения.

- Спасибо за что?

- За все, что n-нам было дано. D-деньги, для C-начать. E, затем инст-truction, g-gosto, c-емкость c-c… - Я имел в виду “создать”, но пришлось довольствоваться “делать вещи”. - Быть мудрым или художник-это любая c-вещь, как p-обеспечение личного s-спасения. Но есть все еще R-царство D-Бога. АГ-держа быть осуществленным.

- За Фабианцев? - спросил Энтони пораженным тоном наивность.

- Среди прочих. - Была долгая полминуты молчания. — Надлежать сказать? - Брайан удивлялся. - Я должен вам сказать? И вдруг, как будто дамба, если она прорвалась, ее нерешительность была сметена. - Я решил, - сказал он голосом высокий. И так сильно было чувство, с которым он произнес слова, что, почти не осознавая того, что он делал, он поднялся на ноги и пошел суетится по комнате. - Я решил c-c-продолжить с F-философией, 1-литературой и история до T-тридцати лет. После того, как s-будет время f-сделать какой-то другой вещь. Некоторые c - более D-прямые вещи.

- Прямо? - повторил Энтони. - В каком смысле?

- Д-обращаюсь к пиару-рядом. R-осуществление царства D-Бога… — Сама интенсивность желания передать то, что он чувствовал, сводила его к немота.

Слушая слова Брайана, глядя на его серьезную физиономию и наполненный пылом, Энтони почувствовал, как вибрируют самые глубокие и интенсивные струны своего существа… он был тронут и по этой причине подчинился к какому-то добровольному принуждению, к самообороне, чтобы отреагировать на собственные эмоции друга через мотехо: - мытье ног бедные, например, - предложил, - и вытирая их потом волосами. Дьявол будет, если на вас нападут ранние облысения.

После этого, когда Брайан уже ушел, ему стало стыдно за его неблагородная грубость-униженный, в то же время, по неопровержимости и автоматизм, которым пользовался такой язык. Подобный автоматизм к этим супер-нервным лягушкам, которые сжимаются и вибрируют при их применении на кожу капля кислоты. Чистый рефлекс.

- С тысячей демонов! он сказал вслух, взяв свою книгу.

Он снова оказался на пути к совершенству, когда

он услышал, как кто-то постучал в дверь и выкрикнул его имя голосом, который сознательно стремился подражать резкому голосу сержанта-инструктора проходим обыск войск.

- Чертова лестница, твоя! - сказал Джерри Уотчет, входя внутрь. — В какого черта ты живешь в такой грязной норе?

Джерри Уотчетт был молод с невыразительными милыми чертами лица, хорошей кожей, вьющиеся и вьющиеся волосы. Милый мальчик, но, несмотря на рост и энергичный цвет лица, это была его почти девичья симпатичность. Наблюдатель случайно заметит в нем атмосферу невинности и аркадской свежести, которые однако после более тщательного осмотра они будут отвергнуты грубой наглостью от его голубых глаз, от легкой улыбки мофы и презрения, которое было для него почти постоянный, из-за устрашающей грубости его толстых пальцев рук и короткие ногти.

Энтони назначил стул. Но другой покачал головой. — Не. Я спешу. Я вошел только для того, чтобы сказать тебе, что ты должен прийти на ужин. со мной сегодня вечером.

- Но я не могу.

Джерри нахмурился. - Почему бы и нет?

- У меня встреча с Фабианцами.

- А вы считаете это причиной не приходить со мной на ужин?

- Однажды я обещал…

- Тогда я могу рассчитывать на тебя в восемь часов?

- Но если я говорю вам, что…

- Хватит глупостей! Какое это имеет значение? Собрание знакомый?

- Но какое мне оправдание?

- Извинись. Скажите, что у вас только что было два близнеца.

— Хорошо, я пойду, - все-таки согласился Энтони.

- Я очень благодарен вам, - сказал Джерри с вежливостью. - Я уже решил выкрутить тебе шею, если ты не согласишься. Ну, даже скоро! Подойдя к двери, он сделал ставку. - Они тоже придут Бимбо Абингер, Тед, Вилли Монмут и Скруп. Я хотел посмотреть, приглашаю ли я Горчаков тоже; но идиот в последний час ушел и заболел. Вот почему я должен был пригласить тебя, - заключил он спокойно и спокойный позитив, реализм, который был гораздо более оскорбительным, чем это мог быть любой акцент; затем он повернулся на пятках и пошел-уходи.

- Он тебе нравится? - однажды Брайан спросил Энтони, когда имя Джерри появилось на балу. И потому, что вопрос вызвал у него Эхо беспокойство в сознании, ответил Энтони с живостью совершенно расходный материал, который, естественно, ему нравился Джерри. — Что еще одна причина, по которой вы предполагаете, что я должен ходить с ним? — завершать, со смесью подозрительности и раздражения. Брайан не дал ответа; и вопрос, подобно “бумерангу”, он снова вернулся к своему автору. Да, по что было с Джерри? Потому что, без сомнения, он не мог любить мальчика; Джерри он оскорбил и унизил его, и он был готов, как он знал, унизить его и обидеть его снова под любым предлогом. Или раньше, без предлога вообще — просто для удовольствия, потому что я чувствовал удовольствие унижать других, потому что он был естественно склонен причинять боль. Почему тогда? почему?

За простой снобизм. Как Энтони был вынужден признать, снобизм это отчасти объясняло эту разрушительную тайну. Это было абсурдно и нелепо. Но дело в том, что он, тем не менее, радовался в компании. Джерри и его друзей. Быть близким к этим молодым аристократам и плутократы и в то же время знают, что превосходят их по интеллекту, вкус, проницательность, во всем, что действительно имело значение — вот в чем дело что удовлетворило его тщеславие.

Признавая его интеллектуальное превосходство, молодые Варвары они понимали, что он должен им, платить восхищение, развлекая их. Это было интимно их, да; но поскольку Вольтер был близок с Фридрихом Великим, как Дидро императрицы Екатерины. Философ-резидент не отличается легко от шута.

Как тот, кто ценит искренне, но в то же время с видом превосходство, оскорбительно, говорил Джерри, услышав один из

его высказывания духа: - Да здравствует Учитель! - Или еще: - выпьем еще раз в честь старого учителя-как будто он один из тех бедняков итальянские Ходячие органисты, которые раскачивают песни за копейки.

То, что Энтони почувствовал в воспоминаниях об унижении, причинило ему боль, как укус насекомого. С внезапным насилием он встал со стула и начал ходить, с закрытым лицом, в комнату, в ту и другую сторону.

“Сноб” среднего класса, терпимый из-за его талантов шут. Идея была ненавистной, оскорбительной. - Как мне это вынести? — спросить-если. - Почему я должен быть тем жалким идиотом, которым я являюсь? Я напишу Джерри записку, говоря ему, что я не могу идти. - Но время шло, и билет остался незаписанным. Потому что, в конце концов-думал потом - были и преимущества, были и удовлетворения. Ночь в компания Джерри и его друзей была забавной вещью и в то же время время, образование. Образовательный и веселый, а не из того, что они могли сказать или думать-потому что все они были глупы, все из невежества неизмеримо; но за то, что они были, за то, что сделало их условиями те же из них. Потому что благодаря деньгам и положению они действительно могли жить в той свободе, которую Энтони знал только воображением или чтением. Для них не было даже большинства ограничений, которые всегда они вздохнули. Они позволяли себе, как самая естественная вещь в мире, некоторые лицензии, которые он допускал только в теории, и все же, чувство стеснения оправдывать их всеми ресурсами тщательно извращенная метафизика мистического богословия гениально подделана. Просто в силу социальных обстоятельств и экономные, эти невежественные Варвары оказались вполне естественно в ситуации, когда они ведут себя так, как он не осмелился сделать это даже после прочитав все, что Ницше говорил о Супермене, или Казанове о женщинах. Они даже не видели себя нуждающимися в учебе Патанджали или Джейкоб Беме, ищущие оправдания для своих отравлений вина и чувственности: они напивались и владели своими девушками вот так даже без амбиций, как если бы они были в Эдемском саду. Они смотрели на жизнь, не застенчивая и извиняющаяся, как Энтони, не с тревогой, из-за невидимых решеток, но с безопасностью безмятежно наглый из тех, кто знал, что воля Божья, что они они наслаждались жизнью, и Аллах также предписывал непогрешимое согласие ваши похожие на все ваши

желания.

Правда заключалась в том, что они также скрывали определенные предрассудки. Также они, в некоторых случаях они были готовы расстаться, как бедный Брайан, в тюрьма кодекса. Но это был код, это были особые предубеждения, каста; поэтому у них не было силы принуждения в том, что касалось Энтони. О

их пример освободил его от цепей, к которым он приковал свою образование, но у них не было силы связать его с теми другими цепями, которые они они тянули по жизни. В их компании он чувствовал себя свободным от власти. принуждение к респектабельности, парализующий страх перед общественным мнением, запретительные Максимы, продиктованные благоразумием среднего класса. Но когда Бимбо Абингер с негодованием отказывался даже прислушиваться к предложению что он должен был продать свой старый дом, который, как чудовище, пожирал троих четвертая часть его дохода, когда Скруп сожалел о необходимости вступление в парламент, поскольку старшие дети в его семье, они всегда должны были заседать в Палате общин, прежде чем они взяли свой название, то, что чувствовал Энтони, было просто удивлением и забавой, потеха и изумление исследователя который заметил жесты и ритуальные кабриолы племени негров. Разумное существо не согласится на обратиться в культ Мумбо Джамбо; но не будет возражать против того, чтобы стать иногда немного родной. Культ Mumbo Jumbo означает принятие табу; стать родным означает свободу. “Истинный свобода!“Энтони издевался над собой. Они вернули его хорошее настроение и невозмутимость. “Сноб” “Сноб” среднего класса. Без никаких сомнений. Но была причина его снобизма, оправдание. И если молодые Варвары склонны считать его одним первоклассный ШУТ-это не повредит, это была цена, которую я должен был заплатить — за свободу, которую они дали ему взамен. Ничего не нужно было платить, чтобы связать-если Фабианцам; но также, как мало было того, что они должны были дать-ему! Социалистические доктрины теоретически могли в какой-то мере освободить интеллект; тогда как примером молодых варваров было освобождение в мастерство практики.

- Я безмерно чувствую, - засовывал он в своей записке Брайану. — Но я внезапно вспомнил, что сегодня вечером я уже был готов к ужину. - “Приятно” принадлежало словарю отца, и это было слово, которое он он обычно ненавидел свою аффектацию. Но

тогда при написании ложь, заметила, что слово пришло к ней спонтанно в клюв пера. “Убитый горем” (это все еще было любимым выражением отца — - о том, что я не слышу-lo сказать о… грех! Я хотел выйти из этого смущения, но не я вижу способ. Все твое, А.

Когда были поданы фрукты, все они были полностью пьяный. Джерри Уотчетт рассказал Скрупу об этом эпизоде немецкая баронесса, которой он будет владеть на корабле во время путешествия в Египет. У абингера не было зрительного зала, но он читал комиксы: молодая леди Вик старик из Девизеса, молодой человек по имени Маклин-полный Национальный биографический словарь. Тед и Вилли были привержены

жестокая дискуссия о лучшем, способе охоты на петуха луга. Только Энтони, изолированный от группы, молчал. Язык придет скомпрометировать изысканное счастье, которым он тогда наслаждался. Тот последний бокал шампанского превратил его в жителя Нового мира, необычайно красивый, драгоценный и значимый. Яблоки и апельсины в серебряные шалфеи выглядели как огромные драгоценные камни. Каждый стакан, при свете свечей, в нем было не вино, а большой желтый берилл, твердый и полупрозрачный. As розы отличались глянцевым контекстом атласа и этой твердостью, этим блеском, эта резкость формы свойственна металлу или стеклу. Даже звук сказал бы, что он замерз и кристаллизовался. Юная леди Кью была, по его мнению, эквивалент скульптурного нефритового блока и этот жестокий спор и бесполезно над Петухом из луга ему показался каскад зимой. Читать transparent glacier des vols qui riont pas пошел, думал он с удовольствием все более интенсивным. Во всем был потусторонний вид блеска и различие, но в то же время, как все это казалось таким расплывчатым, таким странно несущественно! Светящиеся в сумеречной полутени и периферийные, которые окружали их, лица, сгруппированные вокруг стола, могли представить себя как вещи, увиденные сквозь лист полированного стекла, в освещенный аквариум. И аквариум был не только снаружи, но и, таинственно, внутри него. Глядя сквозь стекло на эти цветы, морские и подводные драгоценные камни, он сам чувствовал себя рыбой — но гениальная рыба, рыба, которая также была Богом. ИХТУС-лесос Христос теуос Сотер. Его божественная душа-Персия была там подвешена, он парил в своей внешней стихии, созерцая, созерцая через огромные глаза, которые все воспринимали, которые все понимали, но не

принимая участие в том, что она видела. Свои собственные руки, гостиницы там на стол напротив него, они перестали, в любом реальном смысле, быть их. Из своего Водолея он смотрел на них с таким же счастливым восхищением и полный отрешенности, которую я чувствовал к фруктам и цветам или к тем, другие маленькие карточки, в которых преображалась спокойная жизнь и которые были лица ваших друзей. Красивые руки! они могли-и каким образом чудесно! - выполнять свои многочисленные функции-прицеливания дробовиков из двух труб для летающих птиц, из ласки бедер баронесс немцы на океанских лайнерах, играющие воображаемые весы на полотенце стол, вот так. Очарованный, он наблюдал за движениями своих пальцев, легкое скольжение сухожилий под кожей. Идеальные руки! Но это больше не было правдой пусть они будут частью его собственной, сущностной душой в его аквариум странно для времени, чем быть частью его руки Абингера пилинг этого банана, руки Скрупа, несущие спичку к его сигара. Я не мое тело, я не мои ощущения, я даже не,

мой дух, я то, что звучит. Я утверждаю себя как ом. И Ом-это слово священная, это ведическая мантра, которая представляет абсолютное, относительное и отношение между одним и другим ом-это Бог. И Бог не ограничен временем. Ибо Уно ни в чем не отсутствует и, тем не менее, отделен от всех вещь…

- Привет, Профессор! - Кусок апельсиновой корки ударил его по полной на щеку. Он вздрогнул и повернулся.

- О чем, черт возьми, ты думаешь? - спросил Джерри Уотчетт в этом нарочито резком голосе он чувствовал особое удовольствие от использования в манере отвратительной маски.

На мгновение мутные воды аквариума уже вернулись в покой. Снова стать рыбой, Божественной рыбой и смутно счастливый Энтони улыбнулся Джерри с безмятежной снисходительностью.

- Я думал о плотине, - сказал он.

- Почему плотин?

- Почему плотин? Но, мой дорогой сэр, разве это не ясно? Наука это причина, и причина множественная. - Рыба снова нашла язык. Красноречие текло из аквариума без малейших усилий. - Но, если кто-то случается чувствовать себя особенно не-несколько — Итак,

в этом случае, о чем еще можно думать, кроме плотина? А если, конечно, вы предпочитаете Псевдо-Дионисий или Экхарт, или Святая Тереза. Полет из Уно в Уно. Сам Святой Фома вынужден признать, что ни один дух не может видеть Божественную субстанцию без развода от чувств тела, или от смерти, или от созерцательного отношения экстаз. От экстаза заметьте хорошо! Но экстаз - это всегда экстаз, какой бы будь причиной. Будь то шампанское, или тот факт, что вы предпочитаете ом, или взгляд косоглазие к носу, или косоглазие к распятию, или любовь к нему предпочтительно, на борту, Джерри; я первый, кто признает это; предпочтительно борт. Что говорят смелые волны? Чары! Экстаз! Вот что они резко кричат. Пока, принять к сведению, пока, почти затаив дыхание от этого телесного каркаса, почти прервал курс из нашей человеческой крови, давайте объединим живую душу, в то время как наша тело будет усыплено, с неподвижным глазом, обездвиженным…

- Когда-то жил молодой человек из Бирмы, - внезапно перешел Абингер к декламировать.

- Который был обездвижен силой гармонии… - повторил Энтони повышенный.

- И чья невеста имела веские основания для жалоб.

- И великая сила радости, - воскликнул Энтони, - мы видим…

- Но теперь вы женаты. Он принимает кантариды…

— …мы проникаем в жизнь вещей. Жизнь вещей, я им говорю. А жизнь вещей. И пусть все Фабианцы попадут в ад! — добавлять.

Энтони вернулся в свои покои чуть более или менее пятнадцати за несколько минут до полуночи, и когда он вошел в гостиную, у него был неприятный шок, когда кто-то поднимается из кресла с насилие со стороны пружинной куклы.

- Убирайся! какой страх!

- Ну, наконец-то! - сказал Марк Стейтс. Его выразительная физиономия он покрыл себя выражением злого нетерпения. - Почти час назад что я жду тебя. Потом с презрением собрался: -

ты пьян.

- Как будто с тобой этого никогда не случалось! - ответил Энтони. - Я прекрасно помню…

- Я тоже помню,-прервал его Марк Стейтс. - Но это это был мой первый год. - В тот первый год, когда он казался ему необходимо доказать, что он был мужчиной - более мужчиной, чем самым стойким из них все громче, пьянее. - Сегодня у меня есть больше, чем сделать.

— А что Вы себе представляете, - сказал Энтони.

Другой проконсультировался с часами. У меня около семи минут, — сказал он. — Вы будете в состоянии слушать меня?

Энтони сидел тихо и достойно.

Маленький рост, но меченосец, энергичный, Марк стоял перед его, почти угрожающего.

- А насчет Брайана, - сказал он.

- Насчет Брайана? повторил Энтони, а затем с улыбкой негодяй, добавил он: “говоря о Брайане, я должен дать вам свои поздравляю вас с тем, что вы наш будущий президент.

- Не будь глупым! Вы думаете, я принимаю милостыню? Когда он сдался, я тоже сдался.

- И вы позволили этому мрачному Мамби занять эту должность?

Какого черта я должен делать с Мамби?

- Какое значение имеют другие для любого из нас? — сказать

Энтони с чувством. - Ничего, слава Богу. Абсолютно на…

- Почему он так меня оскорбляет?

- Кто? Мамби?

- Нет, Брайан, вы видели.

— Но он, наоборот, думает, что он добр к тебе.

- Да пойдет к дьяволу с твоей добротой, - сказал Марк. — В

почему он не учится вести себя прилично?

- Потому что вы с удовольствием ведете себя как христианин.

- Ну, в таком случае, скажи ему, ради Бога, что в будущем ищите другого для жертвы вашего христианства. Для меня это то, что он не больше проповедуйте эти христианские пьесы.

- Чего тебе не хватает в бою, так это петуха; это правда.

- Что вы имеете в виду?

- Да, потому что в противном случае это не преимущество и не смешно на поверхности стеркилиния. В то время как Брайан хотел сделать мы все довольные капотики, живущие в добром мире. Что касается за стеркилинии, я с Брайаном. Что касается цыплят, то я я начинаю колебаться.

Марк снова посмотрел на часы. - Мне нужно идти. - Дверь, повернулась, - Не забудьте передать ему то, что я вам сказал. Мне нравится Брайан и я не хочу с ним ссориться. Но он становится благотворительным и христианским. со мной…

— …Бедный мальчик навсегда потеряет свое уважение, - заключил он Энтони.

- Клоун! - сказал Стейтс и, захлопнув за собой дверь, поспешил вниз по лестнице.

Оставшись один, Энтони взял пятый том Historical Dictionary и он начал читать то, что Бэйл сказал о Спинозе.

Глава VI-19 июня 1912 г.

Беглость, с которой говорил Энтони, когда они направлялись к сезон, это было симптомом внутреннего чувства вины, которое охватило его. Этот пролитый язык, готовое внимание, которое я уделял тому, что он сказал. другой, все это был способ исправить зло, которое он причинил Брайану ночью предыдущий. Нет, что Брайан произнес слова упрека. Казалось, в в противном случае, стремиться в особом смысле, чтобы не сделать самую легкую

ссылку за оскорбление накануне. И Энтони воспользовался молчанием своего друга, чтобы отложить любое упоминание о неприятном случае Марка Стейтса. Без сомнения, что он должен был бы иметь возможность говорить обо всем этом отвратительном вопросе (как люди были раздражены своими запутанными ссорами!); в хотя он успокоился, думая, что ему лучше подождать… подождите, пока Брайан не сослался на это дело. Между тем, ваше сознание обеспокоенный смущал его, чтобы показать себя из обычной доброты для Брайана, особенно стремясь быть интересным и показать заинтересованы. Интересуется поэзией Эдварда Томаса, когда они спускаются улица Бомонт; в Бергсоне, когда они стояли перед Вустером; в национализация угольных шахт, когда они пересекают Хайт-Бридж; а также, наконец, Джоан Терсли, когда они оказались под эстакадой и подойдите к станции.

- И экстра-траординарен, - сказал Брайан, разрываясь, с видимым усилием, долгое подготовительное молчание, которое вы никогда не встречали.

- Dis aliter visum, - ответил Энтони в лучшем классическом стиле твой отец. Хотя, если бы он принял приглашение миссис Фокс пройти какое-то время в Твайфорде, боги, естественно, имели их, размышлял он., преобразился дух.

- Я хочу, чтобы вы уважали друг друга, - говорил Брайан.

- Я уверен, что мы будем ценить друг друга.

- Первый v-вид, кажется, не имеет большой d-d-d… — Начать опять же, с терпением:-похоже, у него нет больших д-приданых. Парана-на первый взгляд это так. Мы думаем, что ее интересует только жизнь с-Си-Си… - Но “поля” нет! его можно было произнести, и он оказался вынужденным по-видимому, затронутый циркумлоккийский: - сельскими делами. С-собаки и р-птички и тому подобное.

Энтони сделал знак, что понял, и, вспомнив, внезапно, из тех шмелей плюют-плюют и писают камышевки прошлых дней. в Bulstrode он не мог не набросать незаметную улыбку.

-Но когда мы узнаем ее поближе,-продолжил Брайан с трудом, так что мы д-д-обнаруживаем в нем Р-часть вещи qu-qu-o которых я раньше даже не подозревал. Она s-чувствует p-p… v-Verse одного

экстр-траординарный режим. У-Вордсворт и М-Мередит, например. F-fico всегда восхищался d-видеть, как s-s-превосходны его критические J-суждения.

Энтони саркастически улыбнулся вам. Это действительно Мередит?

Другой замолчал, думая о том, как он должен объяснить, или если он должен даже попытаться объяснить. Он имел против себя все-свою физическую инвалидность, трудно перевести в слова то, что я должен был сказать, возможность Энтони не хочет даже понимать, что он сказал, представить его алиби cinimo делает вид, что совершенно отсутствует.

Брайан думал о первом свидании, которое у них было. Смущение, которое он чувствовал, обнаружив двух странных людей в гостиной, когда он вошел в пить чай, красный и еще с мокрыми от дождя волосами. Его мать она произнесла имя: - миссис Терсли. - Жена нового викария, вообразил он, пожимая руку худой и левшей женщине. Были некоторые манеры настолько снисходительны, что он шепелявил. Его улыбка была одной умышленная чистота.

- А это Джоан.

Мисси протянула ему руку, и, сжимая ее, он почувствовал, что ее тело стройный, как будто он пытался украсть себя в присутствии незнакомца, в движение застенчивости, которое, тем не менее, было восхитительно милостивым, как нежное дерево поддается дуновению ветра. Он никогда не видел такого жеста. красиво и в то же время способно так вас сенсибилизировать.

- Мы слышали, что вы большой знаток птиц; - сказал он миссис Терсли с неприятной вежливостью и еще большим свечением от твоей улыбки, уже от тебя такой светлой и такой профессионально христианской. — Джоан тоже. И настоящий орнитолог.

Мисси покраснела и пробормотала протест.

— Ей будет приятно иметь кого-то, с кем можно поговорить об этом ваших любимых птиц. Не правда ли, Джоани?

Джоан была так смущена, что даже не могла говорить.

Увидев ее таким образом, с лицом, обращенным и покрасневшим,

Брайан наполнился сострадание и нежность. Его сердце начало сильно биться. С одним смешавшись со страхом и удовлетворением, он понял, что произошло что-то экстраординарный, что-то безотзывное.

Продолжая вспоминать, он вспомнил тот другой случай, четыре или пять месяцев спустя, когда они были вместе в доме ее дядя в Восточном Суссексе. В отсутствие родителей можно было бы сказать, что он преобразился, а не кто-то другой, но сам по себе, в своем фундаментальном “я”, в счастливой девушке и

экспансивно, что ему было невозможно быть дома. Потому что дома жил под постоянное смущение. Постоянные ворчания и случайные приступы плохого настроения отца наполняли ее страхом. И хотя я очень любил его мать чувствовала себя пленницей той привязанности, которая была у него, смутное осознание того, что эта привязанность эксплуатируется. И наконец была холодная, ошеломляющая атмосфера отчетливой бедности, в которой они жили, непрерывная и всегда напряженная борьба за сохранение внешности, сохранение социального превосходства. Дома Джоан было невозможно быть она сама по себе; там же, в том просторном доме Иден, в тишина этого дома, в доступности его жители чувствовали себя свободными и счастлив, от счастья, которое преображало ее. Ослепленный, Брайан почувствовал вновь обретает любовь, которая уже была у него.

Он вспомнил день, когда они отправились гулять по болотистым землям Винчелси. Боярышники были в цвету; по всему широкому и плоскому пространству трава была усеяна овцами и ягнятами, образуя пятна белые тут и там, как созвездия; наверху небо было облачено в облака белые, которые ветер скользил. Рамка неуловимой красоты! Е внезапно ему показалось, что именно через образ своей любви они были ходить. Мир был его любовью, а его любовь-миром; и мир это имело глубокое, все более глубокое и таинственное значение. Доказательство Божьей доброты висело в этих облаках, двигалось с те овцы пасущиеся, мерцали в раскаленном добела цветении кусты-и шел с ним и Джоан, держась за руки, по трава, раскрывающая себя в счастье, которое они чувствовали. Его любовь, как ему казалось, в тот апокалиптический момент это было нечто большее, чем просто он был, я не знал, почему тайна, эквивалент этого ветра и от этого солнца отражение белых лучей над зеленым и голубым весной.

То, что он чувствовал к Джоан, как будто подразумевалось в мире, было божественный и универсальный смысл. Он любил ее бесконечно, и по этой причине он чувствовал способен любить, как и она, все вещи в мире.

Воспоминание об этих фактах было для него драгоценным, особенно сейчас, после того, как его чувства претерпели качественные изменения. Прозрачная и чистая, как родниковая вода, эта его бесконечная любовь кристаллизовалась-если с течением времени, в конкретных желаниях.

Et son bras et sa jambe, et sa cuisse et ses reins,

Полис comme de 1 ‘ huile, onduleux comme un cygne,

Passaient devant mes yeux clairvoyants et sereins,

Et son ventre et ses seins, ces grappes de ma vigne.

С тех пор, как Энтони впервые заставил его прочитать стихотворение, эти

стихи всегда заставляли его воображать; сначала безлично; однако позже они стали ассоциироваться определенно в образе Джоан. Полис comme de 1’huile, onduleux comme un cygne. Не было забыть. Слова присоединились к его духу., неизгладимо, как раскаяние, как память о преступлении.

Когда они вошли на станцию, они обнаружили, что у них еще почти пять минут ожидания. Двое молодых людей начали медленно ходить, идти и возвращаясь, вдоль платформы.

В стремлении успокоить досадную одержимость этой грудью., из чрева масляной вежливости Брайан наконец-то продолжил: - Мой мама очень любит ее.

— Это вызывает большое удовлетворение, - сказал Энтони; у него не было, после того, как он произнес эти слова, он почувствовал, что преувеличивал, что переоценивал одобрение. Если бы он влюбился в какую-то девочка, конечно, я бы не стал брать ее и подвергать осмотру отца и отца. Полина. Одобрение! Но, в конце концов, по правде говоря, это одобрение или неодобрение было чем-то, что не конкурировало с ними. Несомненно, миссис Фокс была другой; к ней можно было относиться более серьезно, чем к

Паулине или ее отцу. Но, тем не менее, не нужно было вмешиваться даже со стороны миссис Фокс. - Действительно, продолжал он в своих рассуждениях, его вмешательство было бы вероятно, встречено с неудовольствием, даже большим неудовольствием, чем если бы обращайтесь к другому человеку, и это в силу его морального превосходства. Ибо это превосходство представляло собой своего рода претензию, оно давало ему определенные права на других людей. Это было не так легко отпустить принять во внимание его мнение, как можно было бы сделать, например, по мнению Паулины. Я очень любил Миссис Фокс, уважал ее и я восхищался ею, но именно поэтому он чувствовал ее как угрозу виртуальный к вашей свободе. Потому что она могла бы-и, СМ правда, было бы, с будьте уверены, что если бы вам сказали-возражайте против того, как он смотрит на вещь. И хотя его критика была основана на принципах этого либерального христианства, и хотя не было никаких сомнений в том, что такой модернизм был настолько абсурдным, что, несмотря на притворяться научным, так безнадежно вне пределов рационализм как самый экстравагантный фетишизм-однако слова их, потому что они были ее, они обладали такой весомостью, что не могли больше не принимается во внимание. И это было потому, что он все делал как можно больше, чтобы не быть в состоянии слушать их. Уже было более года он принял ее приглашение провести некоторое время с ними в поле. Dis aliter visum. Но с некоторой нервозностью он предвосхитил его скорую встречу с ней.

Поезд пыхтел на станции. И там, через минуту, они были все они, на другом конце платформы —. Мистер Бивис в своем костюме серый, Паулина рядом с ним, огромный в ее лиловом платье, с апоплексическое покраснение на лице, вызванное тенью от вашего зонтика лилового цвета, а за ними стоящая и величественная миссис Фокс и маленькая девочка высокий с широкополой шляпой и цветочным платьем.

Мистер Бивис принял в качестве приветствия героико-комическое отношение, которое Энтони нашел это особенно раздражающим. - Шесть драгоценных душ, - процитировал он, похлопывая ребенка по плечу. - или, скорее, только четыре души драгоценные, но все нетерпеливые, чтобы преодолевать препятствия, бросаться в приключение.

- Итак, Энтони, - сказала миссис Фокс музыкальным голосом и

любящий. - Давно я его не видела.

— Правда. Давно. - Он рассмеялся, несколько смущенный, пытаясь вспомнить те изученные причины, которые я дал, чтобы не принять приглашение, которое она ему сделала. Чего бы это ни стоило, нужно было не противоречить-Вне на Пасху или Рождество что потребность работать в Британском музее вы держали его в Лондоне? Он чувствовал, что они бьют его в рука и, благодарен за этот предлог, чтобы прервать неловкий разговор, резко повернулся.

- Джей-Джоан, - говорил Брайан девочке в цветочном платье, - это а-Энтони.

- Очень приятно, - пробормотал он сквозь зубы. Я уже знал ее через много ссылок из… - Он заметил, что его волосы были красивыми, что ее красивые карие глаза имели особый блеск и пыл. Но профиль обвинял линии слишком сильно подчеркнутыми; и хотя губы они были хорошо высечены, у них был очень широкий рот. Что-то молочное, было ваше заключение. А потом одежда, домашняя одежда, абсолютно это ему не понравилось. Я бы предпочел что-нибудь более городское.

- Ну, двигайтесь вперед и ведите нас, Макдуф, - сказал мистер Бивис.

Они покинули станцию и медленно, по темной стороне улицы, были

прогулка в центр города. Все еще радостно Гилпинеско, как будто (и это особенно раздражало Энтони) экспедиция того дня была его первая праздничная экскурсия за двадцать лет, Мистер Бивис изобиловал в шутках сленга используется в Оксфорде в студенческое время. Миссис. Фокс слушал, улыбался в подходящее время, задавал подходящие вопросы. Паулина время от времени жаловалась на жару. Ее лицо лузия: и, тихо и грустно прогуливаясь рядом с ней, Энтони с тошнотой заметил, что этот запах, свойственный ему, становился все более и более интенсивным и неприятный. Время от времени он различал кусочки фраз, которые

они пришли из-за него, из разговора Брайана и Джоан. — … огромный ястреб, - да. Говорил с энтузиазмом и быстро. Должно быть, это был чокнутый. У него не было r-полос на с-с-с…в

хвосте? - Верно. Зачеркнуть темные на светло-сером фоне. - И-так это f-f-женщина-f-женщины имеют Ри-царапины на C-хвостах. - Энтони саркастически улыбнулся вам.

Они шли через Ashmolean, когда женщина, которая вышла из музея медленно шагая и с безутешным воздухом, он внезапно сделал сигнал рукой, чтобы они и, выкрикивая сначала имя мистера Бивиса, а потом, когда все они вернулись, чтобы посмотреть на нее, миссис Фокс, спустилась по лестнице в направлении из группы.

- Эй! И Мэри Чамперноун, - сказала миссис Фокс. - Мэри Эмберли, я должен сказать. Или, может быть, я не должен был говорить, она размышляла, вспоминая, что Эмберли были в разводе.

Имя и так хорошо известная физиогномика вызвали в духе Mr. Бивис просто приятное чувство признания и удивления. Высоко подняв шляпу, сознательно и комично пародируя расцвет старых времен, сказал новичку: - будь хорошо выглядящим, уважаемая леди.

Мэри Эмберли пожала руку миссис Фокс. - Как счастлив встреча! - воскликнула она, рана. Миссис Фокс была очень удивлена. сердечность. Мать Марии была ее другом; но Мэри всегда держалась дистанционный. И кроме того, с момента своего брака, он жил в мире что миссис Фокс не знала и в принципе не одобряла. - Как счастливо и замечательная встреча! - повторил другой, обратившись к мистеру Бивису.

- Счастье все наше, - галантно сказал он. - Вы уже знаете моя жена, нет? А как насчет молодого паладина? - Его глаза моргали; углы изо рта, под усами, подергивались, карикатуры. И держа Энтони за руку: - молодой сервер учреждений?

Она улыбнулась Энтони. Странная улыбка, по его словам, заметила; извилистая улыбка, в которой губы не разобщались, казалось бы, сдерживая тайное чувство. - Я его не видел уже много лет. - она сказала. — Со… — Конечно. с поминальных церемоний первой миссис Бивис. Но это было нелегко сказать. - С тех пор, как ты был этим размер! - И, подняв руку в перчатке на уровне глаз, измерил, между большой и указательный пальцы, пространство около дюйма.

Энтони рассмеялся нервным, запуганным и в то же время восторженным такая грация, такая естественность, такая живость.

Миссис Эмберли пожала руку Джоан и Брайану, а затем повернулась к миссис Фокс и, как бы объясняя эту ненормальную сердечность, сказала: “Я я был в ситуации Робинзона Крузо. Островная. - Задержался, с

комическая настойчивость в произношении первого слога. — Абсолютно Ин-сулада. Господствуя, какой монарх, все, что я исследовал. — Быть когда они шли, медленно, пересекая St. Джайлза, продолжил рассказывать историю сложно относительно его поездки в Котсуолдс; от встречи с некоторые друзья назначены на 18-е место в Оксфорде по возвращении из Котсуолдс; его отъезда из Чиппинг Кэмпден; его пунктуального прибытия в Место встречи, о том, как ей пришлось ждать, и она нетерпелива и я разозлился и в конце концов обнаружил, что однажды пришел до: 17-го. - Это хорошо для меня.

Все смеялись. Потому что она знала, как передать свой рассказ о непредвиденные фантазии и экстравагантности и, кроме того, он имел, рассказывая, чрезвычайно тонкий способ модулировать голос, чтобы адаптировать его к слова-голос, который знал, когда нужно ускоряться, не задыхаясь., когда тащиться, медленно, когда затухать, уходить до такой степени, что он становится почти неслышимым и обогащается, таким образом, недооцененными идеями и подразумеваемый.

Даже миссис Фокс, у которой была особая цель-не развлекаться - по причине такого развода, - не мог не найти в истории забавы.

Для Мэри Эмберли их смех был похож на шампанское: он согревал ее, это вызывало у него щекотку по всему телу. Не было никаких сомнений, что они были из уникальный облом; что они были филистимлянами. Но аплодисменты, все же когда тупицы и филистимляне, это всегда аплодисменты, и это всегда опьяняющий. У него был блеск в глазах и румяные лица. - Это хорошо мой образ и нет лекарства! - сказал он еще раз, оплакивая, когда смех прекратился; но жест, которым он стремился унизить себя, умаление себя было карикатурой; на самом деле она чувствовала себя гордясь своей некомпетентностью, она считала это частью своего обаяния женский. — В любом случае, — заключил он, - кем я был… это был только один потерпеть кораблекрушение. Только на необитаемом острове.

Они шли, мгновение, в тишине. Мысль, что она будет иметь то, что меня пригласили на обед с ними, было мыслью, которая была в все мысленные духи, которые тетя миссис Фокс смешала с досадой и в Энтони желания и смущения. Обед был подан в его жилые помещения; в качестве хозяина его обязанностью было пригласить ее. Что он, кстати, желал-желал ярко, горячо. Но что бы сказали другие? Не должен ли он в любом случае сначала проконсультироваться с ними? Мистер Бивис он пришел, чтобы вывести его из смущения, сделав предложение на свой страх и риск.

— Считать… - заколебался; потом, моргнув глазами, продолжил: - думаю что в нашем “празднике” примут участие еще один conviva, нет, Энтони?

- Но я не хочу быть слишком много, - возразила она, поворачиваясь к отцу

для сына. И заметила, что он красивый мальчик, чуткий и умный.

- Но ни за что… - повторял Энтони, серьезно и в то же время, бессвязно, — ни за что…

- Ну, если это действительно так… - Поблагодарил его с улыбкой внезапная близость, почти соучастие-как будто их связывает петля друг друга, как будто из всех этих людей они единственные, кто способен понимать вещи такими, какими они были на самом деле.

После обеда они должны показать Джоан вид на Оксфорд. Мистер. У Бивиса была назначена встреча с коллегой на Вудсток-Роуд. Паулина подумала, что не помешает провести время спокойно и без дела ничего, до чаепития. Они позволили Энтони сделать Мэри Амберли почести дома. Когда-то ответственность была восхитительной и тревожный.

В “хансоме”, который вел их к мосту Магдалины, миссис Эмберли он повернулся к нему, имея на лице живое выражение внезапной злобы.

- Бесплатно, наконец-то! - сказала она.

Энтони согласился, покачав головой, и ответил ей на улыбку понимаешь, Кого ты замышляешь. Им было трудно мириться, -

сказал он. - Думаю, я должен извиниться.

- Одна вещь, о которой я много раз думал, - это создание Лиги за уничтожение семей, - продолжала она. - Это не должно быть разрешено родители приближаются к своим детям.

- А что думал Платон, - сказал он с некоторой педантичностью.

- Да, но Платон хотел, чтобы дети были тиранизированы государством, вместо того, чтобы быть отцами и матерями. И я не хочу, чтобы они были тиранизированы никем.

Он рискнул личным вопросом: - Вы тоже когда-нибудь были тиранизированы?

Мэри Эмберли сделала знак “да”. — Ужасно. У немногих детей есть быть более любимым, чем я был. Это были настоящие побои любви, которые я получать. Они сделали меня психической унией. Мне потребовались годы, чтобы исцелиться от уродство- последовало молчание. Затем, беспокоя его взглядом кто бы ни просматривал Статью для продажи, она сказала:-Помнишь? Последний раз то, что я видел его, было по случаю похорон его матери.

Подземная связь между этим наблюдением и тем, что было незадолго до этого Пассара заставил его покраснеть, почувствовать себя виноватым в неудобствах плохих компании, - помню, да — - пробормотал он, вопреки самому себе за то, что я чувствую столько смущения и в то же время что-то стыдно иметь согласие, без малейшего протеста, на эту ссылку, хотя и подразумеваемое и он далек от своей матери от того, что испытывал такое слабое желание протестовать.

- Ты в то время был ужасным мальчиком, едва опрятным, —

она продолжала смотреть на него, как на того, кто осматривает. - Как они всегда уродливые дети этого возраста! Кажется невероятным, что они когда-либо будут однажды презентабельные человеческие существа. Это правда, - добавил он, - что многие из них не могут им быть. Грустно думать, не правда ли? - сколько людей там есть отвратительное тело и дух, огромная глупость и безграничная способность утомлять следующего!

Это было с насильственным усилием воли, что Энтони преуспел освойте свое смущение. - Надеюсь, я не стану одним из них? - сказал, поставив глаза в ее глазах.

Миссис Эмберли покачала головой и решительным серьезным тоном, ответил: - Нет. Я по праву думал, как ты сбежал вырывается из ужасов детства.

Он снова покраснел, но на этот раз от удовольствия.

- Посмотрим: сколько вам сейчас лет? - спросила она.

- Двадцать - почти двадцать один.

- А следующей зимой мне исполнится тридцать. И странно, — добавил, - как эти вещи меняют смысл-в последний раз, когда я видел его, эти девять лет были похожи на огромную пропасть между нами двумя. Бездна непреодолимо, мне тогда казалось. Мы принадлежали к разным видам. И в и все же вот мы сидим на одной стороне пропасти, как будто это была самая естественная вещь в мире, которая, кстати, и действительно, не оставляет быть, в настоящее время. - Повернулся и бросил на него эту тайную улыбку и значительный, с прибитыми губами. Странное свечение танцевало в его глазах, темный. Ах, вот Магдалина, - продолжила она, не давая Энтони времени и это было для него большим облегчением, потому что в волнение и смущение, в которых он оказался, он не знал бы, что сказать. — Какая душераздирающая вещь, этот готический стиль! Какая грязная штука! Это не из удивительно, что гиббон не имел большого значения для Средневековья! — Молчать-если вдруг вспомнил случай, когда ее муж сделал это то же самое и с гиббоном. Это был скоро месяц или два после того, как они поженились. Она была потрясена и поражена этими неутешительная критика вещей, которые она научилась считать священными и выше всякого суждения-потрясенная, но, тоже, взволнованная, тоже услаждать. Потому что было не очень весело наблюдать, как на священные вещи нападают так со всех сторон? И в те дни Роджер был все еще восхитителен. Он вздохнул, а затем, несколько раздраженный, попытался изгнать из духа сентиментальность и продолжал рассуждать об этой ненавистной архитектуре.

Карета остановила мост РИА; они подошли и спустились в гараж лодки. Мэри Эмберли, лежащая на подушках кверены, стояла бесшумный. С палкой на кулаке Энтони шел очень медленно, двигая лодку

против течения. С прищуренными глазами Мэри Эмберли видела пейзаж зеленый пройти, скользя. Темно-зеленый цвет деревьев выгнулся над оливковые тени и палево-сизые отражения воды; и среди сумеречные пятна этого зеленого свода, золотисто-зеленые луга были как острова ульмейрос. И всегда этот мягкий запах, этот запах я убиваю его, который чувствовал себя в реке; и этот воздух такой мягкий и теплый у его лица, что уже почти не было осознания границы между ” я ” и “не-я”. нет разделительной поверхности, но, наоборот, чувствовалось, что “я” сливается., в оцепенении сливаться в околоземное лето.

Стоя на корме, Энтони мог опустить на нее взгляд, как с выгодная позиция. Она лежала у его ног, вялая и заброшенная. Управляя своей длинной палкой с профессиональной практикой, из которой вы я гордился, чувствовал, созерцая ее, радость быть сильным и превосходящим. Больше нет теперь между ними не было пропасти. Она была женщиной, а он мужчиной. Подняв палку в воздух, выкинул ее вперед легким движением и изящный, без осадков, уверенный в своей силе. Вонзил ее в грязь, сжался. мышцы против сопротивления, против которого она выступала; лодка пела воды, конец палки поднялся с русла реки, на мгновение пополз и пошел опять же, с грацией, легкостью и мастерством, лихо вперед. Вдруг, она опустила веки и посмотрела на него таким же взглядом, каким он был экзамен, который так смущал его, когда они были в машине. Доверие в своей вариабельности он испарился, как по очарованию.

- Мой бедный Энтони, - наконец-то сказала она с внезапной улыбкой, которая у него было впечатление, что он приблизил его лицо. - Простой факт взгляд на тебя наполняет меня пылом.

Остановившись и укрепив лодку, он подошел и сел на место что она, раздвинув юбки, устроила его на подушке рядом с собой.

- Я не думаю, что твой отец слишком тиранизирует тебя, - сказала она, сделав тема автомобильной беседы.

Он покачал головой.

- Во-вторых, не так уж мало развращает его чрезмерной привязанностью представить.

Энтони чувствовал, не дожидаясь, чувство преданности Отец. - Думаю, я ему всегда очень нравилась.

- О, это уже видно, - с нетерпением сказала миссис Эмберли. — Я я никогда не думал, что он плохо с ним обращается, что он избивает его.

Энтони не мог удержаться от смеха. Зрелище его отца, Бегущего позади его дубинкой в руке был неотразимый комик. Потом более серьезно, сказал — - он никогда не подходил ко мне достаточно ума, чтобы иметь возможность ударить-меня. Между нами всегда была большая пропасть.

- Это, да; мы сразу чувствуем, что он умеет копать бездна. И тем временем, похоже, его мачеха договаривается с ним в тысячу чудо. Как это уже было с его матерью. Это, по крайней мере, то, что я думаю.

- Покачал головой. - Кроме того, брак - это такая странная вещь, такая необъяснимый. Мы всегда видим пары наиболее очевидных несовместимость они всегда живут вместе, в то время как они живут отдельно более очевидно совместимы. Скучные, скучные люди, невыносимых обожают, а прекрасных людей ненавидят. Почему? Бог знает почему. Но я полагаю, что это вообще то, что Милтон Зови гениальную кровать. - Гротескно задержался в произношении первый слог слова “гениальный”; но Энтони так беспокоился о том, чтобы не выглядеть потрясенным сотня ссылка на то, что он всегда считал недостойно упоминаться в присутствии женщины, которая даже не смеялась

- потому что смех может быть истолкован come автоматическая реакция на свободу язык со стороны средней школы.

Не смеялся, даже не улыбался; но очень серьезно, как будто признавая истинность теоремы геометрии, он покачал головой, согласный, и сказал серьезным и рассудительным тоном: - Да, я полагаю, это так обычно это то, о чем идет речь.

- Бедная миссис Фокс, - продолжила Мэри Эмберли. —. Я представляю что в ее случае был минимум гениальности.

Вы познакомились с ее мужем? - спросил он.

- Только в детстве. И после определенного возраста ребенок такой скучно, как и все остальные. Но моя мама часто говорила со мной его. Идеальное животное. И добродетель лично. Бог защитит меня от одного добродетельное животное! Порочные довольно злые,

но, по крайней мере, они никогда не бывают звери в принципе. Они несущественны; иногда по ошибке ведут-если хорошо. В то время как добродетельные-они никогда не забывают и не забывают. они обманывают; они чудовищны во всех случаях. Бедная женщина! Была жизнь собака, как мне кажется. Но мне также кажется, что у нее есть продолжение этой жизни с сыном.

- Напротив, она его обожает, - возразил он. -И Брайан любит ее одинаково.

- И именно то, что я говорю. Вся любовь, которую она никогда получил от мужа всю любовь, которую она никогда не давала ему-расширяется сейчас об этом несчастном мальчике.

- Но он не несчастен.

- Может, он этого не знает, может быть. Пока. Но ожидайте одного немного! - И после короткой паузы Миссис Эмберли продолжила: - У вас есть удача. Гораздо больше удачи, чем вы думаете.

ГЛАВА VII-7 июля 1912 г.

Миссис Фокс просматривала записную книжку, в которой она обычно сидела. обвинения и взятые на себя обязательства. Серия заседаний комиссии, районные визиты, послеобеденное время в комнате отдыха алейджадиньос, все это он затемнил страницы своего левша. И мы развлекались, были еще гости, и чаи в курато, и обеды в Лондоне. И все же она знала, что заранее) общим результатом всего этого будет изоляция, запустение приближается лето. Как бы она ни развивалась в деятельности, время всегда казалось ему пустым, когда Брайан отсутствовал. В годы ранее она всегда находила способ хорошо заполнить время. Но теперь, в июле, проведя неделю или две дома, Брайан собирался уехать в Германию. Для изучения языка. Это было важно. Она я знал, что он должен уйти; я серьезно хотел, чтобы он ушел. Однако, когда факт сбылся, когда действительно наступил момент отъезд, его боль была огромной. У него появилось желание быть откровенно эгоистичным и держать его при себе.

- Завтра в этот час, - сказал он, когда Брайан вошел в комнату, - ты он будет пересекать Лондон по пути на Ливерпуль-Стрит.

Он молча подтвердил, и, положив руку ему на плечо, поклонился и поцеловал ее.

Миссис Фокс посмотрела на него и улыбнулась. После того, как забыв для одного момент, когда она взяла на себя обязательство, если не сказала ей о его чувства, сказал:

- Боюсь, придется пройти-тоскливое и пустое лето;-упрекнул себя сразу за чтобы вызвать это выражение боли на его лице; он упрекнул себя, даже, несмотря на радость, которую я испытывал, наблюдая, как он так соответствует своим чувства, такие заботливые, такие чувствительные. — Если вы не наполните его своими письмами, - добавил он, - к травле лекарства от нанесенного им зла. — Вы напишете, не так ли?

- Си-Си-Си… естественно, я напишу.

Г-жа Фокс предложила пешеходную экскурсию; или, если бы они пошли на прогулку, машина? Как насчет этого? Смущенный, Брайан проконсультировался со своими часами.

- Но, я в-я буду обедать с Th-thursleys, - ответил он скованный. - Не было бы много т-т-т… много f-слабина- (что раздражения вызывали у него эти нелепые обрывки!)- для одного прогулка.

- Но я такая сумасшедшая! - воскликнула Миссис Фокс. — Иметь совершенно забыл свой обед. - Это правда, что он забыл; и

представьте себе сейчас, внезапно, долгие часы, которые я бы провел без него в этом в последний день он чувствовал себя как рана в сердце. Приложил усилия к не допускать появления его в физиогномике или в голосе любого, кто обвиняет его в боли что я чувствовал. - Но, по крайней мере, будет время для прогулки в саду, нет?

Они вышли через стеклянную дверь и спустились вниз по длинному зеленому тополю лужайка. Это был солнечный, но теплый, почти душный день. Под небом серые, цветы приобрели блеск, в котором было что-то искусственное. Всегда молча, они подошли к концу тополя и отступили.

В конце концов, Миссис Фокс сказала: “Я рада слышать, что речь идет о Джоан; и рад видеть, что вы так заинтересованы. Хотя, конечно режим, жаль, что ты нашел ее. Потому что я думаю, что

очень, очень время должно пройти, пока вы не сможете жениться на ней.

Брайан согласился, не говоря ни слова.

- Это будет время репетиции, - продолжила она. - Трудно, может быть, нет очень счастлив. В любом случае,- (его голос вибрировал от эмоций), - радует меня пусть это произошло; это радует меня, - повторил он. - Потому что я верю в любви. - Верил, как бедняки верят в небо славы и посмертное утешение, ибо она никогда не знала. Уважала мужа, восхищался его подвигами, любил его в том, в чем его можно было любить, по материнской линии она жалела его за его слабости. Больше чувствовал преображенная страстью, и ее плотское сближение всегда было для нее. возмущение, едва терпимое. Я никогда не любил его. Вот почему была так сильна его вера в реальность любви. Любовь должна была существовать, чтобы может быть исправлено, по крайней мере, делегацией, зло, которое он сделал с ним страдать от собственного личного опыта. Более того, было свидетельство поэтов; поэтому не было сомнения, что любовь существует и объединяется священное, чудесное, откровение. - И своего рода особая благодать, — она продолжала, - послал Бог, чтобы помочь нам, чтобы сделать нас больше сильные и лучшие, чтобы избавить нас от зла. И легко избавиться от зла. когда нам дали знать добро.

Легко, это отражалось с Брайаном в тишине, которой он следовал, даже когда нам не дали знать добра. Женщина, которая пришла сесть за их стол в кафе-концерте, когда Энтони и он учили французский в Гренобль, два года назад ему было не трудно устоять перед этим искушением.

- Tu as Tair bien vicieux, - сказала она ему в первом промежутке; и Энтони: - II doit être terrible avec les femmes, a? — Затем он пригласил их пойти с ней домой. - Tous les deux, j'ai une petite amie. Nous nous amuserons bien gentiment. On vous fera voir des choses drôles. Toi qui es si vicieux-za famusera.

Нет, конечно, ему не трудно сопротивляться этому, хотя, для в то время я никогда не видел Джоан. Истинные искушения они были не худшими, а лучшими. В Гренобле лучшее искушение, которое он нашел это в литературе. Et son ventre, et ses seins, ces grappes de ma Винь… Elle se coula à mon côté, inappela des noms les plus

tendres et des noms les plus effroyablement grossiers, qui glissaient sur SES levres en нежные бормотания. Puis elle se tut et commenca à me donner ces baisers quelle savait… Творения лучших дизайнеров обладали силой гораздо более опасное притяжение, гораздо менее легко сопротивляемое, чем грязные реалии кафе-концерта. И теперь, когда он открыл свои руки, в наилучшей возможной реальности притяжение зла стало еще меньше эффективный, он полностью перестал быть чем-то похожим на, даже издалека, к искушению. Если искушение было, это было хорошо, что пытаться. Невозможно пожелать низкому, вульгарному, полуживотному существу кафе-концерт. Что касается Джоан, то дело было другим. Она была прекрасна, изысканные вкусы, общающиеся с ним по интересам и склонностям-и именно по этим причинам это было искушение. Именно потому, что он воплощал добро (и в этом был парадокс, который огорчал и беспокоил его) в том, что он он желал этого неправильно, физически…

- Помнишь те стихи Мередит? - сказала миссис Фокс., нарушая тишину. Мередит была одним из его любимых авторов. — Те стихи, которые есть в Вудсе, - уточнил, сокращенно нежно название стихотворения почти до такой степени, что сводит его к прозвищу. И процитировал:

“О! любовь, большой вулкан, превращается в огонь,

Мерзкая земля и брось ее в небо.”

- Любовь - это своего рода философский камень, — продолжила она. — Не это только освобождает нас, но и трансформирует нас. Преврати джинсовую ткань в золото. А земля в небе.

Брайан покачал головой, подтверждая это. И все же то, что он был думая, что эти сладострастные и ахефальные тела, созданные стилисты, в конце концов, действительно взяли на себя физиогномические черты Джоан. Несмотря на любовь или именно из-за любви, эти видения у сукубиков теперь было имя, личность.

Часы в конюшне бьют двенадцать плющей; при первом ударе тихий взрыв голубей, как снежинки, кружащиеся в направление густой тьмы далеких Вязов.

- Какая красота! - сказала миссис Фокс, выделив слоги для выражения

с большей интенсивностью его восхищение.

- Но давайте предположим — это была идея, которая внезапно пришла в голову Брайану — давайте предположим, что она оставалась, от часа к часу, совершенно без деньги. Что, если Джоан окажется такой же бедной, как эта жалкая женщина Гренобль, в той же непоправимой бедности и без права регресса?

Медленно умирал последний удар часов, и один за другим голуби, после их эволюции в космосе, возвращались к своей голубятне украшенный тостерами и расположенный над часами.

- Я думаю, вы должны идти прямо сейчас, - сказала миссис Фокс, - так как у вас есть назначенное время прибытия.

Брайан знал, как сильно его мать всегда не хотела отпускать его вот так, эта хвастовство щедростью породило в нем чувство вины, а в то же время (поскольку он не хотел чувствовать себя виноватым) правильно обида. - М-но я не г-трачу Н-ни часа, - сказал почти злой, - для f-сделать три мили b-велосипеда.

Через мгновение он уже почувствовал смущение от тона раздражения с которым он разговаривал, так что все остальное время он был в компания его матери, он показал себя из нежности из ряда вон выходящей.

В половине двенадцатого он сел на свой велосипед и отправился домой к Терсли. Служанка открыла входную дверь дома в готическом стиле девятнадцатого века. Вскоре, войдя, он почувствовал слабый запах пудинга и капусты. Это было привычно. О курато всегда пахло пудингом и капустой. Это был симптом, как он он обнаружил бедность и, таким образом, дал ему ощущение моральное смущение, как будто я сделал что-то порицаемое и не ощущайте спокойную совесть.

Он был введен в живущую комнату. Ведя себя так, как будто перед благочестивой дамой Миссис Терсли встала из ее письменный стол и пошел ему навстречу. - О, мой дорогой Брайан! — воскликнуть. Его профессионально христианская улыбка показывала ему вставные зубы блестящие, как жемчуг. - Как приятно вас видеть! - Взял ее за руку., удерживаю ее в своей. - А твоя дорогая мама, как она? Конечно, много опечален предстоящим отъездом в Германию. Кстати, все мы нам будет грустно, если это сбудется. У вас есть дар заставлять нас чувствовать ее отсутствие, - продолжала она, всегда в одном и

том же стремлении расточить доброта, в то время как Брайан краснел и бился в пытках принуждение. Говорить добрые вещи на щеках Ближнего, особенно на щеках богатых людей, влиятельных людей, которые это была привычка миссис Терсли. Христианское дыхание-бы она сказала, если бы ее попросили объяснить. Доказательство того, что он любил Ближнего; что он видел добро во всем мире, что он создавал атмосферу сочувствия и

доверие. Но ниже уровня исповеди, ниже, почти, уровня исповеди. совесть, она знала, что многие люди жаждут лести, какой бы возмутительной она ни была и так или иначе, она всегда была готова заплатить.

— Ах, но вот Джоан, - воскликнула она, прерывая комплименты, которые я бы сделал Брайана. И добавил тоном, полным двусмысленности: - вы естественно, он не захочет разговаривать со своей старой мамой скучно, правда, Джоани?

Двое молодых людей посмотрели друг на друга, пойманные в тупое смущение.

Дверь чофре открылась, и Мистер Терсли ворвался в комнату А. — Посмотрите на это! - закричал он дрожащим от гнева голосом, показывая в руке чернильница. - Как вы, ребята, хотите, чтобы я сделал свое я работаю с одной восьмой дюйма осадка в чернильнице. Намочить, мочить, мочить перо все утро! Не имея возможности писать больше, чем два слова за раз…

- Брайан здесь, папа, - сказала Джоан, надеясь, что заранее, он признал напрасно, что присутствие незнакомца смущает его и делает это молчать.

С острым носом, все еще белым от гнева, Мистер Терсли посмотрел в лицо для Брайана, пожал ему руку и, повернувшись, немедленно продолжил его гневные жалобы. Так всегда бывает в этом доме. Как просят надеяться, что может ли человек выполнять ответственную работу?

— О, боже мой, - умоляла Джоан, - заставь его успокойся, заставь его заткнуться.

- Как будто он сам не может наполнить чернильницу! - думал Брайан. - Почему она не говорит вам об этом?

Но миссис Терсли было невозможно сказать или даже подумать о подобном вещь. У него были его проповеди, его статьи в Guardian, его исследования о Неоплатонизм. Как можно было ожидать, что он сам наполнит свою чернильница? И для нее, и для него это было ясно, стало, после из этих двадцати пяти лет жестокого рабства и легкомысленно приняв, он стал полностью аксиоматическим, что он я не мог сделать ничего подобного. Кроме того, если бы она осмелилась предложить, в любом случае, если бы он не был там слишком прав, его гнев стал бы еще более жестоким. Только Бог знал, что он не сделает или не скажет— даже в присутствие Брайана! Это было бы ужасно. Она начала извиняться за причина пустой чернильницы. Жалко извиняться перед собой., извиняюсь за Джоан, извиняюсь за слуг. Тон, в котором он говорил, был время, мольба и умиротворение; как если бы он имел дело с кто-то, кто был одновременно Иеговой и свирепой собакой, которая могла бы кусать в любой момент.

Гонг-у Терсли был гонг, который можно было услышать от одного крайний другой герцогской усадьбы — гонг храпел, пока не ударил одного громовое “фортиссимо”, сводившее к тишине даже священника. Однако вскоре, когда звук уменьшился, он начал снова.

- Как будто я прошу одну вещь из другого мира: наполнить чернильница, - сказал он.

— Он будет спокойнее, когда увидит еду на столе, - подумал он с миссис Терсли, и она была первой, кто направился в столовую, затем Джоан. Брайан хотел, чтобы мистер Терсли взял его на себя. Этот, однако, несмотря на его гнев j usta, он не забывал о своих хороших манерах. Положив руку на плечо Брайана, он мягко толкнул его к двери, не однако оставить на мгновение, чтобы разгрузить свою жену тяжелая артиллерия.

- Как будто я требую больше, чем просто немного тишины и необходимые материальные условия для работы. Минимум из минимальный. Но даже этого я не могу достичь. Дом такой же шумный, как железнодорожная станция; и они забывают наполнить мою чернильницу до такой степени, точка, которую я вынужден написать с крошечной черной грязью, которая оставайся на дне.

Под этим плотным огнем миссис Терсли ходила, съеживаясь, и

удрученный. Брайан заметил, что Джоан тем временем встала: у нее было тело опозорился и опозорился из-за перенапряжения.

В столовой они нашли двух мальчиков, младших братьев Джоан, уже стоящей за стульями. Увидев их, Мистер Терсли покинул дело о чернильнице и вернулся к вопросу о шуме в доме. - И, как я уже сказал, как будто мы возвращаемся в сезон, - повторял он, и он вспыхивал от интенсивность возобновила свое праведное негодование. - Джордж и Артур были все утро поднимался и спускался по лестнице и бегал по саду. Почему это что вы не можете заставить их молчать?

Теперь все они были на своих местах; миссис Терсли в с концов стола муж на другом; два мальчика слева от мать; Джоан и Брайан справа. Все стояли, ожидая, что викарий скажи свою молитву.

- Они выглядят как хулиганы, - сказал мистер Терсли. прожил пламя холеры; всколыхнул его ужасно восхитительный жар. Они выглядят как дикие.

Прилагая усилия, он позволил свисать над грудью длинному складчатому подбородку и молчал. Он все еще хранил в носу бледность смерти, которая его в результате бешенства, как морские животные в аквариуме, Вентас сжимался и расширялся регулярными, но возбужденными движениями. Na

правая рука держала чернильницу.

- Бенедикт бенедикат, per Jesum Christum Dominum nostrum, — наконец, он сказал своим голосом о том, кто молится, глубоким голосом, в котором” тремоло” он осуждал и испытывал трансцендентные чувства.

С шумом сдержанного движения, которое внезапно отрывается., все они сели.

- Всегда ревет и воет — - сказал мистер Терсли, возвращаясь из тон жалости к резкости его примитивной грубости. - Как можно ожидать, что я буду работать? - Полный негодования, положил, с ударом когда она была жестокой, чернильница стояла на столе перед собой, а затем развернула салфетка.

На другом конце стола Миссис Терсли нарезала фаршированную

утку, с необычайной быстротой.

- Передай это отцу, - сказала она сыну, который был ближе. Было важно не тратить время на то, чтобы заставить его есть.

Через секунду или две горничная предлагала мистеру Терсли овощ. Она приносила жесткий фартук и шапочку из такой резинки и маневрировала с такой же ловкостью, как солдат гвардейского корпуса. Блюда для овощи были ужасны, больше стоило дорого. Ложки были из тяжелое викторианское серебро. С ними священник сначала налил себе картошку приготовленная, а затем растертая капуста и выложенная на влажные зеленые пельмени в виде кирпичей.

Г-н Терсли, по-настоящему опустошенный гневом, продолжил: женщины абсолютно не понимают, что такое серьезная работа. — Затем он начал есть.

После того, как мы подали утку другим, Миссис Терсли рискнула примечание. — Брайан уезжает завтра в Германию, - сказал он.

Мистер Терсли поднял глаза, быстро пережевывая пищу резцы зубов, как у кролика. - В какой точке Германии? — - спросил он, пристально любознательно глядя на Брайана. Ваш нос вернулся к нормальному цвету: покраснел.

- М-Марбург.

- Где университет?

Брайан дал знак “да”.

Трясущийся весь, с шумом, похожим на тот, который производит угольная Кока-Кола когда насыпали в корыто, Мистер Терсли рассмеялся. — Не пей пиво со студентами, - сказал он.

Шторм прошел. Отчасти в знак благодарности, что он пришел от всего сердца, отчасти, чтобы заставить мужа почувствовать, что она вы находили грабителя неотразимой, миссис Терсли тоже рассмеялась.

- О нет, - воскликнул он, - не поддавайтесь этому! Брайан улыбнулся и покачал головой.

Вода или вода зельца? - конфиденциально спросила горничная, кланяясь и делая это, выскакивая жилет и накрахмаленные.

-А-а-вода, пожалуйста.

После обеда викарий вернулся в свой рабочий кабинет, миссис Терсли предложила в своем Живом, значимом и смущающем стиле, пусть двое молодых людей отправятся на прогулку. Дверь в боеголовке, перед домой, ударил, едва они переставили его. Как заключенная, которая наконец-то была восстановленная в своей свободе, Джоан глубоко вздохнула.

Небо все еще было загружено, и под низким потолком серых облаков, в воздухе была какая-то легкая прогулка, как будто вялость, вызванная усталостью, как будто усталость, вызванная тяжестью чрезмерного лета. Мы рощи, в которых они уходили от Королевской дороги, были тишина, которая подавляла, как намеренное молчание чувствительных существ, беременная от неконфессиональных мыслей и скрытых чувств. Невидимая птица он начал петь; но можно было бы сказать, что этот чистый и живой звук пришел еще время и другое место. Они шли рука об руку, и среди них был тишина леса и в то же время тишина глубже, плотнее, более скрытно от собственных невозмутимых эмоций. Молчание жалоб что она была верна больше, чтобы произнести и сожаления, что, если она не жаловался, он чувствовал, как оскорбление перевести в слова; рвение, в котором она горела, от ощущения уюта его рук и тех желаний, которые он я не хотел чувствовать.

Путь, по которому они шли, был открыт среди зарослей рододендронов. Они внезапно пришли к узкому проходу, окруженному с одной и с другой стороны темно-зеленой листвой, образующей непроницаемый вал. Быть одиночество внутри одиночества, образ их собственного молчания заметно запечатлен в большей тишине леса.

- Почти в страхе, - прошептал он, когда они остановились там. слушая — ибо они не могли слышать ничего другого), слушая пульсация собственного сердца, слушая, одно, дыхание течка другое.

Внезапно она больше не могла сопротивляться, и на нее была подана жалоба Воля: - Когда я думаю о том, какими будут эти будущие дни дома. Ах, как бы я хотел, чтобы ты не был, Брайан!

Брайан посмотрел на нее, и, увидев эти дрожащие губы, Эти глаза сияя слезами, он чувствовал себя, так сказать, рассыпанным нежностью и за горе. Бормоча ее имя, он обнял ее. Джоан он оставался совершенно неподвижным моментом, бездельничал, отдыхал. лоб ему на плечо. Брайан почувствовал на губах электрифицирующий контакт

ее волосы и аспирация ее духов.

Внезапно, как проснувшись от сна, он вздрогнул и ушел. от него чуть-чуть, посмотрела ему прямо в лицо. Его взгляд имел неподвижность отчаянная, почти нечеловеческая.

- Любовь моя, - пробормотал он.

В качестве единственного ответа Джоан покачала головой. Но почему? Что если отказывался ли он, какому доказательству его привязанности, если он возражал? - Но J-Джоан…? — В его голосе звучал тревожный тон.

Однако она не ответила. Просто посмотрел на него и снова, потихоньку покачал головой. Сколько негативов было выражено в этом простом движение! Отказ от жалоб, отрицание возможности их собственное счастье, печальная настойчивость в том, что вся эта любовь обоих ничто не стоило против боли отсутствия, решения не использовать его горе, от того, чтобы не вырвать у него очередное признание, более страстное, тем более пылкое пусть она пожелает…

В быстром жесте он взял ее лицо между руками и, наклонившись, поцеловал ее в губы.

Это было тем, что она решила не завоевывать его, это было то, что жест, который не мог иметь никакого значения против его неизбежного несчастья! При секунду или две она напрягла свое тело, сопротивляясь, снова попыталась встряхнуть голова, стремилась отступить. Затем, побежденный более сильным желанием, что она сама, вялая упала ему на руки. Сжатые губы, которые предлагали сопротивление, в конце концов, они приоткрылись и уступили своим поцелуям; она сжала веки, и тогда в мире не было ничего, кроме того рта, который он целовался и это худое, твердое тело, которое вознаграждает себя против его.

Некоторые пальцы решали ее волосы над затылком, скользили по ней. вокруг ее шеи, они спускались к ее груди. Ей не хватало сил, она он чувствовал, что все больше и больше впадает в этот другой мир тайн, за веками, в коварной Вселенной осязания.

Затем, без всякого знака, как бы поспешно повинуясь какой-то неразборчивый лозунг, он оторвался от него, оставил его. в одно мгновение она почувствовала, что вот-вот упадет; но силы все еще вернулись к ней. время на коленях. Он колебался, шатался, затем восстанавливал равновесие, и с это осознание полученного им обиды. Он наклонился над ним. всем своим существом, телом и душой, и он согласился, чтобы она падала, он отрекся от ее губ, рук и груди и внезапно оставил ее там, холодной и ужасно обнаженная, без защиты и как бы обнаженная. Открыл полные глаза, от горечи и упрека, и увидел его там, стоящим там, бледным и с видом, странно и незаметно; он на мгновение переписывался с ним, глядя на него, и в затем отвел лицо.

Возмущенное возмущение превратилось в беспокойство. — Что это такое, Брайан?

Он созерцал ее на мгновение, а затем снова отвернулся от взгляда. - Может, нам лучше пойти домой, - тихо сказал он.

Это было в один из последних дней сентября. Под бледно-голубым небом, места далекие представляли себя грустными, безмерно трогательными под туманом тонкий. Мир казался далеким и странным, как воспоминание или идеальный.

Поезд остановился. Брайан сделал знак одинокому носильщику, но, к сожалению, из этого он вышел сам с самым тяжелым чемоданом. Ему казалось, что с даром работа к мышцам, смогла сбросить осведомленность части веса которая к возможность покупки услуг бедного человека, как правило, навязывает-тенденция, которая возрастала с возрастом.

Носильщик тут же прибежал и чуть не вырвал портфель из рук Брайан. У него тоже была совесть. - Оставь это мне, чувак. Господи, - сказал он, почти с негодованием.

-В C-C-C есть еще две… там d-внутри, - исправил Брайан, очень после того, как загрузчик вошел в непроизносимый отсек для соберите оставшиеся части. - Ты хочешь, чтобы я помог? — предлагать. Мужчина он был стар, — на сорок лет старше его, -

считал Брайан; волосы белые, лицо, полное морщин, но я называл его “сэр”, я нес его сумки и был бы очень благодарен за челим. - Ты хочешь, чтобы я…?

Старый грузчик даже не ответил, а энергично оторвался сумки вешалки, в явном показе хорошо направленной силы, что гордился.

Похлопывание по плечу заставило Брайана быстро повернуться. А человек, который коснулся ее плеча, был Джоан.

- Во имя короля! - сказала она; но смех, который сопровождал ее слова был принудительный и был его глаза выражение тревоги-а беспокойство, накопленное неделями бурных спекуляций. Все эти странные, грустные письма, которые он написал ей из Германии-они были у нее оставленный в болезненной неуверенности в том, что думать, как чувствовать, что ждать его, когда он вернется. Правда в том, что в своих письмах он только сам сама себя упрекала-с насилием, до интенсивности которого она не видела объяснение. Но до такой степени, что она была ответственна за то, что это произошло в лесу (и, несомненно, она была отчасти ответственна; почему нет? в чем был большой вред простого поцелуя?) она тоже чувствовала обстреляны упреками. И если он упрекал ее, мог ли он все еще любить ее? Что он действительно чувствовал себя о себе, о себе и о себе.

их взаимоотношения? И это было просто из-за того, что я не мог ждать, минуту даже, ответ, что она пришла, чтобы найти его в станция.

Брайан стоял неподвижно и Немо. Я не ожидал увидеть ее так быстро, и он был почти поражен, обнаружив себя таким в его присутствии, не имея для этого подготовились. Автоматически протянул ему руку. Джоан взяла ее и сжал его в своем, сильно, сильно, как желая навязать реальность любовь, которая голосовала за него, но в то же время она чувствовала, что это отталкивало от него опасения, смущающую неуверенность в том, что он возможно, она стала, она чувствовала себя отдаленной от него, как от неизвестного. Изящество этого застенчивого и беспокойного движения сделало его таким же сенсибилизированным, как и раньше он стал сенсибилизированным в первый раз, когда они встретились. Это было, несмотря на смущение, которое раскрыло движение,

изящество урны нежное дерево качается под дует ветер. Так он думал в первый раз. И теперь это изящное движение повторялось; и красота этого жеста снова была откровение, более живое, чем прежде, в силу внушения подразумевается, что он снова стал чужим; но незнакомец против чье обновленное состояние странности это рукопожатие протестовало, почти с насилием.

Ее лицо выглядело взволнованным чувством нерешительности, в то время как она смотрела на Брайана, и эта вымышленная жизнерадостность угасала и превращение в глубокий трепет.

— Ты не рад меня видеть, Брайан, - спросил он.

Эти его слова пришли, чтобы отменить sortilegia; он чувствовал себя способным стать улыбаться, уметь говорить. - С-доволен? - повторил; и как ответ, поцеловал ее руку. - Но я не с-я рассчитывал найти ее здесь. Почти м меня напугать.

Ее слова, выражение ее лица успокоили ее. Во время этих двух первые несколько секунд молчания, его лицо, неподвижное, окаменевшее, выглядело-если ему лицо врага. Но теперь, с этой улыбкой, он преображал, снова был, старый Брайан, которого она любила; такой чувствительный, такой добрый и добрый; и так прекрасен в своей доброте, прекрасен, несмотря на это лицо длинный странный с, от этого зачищенного тела, от этих конечностей, неупорядоченные движения.

Поезд был запущен с большим шумом, он приобрел скорость, и отсюда мало что исчезло. Старый грузчик вышел за одним тачка. Они остались одни на краю длинной платформы.

- Я думала, ты не любишь меня, - сказала она после долгое молчание.

- М-Мас Джоан! - он протестовал. Они улыбались друг другу; затем,

через мгновение он отвернулся. Не любить его? находиться думать. Но дело было в том, что он любил ее больше, чем любил порицательно, несмотря на высокие нравственные качества они вдохновили его на эту любовь.

- Я думал, ты злишься на меня?

-Но почему я должен был быть? - Я все еще держу лицо в стороне.

- Вы знаете почему.

— Не на ви-тебя я зол.

- Но это была моя вина.

Брайан покачал головой. - Это не так.

- Да, - настаивала она.

Вспоминая, что он чувствовал, когда держал ее на руках, прямо там, на пути. темный среди зарослей рододендронов, он сделал, с большим упором, голова.

Старый швейцар снова был там со своей тележкой и своими комментарии о погоде, ваши отдельные новости и ваша болтовня.

Они следовали за ним, разыгрывая для него его роли дружки в местной драме.

Когда они приближались к воротам, Джоан положила руку на руку Брайана. - Значит, все в порядке, да? - Твои глаза встречаются. — Могу я быть доволен?

Он сделал знак “да”, не говоря ни слова, только улыбаясь. В машине, по дороге в домой, он продолжал вспоминать внезапное сияние, которое у него было на лице, в ответ на его немой жест. И все, что он мог сделать, это заплатить так много. любовь была… В память о нем вновь появились заросли рододендронов и она чувствовала себя в ловушке стыда.

Когда миссис Фокс узнала от Брайана, что Джоан была на станции, она чувствовала себя очень обиженной. С каким правом? Перед мамой… И, кроме того из этого, сколько недобросовестности! Потому что Джоан приняла его приглашение прийти и пообедать с ними на следующий день после возвращения Брайана. Что я хотел сказать, что у нее было признано исключительное право Миссис Фокс на компанию ее сына в день прибытия. И тем временем она была там, бежала на станцию в спрятаться, чтобы забрать его, как только он выйдет из поезда. Это было почти нечестный.

Ревнивое возмущение Миссис Фокс длилось всего несколько секунд; даже интенсивность этого чувства ускорила признание

того, что это было несправедливо, что недостойно. Не останавливайся на его лице, даже самый легкий знак того, что она чувствовала, и это была сотня улыбок удовлетворенной снисходительности, которую она выслушал описание встречи, смутно измененное Брайаном. После, обладая большой силой воли, он не только смог изгнать выражение

его эмоции, но он даже исключил из своего сознания свою собственную эмоция. Все, что безличное уважение упирается в достоинство поведение могло, как ей казалось, оправдать то, что она все еще чувствует, это был определенный печальный упрек - какой термин она должна использовать? — она отсутствие наивности Джоан. Потому что это было не совсем правильно, что девушка я бы так его обошел.

Это было не совсем правильно; это было, однако, очень понятно, это было размышлять сейчас, очень простительно, когда любишь… И Джоан была импульсивный, эмоциональный темперамент. Что, по мнению Миссис Фокс, не она перестала иметь свою счастливую сторону. Импульсы были так сильны для добра. как для зла. Если бы можно было направить эту глубокую и мощную поток жизни, который у нее был внутри, если бы можно было апеллировать с безопасность для того, что было в ней лучше всего, можно поддержать ее в этих прекрасных и щедрые устремления ее — о, как бы она была существом великолепна! Великолепная, она настаивала на себе миссис Фокс.

- Так — - сказала она на следующий день, когда Джоан пришла на обед. - Я знаю. который поймал нашу скалу за крыло, прежде чем он успел приземлиться. - Тон был шутливым, и на нем красовалась очаровательная улыбка. лицо миссис Фокс. Но Джоан покраснела, чувствуя себя виноватой.

- Вы не злились на это, не так ли? - спросила она.

- Злиться, я? - повторила Миссис Фокс. - Но злится, почему, моя дорогая? Я просто вспомнил, о чем мы договорились. Но, естественно, если вы почувствовали, что совсем не можете ждать…

- Я сожалею об этом, - сказала Джоан. Но к его лицу поднялась жара,, все, что было почти ненавистью.

Миссис Фокс нежно положила руку на плечо девочки. — Пойти

прогуляться на улице, в саду, — предложил он, - посмотреть, есть ли там Брайан.

Глава VIII - 27 мая 1914 г.

Когда Энтони спустился на утреннюю трапезу, он нашел своего отца объясняя двум дочерям этимологию того, что они ели. — … это не если не другая форма “потажа”. Вы говорите “порридж” так же, как они говорят-или раньше (подмигнул им), что я надеюсь, что они не скажут — “shurrup “вместо”chut up”.

Два пекерруча продолжали есть, как две лорпины.

- О, Энтони! - продолжил мистер Бивис. - Лучше поздно, чем никогда. Что! Не хотите бульон сегодня? Но я надеюсь, что вы по крайней мере съедите один абердинская отбивная.

Энтони налил себе “пикшу” и пошел сидеть вместо нее.

- Вот вам письмо, - сказал мистер Бивис и протянул ему письмо. Судя по тексту, это Брайан, да? - Энтони подтвердил. — Он вы продолжаете получать удовольствие от своей работы в Манчестере?

- Думаю, да, - ответил Энтони. - Плохо то, что он работает более. До часа ночи или до двух, это в газете. А потом, между обед и ужин, вы все время заняты своей диссертацией.

- Все в порядке. Мне нравится видеть такого парня с большим количеством энергии реализовать свои амбиции, - сказал г-н Бивис. Потому что, в конце концов, ему не нужно так много работать. Ваша мать не леди, которая не имеет ресурсов.

Эти ресурсы настолько раздражали Энтони, что, хотя он и находил абсурдный образ жизни Брайана, это было с ужасной строгостью, что он ответил отец. - Он не хочет брать деньги своей матери, — сказал он. холодно. - И принципиальный вопрос.

Пока дети отворачивали от себя свои бульонные тарелки, а отец их он подавал отбивные из Абердина, Энтони воспользовался возможностью, чтобы начать читать письмо.

“Я давно не слышал от вас. Здесь все идет как обычно, или бы, если бы я чувствовал себя немного более взволнованным. Но у

меня нет спал очень хорошо, и внутренняя жизнь не то, что можно было ожидать. В следовательно, я опаздываю на диссертацию, так как я не могу опаздывать на газета. Все это заставляет меня Жить страстно желать и предвосхищая наши запланированные две недели в Лэнгдейле. Для всех богов, нет унывай! Сколько мучений причиняет нам наша тушка, когда она несет по крайней мере, слайд. И, если говорить правду, даже когда ты идешь правильно и

апрумада. Часть неприятностей, которые давно прошли. Я остаюсь в раз глубоко раздражен этим физическим предопределением для эсхатология и непристойность.

Напишите Мне кратко, рассказывая мне, как вы проходите, что вы читали, если он был с кем-то, кто нам интересен. И вы хотите сделать мне обсехиум? Джоан сейчас в городе, живет со своей тетей и работает на Благотворительная ассоциация. Отец, естественно, не хотел, чтобы она была, я бы предпочел, чтобы она была дома, чтобы я мог ее тиранизировать. Это был долгий бой, в котором он в итоге проиграла; она уже почти месяц в городе. Радоваться безмерно с этим, но в то же время по разным причинам я чувствую немного волнуюсь. Если бы я мог отсутствовать по субботам и воскресеньям,, я бы лично; но я не могу. И, возможно, в каком-то смысле лучше так. В плачевном состоянии, в котором я сейчас нахожусь, я бы отдал печать скелета на празднике; и, кроме того, есть определенные осложнение. Я не могу объяснить это письмом; я постараюсь сделать это, когда вы приедете на север в июле. Я должен был попросить вашего совета раньше. У тебя голова сильнее меня. И вот, в конце концов, причина, почему я еще не говорил с вами об этом деле. Я боялся, что ты меня примите это за дурака! я думаю, что это глупость. Но давайте оставим это все будет обсуждаться позже. Теперь я хочу, чтобы вы вошли в свяжитесь с ней, пригласите ее на обед или ужин постарайтесь заставить ее говорить и затем напишите Мне, как вы думаете, что она чувствует в Лондоне, что она думает о жизни в целом и т. д., коммуникации. Это было насильственное изменение-от отдаленное место, в Лондон, из нищеты, полной трудностей, в богатый дом, от подчинения к тирании сварливого отца, к независимость. Резкий переход; и хотя этот факт наполняет меня радостью, я немного нервничаю и опасаюсь его последствий. И это то, что я прошу вас посмотреть на это. - Всегда твой,

В

В тот же день Энтони отправился искать ее. Заметил, когда они сжались руки в вестибюле ресторана, которые она хранила, все еще та же старая застенчивость, та же улыбка, полная смущения, те те же движения уклонения и отступления. На лице и в тело, больше женщины, чем когда я видел ее в прошлый раз годом ранее, выглядит также красивее, в основном из-за того, что, несомненно, быть лучше одетым.

Они вошли в ресторан и заняли место за столом. После отправки увидев любое блюдо и бутылку “Vouvray”, Энтони начал исследуйте местность.

Лондон-что вам показалось Лондоном?

Я Любил Лондон.

Работа тоже?

Административная часть, собственно офис, может и нет. Но, три раз в неделю я оказывал помощь в уходе за детьми. - Я без ума от дети.

— Даже эти маленькие, ужасные, вонючие вонючки. странно?

Джоан была возмущена. - Они очаровательны. Мне нравится заботиться о них. Сверх это работа, которая позволяет мне наслаждаться остальной частью лондонской жизни с спокойное сознание. Я чувствую, что плачу с ним за свои театры и свои бал.

Застенчивость отрезала его от времени до времени предложения, погрузила их, так сказать, в чередующейся последовательности света и тени. Говорил, конечно момент, с трудом, почти не отрывая губ, с глухим голосом и невнятный, с обращенным лицом; отсюда мало, вся эта застенчивость была поставлена из сторона для живого взрыва чувства-удовольствия, или тоски, или радости неисчислимо, и я вижу, как она смотрит на него, внезапно и неожиданно. его голос стал четким; зубы крепкие и белые сияли между невзрачными губами в откровенном выражении чувство. Потом, и вдруг, я как бы испугалась самой себя. смелость; ему пришла в голову мысль о том, что в нем есть возможный критик. Что будет ли он думать? Вы бы стали

нелепыми? Его голос дрожал, кровь он поднимался к ее щекам, и она опускала глаза на тарелку; и через несколько минут которые следовали за ним, он не мог оторвать от него ничего, кроме пробормотанных ответов., ничего, что соответствовало бы его лучшим усилиям по развлечению, кроме нервный, эфемерный смех. Однако еда и вино произвели эффект ожидаемый, и по мере того, как еда продолжалась, она чувствовала себя более воля с ним. Они начали говорить о Брайане.

- Вы не должны позволять ему так много работать, - сказал он.

- Ты думаешь, я не пытаюсь тебя остановить? - Затем голосом в что, казалось, было что-то злое, продолжил: - это уже вопрос естественного характера. Он весь полон сомнений.

- Потому что это зависит от вас, чтобы снять с него эти сомнения, - заметил он, улыбаясь-и надеясь, что она ответит ему на улыбку. Но вместо этого она он нахмурился, и на его лице появилось выражение боли и обида. А потом ворчал: - тебе это легко сказать. И во время последовавшей тишины она с опущенными глазами стала пить его вино маленькими глотками.

Именно тогда Энтони впервые подумал, что они уже могут

быть женатым, если бы Брайан согласился жить за счет своей матери. Потому что, черт возьми, когда-то он так любил девушку…

С “персик-Мельба” все объяснилось. - Мне трудно иметь что уж говорить об этом, - сказала она. - Думаю, я никогда ни с кем не разговаривал. уважение к этим вещам. Но с вами дело обстоит иначе. Вы знаете Брайана это было так долго; это самое старое, что у него есть. Так что вы понять. Я чувствую, что могу рассказать вам эти вещи.

Любопытный, но в то же время беспокойный, он пробормотал выражение лица любая вежливость.

Она даже не заметила признаков его смущения; для нее в момент, Энтони был не более чем возможностью, что Провидение его он предлагал отток через язык потоку страданий по так много времени лишено выражения.

- И именно эти сомнения, о которых идет речь. Если бы вы

знали…! В откуда у вас эта идея, что любовь содержит что-то плохое? Я имею в виду обычную любовь, счастливую любовь. Он думает, что это неправильно; думаю, он не должен питать эти чувства.

Она отодвинула тарелку и, наклонившись вперед, локтями прижавшись к столу, он начал говорить более низким, более интимным тоном из поцелуи, которые Брайан дал ей, и что ему было стыдно, и эти другие поцелуи что, как бы чтобы искупить совершенный проступок, он отказался дать.

Энтони с удивлением слушал. “Определенные объяснения” - вот что было у Брайана написано в письме, это было смягчающее, преуменьшение. Вещь, что это было, было безумие. Трагическая, но и гротескная, абсурдная. Он вспомнил, что Мэри я бы нашел случай особой комичности.

- Он сказал, что хочет быть достойным меня, - продолжила она. — Достойный любви. Но все, что он мог сделать, это заставить меня чувствовать себя недостойным. Недостойна всего, во всех смыслах. Виновный-чувство, что у меня было практикуется любое зло. И грязно тоже, если ты понимаешь, чего я хочу. сказать, как будто он упал в грязь. Но нет ничего плохого, Энтони, нет это правда? — спросить. - Я имею в виду, мы никогда не делали ничего, что не быть… вы знаете: это не было совершенно невинно. Почему это так, что он говорит себя недостойным и заставляет меня чувствовать себя недостойным? Почему это он так говорит? - он настаивал, пока его глаза наполнялись слезами.

— Он всегда был таким, - сказал Энтони. — Возможно вопрос образования… Его мать-чудесное существо, — он собрался и, произнеся эти слова, вскоре понял, что он помогает тот же язык, что и миссис Фокс. - Но, возможно, именно по этой причине немного тиранический.

Джоан сделала яростный жест согласия, но ничего не сказала.

- Возможно, она приучила его к слишком высокому видению из вещей, - продолжил он. - К прицелу над линией прицеливания, если я заставляю себя понять. Хотя он не всегда следует его примеру! Вот, например, тот факт, что он не хочет брать ее деньги…

Джоан воспламенилась перед этой ссылкой. - Да, почему он

хотите отличаться от всех остальных? В конце концов, есть много хороших людей, которые не вы считаете необходимым это сделать. “Хорошо считай себя”, - добавил он, пристально глядя на лице Энтони, как стремясь удивить его и отменить любой знак неодобрения или, что еще хуже — удовлетворения и поддержки, — подумайте об этом, я думаю, что это замечательная его процедура. Восхитительно! повторил, как бы бросая вызов. После возобновления тона критики, которая не это позволило бы Энтони, но к которому его собственные чувства по отношению к Брайан, казалось, дал ему право, продолжил: Я не вижу, на что я мог бы обидеть-это тот факт, что он принимает деньги. Для меня это больше от собственной мамы его.

Удивленный, Энтони заметил: но он сказал мне, что миссис Фокс настояла чтобы он взял деньги.

- О, она вела себя, это правда, как будто она хотела, чтобы он принял это. Мы были там на выходных в мае, чтобы разобраться с этим. Она не я перестала говорить ему, что нет ничего плохого в том, что он принял деньги и то, что он должен был думать обо мне и заботиться о женитьбе. Но потом, когда мы с Брайаном сказали ему, что я согласился, что он не согласитесь, она…

Энтони прервал ее. но тогда ты был хордовым?

- Джоан опустила глаза. В некотором смысле, да — - сказала она, немного расстроенная. Затем, подняв глаза, с внезапным гневом: - как я мог не согласиться с ним? Так как это то, что он хотел сделать, и что в конце концов, я бы сделал это, даже если бы я не согласился. И, кроме того из этого, как я уже говорил, было что-то великое и замечательное в его отношение. Я согласился, да. Но факт согласия не хотел сказать, что я действительно хотел, чтобы он отказался от денег. И вот что если осознает ее ложь-притворяется, что я хочу, чтобы он отказал ему и поздравляю себя, его за то, что мы сделали. Вот почему я говорю что это больше ее, чем его. Гораздо больше, чем вы можете представить. Он замолчал, и Энтони подумал, что лучше сменить тему. Кто я мог бы представить, что бы она сказала, если бы он позволил ей продолжать говорить уважение миссис Фокс. - Бедный Брайан, - сказал он вслух; и он добавил, обращаясь к общему месту: - лучшее-враг хороший.

- Да, это верно! - воскликнула она. - Враг хорошего. Он хочет

быть совершенными результат-это то, что вы видите. Мучает себя и оскорбляет меня. Почему я должен быть обманут, чтобы чувствовать себя нечистым и преступница? Почему это то, что он делает. Без того, чтобы я совершил ничего плохого. Он тоже, если честно. А пока он хочет, чтобы я почувствуйте то же самое о себе. Нечистый и преступный. Почему он меня создает ли это все эти трудности? Самые большие из них, которые вы можете создать. — Говорить дрожащим голосом, когда слезы текли из его глаз. Вытащил из носовой платок и вытер их сразу. - Простите, - сказал он. - Я делаю грустная роль. Но если бы вы только знали, как это было невыносимо для меня! Я я люблю его так сильно, и я хочу продолжать любить его. Но он, похоже, не соглашается на это. Это должно быть так красиво; и все же он делает все возможное, чтобы любовь казалась уродливая, ужасная вещь. - После паузы и с голосом, который так низкий, стал почти шепотом: - Я прихожу, иногда сомневаюсь, если я смогу продолжать в том же духе еще долго.

Это было бы, — спрашивал Энтони от вас к вам, - это было бы, что она уже была решил расстаться, что уже нашел кого-то в состоянии любить ее и быть любимым менее трагично, более нормально, чем Брайан? Не; наверное, нет, заключил он. Но все это привело к мысли, что это то, что она в конце концов, ненадолго. В своем роде (который, кстати, был не совсем вид, который ему нравился) она была соблазнительной. Не было бы недостатка в кандидатах; и, если кандидат в условиях представится, она сможет-любой что это было ваше сознательное желание-отказаться?

Джоан нарушила молчание. - Сколько раз я мечтал о доме в котором мы будем жить, - сказал он. - Я вижу себя выходящим из комнаты, входящим в другом и находя все так красиво. Красивые шторы, чехлы на стулья, так шикарно! И вазы, полные цветов. — Вздыхать. Затем, передавая момент: - Вы понимаете это, он не хочет принимать деньги от мама?

Энтони на мгновение колебался; затем ответил непреднамеренно совершить; - Я понимаю; но я не думаю, что я бы сделал это.

Она еще раз вздохнула. - Я тоже так думаю. — Он проверил свои часы, а затем взял перчатки.

- Мне пора. - С этим возвращением близости к прозаический Мир времени и людей и обязательств, она как бы она внезапно проснулась, возвращаясь к болезненному осознанию себя.

Посмотреть для него прямо лицом к лицу, пытаясь угадать его мысли. После опустил глаза. - Кажется, я слишком много говорил о себе., — роптать. - Я не знаю, какое у меня право смягчать тебя…

Он протестовал. - Все, чего я хочу, - это быть полезным.

Джоан снова подняла лицо и бросила ему легкую улыбку благодарности.

- Ты уже много сделал, слушая меня.

Они покинули ресторан, и после того, как она села на автобус, он пошел пешком пешком к Британскому музею; и когда я шел, я думал, что письмо должно было написать Брайану, что бы он сказал. Он должен смыть ваши руки на всю эту историю, написать вам простой рассказывая записку что Джоан, казалось, был-хорошо и быть счастливым? Или я должен сообщить вам, что Джоан ты ему все рассказал, а потом стал его упрекать, предупреждать, советовать? Он прошел между огромными колоннами портика и вошел в мрачную свежесть интерьер. Проповедь, как правило, думал с тоской. Если бы только мы я мог бы подойти к проблеме так, как она должна была быть решена — как грабитель раблезиана. Но кто мог ожидать, что бедняга Брайана оценит вещь через эту призму? Хотя это принесло ему бесконечное благо: думать, для разнообразия, в раблезианских терминах. Энтони показал свою карточку слуга и пошел по коридору в читальный зал. Это был вечные трудности. Ты никогда не сможешь заставить кого бы то ни было стать другим. ничего, кроме самого себя, и не влиять на него какими-либо средствами, действительность которых он еще не согласился. Толкнул дверь и увидел себя под сводом., при дыхании ощущается слабый, но едкий запах книг. Миллионы книг. И все эти сотни тысяч авторов, столетие за столетием-все они убеждают, что он был прав, убеждают, что он знал существенная тайна, убеждают, что он может убедить остальной мир использование черного на белом как средство выражения. Когда правда несомненно, это были единственные люди, которых когда-либо удавалось убедить это были те, которые уже были действительно или фактически убеждены природа или обстоятельства. И даже с ними нельзя было считать полностью. Обстоятельства изменились. Что убеждает в январь не обязательно убеждает в августе. Слуга передал его ему книги,

которые были зарезервированы для него, и он обратился к своей стул. Горы духовных продуктов в бесконечных родовых схватках; и результат был — что? Ну, si ridiculum murem requiris, circumspice. Довольный фразой, которую он только что придумал, он оглянулся на товарищи по чтению-мужчины, похожие на тюленей, женщины болезненные, индусы, худые или крепкие, швейцарские патриархи, подростки в очках. Наследники всех эпох. Зрелище удручает тех, кто воспринимает это всерьез; но, с другой стороны, комического непреодолимый. Сел и открыл книгу-Tableau de 1'Inconstance des Mauvais Anges, de Lancre — на странице, на которой накануне он имел прервано чтение. Le Diable estoit en forme de bouc, ayant une queue et au dessoubs un visage d'homme noir, или elle fut cantrainte le baiser… Смеяться тихо, близко. Еще одна хорошая история для Мэри, подумал он.

В пять часов он встал, оставил свои книги в бумажнике и взял, в Холборне подземный поезд до Глостер-Роуд. Еще несколько минут поздно был на пороге дома Мэри Эмберли. Служанка открыла дверь; он он улыбнулся ей с единым знакомством и воспользовался привилегией быть интимное дома, побежало вверх по лестнице в живущую комнату, без делать объявить.

- У меня есть история, чтобы рассказать вам — - вскоре провозгласил он, когда я шел по комнате.

- Грубая история, я уже надеюсь, - сказала Мэри Эмберли, сидя на диване.

Энтони поцеловал ее руку в том чопорном стиле, который она приняла недавно и сел. - Для грубых, - сказал он, - все вещи они грубые.

- Да, и это хорошо, что это так! - И с той улыбкой, в которой она искривляла рот, с этим сиянием ее темных глаз между плотные веки, добавил: - грязная душа-вечный праздник. - Граберия была старой и не из своей лавры; но смех Антония не сделал ее меньше удовлетворял за это. Это был сердечный, громкий, продолжительный смех-громче и дольше, чем ожидала сама шутка. Кстати, это не было на самом деле от шутки, над которой он смеялся. Шутка была немного больше, чем предлог; этот смех был сделан не из уникального возбуждения, а из одного комплекс возбудителей, созданных этой необычной ситуацией. Мочь свободно говорить о чем-либо (что-нибудь, хорошо заметьте) с

женщина, Леди, настоящий “loaf-kneader”, как было известно, что Mr. Бивис называл ее в моменты этимологической игры идеальной английский” loaf-kneader”, который был также любителем людей, читал Малларме тоже дружила с Гийомом Аполлинером; и слушать “loaf-kneader” проповедует то, что практиковал, и делает это небрежно ссылки на кровати, туалеты и физиологию того, что (ибо слова Саксонии все еще оставались непроизносимыми) они были ограничены вызов 1’amour. Для Энтони это было все еще, через два года и несмотря на случайные неверности Мэри, опьяняющая смесь освобождение и запретный плод, облегчение и возбуждение. В отцовской Вселенной, в мир Паулины и тетушек, такие вещи были просто невозможны — но невозможно болезненно проявленной невозможности. Как загипнотизированный пациент, которому было приказано увидеть на пять Дикс только один кусок девственного картона любого дизайна, так что люди оставляли, умышленно, осознавая нежелательные вещи, он оставался в молчание заговора обо всем, чего не видели его глаза. Даже естественные функции низших животных должны были восприниматься как

они игнорировали их; они молчали даже о четвероногих. Тот случай с козленком, например, который теперь стал темой один из избранных анекдотов Энтони. Совершенной комичности. Но, теперь гораздо более комично, чем в то время, когда факт действительно это было почти за два года до его первой встречи с Мэри. Выполнять пикник на этом ужасном перевале Шейдек, сто Вайсхорн склоняясь над ними, как одержимость, и над травой у их ног., букет горечавки, который с такой тщательностью получил мистер Бивис найти, семья была удивлена еще молодым, жадным козленком из соли, содержащейся в вареных яйцах, которые они ели. Отступая и немного отвращение, в то же время восхищение, его две сестры по отцовской линии они протянули руки, чтобы тварь облизала их, в то время как Паулина он фотографировал Мистера Бивиса, интересовавшегося козами и козами особенно филологический, цитировал Феокрит. Пасторальная сцена! Но вдруг животное сканировало ноги и, все еще фиксируя на семье Бивис продолговатые зрачки его больших, коричневых, невыразительных глаз, он помочился на горечавку.

- Эти люди здесь не очень любят тратить масло, - и ” как дела сегодня веселый наш старый Вайсхорн, ” таковы были фразы, которые оба, Паулина и Г-Н Бивис, почти одновременно произнес- Она, глаза фитос на бутерброде, с грустным тоном, он, глядя

вдаль, принимая на голос записки энлево, которая, поскольку она выражена в терминах тонкой фасции и совершенно англичанка, не переставала быть по-настоящему вордсуортиана.

В спешке и с чувством вины две девушки взорвали отрывочный крик испуганной радости, перестающий смотреть друг на друга и подглядывать за неприличным козленком. На мгновение совершенный, мир Мистер Бивис, Паулина и тети снова вернулись к респектабельности.

— Но в конце концов, что это за история, которую ты должен мне рассказать? — он спросил Миссис Эмберли, когда он перестал смеяться.

- Вы услышите, - сказал Энтони. И какое-то время молчал., закуривая сигарету и размышляя о том, что я собирался сказать, и о том, как как я и хотел сказать. У него были амбиции рассказать отличную историю, весело и в то же время психологически глубоко; история для фумуар, пусть это будет также история для библиотеки и история для лаборатория. Я должен был бы заставить Мэри платить двойную дань: смех и восхищение.

- Вы знакомы с Брайаном Фоксом, да? - он начал.

— Конечно.

Бедный Брайан! - По тону, по использованию прилагательного

утешая, Энтони укреплял свою позицию превосходства, подтверждал свое право, право на практику, умело и научно, вивисекция, право анатомировать и исследовать. Да, бедняга нашего Брайана! Тот беспокойство, это ваше увлечение целомудрием! целомудрие-самое неестественно из всех сексуальных извращений, добавил он в скобках, черпая вдохновение у Реми де Гурмона. Восторженная улыбка Мэри действовала о нем как о acicate, стимуле к новым усилиям. Новые усилия, естественно, за счет Брайана. Но об этом он не думал в данный момент.

— Но чего можно было ожидать, — пошутила Мэри, - с матерью, которая у него есть. Своего рода духовный вампир. Идеальная Санта-Моника.

- Санта-Моника, Ари Шеффер, - понял он из подкрепления. Не то

чтобы была ли в Миссис Фокс черта, свидетельствующая об этой нездоровой неискренности святой Шеффер. Но цель его истории, которая заключалась в том, чтобы спровоцировать Мэри смех и восхищение, достаточно оправдали все и вся средства. Намек на Шеффера был хорошей шуткой, слишком хорошей, чтобы он ее не делал наслаждайтесь, даже если это не очень удобно. И когда Мэри произнесла то, что было в то время его любимой фразой и говорило о маточных реакциях миссис Фокс, он заполучил ее слова и начал применять-не только миссис Фокс, но и Джоан и даже (воспользовавшись физический абсурд вещи) Брайану.

Маточные реакции Брайана на целомудрие противоречат его собственному желание и маточные реакции Джоан на желания обоих-вот драма. Он объяснил драму, о существовании которой он до сих пор только подозревал и делать вывод. К настоящему времени предположения стали ненужными; он знал. Прямо изо рта лошади. Или, скорее, прямо изо рта кобылы. Бедная Джоан! Вивисекционист протянул на операционном столе другого образец.

- Манера первых христиан, - таково было замечание г-жи. Эмберли, когда он закончил.

Презрение ферино, которое было в ее голосе, заставило его внезапно вспомните, впервые с тех пор, как вы начали рассказывать эту историю, что Брайан был его другом, что Джоан была по-настоящему несчастной. Уже поздно он также хотел объяснить, что, несмотря на все проявления в напротив, не было никого, кто бы ему нравился больше всего и кого бы он ни любил больше всего восхищаться и уважать, чем Брайана. - Вы не должны неправильно истолковывать мои слова, - сказал он Мэри ретроспективно и в воображении. — Я абсолютно предан ему. - Внутри его мозга была одна истинное красноречие, которое развивалось вокруг предмета. Но почему это внутреннее красноречие не могло изменить того факта, что он имел предал доверие друга, раскрыл секретные дела,

был злонамеренным без оправдания и смягчающего объяснения. Без сомнения, что в момент, эта злоба казалась ему проявлением его собственной остроты эти преданные секреты, необходимые факты, без которых острота не могла проявиться. Но сейчас…

Чувство самоуничижения внезапно одолело его, сбило с толку,

засоряет его язык.

- Мне было очень жаль Жанну, - тартамудеу, стремясь починить зло. - Я обещал сделать все, что мог, ради бедной девочки. Но что? Вот в чем вопрос. Что делать? Это преувеличивало нотку недоумения. Он был сбит с толку, Как будто он оправдывал тот факт, что он предал он рассказал историю, и теперь он начал утверждать себя. собственный) исключительно в интересах просить совета у Мэри-О совет женщины с мировым опытом.

Но женщина с мировым опытом смотрела на него из самый тревожный путь. Веки Миссис Эмберли были суженный, и в его глазах был насмешливый блеск; левая Спайка изо рта она иронично закатывалась. - Что самое очаровательное в ты, - рассудительно сказала она, - это твоя невиновность.

Эти слова причинили ему столько боли, что он даже забыл об этом мгновенная Джоан, Брайан, ее собственное поведение и не мог думать ни в чем другом, кроме его раненого тщеславия.

- Спасибо, - сказала она, стараясь посвятить ей искреннюю улыбку удовлетворенность. Невиновен — она признала его невиновным? После всего этого времени что вы провели вместе в Париже? После этих шуток вокруг реакций матки?

- Так наполнен этой восхитительной свежестью молодости. Просто из трогать!

- Мне приятно, что тебя так судят. - Улыбка стала эсгар; он почувствовал, как кровь поднялась к его щекам.

- Его ищет маленькая девочка, - продолжила Миссис Эмберли, чтобы пожаловаться.- если ее недостаточно поцеловали. И вот теперь ты спросите с торжественным видом, что вы должны сделать для нее! И в довершение всего, это остается красный, как свекла. Любовь моя, у меня есть для тебя абсолютное обожание! - Положив руку ему на руку:-Встаньте на колени здесь, в пол, - приказал. С застенчивым и глупым видом он подчинился. Мэри Эмберли посмотрел на него в тишине, с тем же выражением лица, с таким же насмешливым блеском в глазах. Затем тихим голосом, спросил: Хотите, чтобы я показал вам, что вы можете для нее сделать? Хотите?

Что да, ответил он движением головы, не говоря ни слова. Однако, уже ближе к нему, она все еще смотрела на него с улыбкой

вопросительный.

- Или мне будет глупо показывать его? Разве вы не выучите слишком много урока? Буду ли я ревновать? - спрашивала она все еще, качая головой и улыбается-веселая, “цивилизованная” улыбка. - Нет, я не верю в ревность. - Взял его голову в руки и бормотал: - вот что вы можете сделать это для нее,-прижал его к груди.

Энтони чувствовал себя униженным тем фактом, что она приписывает себя, краснеет почти презрение, эта роль властителя; но не было ни стыда, ни обида, которая могла бы свести на нет А. физическое осознание удовольствий и желаний семейный. И сдался, отказался от своих поцелуев.

Часы пробили часы, и сразу же с верхнего этажа вышел один пронзительный шум детских голосов. Миссис Эмберли сделала шаг я отступил и, положив руку на рот Энтони, оттолкнул его от себя. — Теперь, мы должны быть всей семьей. - сказал он, смеясь. - Шесть часов. Шесть часов я стою на скамейке у милой мамы.

Энтони поднялся на ноги и с идеей сохранить внешность, он прошел через комнату к калориферу, над которым он поддерживал локти и он смотрел на акварель кондера.

Дверь вдруг распахнулась и с визгом, как свист экспресс, пухлый ребенок, его пять лет, она стремительно вошла в комнату и бросилась телом и душой к своей матери. Другой Малышка, на три-четыре года старше первой, быстро бросилась назад.

Хелена! - она неоднократно называла свою сестру; и ее маленькое лицо, в котором если было замечено выражение тревожной цензуры, то это была абсурдная пародия на лицо правителя. - Хелена! Ты не должен этого делать, Хелена. Скажи ей не кричи так, мамочка! я обращался к миссис Эмберли.

Но миссис Эмберли только смеялась и проводила пальцами по волосам. bastos e louros da pequerrucha. - Джойс верит в десять заповедей, — сказал, обращаясь к Энтони. Он родился, веря в это. Это не правда, любовь моя? - Обнял Джойса за плечи и он поцеловал ее. - тогда как мы с Хеленой… - Покачал головой. — быть упрямые, с жесткой шеей, без обрезания сердца и из ушей.

- Няня говорит, что из-за сквозняка у нее жесткая шея, —

вмешалась Джойс и была возмущена, когда ее мать и Энтони съели маленькая Елена, просто заразившись и не понимая, выпустила смех. - Правда, да, - кричала она; и слезы обиженной добродетели они били в его глазах. Няня сказала!

Глава IX-2 июля 1914 г.

Для Мэри Эмберли, той весны и того начала лета они были крайне однообразны. Энтони был очаровательным мальчиком, сомнений не было. Но два года было слишком долго; мальчик оставил быть новинкой. А потом я был действительно влюблен; влюблен в более. Было, конечно, приятно чувствовать себя любимым кем-то; но не так, с этим насилием, не так, так долго. В этом в случае, если кто-то в конечном итоге становится невыносимой вещью; теперь я представляю, что у меня есть только права, а у любимого человека есть только обязанности. И это было невыносимо. Вся эта сцена, которую Энтони сделал зимой прошлое из-за этого искусствоведа в Париже! Это был определенный смысл, я не переставал ей льстить. Мэри редко видела кого-то такого в отчаянии, так вне себя. И поскольку искусствовед в конце концов выявление в более интимном контакте фирменного дубинки стало для нее истинное наслаждение подвергаться угрозам, немым страданиям и слезы Энтони. Но в принципе все было не так. Она не я хотела, чтобы меня так любили, с этими угрожающими исключительными правами. Особенно, когда этот процесс был непрерывным, затяжным. Мне нравились короткие, острые, захватывающие вещи. В другой раз и с любым другим, кто если бы не искусствовед, я бы не позволил Энтони лечить ее так. Но трудность заключалась в том, что в поле зрения не было другого, кроме как Сидни Гаттик, и она не была уверена, что сможет выдержать голос и Сидни манеры. Мир был местом, где все было весело. и захватывающие, казалось, как бы по очарованию перестали происходить. Вот потому что она стала настаивать на том, чтобы Энтони занимался этим делом, которое она называла “лечение Джоан”, - настаивал он постоянно, с настойчивость совершенно непропорциональна с любым интересом, который будь то Джоан, или Брайан Фокс, или даже Энтони. настаивать просто с надеждой достигнуть потехи любой в суетном и невыносимом однообразии тех дней.

- Как проходит лечение? Прогресс? спросила она еще один в этот июльский день.

Энтони ответил длинной историей, отрепетированной со всем о своей роли дяди товарища; рассказал, как это было постепенно достижение большей близости, пока вы не перейдете к роли старшего брата; как, будучи старшим братом, он намеревался почти незаметно перейти к роль сентиментального двоюродного брата; и, сентиментального двоюродного брата, А…

- Это правда, - сказала миссис Эмберли, прерывая его, - это то, что вы не делаете, но это ничего.

Энтони возразил. - Я иду медленно. Я использую de стратегия.

- Стратегия! - повторила она, как эхо, и презрительно. - Страх-это что у вас есть.

Он оспаривал, но не мог не покраснеть. Да, конечно, отчасти она была права. Страх был тем, что у него было. Несмотря на два года от практики в качестве любовницы Марии, она все еще страдала от застенчивости, все еще ему не хватало уверенности в себе в присутствии женщин. Его застенчивость однако это была не просто тормозящая сила. Были также сопереживание, а также привязанность и верность. Однако это будет почти невозможно сделать какие-либо ссылки перед Мэри. Она ответит ему, что то, что он хотел, чтобы скрыть свой страх, маскируя его с разнообразие благородных фантазий, и он безапелляционно откажется верить в правдивость этих других ваших чувств. И хуже всего то, что она найти оправдание своему отказу. Да, по правде говоря, не было великий намек на такое сопереживание, подобную привязанность и верность в манере как он с самого начала рассказывал историю. Сколько раз с тех пор в бесполезные выражения холеры оглядываясь назад, он проклял себя за то, что сделал это! И, пытаясь убедить себя, что ответственность не была исключительно его, также проклятая Мэри, упрекая ее в том, что она не имеет его сказал, что он предал доверие из-за простой разврата и тщеславия; упрекнул ее в том, что она не отказала ему слушать.

- Истинная правда, - продолжала теперь Мария, неустанно, - просто у тебя нет смелости поцеловать женщину. Единственное, что вы знаете, чтобы сделать одно из этих ваших неотразимо нежных лиц и тоска и попрошайничество, тактично, соблазняют его.

- Какая чушь! - Но у него больше, чем когда-либо, были лица в огне.

Делая вид, что не обращает внимания на это, Мэри продолжила: — Вы можете быть уверены, что

что она его не соблазнит. И очень молодой. Не слишком молод, чтобы чувствовать возможно, попытка. Потому что атакуемой целью является материнский инстинкт; и это наблюдается даже в трехлетнем возрасте. Даже трехлетний ребенок будет чувствовать для вас сжатие в вашем маленьком сердце. Настоящая хватка. - Свернул r слова, как насмешливый. - Но соблазнение правильно… - Миссис. Эмберли покачал головой. - Этого нельзя ожидать, кроме гораздо большего поздно. Это, конечно, не двадцатилетняя девочка.

- Само собой разумеется, - сказал Энтони, пытаясь отвлечь ее от болезненное рассечение ее характера, - что я никогда ничего не нашел в Джоан де особенно привлекательно. Слишком деревенский. Произнес слово с

акцент, как это делала Мэри. — Кроме того, она, по сути, все еще очень по-детски, - добавил он, чтобы потом пожалеть о том, что сказал, потому что Мэри снова упала на него, как ястреб.

- По-детски! - повторила она. - Мне нравится это слышать. И что ты мне скажешь? Он говорит зря! Лицо смеется над оборванным. Хотя это очень естественно, - продолжил он, возвращаясь к атаке в том месте, где он у него был прерванный раньше, - вполне естественно, что ты жалуешься на нее. Она по-детски слишком много для вас. Слишком по-детски, чтобы принять ее в наступление. Довольно по-детски терпеть это наступление. Бедная девочка! Он ошибся в дверях. В вы, она, не получите больше поцелуев, чем вы получаете от своего древнего христианина погруженный во тьму. Очень, хотя вы провозглашаете себя цивилизованным…

Он прервался, увидев, что они открывают дверь.,

- Мистер Гаттик, - объявила горничная.

Большой, бугристый, с внутренним пламенем вашего удовлетворения и доверия сам почти сделать его физически светящимся, Сидни Гаттик пришел в шаг за шагом: его голос

гудел, когда он разваливался на приветствую и рассказываю о здоровье. Глубокий голос, мужественный, как это может быть только голос актера-режиссера, играющего роль сильный человек. И его профиль, как вскоре понял Энтони, тоже его профиль был профилем актера: слишком благороден, чтобы быть правдой. И в конце концов счета (это был Энтони, который продолжал размышлять с презрением рожденный ревностью и определенной завистью к мирскому успеху другого), чем другой дело было в этих юристах, если не в актерах? Умелые актеры, но умелые способность испытуемых, способных изучить причину и забыть о ней новый, с того момента, как они закончили, как некоторые студенты они изучали формальную логику или Деяния Апостолов для частичных доказательств. Никакого истинного интеллекта, последовательного мышления. Ничего больше, чем дух испытуемого, установленный в коипе актера и выражающийся в голосе тонитруант актера. И за это общество платило твари пять или шесть тысяча фунтов в год. И существо было на счету важного человека., мудрый, замечательный; существо чувствовало себя способным взять на себя роль защитника. Не что это имело какое-то значение (Энтони убедился), чтобы быть под защитой этого выдолбленного, безвкусного шарлатана. Мы могли смеяться; вещь была действительно абсурд! Но, несмотря на абсурдность и смех, который он вызывал, воздух протектор казался болезненно унизительным. Например: как он теперь он играл роль выдающегося военного или надменного дворянина провинция и, похлопав его по плечу, он сказал: - Итак, чувак молодой Энтони! - Это было просто невыносимо. В этом случае, однако, Энтони показалось, что эта невыносимая ситуация стоит того поддерживать. Человек мог быть тупым и претенциозным идиотом; но его

прибытие туда в то время имело то преимущество, что избавило его от ограблений, из набегов Мэри. В присутствии Гаттика она не могла продолжать разговор о деле Джоан.

Но он не рассчитывал на резервы Марии, на ее способность мучить, с вашей срочной необходимостью сделать это что-нибудь веселое и стимулирующее. И мало что больше стимуляторы, чем преднамеренный плохой вкус, веселее, чем чужое смущение. Прежде чем Гаттик успел закончить свои слухи о предварительных расширениях, и вот, что я возобновил, еще раз, в старый и болезненный предмет.

- Когда ты был в возрасте Энтони, - начала она, - осталась всегда надеетесь, что женщина соблазнит вас?

- Я?

Она подтвердила это жестом.

Повернувшись к удивлению, Гаттик ответил матовой улыбкой Дон Жуан испытал и с самым мужественным из голосов jeune премьер сказал: - естественно, нет. - Смеялся с самодовольным видом и он собрал: - напротив, мне кажется, что он ворвался даже в те вольеры, где сами ангелы боялись проникнуть внутрь. И я не раз выходил с брендом dos пять пальцев на лице. Но в большинстве случаев это было не так. - Подмигнул один глаз разоблачитель мрачных сцен.

- Потому что Энтони предпочитает пассивное отношение, - сказала миссис Эмберли. — Он предпочитает ждать, пока женщина возьмет на себя инициативу.

- О, это плохо, Энтони, это бесполезно, - сказал Гаттик; и его голос снова был звуковым переводом военных усов ” Харриса твиды ” от провинциального дворянина.

- У нас есть случай бедной девушки, которая хочет, чтобы ее поцеловали, — миссис Эмберли продолжала, и у него даже не хватило смелости передать ее обнимите ее за талию и делайте то, что она хочет.

- Ты ничего не говоришь, Энтони? Ты не защищаешься? - Спросил гаттик.

Ища, но не добиваясь этого, притворяясь, что мне плевать на важность., Энтони пожал плечами. - Я просто хочу сказать, что это неправда.

- Что не так? - спросила Мэри.

- Пусть у меня не хватит смелости.

- Но это правда или нет, что ты ее не поцеловал? И, или нет? — она настаивала. И когда он должен был признать, что это правда, он собрал: - я я просто делаю необходимый вывод из фактов. Вы, кто адвокат, Сидни, скажи мне, если вывод не оправдан.

- Это вполне оправдано, - сказал Гаттик, а сам Лорд Канцлер не

мог говорить более серьезно. Окружил его

ореол тог, париков, кисточек и капелл. Она была воплощением самой Правосудие.

Энтони открыл рот, чтобы говорить, но потом снова закрыл его. Впереди из Гаттика и с упрямством, в котором была Мэри, показать себя только “цивилизованный”, как он мог сказать, что он действительно чувствовал? И если таков был что он действительно чувствовал, почему (вопрос был сформулирован еще раз), почему что же тогда рассказывало вам эту историю? И что было хуже - почему у него было это рассказанный в этом особом стиле, как будто он комик вивисекционист? Тщеславие, коррупция и, кроме того, факт влюбленности для нее и стремится угодить любой ценой, даже ценой того, что он действительно чувствовал. И был вынужден признать, что в момент рассказа история, на самом деле он не чувствовал ничего, кроме желания угодить и веселить. Но все же однажды: эти вещи нельзя было сказать. Gattick ничего я знал об их отношениях и даже не должен был знать. И все же даже если Гаттик не присутствуя, было бы трудно, почти невозможно объяснить вещь Мэри. Она смеялась над ним, находя его романтичным-романтичным по отношению к Брайан, по отношению к Джоан, по отношению к себе; Я бы посчитал это абсурдным и смешно за то, что я играю сучка, просто любящего сучка,, трагически любящий рыцарь.

- Есть люди, которые настаивают, — говорила она, - на лечении Монса Венерис, как будто это гора Эверест. Верх глупости!

Когда он, в конце концов, смог говорить, он просто сказал: “Если я этого не сделаю это просто потому, что я не хочу этого делать.

- И просто потому, что не смеет, - крикнула Мэри.

- Кто сказал!

- Это я говорю, - возразила она. Его темные глаза сиять. Его наслаждение было полным.

Величественный, но с предначертанием смеха в его серьезности, Лорд Канцлер снова высказался. - И ужасный иск против вас, — сказать.

- Я готова сделать ставку, - сказала Мэри. - Пять за одного. Если

вы сделаете это в течение месяца,я дам вам пять фунтов.

- Но я уже сказал, что не хочу, - сказал он.

- Нет, нет. Это ваше оправдание, чтобы вытащить тело. Ставка-это ставка. Пять фунтов для вас, если вы можете сделать это внутри месяц, начиная с сегодняшнего дня. А если не получишь, придется заплатить мне фунт.

- И очень щедро, - сказал Гаттик.

- Один фунт, только, - повторила она. - Но я больше никогда не вернусь. поговорить с вами.

- Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Быть

большая бледность Энтони. Сжимая губы и скручивая рот, Мэри улыбнись, между полузакрытыми веками в твоих глазах было заметно блеск злого смеха.

Почему она была такой ужасной с ним, такой жестокой и подлой? Быть что он задавался вопросом. И ненавидел ее, и ненавидел ее еще больше, потому что из-за воспоминаний и предвкушения этих удовольствий, из-за о его свободном разуме и его знании, одним словом, обо всем что сделало ее неизбежной делать именно то, что она хотела. Все еще даже он знал, что это глупость и несправедливость.

Когда-либо заглядывая в него, Мария видела в его глазах ненависть к восстанию; и увидел знак его собственной победы, ее, когда он, наконец, опустил глаза на пол.

- Больше никогда, - повторила она. - И что я вам говорю.

Дома Энтони вешал шляпу на вешалку в вестибюле, когда отец кричал ему:

- Иди сюда, чтобы кое-что увидеть, дорогой мой.

- Черт! - сказал С тобой Энтони, раздраженный; и пошел с выражением от боли, которая вошла в кабинет отца, выражение, что мистер Бивис был слишком занят, чтобы заметить.

- Я здесь немного развлекаюсь с этой картой, - сказал г-н. Бивис, сидящий за своим столом и имеющий перед собой официальную

карту Швейцария. У него была страсть к картам, страсть, отчасти обусловленная вкусом экскурсии, отчасти также к профессиональному интересу к именам географический. “Combalias”, пробормотал с вами, не отрывая глаз от карты. - Шамоссер. И очарование, очарование! - Затем, обращаясь к Энтони, сказал: - И жаль, это действительно жаль, что его совесть не позволяет вам воспользоваться-праздник, чтобы пойти с нами.

Энтони, который сделал свою работу для финального теста курса поиск предлога для пребывания в Англии в компании Мэри, он серьезно покачал головой, согласившись. И сказал: - действительно, один серьезная работа по точному чтению невозможна на большой высоте.

- Из того, что я вижу здесь, - сказал мистер Бивис, который вернулся в обратитесь к карте, — нам придется сделать самые интересные экскурсии и самые ухабистые подъемы в обход Дьяблеретов. И какое имя вкусно, вот этот! - добавил он в скобках. - Поднимаясь, по например, Col du Pillon. Он провел пальцем по извилинам дорога. - Ты видишь? - Энтони наклонился над ролью, небрежно. - Нет, вы не видите, - продолжил мистер Бивис. — Я закрываю все вручную. - Высунул бюст и протянул руку.,

сначала в одном кармане, потом в другом. - Где, черт возьми, - сказал он, нахмурившись испытайте; затем, и вдруг, придя к духу, один из его самых смелых филологические грабежи, закрытое лицо превратилось в мерзкую улыбку. — Где, черт возьми, мой пенис?

Таково было изумление Энтони, что единственный ответ на этот Изгой-один мигает око, с которым отец повернулся, радостно, к нему был полный взгляд смущение и недоумение.

- Я имею в виду “мой карандаш”,-заметил г-н Бивис в обязательстве объяснить. - Английский Карандаш происходит от penecillus: уменьшительное от peniculus и двойной уменьшительный пенис, который, как вы знаете — - продолжил он, снимая, ведь карандаш из внутреннего кармана пальто, - примитивно означал хвост. Но давайте снова нападем на нашего Пиллона. - Опускание кончика карандаша на карте это было с ней, следуя зигзагам. - И когда мы высоко на седле мы обойдем норнордестский фланг горы Форнеттаз, до…

Это был первый раз, — думал Энтони, - что его отец сделал, в его присутствии намек на физиологию секса,

Глава X-18 июля 1914 г.

Поднялась ткань, и перед ними появилась Венеция, вся зеленая под лунным светом Лаго и Родриго разговаривают на пустынной улице.

- Свет! Свет! - кричал Брабанций из своего окна. И в одно мгновение улица он наполнился, раздался звон оружия, архоты и фонари горели одной желтый свет в зеленой темноте…

- Сценарий ужасной пошлости, вот как мне кажется, - сказал он Энтони, когда ткань упала, после первой сцены.

Джоан посмотрела на него с суипрезой. - Нашел? - После: - Да, я я тоже нашел, - собрался, лицемерно платя по вкусу дань мещанство. Воистину, она нашла его прекрасным. - Знаешь, - признался он, - что это это пятый раз, когда я пришел в театр?

- Он приходил всего пять раз? - недоверчиво повторил он.

Но вот еще одна улица, с большим количеством вооруженных людей, и снова озеро, надменный и ревностный, и сам Отелло, достойный, как царь, императив в каждом Слово и в каждом жесте. И когда Брабанций вошел со всеми своими люди и свет архотов, пылающих на чучелах и алебардах, как он был безмятежен в своем героизме! “Вложите в ножны свои блестящие мечи, ибо роса их ржавеет”. Своего рода тоска прошла по позвоночнику Джоан, когда она увидела темную поднятую руку, когда кончики мечей, под их непреодолимое навязывание, они опустились на землю.

- Он хорошо произносит стихи, - признался Энтони.

Зал Совета был богат гобеленами. Сенаторы, одетые в тоги красные, приходили и уходили. И вот снова был Отелло. Всегда величественный, но с величием, которое выражалось, на этот раз, не в приказы, не в поднятии руки, а на более высоком плане, чем у реальный мир - в величественной, спокойной музыке, из повествования о своей любви.

В котором из мрачных логов и бесплодных пустошей,

Из скалистых скал, из гор.

Чьи вершины высоки, как небо,,

Я был взволнован, чтобы говорить…

Губы Джоан двигались, повторяя за ним известные слова - известны, но преображены голосом, отношением говорящего, окружающая среда, к счастью, хотя она знала их наизусть, они казались

совершенно новые. И вот Дездемона, такая молодая, такая красивая с колени и плечи, выделяющиеся, хрупкие и стройные, от серьезного великолепия их одежды. Роскошная парча и под ней прекрасная диспропорция тело девушки; под великолепными словами голос девушки:

Господь моего долга вы,

Ибо я дочь ваша; но это муж мой.

Она снова почувствовала, как эта боль бежит по ее позвоночнику. Е теперь все они исчезли, все: Отелло, Дездемона, сенаторы, солдаты, вся эта красота, все это благородство, оставляя только озеро и Родриго шептались в пустой комнате. “Когда она насытится своим тело обнаружит ошибку своего выбора”. А потом этот ужасный монолог. Зло, преднамеренное и осознающее себя…

Аплодисменты, огни перерыва, вот что развеялось как кощунство; и когда Энтони решил купить ей коробку конфет, она отказался почти с негодованием.

- Вы верите, что на самом деле есть такие люди, как Лаго? — спросить она.

Он сломал голову, - люди не признаются, что это зло, зло что они делают. Либо они практикуют это, не задумываясь, либо придумывают причины для верьте, что вы делаете добро. Лаго-плохой человек, который судит себя как другие судят вас.

Снова погас свет. Они были на Кипре. Под солнцем палящий, прибытие Дездемоны; затем прибытие Отелло и-о, - а защитная нежность вашей любви!

Солнце уже исчезло. В пещерных сумерках, среди каменных стен, возлияния, ссоры, трение мечей о мечи, и все же Отелло, великолепный и императивный, навязывающий молчание, призывающий их всех к послушанию. Великолепный и императивный в последний раз. Да, сцены, которые последовали, как страшно было видеть великого солдата, высокого сановника, венецианца цивилизованный превращаться, под разрушающим действием озера, превращаться в африканском, в диком, в неконтролируемом и примитивном звере! “Платок — исповедь-платок!… Носы, уши и губы! Будет ли это возможно? А затем решимость убить. “Не делай этого ядом, души ее в постели, в сама кровать, которую она осквернила”. А потом ужасный взрыв его гнев против Дездемоны, удар, нанесенный публично; и, в интимной близости унизительно из запертой комнаты, этот коллоквиум между девушкой на коленях и Отелло, на мгновение разумный, но разумный по-низкому позорному из озера, цинично зная только паршивое, веря в

возможность только того, что было более мерзким.

Прошу прощения;

Я взял тебя за эту хитрую шлюху, Который обручился с Отелло в Венеции.

В его голосе была ужасная нота насмешек, тон смеха ужасно и непристойно. Не имея возможности одолеть себя, Джоан начала дрожать.

- Я не могу этого вынести, - засекретила Энтони между сценами. — Уже я предсказываю, что произойдет. Это ужасно. Я вообще не могу сопротивляться это.

Она была бледна и говорила под сильным волнением.

- Ну, если так, то уходим, - предложил он. — Сейчас же.

Она покачала головой. - Нет, нет. Мне нужно увидеть до конца. Нужный.

- Но, если вы не можете этого вынести…?

- Вы не хотите, чтобы я объяснял. По крайней мере, сейчас.

Снова поднялась ткань.

Подопечная моей матери, Барбара, дала,

Однажды сердце кому-то, кто сошел с ума,

И бросил ее. И Барбара пела

Старая песня, песня “Ива”.

Сердце Джоан колотилось. Он уже чувствовал себя плохо, предсказывая конец. Нума почти детский голос, сладкий, тонкий, но естественный, Дездемона начала петь.

Сидя у подножия платана,

Бедная вздыхающая душа Из зеленой ивы угол Петь…

Видение прошло и прошло перед глазами Джоан, стало нечетким; слезы катились по его щекам.

Наконец-то шоу закончилось, и вот они снова на улице.

Джоан глубоко вздохнула. - Воля, которую я чувствую сейчас, - это ходить, много ходить, - сказал он. - Мили и мили, без остановки.

- Э. Но не может, - лаконично сказал он. - С этим платьем, вот так, не.

Джоан посмотрела на него с удивлением и обидой. - Он зол. со мной, - сказал он.

Краснея, он попытался с улыбкой отменить это впечатление

раздор. - Злой? Почему я должен злиться? - Но она была права, без сомнения. Злой был тем, кем он был. — злился на всех и на всех, кто участвовал в невыносимой ситуации настоящее время: с Мэри, за то, что она бросила его в такую ситуацию; с самим собой, за согласившись на это; с Джоан, за то, что она была объектом этой чудовищной ставки; с Брайаном, потому что в конечном итоге он был ответственен за все это. история; и даже с Шекспиром, с актерами и с той толпой, которая там он толкался

локтем…

- Не сердись, - уговаривала она. - Это была такая прекрасная ночь! Если я знал, что эта ночь принесла мне пользу! Чудесный вечер! Иметь однако будьте осторожны с этим очарованием. Как будто я держу это в руке, полный стакан до краев. Малейшее дрожание, все будет проливаться. Оставлять-принеси мне домой чашу, не проливая ее.

Такие слова вызвали у него сильное смущение, до такой степени, что почти чувствовать себя виноватым. Смеялся, с нервным смехом. - Вы думаете, что внутри машина, вы можете взять ее, не проливая? — спросить.

Ее лицо загорелось от удовольствия от такого предложения. Он сделал знак с рукой, и машина подошла к ним, чтобы остановиться. Они вошли, сжимаясь позади себя. дверца. Кучер встряхнул поводья. Пилека сделала несколько шагов и затем, по щелчку кнута, он неохотно вошел в неторопливую рысь. О автомобиль следовал по Ковентри-стрит, пересекая вспышку Цирк, вход на Пикадилли. Над зимборием Собора Святого Иакова нечеткая чернота неба освещалась медными тонами. Отраженные в полированная тьма дороги, лампы, которые уходили, имели невыразимо боевой аспект, как воскрешение смерти. Здесь деревья в зеленом парке, сверкающие от света, поднимающегося из луковицы и торчали в его листьях с внеземной, ультра прохладой-весенний. Это была жизнь и в то же время смерть.

Джоан молчала, крепко держа в себе хрупкую чашу о странном счастье, которое было и в то же время самым сильным из печаль. Дездемона была мертва, Отелло был мертв, а лампы, они были символами сужающихся перспектив. та же участь. И все же меланхолия этих сходящихся параллелей и боль трагедии были столь же важными элементами его нынешней радости, как наслаждение, которое доставляло ему великолепие поэзии, как удовольствие, которое он испытывал в значительной и почти аллегорической красоте этих освещенных листьев. Ибо эта его радость не была особой радостью, исключительной для всех остальных; он был сформирован из всех эмоций, это было, так сказать, состояние общая недифференцированная вибрация. Ужас, наслаждение, жалость, смех во всех его оттенки, во всех его аспектах — все это гармонировало в

его дух. Сидя в машине, за лошадью, которая мучительно рысью, безмятежность, но безмятежность, которая содержала потенциал всех страстей

- так поступала Джоан. Печаль, удовольствие, страх, радость-все это ему когда-то он населял дух в невозможной комбинации, и это было чудо размещения, которое она с любовью развлекала.

Квадратный автомобиль - думал Энтони-вот возможность классический. Они уже были на углу Гайд-парка; к этому времени он уже должен был по крайней мере, держал ее за руку. Однако она осталась как статуя, с пристальным взглядом ни на что, ни на другой мир. Я бы почувствовал обиделась, если бы он решил заставить ее резко вернуться к реальности.

- Я вижу, что мне придется придумать историю, чтобы рассказать Мэри,

- подумал он. Но это было бы нелегко; Мэри была одарена способностью необыкновенно раскрывать ложь.

Страдая от поводья, старый конь замедлил шаг и, наконец,, остановить. Они приехали. О, какая короткая поездка, - подумала Джоан — так коротко! По своему вкусу он путешествовал так вечно, лелея в тишине. ваша непривязанная радость. Со вздохом он ступил на тротуар.

- Тетя Фанни сказала, что если она все еще стоит, когда мы вернемся, я хотел, чтобы ты пришел, чтобы пожелать ей спокойной ночи.

Это означало-он размышлял, поднимаясь по лестнице позади нее пока они не добрались до слабо освещенного “зала” — это означало, что у него было упущена последняя возможность сделать это.

- Тетя Фанни! - Тихо позвала Джоан, открывая дверь в комнату посетить. Но ответа не было; в комнате было темно.

- Вы уже лежите?

Она повернулась к нему и сделала знак “да”. Были, на мгновение, неподвижно и тихо.

- Теперь мне нужно уйти, - все-таки сказал он.

- Это была чудесная ночь, Энтони. Просто замечательно.

- Мне очень приятно слышать, что вам понравилось. - За твоим улыбка, то, о чем он с трепетом думал, было то, что у него еще не было тот последний шанс пропал.

- Это было больше, чем просто наслаждение, - сказала она. — Быть… Я даже не могу сказать, что что случилось. - Улыбнулась ему и, сказав “Спокойной ночи”, протянула ему руку.

Он сжал ее Энтони, сказав, в свою очередь, Спокойной ночи; затем, решив, быстро, что было бы тогда или никогда, подошел ближе, передал его руку в встал с плеч и поцеловал ее.

Тонкость его решения и смущение, которое он испытывал, сделали его движения такие резкие и левосторонние, как будто это результат насильственный импульс неудержимо побеждает непокорности и запреты.

Его губы коснулись сначала ее лица, а затем искали ее рот. Она он старался увернуться, отвлечь лицо; но этот жест был выдержан, прежде чем, почти, чтобы быть начатым. Его рот повернулся к его, не имея возможности сопротивляться притяжение. Все нечеткие, неопределенные эмоции, которые накапливались внутри нее в ту ночь он внезапно кристаллизовался, так сказать, вокруг удивление, которое взволновало ее, свидетельство его желания и этого удовольствия почти болезненный, который, начиная с губ, охватил его все тело и он овладел духом. Изумление и гнев первой секунды были погруженные в апокалипсис новых ощущений. Это было похоже на жестокий свет, в тихой тьме, как будто свободные и немые веревки если бы инструмент был растянут и начал вибрировать с резкостью и все больше и больше ощущений, до такой степени, что вибрация и напряжение они уничтожали себя в силу собственного избытка. У нее появилось чувство вакуума; внутри него открылись огромные пространства, темные пропасти.

Энтони почувствовал, как его тело свисало, мягкое и тяжелое, в его руках. Столь тяжелый, действительно, и такого непредвиденного веса, что он почти потерял баланс. Он раскачивался, затем возвращался и с большей силой удерживал его в ваши руки.

- Что это, Джоан?

Не отвечая, она наклонила лоб через его плечо. Тогда он мог, понимая, что если я отпущу ее, она упадет. Возможно, ему было плохо. И ему придется позвать на помощь, разбудить тетю, объяснить, что случилось… Отчаянный, не зная, что делать, огляделся. Лампа “холла” проецировалась в комнату через открытую дверь, свет, который позволял видеть конец дивана, покрытого Персийским желтым гепардом. Поддерживая ее все еще за плечи краснеет одна из рук, наклоняется, а другой рукой держит-а по ногам, по коленям, а потом с некоторым усилием (ибо она была тяжелее, чем он себе представлял), поднял ее с земли, понес вдоль свет, который открывался во тьме, и с заботой, которая позволяла ему вес она положила ее на диван.

Опустившись на колени на пол, рядом с ней спросил: - чувствуй себя лучше сейчас?

После глубокого вдоха Джоан провела рукой по лбу, открылась глаза и посмотрел на него, но на мгновение только; выиграл один доступ застенчивости и стыда, он закрыл лицо руками. — Извинять, - тихо сказал. - Я не знаю, что это было. Внезапно я почувствовал, что головокружение. Какое-то время она молчала; лампы горели от новые, удерживаемые струны вибрировали — но терпимо, без избыток. Она убрала руки с лица и повернулась к нему, улыбаясь застенчивость.

С глазами, которые привыкли к полу-свету окружающей среды, он он с тревогой смотрел на его лицо. Слава Богу, что она, казалось, больше не имеет больше ничего. Мне бы не пришлось звать тетю. И облегчение, которое это принесло ему, было такой большой, что он взял ее за руку и нежно сжал.

- Ты не злился на меня, Энтони?

- Зачем мне оставаться?

- Это было естественно. Вот так упасть в обморок… Снова почувствовал стыдно видеть себя таким открытым для его взгляда; и, убрав руку, он сжимал, еще раз закрывал лицо. Вот так упасть в обморок… Воспоминание о факт унижал ее. Думая об этом его жесте, внезапном, Тихом, жестоком, я сказал тебе: - он любит меня. - А Брайан? Но отсутствие Брайана казалось чтобы взять на себя более высокую власть. Отсутствие, интенсивность которого была без прецеденты, до такой степени, что кажется, что

Брайан никогда не присутствовал на ней. Все, что действительно существовало, было это живое присутствие рядом с ней-а присутствие желания, руки, рот, присутствие, виртуальный, да, но в ожидании снова реализовать себя, тех поцелуев. Почувствовала грудь задыхаясь, но не осознавая, что долго дышал; как будто кто-то извлек из него воздух, которым он дышал. - Он любит меня, - повторил; и это было оправданием. Снова открыл лицо, посмотрел на него в мгновение ока протянул руки и, прошептав ему имя, взял его голову и притянул к себе.

- Так каков был результат? - воскликнула Мэри с дивана, как только он войти. Судя по мрачной физиономии Энтони, он полагал, что именно она я выигрываю пари, и это ее расстроило. она внезапно почувствовала себя очень раздраженной он-вдвойне, втрое раздражен; за то, что он такой без энергии; за не то, чтобы он придавал большое значение тому факту, что она выиграла пари, несмотря на это от недостатка энергии; потому что он заставлял ее жестом, мерой, которая она абсолютно не хотела применять это на практике. После дня езды от автомобиль в поле в компании Сидни Гаттик, она прибыла в вывод, что это было просто невыносимо. И противостоять им, Энтони казался ему самым очаровательным из мужчин. Я не хотел его забанить., даже временно. Однако его угроза была торжественной и явной; если если бы он не казнил ее, по крайней мере частично, он потерял бы весь свой авторитет. И теперь ублюдок заставлял ее сдержать слово. В тоне цензуры и в гневе она сказала: - Я уже вижу, что это был трус и что он потерял заклад.

Он покачал головой. - Нет; я выиграл.

Мэри посмотрела на него взглядом, полным сомнений. - Вы, конечно, лгать.

- Нет, нет. - Сел рядом с ней на диван.

- Почему же тогда это грустное лицо? Это для меня не так много лестный.

- Что это была за Ваша идея заставить меня сделать это? - сказал он, в импульс. - Глупость. - Это тоже несправедливо, но это, если он сказал бы это, рассмешил бы Мэри. - Я всегда думал, что это глупо. Но вы настояли. - В его голосе было пронзительность обиды истец. И теперь Бог знает, в какой ад я попал. - В котором

черт возьми, он бросил Джоан и Брайана, чтобы сказать правду. - Бог Знает.

- Но объяснись, мужик, - восклицала Мэри Эмберли, — объяснись! Не говорите, как пророк второго порядка. — В его глазах вспыхнуло смехотворное любопытство, от которого он был угадать какую-то восхитительно сложную и фантастическую ситуацию. — Объясните, - повторял Я.

- Что ж, я сделал то, что вы мне сказали, - ответил он небрежность.

- Герой!

- Дело не в смехе.

- Что! Его ударили?

Энтони с раздражением понес вздор и покачал головой.

- Как она себя вела?

- И именно в этом заключается катастрофа: она восприняла это всерьез.

- Серьезно? - спросила Мэри. - Это значит, что она угрожала рассказать папа?

- Я имею в виду, что она думала, что я влюблен в нее. И хочет расстаться с Брайаном.

Миссис Эмберли откинула голову назад и отпустила одну из своих ясные, яркие, громовые хихиканья.

Энтони обиделся. - Это не грабеж.

— Вот именно там вы ошибаетесь. И один из лучших грабежи, которые я слышал. Но что вы собираетесь делать?

- Я должен сказать ей, что во всем этом есть ошибка.

- Эта сцена должна быть восхитительной!

Он жестом заставил ее увидеть, что сцены не будет. - Я напишу-ему письмо.

- Храбрый, как всегда! - И она похлопала его по колену. - Но

теперь я хочу узнать подробности. Как я отпустил ее так далеко? До такой степени, что я думал, что ты был влюблен в нее. До тех пор, пока точка желания разорвать помолвку с Брайаном. Не смогл вы предотвратить к вещь с самого начала, вырезать, как говорится, зло в зародыше.

- Было тяжело,-пробормотал он, уклоняясь от ее пристального взгляда. — В ситуация… Это правда, что произошла определенная потеря доминирования.

- Вы имеете в виду, что вы сошли с ума?

- Если хочешь так назвать, может быть, - неохотно признался он, думая о том, каким глупым я был, чрезвычайно глупым. Должно, без сомнения, когда она повернулась к нему в темноте, она должна была отказаться от него поцелуи, ясно объяснили ему, что его не было любви, нет значение. Вместо этого он принял их: за моральную лень и трусость, потому что было бы слишком много усилий, чтобы дать это объяснение необходимо и обязательно сложно; за определенную доброту сердца, которая не он приходил к делу и путался со слабостью, потому что он причинил ей боль и если бы он сказал ей “нет”, и, наконец, потому, что он причинил ей, страдания, которые он должен был бы наблюдать, были бы для него безмерно неприятный. И, приняв, наслаждался его поцелуями, отвечал им взаимностью пыл, который он, только он, знал, был результатом разрозненного чувственности, сиюминутно, но что Джоан, как это было теперь очевидно (и это было для него в даже момент) неизбежно будет рассматривать как пробужденный особенно для нее, пыл, что она будет считать себя объектом незаменимый. Беспристрастный наблюдатель сказал бы, что он сделал все возможно, мы не жалели усилий, чтобы создать максимально возможную сумму осложнения за минимальное время.

- Как вы хотите избавиться от этой обертки? - Спросила Мэри.

Он злился, когда услышал, как она сформулировала вопрос, который мучил его. — Я напишу ей письмо, - сказал он. Как будто это был ответ!

- И что скажет Брайан об этом?

- Я буду с ним завтра, - невзначай ответил он. “В Озерах”.

- Как Вордсворт, - сказала Мэри. - Как это будет смешно! И что именно вы собираетесь сказать ему о Джоан? — она продолжала неумолимо.

- Я объясню ситуацию.

- Но давайте предположим, что Джоан сначала объяснит — и в некотором роде другой?

Он покачал головой. - Я уже сказал ей, что не хочу, чтобы она напиши Брайану, прежде чем я с ним поговорю.

- И вы думаете, что она сделает то, о чем вы просили?

- Почему бы и нет?

Мэри пожала плечами и стояла, глядя на него, улыбаясь ему эта его улыбка, в которой рот искривлялся, а глаза сияли между полузакрытые веки. - И почему? если вопрос в этом.

Глава XI - 19 июля 1914 г.

В поезде, идущем на север, Энтони думал о том, что с ним было забронированный. Отсюда два дня, или, самое большее, три, Брайан должен был бы быть информировано о том, что произошло, и должно быть написано письмо Джоан. В котором условия? И какие оправдания он должен придумать для себя? Должен сказать вся правда о твоей пари с Мэри? Для тебя правда была определенные преимущества; если бы я сказал Это, я мог бы бросить на Мэри большую часть виноват в том, что произошло, но, как он думал, рискует казаться ужасно слабый. И это был не единственный недостаток; для Джоан правда была бы невыносимым унижением. Как бы он ни обвинял что касается Мэри, то оскорбление Джоан было бы не меньше. Если бы только он не могли бы вы сказать Брайану и Джоан правду, что-нибудь еще!

Однако это было невозможно. Им обоим нужно было сказать одно и то же. история и, ради Джоан, история, которая не кашляет правдой. Но что история? Какое объяснение фактов деморализовало бы вас меньше и причиняло бы меньше унижение Джоан? Вообще говоря-решил-лучшее, что можно сказать может быть, он сошел с ума, что позволил себе увлечься внезапный импульс, импульс, который только впоследствии переворачивает

все безумие, о котором он сожалел. Это был кто-то другой, который поцеловал ее: вот и все что бы написала Джоан. Кто-то другой — но не совсем другой. Она не мне бы это понравилось, если бы меня заставили поверить, что это простой моно момент, который вел себя так в темной комнате. Человек, который поцеловал ее должен был быть, в частности, он сам. Достаточно его части даже для того, чтобы все время проявлять к ней интерес, к сожалению о своем положении; но кто-то еще, вплоть до того, чтобы позволить обстоятельства ночи превратили привязанность и сочувствие в-в чем? В любви? В желании? Нет; мне бы не пришлось ничего так говорить конкретно; это должно было бы говорить о путанице, от мгновенного безумия до разрушить дружбу, которая была так чиста, и так далее. Между тем, только то, что он мог сказать, было то, что он был опустошен и стыдно; который чувствовал, теперь сильнее, чем когда-либо, быть Брайаном единственный человек, который был достоин ее, что трудности, которые возникли между ней и Брайаном они были временными и скоро появятся … Е так все остальное.

Да, письмо должно быть относительно легким. Трудность заключалась в том, что, как и следовало ожидать, за письмом должны последовать интервью и объяснения личные; в котором он должен терпеть упреки, слушать доверительные,

защищаться, возможно, от признаний в любви. А тем временем придется разговор с Брайаном-и с Брайаном все началось бы с интервью; и чем больше он думал об этих интервью, тем труднее ему казалось предсказать роль, которую Брайан сыграет в них. Энтони представлял себя пытаясь уточнить, что он не был влюблен, что Джоан только для одного момент потерял голову, как и он, что ситуация все то же самое, и все, что нужно было сделать Брайану, это пойти поцеловать ее. даже. Но сможет ли он заставить Брайана поверить ему? Будучи мальчик, как это было, это казалось ему вероятным-это казалось ему тем более вероятным чем больше я думал об этом-что неудача будет правильной. Брайан принадлежал те люди, которые думали, что невозможно поцеловать друг друга. женщина, кроме как под неотложным влиянием самого глубокого, самого сердечного и возразил бы ему, что Джоан поцеловалась и ответила бы ему на поцелуи; и нет не было бы ни аргументов, ни утверждений о том, что человек сошел с ума, способные убедить его, что это не было серьезным любовным романом в самой интенсивной степени. А в таком случае? Энтони продолжал в своих спекуляция. Что бы

мальчик сделал в таком случае? Я бы чувствовал, без сомнения,, обиженный, преданный: но, скорее всего, не было упреки. Нет, но может случиться нечто гораздо худшее. Брайан скорее всего, он возложит вину на себя; он откажется от всех своих права, я бы отказался верить в подобную историю, когда Энтони клянусь, что я не влюблен, что дело не в любви и что все это было не чем иным, как шуткой, о которой он сожалел; вопрос-именно потому, что это такая мучительная жертва-я бы сделал вопрос о том, что Джоан принадлежала мужчине, которого она действительно любила, и что очень любил. Что, если Джоан, в свою очередь, согласится с этим?! И это было вероятно, - подумал Энтони со страхом, вспоминая, как она он ответит ей на поцелуи - она была почти уверена, что согласится. Потрясающая перспектива! Не может столкнуться с подобной ситуацией. И почему, в конце концов, мне придется столкнуться с ней. Мог бы вложить свои активы — достаточно покинуть страну и проживать за границей; около шести месяцев, год, если бы это было необходимый. И пока провинциальные земли скользили перед окном, из вагона он откидывался с закрытыми глазами, представляя себя в Италии, или, если Италия не казалась ему далекой от Англии, Греции, Египта или даже в Индии, Малайе, Яве. В компании Марии, ибо, конечно, Мэри тоже придется уйти, по крайней мере, на время. Я мог бы оставить дочери с каким-то родственником. И Египет, — размышлял он, в то же время практичный и мечтательный-Египет в конце сезона не требовал больших расходы; а что касается этого чучела войны, то, несомненно, у него не было следствие никакое. Луксор был бы даже так интересно, как казалось

по фотографиям? А Парфенон? А Пестум? А что думать о тропиках? В воображении он плавал с острова на остров в Эгейском море; курил гашиш в Грязные кварталы Каира, я ел Бангкок в Бенаресе; это было поверхностно Джозеф Конрад в Ост-Индии даже был Лоти второй порядок, несмотря на хромолитографический стиль, среди меховых девушек медные и гардении, и хотя он все еще считал невозможным любить и человек, и Мария любили, бледный Гоген в южных морях. Эти будущие и гипотетические побеги были в равной степени побегами там, где они были, и в тот самый момент, так повезло, что долгое время в этом углу из купе он полностью забыл о своем предполагаемом уклонении от экзотические регионы. Воспоминание о том, что произошло, страшное ожидание из того, что должно было случиться, они вернулись только тогда, когда он понял, что поезд пересекает Шап упал и понял, что менее чем

через час он будет говорить с Брайаном на платформе Эмблсайда. Итак, все первые вопросы они сформулировали себя с еще более отчаянной срочностью. Что должно сказать? Как? В каком случае? И каково было бы отношение Брайана? Что такое Джоан, когда я получу твое письмо? Ужасные вопросы! Но почему, если вы ставите себя в положение, когда должны давать или получать соответствующие ответы? Что глупец, который не убежал сразу. В этот момент уже будет в Венеция в Калабрии на борту корабля в Средиземном море. Вне досягаемости из писем. Безопасный и счастливый в полном незнании результатов своих действий. Е свободный. Вместо этого он позволил себе глупо стоять там, где он был, и он согласился стать рабом обстоятельств, созданных его безумием. Но даже тогда, в последний час, было еще не поздно. Я мог бы спуститься. на следующей станции, вернуться в Лондон, собрать немного денег и отплыть через двадцать четыре часа. Однако, когда поезд остановился в Кендале, он он не двигался. Принятие такого внезапного и мгновенного решения было любым то, что заставило его отступить. Я ненавидел страдания и с ужасом смотрел на то, что он был забронирован в ближайшие несколько дней и недель. Но его страх перед страдание было меньше, чем его страх действовать. Мне было легче принять пассивно, что бы ни произошло, чем принять решительное решение и продолжить в соответствии с ней.

Когда поезд снова бежал, он думал о причинах, почему я сделал хорошо, чтобы не принимать такого решения. Брайан рассчитывал на него, останется его так беспокоит то, что он не приедет, что, возможно, он спешит приезжайте в Лондон, чтобы узнать, что произошло, найдите Джоан и узнайте все раз. И какое объяснение он дал бы отцу? Кроме того, не было ни одного причина думать, что Мэри будет сопровождать его; она уже сделала шаги необходимые для вашего отдыха и не будет, вероятно, не мог, вернуться назад. И он отсутствовал у Марии, кто мог представить себе соперников, которые

представят? Кроме того, побег был бы трусостью — - продолжал он, стремясь убедить себя и вскоре после этого подумать, что он может наверное и так же эффективно избавиться от своих трудностей без нужно покинуть Англию. Это было бы вопросом У немного такта, сопротивления страдательный залог…

Брайан стоял на платформе, ожидая, когда поезд вошел на станцию. Увидев его, Энтони почувствовал живую и внезапную

боль, смешанную с жалостью и тоской. Потому что между мальчиком и его одеждой была поразительная, болезненная диссонанс. Грубая и деревенская куртка и брюки, носки, ботильоны сделанная гвоздем, сумка bojuda была эмблемой энергии и хорошего здоровья крестьянка. Но Брайан, который носил эти значки, был живым отрицанием что они имели в виду. Длинное лицо было изможденным и воскового цвета. О нос казался больше, чем когда-то, более глубокие глазницы, скулы более выдающиеся. И когда я говорил, мне было труднее, чем раньше. в освоении заикания.

- Но что у тебя, дорогой мой! - воскликнул Энтони, поставив рука на плече друга. - Выглядит ужасно.

Отчасти тронутый этим проявлением искренней заботы (находил удивительно, что Энтони мог быть таким, непредвиденно, таким очаровательный), отчасти раздраженный чувством раскрытия, Брайан встряхнул голова и объяснил с половинными словами найти себя утомленным и нуждающимся в покой.

Однако его идея покоя заключалась не в чем ином, как в том, чтобы пройти двадцать миль в день, поднимаясь и спускаясь по самым крутым холмам, которые я мог найти.

Энтони неодобрительно смотрел на него. — Что вам нужно, так это лежать на улице в кресле на крыше, - сказал он. Но мог во время разговора он заметил, что его совет не приветствуется. Для Брайана это была своего рода догма идея, что это хорошо и важно для здоровья жестокие упражнения в горном ландшафте. Хорошо из-за Вордсворт; потому что в материнской версии христианства пейзаж он занял место откровения.

- Я Г-люблю гулять, - настаивал Брайан, - вчера видел м-м-Черного дрозда" водный. Место это ч-полный красивых птиц

Горе, которое я испытывал от того, что нашел своего друга таким больным, заставило Энтони забыть все, что было связано с Джоан и событиями последние дни; но те (эти "aaaves" , эти писающие певчие птицы) они жестоко принесли ему в память то, что произошло. Чувствовать-если вдруг стыдно, как будто он был удивлен в какой-то недостойное проявление лицемерия, Энтони снял руку с плеча Брайан. Они молча шли по платформе, пока не добрались до

улица. Затем они остановились и начали спорить. Брайан хотел отправить багаж через носильщик и они пошли к его резиденции в Лэнгдейле. Энтони предложил взять автомобиль.

- Вы не должны делать ни одного шага сегодня, - сказал он; потом, когда другой возразил, что он еще не сделал достаточно упражнений, изменил он утверждал, что сам устал от поездки и что, кроме того, одежда, которую я носил, обувь, которую я приносил, не подходила для этого. ходьба. После того, как он захотел вернуться пешком в Лэнгдейл, Брайан в конце концов потерпел поражение по своим причинам и согласился взять автомобиль. Они ушли.

Нарушив долгое молчание, Брайан спросил:-V-видел Джоан в этих последние дни?

Другой сделал, не говоря уже, утвердительный знак.

- Как она?

- Хорошо, - ответил Энтони решительным и расплывчатым тоном, с которым в общем, вы отвечаете на вопрос о здоровье людей, для которых вы не не имеет особого интереса. Ложь-потому что это была ложь упущение-пришло к нему спонтанно. Через нее его дух защищался так автоматически и быстро ПРОТИВ вопроса Брайана, сколько его тела, отрицая, поднимая одну руку, отскакивая назад, если бы он защищался против угрожающего наступающего кулака. Но едва ли он произнес такие слова и уже сожалели о его краткости и тональности, с которой он произнес это и уже почувствовал немедленную необходимость исправить их еще больше информация, в другом, более серьезном тоне. Вы должны войти прямо в вопрос и, без лишних слов, положить все в чистую посуду. Однако время шло, и он не чувствовал себя способным говорить; и в некоторых секунд уже начал достойно его трусость с именем рассмотрение, уже было убеждено, что это не будет хорошо, не так ли честно говоря, учитывая состояние здоровья Брайана, скажите - все сразу, что, как настоящий друг, стоит подождать и выбрать повод — на следующий день, может быть, или в другом — где Брайан оказался в лучшем состоянии получать новости.

- Вы не заметили, что она волновалась? - продолжил Брайан. - Я имею в виду, вы беспокоитесь о том, как долго мы поженимся?

- О, без сомнения, - признался Энтони. - Конечно, она не может

чувствовать себя очень счастливым в такой ситуации.

Брайан покачал головой. - Ни я. М-но я думаю, что это справедливо; и я думаю, с-со временем она увидит q-это справедливо. После, мимо одного тишина, собрался: - если бы только мы были абсолютно уверены. Вольт-иногда я м-м-интересно С-если это не своего рода эгоизм.

- Что?

- Эта привязанность к п-принципам, С Д-пренебрежением к п-людям. Хотеть сказать: с-с пренебрежением к другим. Они s-S-являются t-возможно, более imp-носителями даже чем то, что мы считаем справедливым р-принципом. Но если не мы-мы берем наши р-принципы … - колебался, смотрел на Энтони с выражение смущения и печали, а затем снова отвернулось:

- так на чем же мы остановились, как действовать? - заключил он, обескураженный.

- Суббота создана для человека, - сказал Энтони; и подумал, обиженный на глупость, которую сделал Брайан, не принимая никаких денег, которые он мог бы получить и жениться сразу, без колебаний. Если бы Джоан вышла замуж, без смущение или несчастный случай, не было бы проверено эти доверительные отношения, нет не было бы ни Пари, ни поцелуев, ни ужасных последствия поцелуев. И вдобавок ко всему, Джоан, бедняга,, естественно, теперь я бы не страдал. И начал чувствовать что-то что это было почти справедливое возмущение Брайана за то, что он не усыновил и практикуется фундаментальный христианский принцип, согласно которому суббота предназначена для человек, а не человек для шабаша. Но это будет суббота, созданная для человека.

- незваный голос вдруг начал спрашивать-до такой степени, что человек имеет право одним лишь Пари нарушать баланс чужие чувства, разорвать давний устоявшийся Союз, предать друг?

Брайан, тем временем, вспоминал случай, когда, были два несколько месяцев он и Джоан говорили на эту тему со своей матерью.

— Вы все еще придерживаетесь мнения, - спросила она, - что вы не должны принимать деньги? - И когда он сказал вам, что его

взгляды не изменились, далее она изложила все причины, по которым их не было бы плохо, что я его принял. Система, возможно, была несправедливой и, возможно, была обязанностью каждый изменяет систему; но пока это не произойдет, мы могли бы использование собственных финансовых преимуществ для оказания помощи пострадавшим отдельных лиц системы, чтобы работать ради желаемой реформы.

— Это всегда был мой способ видеть и чувствовать по этому вопросу, — заключил его мать.

И это было справедливо, настаивал он, и ему даже не приходило в голову критиковать то, что она сделала, или даже предположила, что это было критично. Но дело в том, что ее условия отличались от его. Как мужчина, у него было возможности обеспечить себе средства к существованию, которых у нее никогда не было. Кроме того, она получила ответственность; в то время как он…

- Что ты мне скажешь о Джоан? - прервала она, положив руку на руку это нежно, когда я говорил. - Он не представляет ее ответственность?

Он опустил глаза и, чувствуя, что это не его дело, ответил на вопрос, я ничего не сказал.

Затекли долгие секунды безмолвного, ноющего ожидания,, в котором он задавался вопросом, будет ли говорить Джоан, и что он должен делать в этом случае чтобы она не говорила.

И именно тогда, к его облегчению, Джоан наконец нарушила молчание в голос, который был странным, таким низким и приглушенным: - финал, Брайан был тогда ребенок. Но я взрослая, ответственная за себя. И я в условия понимания их причин.

Он поднял голову и посмотрел на нее с благодарной улыбкой. Но на ее лице было выражение холодности и чуждости; ее глаза на мгновение встретились с его глазами, а затем отклонились.

- Вы понимаете свои причины? - спросила его мама. Джоан подтвердила жестом.

- И вы их одобряете?

Джоан на мгновение колебалась, а затем сделала еще один утвердительный жест. — Если Брайан думает, что это справедливо, — начал бы говорить, но прервался.

Мать смотрела друг на друга. - Мне кажется, что вы двое молодых людей, полных героизма, - сказал он таким прекрасным тоном,

таким яркие эмоции, которые придавали его словам смысл верхний. Он чувствовал себя подтвержденным в своем суждении.

Но позже, - вспоминал он с мучительным недоумением, - еще поздно, когда он остался один с Джоан и попытался поблагодарить ее за то, что она сделала, она повернулась к нему, с обиженным гневом.

- У тебя больше любви к своим идеям, чем ко мне. Гораздо больше.

Брайан вздохнул и, вырвавшись из этого долгого отвлечения, посмотрел на

деревья на обочине дороги, в горы так роскошно, ослепленные и освещенные умирающим полуденным солнцем, к облакам в небеса, которые были похожи на мраморные острова, смотрели на все эти вещи — , он признал, что они прекрасны, и нашел их красоту безнадежной невыразительный.

- P-prouvera Богу, - сказал он, - чтобы я знал, что мне делать.

То же самое думал Энтони, хотя не п сказал.

Глава XII - 20 и 21 июля 1914 г.

Справедливый, благоприятный момент, чтобы сказать Брайану правду — или вообще дело, как правду, так и было полезно знать — никогда не казалось представиться. Эта первая ночь была устранена заранее, потому что Энтони подумал, что стоит отдохнуть, так как бедный Брайан он выглядел таким больным и уставшим. Во время ужина и после, Энтони дал всегда к разговору, насколько это возможно, развлекательный и безличный тон. Говорить Das Réflexions sur la Violence, Сорель-неприятное чтение для Фабианос! И видел Брайана, как эффективно его дорогой Бергсон ушел. скальпирован Жюльеном Бендой? И что он думал о белых стихах Ласселлес Аберкромби? И Moderna Gilbert Cannan. Наутро они отправились в тур по Лэнгдейл Пайкс. Оба были неподготовленными; но, несмотря на то, что я чувствую хрипы и сердце прыгает, Брайан он всегда двигался вперед со спартанской решимостью, которая Энтони начал с того, что счел это абсурдным, а в конце концов счел это раздражающим. К тому времени, когда они прибыли в дом, уже почти в сумерках, они оба были измотаны; но Энтони, помимо

истощения, раздражен. Отдых и еда это способствовало изменению его настроения, но, тем не менее, он он по-прежнему считал невозможным другое отношение к Брайану, кроме человек, прощающий, да, но сохраняющий свое достоинство; и достоинство было ясно, что это не так хорошо, как факт высказывания этой конкретной правды. Остаток ночи провел в тишине-Энтони читал, другой шел без направляясь и без передышки по комнате, как в ожидании повода поговорить — повод, что воздух сильного беспокойства, в котором Энтони держал себя в нем размещалась цель не обеспечить его.

На следующее утро, сразу после пробуждения, все еще в постели, Энтони увидел себя охваченный мыслью, что время бежит, не только для него, но также для Джоан и Брайана. Нетерпение Джоан может стать более сильнее, чем обещание, которое я дал, не писать Брайану; кроме того, чем больше он откладывал неизбежное объяснение Брайану, тем хуже было суждение Брайана О нем.

Предлог волдыря на пятке, который помешал бы ему не отставать от него, он позволил Брайану уйти одному, и после того, как он был сертифицирован, с видом, от чего он бродил неукротимо и широкими шагами по крутому склону сзади. из “коттеджа” он сел, чтобы написать свое письмо Джоан. Или лучше: попробовать он написал ее; ибо каждый из его набросков, которые он набросал, содержал всегда одна или другая из двух ошибок, и каждая из двух ошибок обнажала ее, как он себе представлял, к особой опасности: опасность, что, если он

он очень настаивал на уважении и привязанности, которые заставили его потерять рассудок в ту чертову ночь она повторила бы, что так много любви и уважения, добавленных к и, таким образом, они оправдывали себя (поскольку любовь, как предполагалось, оправдывала все) его предательство Брайана; и опасность что, если он подчеркнет с большой исключительностью тот факт, что он потерял рассудок и ее мгновенное безумие, она чувствовала бы себя оскорбленной и жаловалась Брайану, миссис Фокс, ее родственникам, кричала, возлагала на него рот, как будучи недостойным парнем, соблазнителем, и Бог знал, что еще. После того, как потребленные три часа и дюжина листов бумаги, они казались ему балдадо все свои усилия. Отказался от компании с Ира и в состоянии в гневе, в котором он находился, он начал писать, от оседлого, жестокого и оскорбительное письмо

Мэри. Проклятая женщина! Она была ответственна за все. “Преднамеренное зло…“Циничное исследование моей любви к тебе…” “Обращаясь со мной, как с каким бы животным ты ни был пытать для вашего личного удовольствия…“Предложения сочились из пера. “Это мое прощание”, - заключал он, и часть его духа верила в то, что он драматично писал. “Я никогда больше не хочу ее видеть”. Но другая сторона размышляла, что примирение всегда возможно; что он я бы дал ему этот урок: что потом, может быть, если бы она вела себя хорошо, если бы он чувствовал который, в конце концов, не мог обойтись без нее… Закрыл письмо и вскоре последовал в спешке в деревню, чтобы положить ее на почту. Этот акт принятия решения это способствовало возвращению ему любви к себе. Вернувшись домой, взял решение, окончательное на этот раз, урегулировать дело коры Брайан той ночью, и затем, руководствуясь отношением, которое затем занял Брайан, он попытался бы снова написать письмо Джоан на следующее утро.

Брайан вернулся в шесть часов, триумфально пройдя дальше и имея он достиг большего количества горных вершин, чем когда-либо в своей жизни, но представляя, несмотря на все свое ликование, аспект полного истощения. Вид того лица, которое он знал так долго, этого лица теперь так трагически поглощен и болезнен при Преображении улыбаясь, Энтони почувствовал, что эмоции повторяются с большей интенсивностью. первая ночь, тревожная забота о старом друге, мучительная сострадание к страданиям человека-и вместе с ними эмоции, чувство вины перед другом, ответственность за его похожий. Немедленное признание, возможно, было снисходительным к его боли, это могло бы позволить ему в то же время выражать свои чувства; но он колебался; он молчал; и в течение нескольких секунд, для процесса почти мгновенная психологическая химия, сочувствие и забота были в сочетании с чувством вины они образуют своего рода холеру. Да, я был положительно возмущен Брайаном за то, что он так устал,

за то, что ты уже в таком несчастном положении, за то, что остался в очень плохом состоянии. еще больше жалея, когда ему открылась правда.

- Это безумие: уставать таким образом, - резко сказал он, и привел его в дом, чтобы он отдыхал, прежде чем съесть.

После того, как они поели, они пошли на траву среди террасы перед “коттеджем” и, раскинув ковер, легли и стояли созерцать небо, которому дал остаток сумерек, когда они они прибыли, зеленая окраска, которая стала позже, и постепенно, все глубже и глубже синий.

Наступил безотзывный момент, подумал Энтони с определенным и в течение долгого молчания он готовился к начать, мысленно репетируя первый бросок, реплику и возражение; колеблясь между внезапной и опрометчивой кладкой карт на стол и более осторожная стратегия с родео и отрицанием, которая подготовила бы жертву постепенно для окончательного шока.

Однако до того, как он принял какое-то решение о лучшем как бы то ни было, другой выходил на поле прямо, своим голосом тартамуда. Также он, очевидно, ждал возможность успокоить свою совесть, и Энтони вместо того, чтобы делать кающийся, как и его намерение, увидел себя (для тишины части его дух, к ужасу и смущению обитателя еще одного слоя глубоко в сознании) Энтони внезапно обнаружил, что его просят играть роль духовника и директора совести; просил послушайте с самого начала всю историю, которую Джоан уже рассказывала вам — эта история, иллюстрированная святыми Мониками и маточными реакциями, он он с таким удовлетворением передал Мэри Эмберли. Пришлось слушать, как друг считал унизительной, болезненной неспособность, в которой он себя видел, доминировать, собственное тело, изгонять все низкие желания, недостойные любви что он чувствовал к Джоан. Или, может быть, — Брайан атенуара, ссылаясь на большой вулкан кто бросает землю в огонь в небо, Мередит — возможно, не недостойные когда обстоятельства позволили им занять место, которое они это вписывалось в целый комплекс идеального брака; но недостойные в момент, когда им еще не удалось найти свое выражение законные; недостойные, пока они могли бросить вызов авторитету духа сознательный.

- Т-пришлось Ф-бежать, - объяснял он, - т - пришлось отдать с-с-телу о безопасное убежище д-д-расстояния. Р-потому что я чувствовал себя в с-Условия с-Си-Си…;- слово контролировать не хотел уходить; пришлось довольствоваться другим менее выразительный; - направлять мою волю. Нам стыдно за

так много слабости, - продолжал он.

И Энтони сделал жест, согласившись. Слабость бери ее решимость целоваться, и слабость не меньше, когда приходит повод прервать на мгновение приятный опыт-хотя там было ли что-то большее, чем слабость, что-то положительное, оргиальное извращение в действии, которое, как известно, глупо, опасно и неправильно.

- Но когда мы s-знаем, что не p - может доминировать над ней, я бы сказал Брайан, я полагаю, что лучшее, что нужно сделать, это убежать. Лучше, чем d-позволить ей c-создать трудности, которых можно избежать.

- Да, я согласен, - сказал Энтони, в то же время если я спрашивал, почему я не уступил тому импульсу, который у меня был, чтобы вернуться в Лондон, когда поезд остановился в Кендале.

- И не столько нас, м-но и других. Д-д-трудности другим Т-также. - Последовало тихое танго. Затем, медленно и с усилием, он далее он объяснил, что в Жанне то, что было прекрасным, великолепным, было его естественность. В нем была сила естественных и спонтанных вещей; он был огненным как природа, щедрая и глубоко невинная. У него были качества из летнего пейзажа, из цветущего дерева, из водоплавающей птицы лузидия, живоглазая, быстро летает среди камышей. Была ли эта естественность что он особенно любил ее, потому что это было похоже на обратную сторону медаль, которая завершила скрупулезность и интеллектуализм его дух. Однако именно эта естественность сделала почти Джоан не могла понять его, потому что он считал ее такой опасной. и почувствовала необходимость отойти от нее. Она чувствовала себя обиженная этим отступлением, она думала, что он не любит ее; когда она правда была…

Правда была, - говорил с собой Энтони, находя в сарказме циничный из ваших мыслей своего рода утешение, обновление вашего чувство превосходства-правда была в том, что она жаждала поцелуи, которые с первой ласки и все ее тело стало одним ярким, одним пульсирующий протест против навязанного ему воздержания.

V-правда, - мучительно говорил Брайан, - я люблю ее m-больше, чем что никогда. N - нет p-слов, которые говорят qu - как люблю ее. - Заткнулся, от новое, мгновение. Затем, повернув глаза к Энтони, спросил: — Чего должен я f-сделать?

Все еще в своем циничном настроении Энтони зарегистрировался с жестокость его реакции меняется, еще один особый триумф - такой эфемерный, однако, как легко было, ибо первая мысль его случилась почти мгновенно тревожное осознание того, что человек оказался перед лицом дилемма: либо рассказать Брайану, что произошло между ним и Джоан; или задать вопрос

от друга анодный ответ, который не скомпрометировал бы его и оставил бы для большего поздно, откровение истины. По умолчанию анодный ответ будет чудовищная ложь; и когда он все - таки пришел сказать правду, это и вся другая ложь, подразумеваемая более чем двумя днями молчания или пустые слова неизбежно будут запомнены против него. Но сказать правда сразу, на данном конкретном этапе, было бы особенно болезненно; и болезненно, - продолжал он в своих рассуждениях, - не только для себя, но также и, прежде всего, для Брайана. После чего Брайан говорил в ту ночь, чтобы сделать это чокнутым и сногсшибательным. ясное и незапамятное отображение того, что произошло, было бы истинным жестокость и преднамеренное оскорбление.

- Что мне делать? - настоял Брайан.

- Думаю, - кротко ответил Энтони, - думаю, ты он должен стремиться соответствовать реальности.

Он пришел к решению — или раньше, как он считал нужным рассмотрим вещь, когда, позже, один в своей комнате, он положил в размышляя о событиях ночи, решение было принято само за себя. Нума оглядываясь назад на то, как много произошло, я чувствовал, что это не имеет ничего общего с случай.

Глава XIII - 23 июля 1914 г.

Энтони снова заснул после того, как его вызвали, опоздав, таким образом, для первого приема пищи утром. Когда он вошел в маленькую комната, Брайан поднял глаза с suipresa и, как чувство вины, сложила письмо, которое читала, и положила в карман. Тем Временем Энтони у него еще было время, чтобы узнать, издалека, характеристики лирики Джоан, несколько толстый, полный кривых и нарисованных поворотов. Дарить тебе Доброе утро тон

веселого беззаботности, он сел и начал заниматься, с пух и прах, наливая кофе в чашку, как будто это был процесс сложный научный, требующий от него полного внимания.

- Я должен сказать это сейчас? — отражать. - Да, я ему расскажу. Вещь должна уйти от меня, очень хотя он уже все знает. Маленькая чертова! Почему бы и нет вы выполнили то, что обещали? - Он был полон праведного возмущения по отношению к Джоан. Пропустить с данным словом! И что, черт возьми, она сказала Брайану? И что бы если бы ваша история отличалась от ее? И в любом случае, с каким глупым лицом я должен быть, признавшись сейчас, уже слишком поздно. Она лишила его возможности, самой возможности рассказать Брайану О что случилось. Малышка наполнила его мерками, и когда его гнев превратился в жалость к себе, как к себе потерпевший, он стал считать себя человеком, полным добрых намерений, намерения, которые в последний момент лишили его зла практика. Она закрыла ему рот в тот самый момент, когда он собирался произнести те слова, которые должны были все объяснить и освободить его от всего; и так действуя, она сделала ситуацию для него абсолютно невыносимой. Какого черта она надеялась, что он вступит перед Брайаном, теперь, когда Брайан уже вы знали? Ответ, который вы дали на этот вопрос, удовлетворительный, по крайней мере, для через несколько минут он состоял в том, чтобы защищаться из-за Манчестер Гардиан. Так спрятался, притворился, пока ел свои яичница-болтунья, заинтересовавшись всем этим мистификатом о Россия и Австрия и Германия. Но по мере того, как это продолжалось, тишина становилась невыносимой.

- Этот вопрос войны становится уродливым, - сказал он наконец, без опустить газету, которая служила ему баррикадой.

С другого конца стола Брайан слегка бормотал, согласившись. Прошло несколько секунд. Затем последовал шум стула, когда его отодвинули. Энтони, сидевший там, был человеком, который так беспокоился о мобилизации Россия, которая не понимала, что происходит вокруг. Только

после того, как Брайан действительно открыл дверь, это якобы повлияло осведомленность об окружающей среде.

- Вы уходите? - спросил он, немного повернувшись, но не

настолько, чтобы он мог видеть лицо другого.

- Я думаю, что этим утром я не уйду.

Энтони сделал знак одобрения, как семейный врач. — Находиться хорошо, - сказал он, и добавил, что что касается вас, он намеревался возьмите напрокат велосипед в деревне и отправляйтесь в Эмблсайд. У меня было несколько покупок в сделать. - Я вернусь к вам в обеденное время, - заключил он.

Брайан ничего не сказал. Дверь закрылась за ним.

Не хватало более или менее одной комнаты для одного, когда Энтони, имея возвращенный велосипед, который он арендовал, поднимался по склону “коттеджа”. На этот раз решение было принято, безусловно, раз и навсегда. Будет считать все Брайану-почти все, в тот момент, когда он вошел.

- Брайан! - звонил с порога. Ответа не последовало.

- Брайан!

Дверь на кухню открылась, и старая Миссис Бенсон, которая сделала кухня и уборка, он сделал несколько шагов до узкого “зала”. Мистер. Фокс, — объяснил он, - вышел на прогулку, было полчаса; он сказал, что я не возвращался к обеду и не хотел этого (видели ли вы когда-нибудь подобное?) взять какую-нибудь еду; она настояла и заставила его помыть несколько бутерброды и яйцо вкрутую.

С чувством интимного дискомфорта Энтони сел в стол для вашего одинокого обеда. Брайан намеренно избегал его; он должен был, потому что злиться-или, как вдруг ему пришло в голову, обидеться, что было хуже; слишком обижен, чтобы вынести его присутствие. Подобная мысль заставила его вздрогнуть; оскорблять других было ужасно, это было даже оскорбительно для самого преступника. Что, если Брайан вернется из поездки полный великодушной воли простить-и Энтони, зная его, я был убежден, что он простит — да,если это так? Это было также болезненно быть прощенным; особенно болезненно в случае самого обидчика не признаться в преступлении. - Если бы только я мог сказать ему, — я повторял с вами каждый момент, если бы только я мог сосчитать-он почти убедился в том, что ему это было запрещено.

После обеда он направился в сельскую местность и пустыню, в

Надежда (ибо он чувствовал острую необходимость говорить) и в то же время (уже что акт разговора был бы настоящей пыткой) с большим страхом, найти Брайана. Но он никого не нашел. Отдыхая на гребне холм, сумел на некоторое время забыть о своих беспокойствах с сарказм по поводу пейзажа. Такая типичная и позорная англичанка —

он размышлял, желая, чтобы Мэри была там и слушала его комментарии. Горы, (долины, озера, но все так мелко. Так жалко маленький, и подпольный, такой архитектурный стиль английского ” коттеджа — последовательный в приятных монетах dufeu и в очаровательных формах, но без ничего прекрасного или грандиозного. Ничего, что указывало бы на манию величия века тринадцать или жестикуляция в стиле барокко. Маленькая возвышенность сладкого уюта, милашка и пимпона. Он чувствовал себя почти в хорошем настроении, когда он опускал холм.

Нет, сказала миссис Бенсон, мистер Фокс еще не вернулся.

Он сам выпил чай, а потом пошел посидеть на шезлонге, на лужайке, и он начал читать несколько страниц Da Gourmont о стиле. В шесть г-жа Бенсон вышла и, долго и тщательно объяснив, что я оставил стол накрытым, и что тарелка холодной баранины была в раздаче., пожелал ему Спокойной ночи и пошел по дороге, по требованию его “коттедж”.

Вскоре после этого комары начали кусать его, и он пошел внутрь. О птичка швейцарских часов открыла дверцу, семь раз крикнула и собралась опять в тишину. Энтони продолжил читать о стиле. Полчаса затем кукушка снова появилась для уникального крика. Это было время ужина. Энтони встал и направился к задней двери. За “коттеджем”, холм отличался почти потусторонним блеском. Брайана, никаких признаков. Он вернулся в столовую и для разнообразия начал читать немного Сантаяны. Кукушка издала восемь пронзительных рыданий. Над оранжевым диапазоном заката-солнце уже стало видимой ночной планетой. Зажег лампу и вытащил штора. Затем, снова сев, попытался продолжить чтение Сантаяна. Но эти полированные гальки мудрости катились по ней. поверхность духа, не делая ни малейшей вмятины. Закрыл книгу. Кукушка он объявил, что было восемь с половиной.

Несчастный случай, - подумал я, — попал бы мальчик в аварию? Но, в конце концов, нет никакого несчастного случая, когда мы гуляем спокойно. Он внезапно пришел к новой идее и вскоре исчез. очень возможность вывихнутых лодыжек или сломанных ног. О поездка - теперь была абсолютно уверена-была на вокзале. Брайан был в поезде, едущем в Лондон, на встречу с Джоан. Это было то, что это бросилось бы в глаза тому, кто задумался над этим делом; это могло быть только это.

- Боже! - громко сказал Энтони в уединении маленькой комнаты. Затем, став циничным и равнодушным к непоправимой ситуации, он дал на плечах и, зажег свечу, пошел разгрузка за холодным Овном.

На этот раз — решил во время еды — на этот раз то, что на самом деле ему

нужно было убежать. Исчезать и прятаться, пока вещи улучшить. Я не испытывал угрызений совести. Поездка Брайана в Лондон он освободил его, по его собственному мнению, от любого постороннего ответственность в деле; теперь он чувствовал себя свободным делать то, что ему больше всего подобать.

Чтобы подготовиться к побегу, Он поднялся по лестнице после ужина и начал собирать чемодан. Вспоминая, что он одолжил Брайану Жена сэра Исаака Хармана читать в постели, пересек, со свечой в руке, пролет лестницы и вошел в комнату друга. Над комодом и на виду, у стены стояли три конверта. Два, как он мог видеть как только они вошли, они были запечатаны; у другого не было печати. Пересек комната, чтобы рассмотреть их поближе. Конверт без печати был адресован ему, остальным миссис Фокс и Джоан соответственно. Сложил свечу, поймал конверт, который был ему адресован, и открыл его. расплывчатый, но интенсивный он овладел своим духом, страхом перед чем-то неизвестным, все, что он не осмелился предположить. Стояла там, стояла, много время, держа в руке открытый конверт и слушая тяжелый пульсар ваша собственная кровь. После этого, сделав, в конце концов, резолюцию, он отказался от конверт сложенных листов. Их было два, один с лирикой Брайана, а еще один с Джоан. В верхней части письма Джоан Брайан написал: “прочтите это, что его интересует”. Читать.

“МОЙ ДОРОГОЙ БРАЙАН. - К этому времени Энтони уже должен

иметь его рассказал, что произошло. Это было, действительно, как вы, конечно, есть понять, что случилось, прийти, если я так понимаю, из снаружи, как несчастный случай, как кто-то, кого забирает поезд. Без сомневаюсь, что я не думал об этом раньше, и не думаю, что Энтони имел действительно думал; открытие, что мы любили друг друга, пожнило нас именно из суипрезы он сбил нас, так сказать. Не было абсолютно преднамеренная, рассчитанная вещь. Вот почему я не чувствую виновный. К сожалению, да-больше, чем могут сказать слова-от боли что я знаю, что причиню ему. И я готова сделать все возможное, чтобы уменьшить ее. Прости за то, что заставил его страдать. Но никакого чувства вины, нет чувства, что я поступил с вами позорно. Это я просто я бы почувствовал это, если бы у меня была преднамеренная цель сделать то, что я сделал; но это не так так. Уверяю вас, что это произошло — это случилось с нами оба. Брайан, дорогой, невыразимо то горе, которое я испытываю из-за того, что причиняю ему боль. И прежде всего вам. Намеренно, уже видно, что я не буду способен на такое. Все это произошло непредвиденно, произошло, точно так же что случилось, что ты причинил мне боль из-за страха, который всегда был, от любви. Ты не хотел причинять мне боль, это не было твоим намерением, но

дело в том, что он не мог этого не сделать. Импульс, который заставил его причинить мне боль. он застал его врасплох, сбил его, как этот порыв любви, который нас это удивило нас с Энтони. Я не вижу в этом вины, Брайан. То, что было, было нашей неудачей. Все должно быть так хорошо и так красиво. Е вот, это случается с нами — сначала с вами, вынужденным причинить боль-меня; потом меня. Может быть, позже мы все еще сможем быть друзьями. Это чего я жду. И поэтому я не прощаюсь с тобой, мой дорогой Брайан. Что бы ни случилось, я всегда друг, который очень хочет ее, — Джоан".

Стремление сохранить свою любовь к себе и уменьшить свою интенсивную беспокойство, Энтони стремился опоясать себя критике стиля на самом деле скучно, в котором, вообще говоря, было написано письмо. Вид ораторское искусство с кафедры, заключил: и репетировал улыбку. Но это было бесполезно. Ваше лицо он отказывался делать то, что он просил. Он бросил письмо Джоан и с неохотно, он взял другую, почерк которой принадлежал Брайану.

“Мой дорогой А. — Я включаю письмо, которое я получил от Джоан сегодня утром. Сделать пожалуйста, прочитайте его; это избавит меня от объяснений. Как он мог это сделать? Вот вопрос, который я задавал себе все утро и который я задаю вам теперь. Как вы могли? И возможно, что обстоятельства собрали ее от удивления — в манере поезда, как она говорит. И в этом я признаюсь, что это моя вина. Но обстоятельства не могли его почерпнуть из сюрприз. Что вы мне рассказали о себе и своих отношениях с Мэри Эмберли было достаточно, чтобы было ясно, что с ним нельзя обращаться, в его дело о поезде бедной Джоан. Почему ты это сделал? И почему он пришел сюда, и если как будто ничего не случилось? Как он мог сидеть напротив меня и услышать, как я говорю о моей дисгармонии с Джоан и повлиять на сочувствие, когда две ночи назад я давал ей поцелуи, которые не были для меня. можно дать? Бог знает, сколько плохих и глупых вещей я сделал в течение как часто и как часто я лгал, но, честно говоря, я не думаю, что смог бы сделать то, что сделал ты. Не я думал, что есть кто-то, кто может это сделать. Мне кажется, что я жил. за все эти годы в подвешенном состоянии наивности я полагаю, что мир один место, где было бы просто невозможно, чтобы происходили подобные вещи. Год назад, возможно, я знал, что это может произойти. Не сейчас. Я знаю, что если бы я попробовал это, я бы превратился в своего рода безумие. Год, который закончился, оставил меня более истощенным, чем я предполагал. Теперь я понимаю, что внутренне превращен в кучу руин и это благодаря непрекращающемуся усилию воли, которое я терпел. Быть как сломанная статуя, которая, в некотором смысле, могла бы собраться вместе

простое и неустойчивое сопоставление его фрагментов. А теперь, к куче, это. Я больше не могу этого терпеть. Я знаю, что если бы я должен был увидеть это сейчас — а не вот почему я чувствую, что вы сделали то, чего не должны были делать; то же самое было бы, если бы будь кем-то другим, даже моей мамой — да, если бы мне пришлось кого-то видеть что бы это ни значило для меня, я чувствую, что разнесусь на куски. Статуя в один момент, а в следующий момент куча пыли и из бесформенных фрагментов. Я не чувствую сил противостоять такой ситуации. Может быть, я должен; но положительно, я не могу. Был возмущен вы когда я начал писать это письмо, я чувствовал к нему ненависть; но теперь я замечаю что я больше не ненавижу его. Да благословит его Бог. - Б.”

Энтони положил в карман два письма и разорванный конверт, и, взяв два запечатанных конверта и свечу, он спустился по лестнице в комнату ужин. Через полчаса он пошел на кухню и на решетку, которая все еще горела, он поджег все бумаги, которые оставил Брайан. Два конверта не открываются и плюс их хорошо сложенное содержимое медленно горело, имели пусть они будут всюду рыться, чтобы разжечь огонь, но, наконец, все он сгорел. С кочергой он превратил обугленную бумагу в порошок, дал еще поджигая последнюю вспышку пламени, он снова поставил тесто на место. Выйти затем в сад с оттуда, вниз по лестнице, на улицу. На пути к деревня, был внезапно удивлен мыслью, что никогда больше я мог бы увидеть Мэри. Она, конечно, не перестанет задавать ему вопросы, сжимает-я бы взял его на жгут, пока не получу от него всю правду, и когда-то обладал об этом я бы объявил всем. Кроме того, он мог бы сам хотеть снова увидимся с ней, теперь, когда у Брайана это было… Он не осмелился сказать ни слова, ни даже себя. - Боже! - сказал вслух. Вход в деревню, он стоял несколько минут, чтобы подумать о том, что он должен сказать, когда разбудите полицейского. - Мой друг потерян… Мой друг был вне дома весь день и… Я беспокоюсь об исчезновении одного мой друг… - Все подойдет; продолжал идти, теперь больше спешите, стремитесь покончить с этим.

Глава XIV - 24 июля 1914 г.

Группа, которая собиралась отправиться в дилижанс, состояла из четырех человек: Энтони полицейский, старый пастух седых швейцарских женщин и с профилем величественный государственный деятель Викторианского периода и красивый, покрасневший мальчик, семнадцатилетний сын пекаря. Мальчику поручили взять брезент падиола, в то время как пастор и полицейский воспользуются длинными членами, чтобы служить посохом.

Именно из-за “коттеджа” они уехали - шли в ряд — как разведчики, отражал Энтони-и в очереди они были galgando прядь холм. Это был светлый день, без малейшего ветерка, без облака в небе. Далекие холмы, казалось, были окутаны завесой тумана, почти бесцветной, настолько интенсивным, что был солнечный свет. Под ногами ходячих трава и дрок они были сухими и покрыты порошком. Энтони снял пальто, и после размышлений немного, шляпа. Атака теплового удара может упростить вещи; когда-то было бы необходимо дать объяснения или ответить на

вопросы. Даже без теплового удара он действительно не чувствовал себя хорошо; что угодно как колики сдавливали его кишечник. Но этого было недостаточно. Сколько трудности были бы удалены, если бы он мог чувствовать себя действительно больным! В время от времени, когда они медленно поднимались по холму, это приводило к рука к голове, и каждый раз, когда я это делал, я чувствовал, что волосы горячие, как мех о кошке, которая сидела перед печкой. Было жаль-думал - пусть ваши волосы будут такими густыми.

Через три часа они нашли то, что искали. Тело Брайан лежал из Борко на каменной щели у подножия Пенедо и над озеро. Плод рос среди камней, а в теплом воздухе его сладковатый запах и неприятность почти задохнулась, так сильно. Он наполнял воздух жужжанием мух. Когда полицейский перевернул тело лицом вверх. его почти не узнавали изуродованное лицо. Энтони посмотрел на мгновение, а затем отвернулся. Все его тело было охвачено неисчислимой дрожью. Пришлось поддержать себя в камень, чтобы не упасть.

- Пойдем, юноша — - старый пастух держал его за руку и, ведя оттуда он сидел на траве, где он не мог видеть тело. Энтони ожидать. В небе медленная эволюция, отмечающая прохождение время о невидимом квадранте. В конце концов, они вышли из-за каменная опора и добрались до того места, где он был. Пастор и мальчик они шли впереди, каждый держал палку падиолы, в то время как полицейский сзади должен был выдержать вес на двух палках. Разорванное пальто

Брайана сняли, чтобы прикрыть ему лицо. Жесткая рука была вытянута на улицу, и с каждым шагом, который делали мужчины, он качался и дрожал. в эфире. На рубашке были пятна крови. Энтони встал и, несмотря на протесты других, он настаивал на том, чтобы разделить с ним бремя полицейский. Очень медленно они спускались в долину. Прошло три часа когда все-таки добрались до “коттеджа”.

Позже полицейский обыскал карманы пальто и брюк. Один Табакерка, трубка, упаковка сэндвичей Миссис Бенсон, шесть или семь челинов в деньгах и блокнот, полный до половины заметок о экономическая история Римской Империи. Ни малейшего намека на то, что это было нечто иное, чем несчастный случай.

Миссис Фокс прибыла на следующий вечер. Сначала он сохранил отношение жесткость, влияние усилий, с которыми он овладел; молча слушал, окаменевший, рассказ, который сделал ему Энтони; он сверг, внезапно не сопротивлялся более того, он упал разбитым, так сказать, жертвой судорожного плача. Энтони задержался рядом с ней, не решившись, а затем удалился украдкой из комнаты.

На следующее утро, когда он вернулся к ней, он заметил, что она снова встала. спокойствие; но это было другое спокойствие. Спокойствие живого существа, которое он чувствует, а не механическое, ледяное спокойствие статуи. Был под глаза темные линии, и его лицо было лицом стареющей женщины и страдалец, но была сладость и безмятежность в этом страдании, выражение достоинства, почти величия. Глядя на нее, Энтони наполнился от стыда, как будто в присутствии чего-то, чего он не делает. быть достойным, не иметь права даже смотреть. Стыдно и виновато, даже более виноватым, чем он чувствовал себя накануне, когда она не могла больше овладеть собственной болью. Я хотел, чтобы он снова сбежал. Она, однако, он держал его у себя все утро; иногда, сидя у его подножия в тишине, иногда, говоря своим медленным голосом и такими прекрасными модуляциями. Для Энтони, как молчание, так и речь, были такой же пыткой. Это был агония, сидя там, ничего не говоря, слушая, как тикают часы, и думая, беспокоясь о днях, которые должны были последовать, представляя, как отказаться от Джоан, что сказать ей о том проклятом письме, которое она она писала, и время от времени бросала на госпожу подлый взгляд. Мистер Фокс и спрашивает вас, что происходит в вашем духе, и если у нее были какие-либо знания или даже подозрения в том, что у нее было действительно случилось. Да, эти его молчания были болезненными, но нет ситуация была менее болезненной, когда она говорила.

- Я понимаю, - начинала она, медленно и задумчиво, — теперь я понимаю, что я любил его не так, как должен, что я любил его таким образом,

эгоистичный, властный.

Что он должен сказать? Что было правдой? Конечно, это было правдой. Она это был вампир, цепляющийся за дух бедного Брайана. Сосать его кровь жизни. (Вспомнил Санта-Монику, Ари Шелфер). Да, один вампир. Если кто-то и был ответственен за

смерть Брайана, так это она. Но возмущение по отношению к ней, которым он пытался оправдать себя, испарилось, когда она снова заговорила.

- Может быть, это была одна из причин, по которой это произошло, я узнаю что любовь не должна быть такой. - После паузы все продолжалось.:

- Полагаю, Брайан многому научился. На самом деле, у него не было много что учиться. Я уже знал, что нужно для начала. Как Моцарт-с этим разница в том, что его призванием была не музыка, а любовь. Это объясняет, может быть, потому что он сделал себя так рано. В то время как я …- Покачал головой.

- Я должен был усвоить этот урок. После всех этих долгих лет он все еще оставался в упрямой тупости и невежество! - Вздохнула и снова заткнулась.

Вампир, но знал, что это так, признал свою долю ответственность, хотя и не призналась.

- Я должен тебе сказать, - сказал он тебе,-и все помнил насколько это будет связано с тем, что он не сказал Брайану правду. Псевдоним, в то время как он колебался, миссис Фокс начинала все сначала.

- Мы должны любить всех как единственного ребенка. И нашему единственному сыну как один из этих всех. Сын, которого мы не можем не любить больше, чем других, потому что у нас больше возможностей любить его. Но только по количеству, а не по качеству, эта любовь будет другой. Мы должны любить его так же, как мы любим всех остальных единственных детей-за любовь, которую мы имеем к Богу, а не к любви, которую мы имеем к себе.

Этот голос продолжался во всем богатстве его вибрации, и каждый произнесенное слово, Энтони чувствовал себя более виноватым, более виноватым, а в то же время более полно и неумолимо привязано к своей вине. Сколько чем дольше он опаздывал, и чем больше она говорила этим тоном отставки, тем более ему было трудно вытащить ее из этого обмана, рассказав ей истина.

- Послушай, Энтони, - возобновила она слово, после очередного длинного пауза. - Ты знаешь, как ты мне всегда нравился. С того времени, вскоре после смерти матери-помнишь? - первый раз,

когда я пришел, чтобы пройти. какое - то время с нами. Ты был тогда таким маленьким мальчиком, скажем так — беззащитный. И с тех пор я всегда его видел. Беспомощный под его доспехи. Потому что, без сомнения, у вас была и до сих пор есть броня. Для защитить себя от меня, среди других опасностей. Улыбнулся ему. Энтони

опустил глаза, покраснел и пробормотал какие-то бессвязные вещи. — Не неважно, почему вы хотели защитить себя, - продолжил он. — Не я хочу знать, если вы не хотите мне сказать. И, может быть, вы чувствуете, что вам нужно защитить себя еще больше, сейчас. Потому что я скажу тебе, что хотел, чтобы ты занять место Брайана, место, — смягчил он, - которое должно было соответствовать Брайан, если бы я любил его так, как должен был. Среди всех остальных единственных детей, тот, кого есть больше возможностей любить, чем других. И это то, что я хотел, чтобы ты был, Энтони. Но, естественно, я не буду навязывать вам моя воля. Я позволю тебе разобраться.

Сидящий и молчаливый, он стоял лицом к лицу, низко сидящий. — Desembuche, - кричал голос внутри него, - в любом случае, стой что бы это ни стоило! - Но если раньше было тяжело, то сейчас тогда было невозможно. Как раз тогда, когда она предложила ему занять место Брайана. Это была она это сделало это невозможным. Он потряс его бесполезным приступом холеры. Если по крайней мере, она оставит его в покое, отпустит, побыть одному! В внезапно у него сжалось горло, слезы наполнили его глаза, мышцы груди извиваются в последовательные сильные спазмы; рыдать. Миссис Фокс подошла и, кланяясь ему, положила ему руку на плече. Бедный Энтони! — роптать.

Он был безвозвратно привязан к своей лжи.

В ту ночь он написал Джоан. Эта ужасная авария. Так ненужно. Как трагично, так и глупо. Воистину, это произошло прежде, чем он у меня была возможность рассказать Брайану о происшествиях в Лондоне. И, кстати, она писала Брайану? Конверт с надписью его письмо было доставлено в полдень, когда бедняга уже был отлучившийся. Он хранит ее при себе, чтобы вернуть ее лично, как только увидит ее. Между тем, Миссис Фокс вела себя с героической отставкой; и все должны были иметь мужество, и он всегда продолжал ласково свой и т.д.

Глава XV-8 декабря 1926 г.

У тебя не было смелости… - сказала Джойс.

- Если бы!

- Ничего не было!

- Я говорю вам, что это было, - настаивала Хелена Эмберли с большим количеством силы.

Чрезмерно впечатлительная старшая сестра продолжила: - Ты я бы отправилась в тюрьму, если бы меня поймали. - И сращивание: - в тюрьму, я говорю плохо. Вы все еще очень ребенок. Но в исправительную школу.

Елена почувствовала, как кровь поднялась к ее лицу. - Ты уже пришел с этим из исправительная школа! - сказал он тоном, который хотел быть пренебрежительным, но что он предал безудержную ярость. Исправительная школа была личным оскорблением. Цепь была, по общему признанию, ужасной вещью; настолько ужасной, что она содержала что-нибудь красивое. (Она уже побывала в Шильонской тюрьме, уже пересек мост Вздохов.) Но исправительная школа-Ах, это нет! это было самое неблагородное. Исправительная школа находилась в тот же уровень, что и общественная прачечная или районная станция Железная дорога. - Исправительная школа! — повторять. Это было очень хорошо с моральным уклоном Джойса, это думать о исправительных школах. Она у меня всегда был вкус тащить в грязь забавные вещи и авантюристы жизни. И что еще хуже, так это то, что при этом, обычно она была права: грязь была реальной жизнью, это были факты, это было здравый смысл. - Это потому, что у тебя самой не хватило бы смелости сделать такое, который думает, что у меня тоже не было бы, - продолжила Елена. - Да, я пойду. сделать. Просто чтобы показать вам. Я собираюсь украсть что-нибудь из каждого магазина, во что мы войдем. Без исключения. Вы увидите.

Джойс начала серьезно волноваться. Бросил взгляд вопрос к сестре. Но все, что Елена позволила ему увидеть, было просто бледный, резкий профиль и вызывающе вздернутый подбородок.

- Но посмотри сюда, - начал он с сурового воздуха.

- Я не хочу ничего знать, - сказала Елена, как бы обращаясь к безличное пространство, стоявшее перед ним.

- Брось детишку, Хелена! - Нет ответа. Профиль продолжался быть королевой на монете. Они въехали на Глостер-Роуд и они направились в магазины.

Что, если у этой сумасшедшей действительно была идея сделать то, что она сказала? И Джойс решил сменить тактику. - Естественно, что у тебя есть мужество, - сказал он она с видом примирения. Снова нет ответа. - У меня нет ни малейшего сомневаюсь в этом. -Он снова обратился к Helenae; однако профиль продолжался.

твердо глядя вперед, не отклоняясь от линии. Продуктовый магазин был там на следующий угол, менее чем в двадцати j ar от отеля. Не было времени на потерять. Джойс взорвала то, что у нее осталось от гордости. - Послушай. Елена, - сказала, как просящая, как призывающая к щедрости от сестры. - Я бы хотел, чтобы у тебя не было смелости. - Он стал представьте себе всю плачевную сцену: - Елена поймана с поличным; владелец из дома возмущается и говорит все громче и громче; она пытается объяснить дело, пытаясь искоренить сестру, и это все портит с ее невыносимым процедура. Потому что, конечно, Елена была бы неподвижной и тихой, без абсолютно стремиться защитить себя, не произнося ни малейшего слова сожаление, спокойствие, улыбка и презрение, как будто это существо выше и все остальные простой шлак. Что сделало бы это еще больше разъяренный дилер, который, в конце концов, в конечном итоге послал за полицейским. Е после… Но что бы подумал Колин, когда узнал об этом? Потеть будущая невестка задержана по обвинению в краже! Вполне возможно, что расторгнуть брак. - О, пожалуйста, не делай этого, - умолял он;

- прошу, Хелена! - Но это было то же самое, что просить чучело короля Джордж на полфунтовой монете, которая повернулась и проколола ему глаз. Бледный, решив, какая молодая королева отчеканена в серебре, Елена продолжала неумолимый. - Пожалуйста! - Повторяла Джойс, почти в слезах, замученная идея, что он может потерять Колина. - Пожалуйста! К нему уже приходили, но в ноздри запах специй; они были уже на пороге! Она схватила сестра за рукав, но Елена рассталась в репелленте и смутилась магазин а внутри. С ее сердцем прыгает, Джойс

сопровождала ее, как будто она была наблюдать за его казнью. Мальчик за прилавком с сыром и беконом улыбнулся радушно видеть, как они входят. Чтобы избежать подозрений, чтобы замедлить его предвидя неизбежное возмущение, Джойс ответила на улыбку эффузивная доброжелательность. Но он увидел, что так и не было; и он имел дело с перекомпонуйте лицо. Она стала спокойной, естественной, идеальной леди, но в то же время приветливый; приветливый И… (что это было за слово?) Ах да, великодушный

- как королева Александра. И это было с истинным великодушием, что он сопровождал Helenay сюда, туда, в заведение. Но почему что-я думал сейчас - почему у меня возникла идея обратиться к этому предмет преступления? Для чего она, зная Helenay, как она выглядит, имела безумие утверждать, что преступность была вопросом образования, что, образованный удобно, может ли человек когда-нибудь быть преступником? Было совершенно ясно, какой должна быть реплика Елены. Это было верно что она хотела.

Это Елена, ее младшая сестра, что ее мать дала список покупок.

- Потому что она почти такая же, как и я — - объяснила Миссис Эмберли.

тот тон самоуспокоенности, который всегда был причиной стольких неприятностей Джойс. Никто не имел права хвастаться своими дефект. - И это научит вас быть хорошей домохозяйкой- Бог а защитите! - она собралась с хихиканьем.

Стоя у стойки, Елена развернула бумагу, прочитала, а затем с все высокомерие и с закрытым лицом, как будто отдавая приказы одному раб, сказал горничной: - прежде всего, кофе. Два фунта. Смешанный; от двух пенсов до четырех пенсов.

Было очевидно, что девушка обиделась на этот тон, этот феодальная манера Елены. Джойс чувствовала себя обязанной обернуть ее взглядом. двойственное, компенсирующее великодушие. …

- Стремитесь к более гражданским путям, - прошептал он, пока девушка пошла за кофе.

Елена сохранила свое молчание, но с усилием. Гражданские

режимы АИС… С эффект! Более гражданские манеры с этим рывком и забывал мыть подмышки. Ах, как ей противно уродство, уродство, отсутствие чистоты! Чувствовал отвращение и ненавидел …

- Ради бога, - продолжала Джойс, - не делай ничего безрассудство. Я абсолютно запрещаю это…

Но в тот момент, когда эти слова были произнесены, Елена она протянула руку и, не беспокоясь о том, что ее увидят, взяла “таблетку” шоколад, самый высокий из аккуратной стопки в пух и в форме спираль над прилавком-поймал ее, а затем тем же медленным жестом и решив, он аккуратно положил ее в корзину.

Однако до того, как преступление было полностью совершено, Джойс будьте осторожны, чтобы отвернуться и уйти.

- Я могу утверждать, что впервые увидел ее, - размышлял он. Но кто бы дал кредит? Все знали, что они сестры. - О, Колин, - эра его интимный, приглушенный крик, - Колин!

Пирамида из банок Омаров поднялась высоко перед ней, сделав ее остановить. - Успокойся — - сказал я вам. - И спокойствие, которое мне нужно. Ваш сердце билось от страха, и омары темного “пурпурного” цвета, нарисованные на этикетки с банок, танцевали у него перед глазами головокружительно. Иметь боюсь смотреть см назад; но в то же время я слышал сильные удары от души он был на слуху и тревожился, ожидая неизбежной тревоги.

Возможно, вас интересуют эти омары, Мисс? - ему сказали, в конфиденциальный тон, почти шепот на левое ухо.

Джойс испугалась. Затем, с усилием, он смог улыбнуться и ответить головой, что нет.

- И качество, которое мы рады рекомендовать Мисс.

Я уверен, что если бы я взял маленькую баночку для опыта…

— А теперь, - говорила с другой стороны Елена, со всем спокойствием и в даже раздражающе феодальный тон, - я хочу десять фунтов сахара. Но это я не могу взять; они должны отправить.

Они уходили. Парень из секции сыра и бекона улыбнулся, как Гиз прощай, они были хорошими девушками и, кроме того, хорошими гостями. С большие усилия, Джойс удалось, все еще едины, быть великодушным. Зло и переступили они дверь, когда лицо его рассыпалось, так сказать, в хаосе жестоких эмоций.

- Хелена! - сердито воскликнула она. - Хелена!

Но Елена все еще оставалась молодой королевой гульдена серебро, щеголяя своим бесстрастным и немым профилем.

- Хелена! Между перчаткой и рукавом Джойс отличился на руке сестры дюйм голой кожи и дал ей сильный щепотку.

Елена живо потянула за руку и, не поворачиваясь, с таким же профилем неподвижный и невозмутимый, он тихо сказал: - если он продолжает мучить меня, будьте уверены, что я бросаю вас в канаву.

Джойс даже открыла рот, чтобы поговорить, но затем сдалась и сделала закрыть ее. Я знал, что если я скажу что-нибудь еще, Елена, без сомнения, нет, я бы толкнул ее в желоб. Пришлось довольствоваться тем, чтобы дать плечи и принять вид различия.

Фруктовый дом был переполнен. Пока я ждал своей очереди, чтобы быть обслуженная, Елена без труда хлопнула двумя апельсинами.

- Хотите? - спросила Джойс, когда они выходили из фруктового дома. Это был дразнить и Джойс понял, что пришло время, поэтому его очередь также стать валютным профилем.

К сожалению, в магазине не было других клиентов, которые могли бы отвлечь внимание персонала, который оказался за прилавком. Тем Не Мение, Елена он не отставал от ситуации. Это случилось катиться по полу, внезапно горстка мелкой мелочи; и пока служащие собирали монеты, разбросанные по полу, она бесцеремонно обслуживала себя резиной и из трех отличных карандашей.

Именно в мясной лавке начались трудности. Елена обычно он отказывался заходить в мясную лавку, что бы это ни было. Внешний вид и запах тошнотворное из этих бледных трупов вызвало у него величайшее из отвращение. Однако в то утро она вошла решительно. Несмотря на отвращение. Это была честь. Сказал-Из каждого магазина, и не собирался теперь дать Джойс

предлог, чтобы позже заявить, что она обманула. В первые полминуты, когда у меня все еще были легкие, наполненные воздухом, нетленный вдохнул, прежде чем войти, он чувствовал себя очень хорошо. Но, Бог небес.

когда, наконец, ему пришлось дышать… какой ужас! Поднесла платок к носу. О резкий и проникающий запах туш сломал парфюмерный барьер, наложение на мягкость этого, повезло, что дыхание, которое началось, с Quelques Fleurs будет ужасно заканчиваться запахом баранины мертвый, или, начиная с зловония испорченной крови, будет, через последовательные модуляции, вплоть до ключа жасмина или янтарно-серого.

Вышел покровитель; мясник повернулся к ней. Был человеком он был в восторге, с квадратным и массивным лицом, который смотрел на нее с выражением лица. отцовская доброжелательность.

- Похоже на Мистера Болдуина, - сказала она вам, а затем вслух, но нечетко, сквозь платок: - полтора фунта мяса крупы, пожалуйста.

В какой-то момент мясник возвращался с куском мяса. кровавый. - Вот хороший кусок, Мисс! - И нащупал эту влажное красное тесто со страстным энтузиазмом художника. — Один хороший кусок, действительно! - Так же, как Мистер Болдуин принуждает вас Вергилий, обращаясь со своим Веббом, полным складок на кончиках страниц. - Я больше никогда не буду есть мясо, - думала она о вас, как о мистере. Болдуин уходил и начинал измельчать Диту. - Но, что я буду воровство? - Оглянулся. - Что там может быть и я…? Ах! — Мраморная полка высотой с стол тянулась вдоль одна из стен мясной лавки. На ней, подносы с ассорти потрохов, от цвет между розовым и темно-коричневым. И среди этих отвратительных внутренностей крюк-большой стальной крюк S-образной формы с одним концом сгорбившись, все еще запятнанный кровью любого потрошенного трупа, и обезглавлен, что его отстранили. Снова осмотрелся. Ему показалось подходящий момент-мясник взвешивал мясо, которое она заказала сотрудник разговаривал с этим старым репеллентом дайте лицо собака “бык-пес”, и девушка, работавшая в ящике, окунулась в ее рассказать. Дверь в дом, далекая и как бы чужая, Джойс изумлялась, даже к преувеличению, в роли того, кто допрашивает небо и хочет знать, если морось, что это падение

превратится во что-то более серьезное. Елена сделала три шага быстро схватил крючок и уже засунул его в корзину, когда услышал голос заботливый мясник: - осторожно, Мисс - Не трогайте эти крючки, что все испачкается.

Как на резком спуске с американских горок, ощущение было головокружение. Осознание вины заставило его подняться кровью по щекам, по глазам., на лоб, которые ошпаривали. Она пыталась смеяться.

- Я просто проверял. И отпустил крюк, который упал., звенящий, над мрамором.

— Быть. Но Мисс могла испортить платье, - заметил мясник с его отцовской улыбкой. Мистер Болдуин, не снимая и не надевая.

Нервничая, Не находя ничего лучшего, чтобы сделать или сказать, Елена он снова рассмеялся и, когда он смеялся, непреднамеренно сделал еще один вдыхание зловонного воздуха. Пуф! Он снова защищал свой нос с помощью Quelques Fleurs.

- Один фунт одиннадцать унций, Мисс.

Она согласилась, по знаку головы. Но что там было, чтобы украсть? Е как найти возможность?

- Что еще сегодня?

Что еще должно быть? Да, это был единственный выход-покупать больше что-то. Это даст вам время подумать и возможность действовать. — У вас есть… — Колебаться… - Чоризо?

Да, у Мистера Болдуина был чоризо, и он лежал на полке вместе с другие дети. Прямо там, с крючка.

И когда он спросил, сколько он хочет, она ответила: - О, я не знаю, а общее количество; вы уже знаете.

Он в отчаянии огляделся, пока он ухаживал за чоризо. В этой грязной мясной лавке не было ничего, что она могла бы отнять, кроме крюк. Но крюк был теперь вне рассмотрения, после того, как мясник suipreendera с ним в руках. Не было, следовательно, абсолютно ничего. Если только… Да! это могло быть только так! Он побежал по всему телу. озноб. Она же нахмурилась, стиснула

зубы. Я был решен не отступить.

— А теперь, - сказал он после того, как завернул чоризо, - теперь я я хочу это там.“И показал пакеты светлых сосисок, сложенных над полка на другом конце мясника.

- Я буду наслаждаться, пока он на спине, - подумал он. Но девушка из коробки перебивал свои счета, поднимал голову и гулял взглядом по всему заведению. - О, черт, ублюдок! - это был скряга. который резко подхватил воображение Елены, вскоре замененный “спасибо!“когда он увидел, что девушка больше не смотрит. Набросал жест; а девушка шпионит, снова, - черт возьми, заберите ее! - И уронил руку. Теперь было слишком поздно. Мистер Болдуин уже взял сосиски, вернулся и он подходил к ней.

- И только, мисс?

- Вообще-то, я не помню… - И Елена сморщила лоб, как будто в сомнениях и стремлении выиграть время. - Мне кажется, что этого не хватает. что угодно… что было что-то еще… - Секунды проходили; это было ужасно; она играла нелепую роль идеального идиота-Однако я не хотел сдаваться. Она отказывалась признавать себя побежденной.

- У нас сегодня утром отличный Баран из Уэльса, - сказал мясник в его голосе артиста, как будто он говорил о Георгики.

Елена покачала головой; действительно не мог купить барана в момент.

В этот момент девушка из коробки снова начала писать-она время пришло.

- Нет, - решительно сказала она; - я хочу такой фунт сосиска.

- Еще? Мистер Болдуин был удивлен.

Не стоит восхищаться, подумала она. Там дома тоже остаются суипресосы.

- Да, еще один маленький, - сказал он и улыбнулся, вкрадчиво, как будто попросив услуга. Он вернулся на полку. Девушка в коробке продолжала писать, а старуха с лицом “бычьей собаки”

не перестанет разговаривать с сотрудником. Быстро — не было ни секунды, чтобы проиграть-Елена повернулась к мраморная полка на вашей стороне. Это была одна из тех почек, которые она решить. Вещь проскользнула, непристойно, между ее пальцами в перчатках-unia вид слизняков, из сиба, которую она, наконец, должна была протянуть рукой все. Слава Богу, что я был в перчатках, я думал о тебе. И когда он ушел, бросив почку в корзину, ему пришла в голову мысль, что у него во рту эта ужасная штука, так же сырой, слизистый, цепкий, из невыразимой грязи, взять в рот, укусить, попробовать, проглотить это. Еще одна дрожь отвращения он напал на нее, на этот раз настолько жестокий, что у него сложилось впечатление, что он разрывая внутренности.

Устав от своих метеорологических наблюдений, Джойс, укрывшаяся под зонтик, он начал смотреть на хризантемы из витрины дома цветы рядом. Он подготовил что-то особенно оскорбительное, чтобы сказать Елена, когда она выйдет. Но когда он увидел, что страдание запечатлено в белое лицо сестры, она даже забыла о своих законных обострениях.

- Что случилось, Хелена?

В качестве единственного ответа Елена расплакалась.

- Но что это было?

Она покачала головой и, повернувшись, поднесла руку к лицу, чтобы вытереть слеза.

- Скажи, что это было…

- О! - Елена суетилась и кричала, как будто ее ужалили урна Оса. На его лице было видно выражение мучительное отвращение. - О, какая хрень, какая хрень, - повторяла она, глядя на пальцы. И, положив корзину на тротуар, расстегнул перчатку., он вырвал ее и жестоким жестом бросил в желоб.

Глава XVI-8 декабря 1926 г.

CONDRA intra MEUM latus! Это единственное убежище, которое у нас осталось. — Энтони снял лист с пишущей машинки, соединил его с другими оборками, которые они стояли на столе, прослушивали их и начали быстро читать что написал. Глава XI

его элементов социологии должна была касаться личности и ее представлений о личности. Провел день, принимая обратите внимание на некоторые предварительные размышления.

- Cogito ergo sum, - лей. - Но почему бы не Кермит, эрго Сум! Отрыжка эрго Сум? Или, спасаясь от солипсизма, почему не futuo ergo sumus? Непристойные вопросы. Но что такое “личность”?

- Мак Таггарт знает свою личность по прямому наблюдению; другие по описанию. Хьюм и Брэдли абсолютно не знают его, ни они верят, что она действительно существует. Чистый византизм, все это; дискуссии от Ланы козы и, более того, воображаемой шерсти голых коз. О важно отметить, что “личность” является текущим словом с общепринятый смысл.

- Когда они обсуждают мою “личность”, от чего они говорить? Это не от homo cacans, ни от homo eructans, даже, кроме очень поверхностно, от homo futuens…, говорят о гомо sentiens (латинское невозможно), и о homo cogitans. И когда на публике, я говорю о “себе”, я говорю о тех же двух homines.

Моя “личность” в нынешнем общепринятом смысле этого слова - это что я думаю и чувствую — или, скорее, то, что я узнаю в мыслях и в чувство. Caco, eructo, futuo-я никогда не признаю, что первое лицо единственное число таких глаголов быть действительно я. Только тогда, когда любой причина, ощутимо влияющая на мои чувства и мои мысли, заключается в том, что исходя из того, что они представляют, они входят в границы моей “личности”. (Такая критика показывает абсурд, к которому в конечном итоге сводится всякое литература. В драмах, комедиях, романах нет ничего настоящего.)

- Таким образом, “личное” - это то, что похвально, или, скорее, потенциально похвальный. Никогда то, что морально недифференцировано.

- А также то, что долговечно. Краткие опыты, даже, менее личный, чем осенний или вегетативный опыт. Только если они делают их личными когда сопровождаемый чувством и мыслью, или когда они отражаются в памяти.

- Вещество при анализе состоит из пустого пространства и зарядов электрический. Возьмем женщину и умывальник. Разные в натуральном выражении. Но его составляющие электрические заряды аналогичны по своей природе. Еще кое-что

странно еще: каждый из этих составляющих электрических зарядов отличается в вид всего женского или полного умывальника. Изменения количества, когда они достаточно большие, они производят качественные модификации,, человеческий опыт аналогичен материи. Проанализируйте его, и вы окажетесь в наличие психологических атомов. Часть этих атомов составляет нормальный опыт и выбор нормального опыта составляют “личность.“Каждый отдельный атом отличается от обычного опыта и, более того, от личности. Каждый атом в опыт напоминает соответствующий атом в другом. Видно через из микроскопа женский сосуд такой же, как умывальник и опыт Наполеона такой же, как у Веллингтона. Почему мы представляем, что существует ли твердое вещество? Из-за несовершенства наших органов сенсорный. И почему мы представляем себе последовательный опыт и личности? Потому что наша умственная деятельность медленная и слабая. наша способность к анализу, наш мир и мы, живущие в нем, творения глупости и зрительной недостаточности.

Однако в последнее время совершенствуются наши способности думать и видеть. У нас есть инструменты, которые решат вопрос в крошечные частицы и математическая техника, которая позволяет нам понять еще меньшие части.

- У психологов нет новых инструментов; у них есть только новые техники мышления. Все его изобретения чисто психические-методы анализа и наблюдения, рабочие гипотезы. Посредством мы, романисты и профессиональные психологи, можем думать о наших опыт с точки зрения атомов и мгновений, как с точки зрения блоки и часы. Быть страдающим психологом можно было только в прошлом гениальные люди. Можно сравнить психологию Чосера с психологией Гауэра или даже Боккаччо. Сравните Шекспира с Беном Джонсон. Разница не только в качестве, но и в количестве также. Гениальные люди знали больше, чем их современники просто умные.

- Сегодня есть свод знаний, техника, гипотеза, работа. Сумма знаний, которые может приобрести человек просто умный огромен-больше, чем может приобрести человек гений без обучения и полагаться исключительно на интуицию.

- Были ли Гауэры и Джонсоны из-за их невежества? А незнание их было стандартным знанием времен, в которые они жили.

Некоторые монстры интуиции могли знать больше, чем они; но большинство я знал еще меньше.

И здесь отступление-социологически говоря, более важное из

что тема, от которой она отходит. Есть мода на личность. Мода которые меняются со временем-как кринолины и запертые юбки-и мода, которая варьируется в пространстве, например, стринги Золотого Берега и пальто Ломбард-Стрит. В первобытных обществах все используют и жаждут носить, та же личность. Но у каждого общества есть психологический костюм различный. Среди краснокожих на северо-западном побережье Тихого океана идеальной личностью был наполовину безумный эгоист, конкурирующий с его соперники в плане богатства и мнимого потребления. Среди индейцев Plainos, был эгоистом, конкурирующим с другими в сфере подвигов воины, уже среди индейцев пуэбло, идеальной личностью даже не было эгоист, ни эксгибиционистский раковина, ни воин, но совершенно общительный человек, который прилагает все усилия к чувство непохожести, знает все традиционные обряды и жесты и он стремится быть таким же, как и все остальные.

- Европейские общества обширны и в расовом, экономическом отношении, в них трудно навязать православие и есть несколько современных идеалов личности. (Обратите внимание, что фашисты и коммунисты пытаются создать единый идеал “вместе” - по другими словами, они пытаются заставить промышленно развитых европейцев ведите себя как дьяки или эскимосы. Попытка с бегут от времени, обречены на провал; но до тех пор и между ними, как они веселятся с запугиванием еретиков)

- В нашем мире какая мода царит? Есть, без сомнения, вульгарные клерикальные и коммерческие моды-отвергнутые маленькие швеи с первого угла. А затем la haute couture. Ravissante personnalité d ‘ tèrieur de chez Proust. Maison Nietzsche et Киплинг: personnalité de sport. Personnalité de nuit, création de Lawrence. Personnalité de bain, пара Джойс. Следует отметить интересный факт, что из них personnalité de sport-единственный, кто действительно заслуживает того, чтобы его считали личность в общепринятом смысле этого слова. Остальные в большей или меньшей степени степень, безличная, потому что они в большей или меньшей степени атомарны. И это нас он возвращается к Шекспиру и Бену Джонсону. Прагматик должен сказать, что психология Джонсона

была “более верной”, чем психология Шекспира. А большинство его современников считали себя и были считается юмористом. Шекспир должен был увидеть все, что было за пределами “юмора”, за обычной маской. Но Шекспир был в меньшинстве, или если рядом с ним мы ставим Монтень, из двух. Юморизм “прижился” ; такой же удачи не было сложные, частично атомизированные личности Шекспира.

- В рассказе о новой одежде императора ребенок понимает, что

большой человек голый. Шекспир изменил процесс. Ваши современники были именно для обнаженных юмористов. Шекспир видел который покрыл их целым гардеробом психологических фантазий.

Возьмем, к примеру, Гамлета. Гамлет жил в мире, чей лучшим психологом был полоний. Если бы он знал только то, что знал полоний, я был бы счастлив. Но он знал слишком много, он знал слишком много; и в этом состоит его трагедия. Читайте его притчу о музыкальных инструментах. Полоний и слишком много было Аксиоматично, что человек был свистком цейтиля, имея всего полдюжины шпонок. Гамлет знал, что, по крайней мере потенциально он был целым симфоническим оркестром.

- Сумасшедшая, Офелия узнает секрет. - Мы знаем, кто мы, но нет мы знаем, кем мы можем быть. Полоний прекрасно знает, что он и любые другие, в рамках доминирующих конвенций. Гамлет знает это и также какими они могут быть-вне локальной системы масок и “humours”.

- Быть единственным человеком своего времени, который знает, что могут мужчины быть так же, как то, что они условно! Шекспир должен иметь прошло несколько довольно мучительных четвертей часа.

- Это было зарезервировано для Блейка, чтобы рационализировать психологический атомизм средство философской системы. Человек, по словам Блейка (и после него, согласно Прусту, согласно Лоуренсу) - это просто последовательность государства, а не индивиды, которые на самом деле не существуют, кроме как места, в которых происходят состояния. Это конец личности в Древнем смысл этого слова. (В скобках-так как это полностью отсутствует из

области социологии - это будет начало нового вида личность? Тотальный человек, в неочищенном издании, ни выбирается, а не направляется — для разнообразия метафоры-в любой Сток в частности, Weltanschauung-человека, который, одним словом, то, что он это действительно может быть. Такой человек является противоположностью любого из вариантов фундаментальный христианский человек нашей истории. И все же это также верно смысл, реализация этой идеальной личности, задуманной Иисусом Евангелие. Как идеальная личность Иисуса, тотального человека, не очищенный, не направленный (1) анти-фарисейский, то есть бескорыстный из условности и социальные позиции и не гордиться тем, что лучше, чем другие; (2) смиренный, принимающий себя таким, какой он есть, отказывающийся подняться выше его человеческого состояния; (3) бедный дух, со ссылкой в частности, тот факт, что" он " — его эго-обычно не жалуется некоторые, довольны тем, что, для личности старого типа, это может показаться психологической и философской нуждой; (4) как ребенок, принимая непосредственная данность опыта тем, чем он является сам по себе, отказываясь

беспокойся о завтрашнем дне, готовый позволить мертвым похоронить его мертвые; (5) ни лицемер, ни лжец, поскольку его не существует нет определенной модели, к которой люди должны притворяться, что они равный).

- Вопрос: действительно ли существовала древняя личность? В год m мужчины чувствуют x в контексте z. в год n они чувствуют то же самое, но совершенно другой контекст p. Но x-это большая эмоция-de жизненно важное значение для личности. И тем не мение, x ощущается в контексты, которые меняются с изменяющимися условностями моды. "До смерть, которая позорит ее."Но честь подобна женской юбке. Использует короткая, длинная, широкая, узкая, с нижними юбками, без брюки. До 1750 года можно было ожидать, что мы будем чувствовать, на самом деле мы чувствовали, смертельно опозорены, если бы мы увидели, как мужчина ущипнул задницу наша сестра. Наше возмущение было настолько сильным, что мы должны были искать убить его. Сегодня наша честь эмигрировала из мясистых частей анатомии наши родители и другие его штаб-квартира. И так далее, бесконечно.

- В этих условиях, что такое личность? А чем она не является?

- Это не наш полный опыт. Это не атом или момент психологический. Это не сенсорные впечатления как таковые и не жизнь вегетативный как таковой.

- И массовый, и ежечасный опыт. Это чувство и мысль.

- И тот, кто исходит из этого полного опыта, и на основании того, что принцип? Иногда это мы — кем бы мы ни были. Но другие так часто выбор делается для нас-из-за коллективной глупости класса, целого общества. В значительной степени “личность” не даже наше личное имущество.

- Смутно, но все более широко этот факт сейчас начинает быть понятым. В то же время число всегда все больше людей используют Moderna Technologies, чтобы видеть и видеть других, микроскопически и мгновенно, как как глобально, так и вовремя. Кроме того, обладая рабочей гипотезой из бессознательного растет число тех, кто осознает свои тайные мотивы и тщетность осознания большой роли, представленной в их жизнь через разрушающие и вегетативные элементы опыта. С какой результат? Что старая концепция личности уже начала разрушаться. И не только зачатие, но и факт. “Сильные личности”, и даже “определенные личности” становятся все менее распространенными. Эй фашисты должны отклониться от линии, которую они провели, чтобы показать их, сознательно, для надлежащего процесса образования. Образование, которое упрощение, Эскимизация; который навязывает подавление знаний

психологическое и прививание уважения к психологическому невежеству. Политика ненавистный — но я подозреваю, что это неизбежно и, социологически говоря, попасть. Потому что наше психологическое восприятие, вероятно, вредно для общество. Общество нуждается в простом джонсоновском юморизме, а не в коллекции докладов изысканных государств. Еще один пример того, что есть гнусный в избытке знаний и в избытке научной техники.

- Еще раз Гамлет проливает свет на дело. Полоний намного больше явно и определенно человек которого принц. По сути, личность Гамлета настолько неопределенна, что критики тысячи страниц посвящены обсуждению того, чем она была на самом деле. Осознавая свой общий опыт, атом за атомом и мгновение за мгновением, Гамлет не принимал никаких руководящих

принципов, которые заставляли бы его выбирать и брать по шаблону, вместо другого, ряд атомов, чтобы представить его личность. Для себя и наперстков он был не чем иным, как последовательность более или менее конгруэнтных состояний. Следовательно, и с тех пор это недоумение в Эльсиноре и среди шекспировских критиков. Честь, Религия, предрассудки, любовь - все обычные понталеты, которые они лежат в основе обычной личности — в этом случае они были прогрызены до глубины души. Гамлет - это его собственный Термит, грызущий от верха до низа всю башню, которая он поддерживал его личность, пока не превратил его в кучу пыли. Только один вещь мешает Полонию и другим сразу осознать этот факт: каким бы ни было состояние его ума, Гамлет сохраняет тело нетронутым, инатомизированный, макроскопически присутствующий чувствам. И, возможно, в конце концов счета, будь это истинная причина нашей веры в личность: - а существование и постоянство тел. И, возможно, как бы ни была реальность в понятие последовательного индивида, непрерывность-это не что иное, как функция этого физическая настойчивость. - С такими волосами, с такой замечательной фигурой., я думаю, что миссис Джонс обладает прекрасной пуансональностью. Когда я услышал это, в автобус, идущий по Пятой авеню, Мне хотелось посмеяться. Однако такая вещь это заслужило от меня, вероятно, то же внимание, которое я бы уделил Спиноза. Ибо что самое личное в человеке? мой дух — но ваше тело. Херст, Ротермир, могут ли они сформировать мои чувства, принуждение моей мыслящей деятельности, изменение моих мыслей. Но нет пропаганды, которая могла бы сделать их идентичными моим метаболизм, мое пищеварение. Cogito, ergo Rothermere est. Но Кермит, эрго Сум.

— И вот, как мне кажется, причина такой настойчивости, во время последних годы, о правах тела. От “бойскаутов” до стильных содомитов, и от Элизабет Арден до Д. Х. Лоуренса (одного из самых могущественных разрушителей личности, приглашая, кстати отметить, что не существует

“личности” в своих книгах). Всегда и везде тело. Теперь есть одно из достоинств тела, которое огромно. Это, несомненно, быть там. В то время как личность, как ментальная структура, может быть все в фрагменты-прогрызены и превращены в пыльную кучу Гамлета. Только те очень глупые и неспособные чувствовать, что в наши дни они сильны и четко определенные личности. Только варвары среди нас “знают, что они есть.“Цивилизованные люди

осознают, кем” они могут быть ” и кем они являются это не в состоянии знать, что для практических и социальных целей они на самом деле - они забыли, как они должны извлечь из своего полного атомного опыта свой собственный личность. На бледной земле, в которой валяется и вращается эта неопределенность, тело поднимается твердо, как веха времени.

Jesu, por me perforatus,

Condor intra tuum latus.

Сама Вера жаждет теплых пещер перфорированной плоти. Сколько призывы к скептицизму должны быть более настойчивыми, чем он перестал верить в свою личность! Condor intra MEUM латус! Это единственное убежище, которое у нас осталось.

Энтони положил на стол машинописные страницы и, откинувшись назад, начал качаться в неустойчивом равновесии на задних ногах стул. Я думал, это было неплохо. Но было очевидно, что были упущения, что были неоправданные обобщения. Писал о мире в целом, как если бы мир в целом был таким, какой он сам-без сомнения, взятый, из-за желания, чтобы все так шло. Да, как бы все это было просто, если бы это было так! Как было бы приятно! Каждый человек-один преемственность государств, вплетенных в плоть своих собственных флангов. И если бы это было мне нужен любой другой принцип согласованности, всегда был какой-то интерес, увлекательный и восхитительный интеллектуал, как, например, социология дополнение к стойкому телу. Condor intra meum laborem. Вместо этого этого… И вздохнул. Несмотря на Гамлета, несмотря на пророческие книги, отмена Дю коте де чес Суонн и когда женщины любят, мир был еще полон джонсоновского юмора. Полный злодеев мелодрама из столь же плачевных героев фильмов, полная Пуанкаре, Муссолини, Нортклифф, полный амбициозных и скупых сеялок раздор всех размеров и всех мастей.

Ему пришла в голову идея. Позволил наклонному стулу вернуться в положение нормальный и взял из своей перьевой ручки.

- Последняя болезнь благородного духа, первичная, возможно, единственная

источник греха, - garatujou. - Благородный дух-злой дух. Дерево известно по плодам. Каковы плоды стремления к славе, амбиции, от желания отличиться? Среди прочего, война, национализм, экономическая конкуренция, снобизм, классовая ненависть, предрассудки цвет. Он был прав в проповеди чувственности; и как глуп Сатана был желание попробовать Мессию, по определению практикующего ахимсу, со Славой, доминирование, амбиции - вещи, неизбежными плодами которых являются насилие и принуждение! По сравнению с жаждой славы, чистый чувственность почти невредный. Если бы Фрейд был прав и секс правил, наша жизнь была бы почти Эдема. Ой! у Фрейда была только половина причины. Адлер тоже наполовину прав. Hinc иллэ лак.

Посмотрел на часы. Семь часов двадцать-и это должно было быть в Кенсингтон в восемь! В душе я думал о том, что будет той ночью. Сделать двенадцать лет он поссорился с Мэри Эмберли. Двенадцать лет, во время и только издалека, в картинных галереях, один или два раза, и проходя через комнату общего друга. - Я больше никогда не хочу с тобой разговаривать. вы, - написал он в последнем письме, которое он вам прислал. Но некоторые несколько дней спустя, когда он неожиданно появился на обеденном столе, с другими письмами, его приглашение к примирению, он принял сразу же; он принял тот же тон, в котором было сделано приглашение — безразлично, положительно, без каких-либо других явных намеков на прошлое, не быть одним — Да, прошло много времени с тех пор, как я в последний раз обедал в Номер 17. - А почему бы и нет? Какой интерес был к тому, чтобы что-то делать окончательные и безотзывные? Какое право имел человек 1914 года на опеку над человек 1926 года? человек 1914 года был воплощением государства холера, стыд, тоска и недоумение. Его состояние сегодня было веселая безмятежность, смешанная, когда речь шла о Мэри Эмберли, из значительная сумма любопытства. Как бы она выглядела сейчас-в сорок и три года, Да? И это было действительно так интересно, как ему казалось вспомнить ее? Или из его восхищения только один из плодов-абсурд, вкусные плоды — от юношеской неопытности? Ваш лебедь окажется гусь? Или это был бы еще лебедь-но в линьке, но (бедная Мэри!) в зрелый возраст? Все еще полный любопытства и сомнений, он спустился, бежал, лестница и бросилась на улицу.

Глава XVII-8 декабря 1926 г.

К обеду у него уже была совершенно новая история — последнее, последнее дополнение к репертуару Мэри Эмберли. Наиболее в последнее время, и, как стало известно внимательному и критическому уху Энтони, так хорошо, как Лучшая классика в коллекции. С момента, когда он получил приглашение, его любопытство было, как только теперь он понял, смешанная с определенной мстительной надеждой, надеждой, что она измененный к худшему, либо относительно, то есть к широкому опыту их глаза, безусловно, хотят, на основании того, что они прошли эти длинные двенадцать лет; Надежда, наконец, на то, что она выродилась из того, что было, или чем он представлял ее, когда он все еще любил ее. Это было, таким образом, с определенный стыд, как он сам теперь признал, был с определенным разочарование, которое нашло ее почти без изменений, почти та же Мэри Эмберли из ее воспоминаний. Ей было сорок, и три года. Но ее тело почти ничего не теряло от старой стройности, и она двигалась-если все еще со всей ловкостью и быстротой прошлого. Воистину, с чем-то больше, чем прежняя ловкость, потому что он заметил, что его нынешняя ловкость была в том, что она играет роль того, кто под действием ювенильный импульс, вступающий в быстрое и жестокое движение; и что кроме того, он действовал в условиях, когда импульс не мог это ни в коем случае не чувствовалось, если бы это было естественно. Перед ужином она взяла его в свою комнату на верхнем этаже, чтобы он увидел обнаженные тела Паскина, которые она только что купила. Первая половина первого броска лестницы, она а победил обычным шагом, разговаривая во время подъема; затем, как будто из внезапно он понял, что медлительность при подъеме по лестнице является признаком зрелый возраст, неожиданно побежал - нет, поспешил, вскоре Энтони поправился, вспомнив инцидент. Спешить было справедливый срок. И когда они вернулись в гостиную, ни одна девушка из шестнадцать лет, какими бы веселыми и стабильными они ни были, могли бросить себя на диван с большим взрывом, чем она, и не сжимая ноги с более кошачьим движением. Мэри 1914 года никогда не вела себя с так много молодости. Но даже если бы он захотел, подумал он, у него не было бы я могу сделать это со всеми этими юбками и нижними юбками. В то время как в этом момент, с этими короткими плиссированными юбками… Не переставал быть абсурд, без сомнения; но, если подумать, это не было еще болезненно абсурдный. Ибо Мэри все еще могла претендовать на роль молодой женщины. Только немного

потрепанный, его лицо, казалось, еще осветить его, через легкие следы усталости, смеющаяся жизненная сила прошлого. А как насчет ваших

интеллектуальное приданое-да, что касается этого, достаточно было подумать об этой импровизации (ибо это должно было быть импровизацией, поскольку факт произошел в то утро то же самое) импровизация, которая была маленьким шедевром и имела для своей темы почка, которую украла Елена.

- Я пошлю его бальзамировать, - заключила она тоном между серьезным и шутливый, в котором чувствовался едва сдержанный смех. - Бальзамировать его и…

Но уже Беппо Боулз, как бутылка чингибирры, внезапно она открылась и вспыльчива: - я сделаю вам несколько предложений по бальзамирование. - Улыбнулся, моргнул, весь скрутился. Вся ваша личность, пухлый и пышный, он, казалось, участвовал в том, что он говорил; как будто он говорил со всеми органами тела. - Предложения, собранные в Morticiaris Журнал. - Сделал рукой волнообразный жест и декламировал: — Бальзамировщики! У вас есть работа этот неприятный аспект мастика, из смол? Если есть…

Миссис Эмберли смеялась-возможно, немного искусственно; ибо нет я бы хотел, чтобы меня прервали в середине истории. Беппо был, без сомнения, очень дорог ей и всем. Так по-детски, несмотря на его живот и его лысая лузидия прямо на макушке. (Иногда даже девчачий вид.) Но тем не мение… И прервал его чофре с ” отлично!” После, поворачиваясь к другим за столом, - ну, как я собирался сказать, — я пошлю его бальзамировать и положить в один из этих куполов. стекло…

- Как жизнь, - Беппо не мог не вмешаться эруптивно. Но никто не заметил упоминания об Адонае, и он остался смеяться один.

- В одном из таких куполов, - повторила Миссис Эмберли, не глядя на кто ее перебивал, - что встречаются в домах коллективного жилья. С птицами Внутри. Птицы застревают. - И дал произношение последних слова немецкого оттенка, который сделал их, не зная хорошо как необычно смешно.

Его голос, по мнению Энтони, никогда не был таким хорошим. Теперь была одна расплывчатая охриплость голоса, что-нибудь

вроде бархатистости эпидермиса плода, что-нибудь вроде тумана, через который мы видим, с моста Ватерлоо., Собор Святого Павла. Вставив эту марлевую занавеску, которая была тоном запись ее голоса, казалось, углубиться, так сказать, и сделать богаче красоты вокального пейзажа, который стоял за ним. С одним ухом больше внимательный, чем когда-либо прежде, он стремился зафиксировать в памяти ритмы своей говорить, анализировать их, разбивать их на разные звуки. В своих проектах “Элементы социологии” должна быть глава о ” коллективном предложении и пропаганда”. Один из разделов будет посвящен теме шумов Увлекательный. Удивительно раздражающий шум, например, от Савонаролы

или Ллойд Джордж. Завораживающе успокаивающий шум углов священнический. Завораживающий шум Роби и маленького Тича. Шум очаровательно афродизиак некоторых актеров и актрис, некоторых певцов, некоторые русалки и Дон Жуаны из частной жизни. Мэри, приговорил его, имел особый дар производить одновременно афродизиак и комический шум. Она могла издавать звуки, которые пронзали чувствительные струны смеха и желания., никогда, однако, обиды, жалости, негодования. В моменты эмоциональный акцент (теперь вспомнил те ужасные сцены, которые она раньше делал) его голос терял всякую хватку и входил в хаос, звуки хриплый и резкий. Звук его жалобных, осуждающих или тоска вызывала у слушателя лишь определенный физический дискомфорт. Шаг за шагом то, что с миссис Фокс, которую он теперь помнил, было уже другим дело в том, что простого шума его слов было достаточно, чтобы заставить нас, чтобы навязать наше согласие и сочувствие. Она обладала той же особенностью таинственный, который возвел Робеспьера к власти, которую он дал Уайтфилду, простым повторение, два или три раза, благочестивого восклицания, возможность вырывать слезы у самых закоренелых скептиков. Есть завораживающие шумы они способны убедить слушателей в существовании Бога.

Сколько изящества было в тоне голоса, которым Мэри относилась к птицам чучела! Все смеялись; всем приходилось смеяться. Сам Колин Эгертон, сам Хью Ледвидж. И все же, когда он поворачивается, чтобы войти в комната этот Бивис, Хью был наполнен беспокойством. Бивис, которого он всегда и всячески старался избегать… Почему Мэри вы не предупреждали его? В какой-то момент он подумал, что это был план ранее

согласованный. Мэри пригласила бы Бивиса нарочно, с я хотел опозорить его, потому что я знал, что этот парень был свидетелем его унижения в Булстроуде. Там должно быть два из них присутствуют: Staithes (потому что он знал, что Стейт ожидается после обеда) и Бивис. Хью в конце концов он привык находить Стейтса в этом доме, он больше не беспокоил его эта встреча. Staithes, не может быть никаких сомнений, уже забыл. Но Бивис-каждый раз, когда Хью встречался с ним, ему казалось, что парень смотрит для него странным образом. И если Мэри теперь пригласила его, из чтобы он мог возродить в Staithes забытые вещи; и двое, конечно, будут мучить его воспоминаниями - воспоминания о страхе, который однажды напал на него, когда он играл футбол; о том, как он плакал, в упражнении по выездке для случаев огонь, когда пришла его очередь спускаться, скользя по веревке; как он трусливо подошел к Джимбагу и ушел после того, как был вынужден наказать проходя между двумя рядами из них, вооруженные полотенцами, свернутыми в дубинки., о том, как они удивили его-в его комнате, когда они заглянули через

табик… Хью почувствовал, как дрожь унесла его тело. Но, конечно,, размышляя лучше, размышляя хорошо, не было возможности, чтобы это было план. Это было невозможно. Как бы то ни было, он, когда все спустились на ужин он был рад разлучиться с Бивисом. С Хеленой между ними разговор будет трудным. И после обеда он должен был сделать все возможное, чтобы держаться на расстоянии…

Что касается Колина, то этот был на протяжении всей трапезы в состоянии недоумение, которое, когда он рос, когда он чувствовал себя каждый раз, более отчаянно не обращая внимания на все это, он слился с отчаянием и растущее неодобрение. Наконец-то он сказал себе (о что я хотел сказать Джойсу вслух при первой же возможности): - может быть, что я дурак, и тем более, и тем более — (и такое признание он ему он делал это близко тоном твердого презрения, как будто это было признание. силы, а не слабости — - я могу быть дураком и все такое, но, по крайней мере, да, по крайней мере, я очень хорошо знаю, что происходит внутри и снаружи. — Все это и многое другое он хотел сказать Джойсу; и Джойс (выпустил один взгляд на нее среди распутных историй Беппо удивил-его скромный, тревожный, одновременно молящийся и извиняющийся взгляд), Джойс соглашался с каждым словом, которое он говорил. Ибо бедная девочка была чем-то вроде дочери, которую поменяли в

кроватке, это было похоже на псевдо-дочь, оставленная по необъяснимой ошибке в объятиях сумасшедшей, невозможная мать, которая заставляла ее, вопреки своей природе, ассоциировать себя с ними… этот… (Он не мог найти этот термин применимым к Беппо.) И он, Колин Эгертон, Святой Георгий пришел спасти ее. Ее костюм-как падшая девственница в среди КАФ и хулиганов-необходимость спасения была одной из причин что он чувствовал К и к этому сильному влечению. Любил ее, среди прочих причины, потому что он ненавидел в крайнем случае этого отвратительного выродка (это было термин), который назывался Беппо Боулз; и его одобрение всего, чем была Джойс и это было пропорционально его неодобрению (от всех усиленных оваций за определенный ужас) матери Джойс. И все же в этот момент, несмотря на все неодобрение, несмотря на страх того феринского языка, который у нее был, тех пронзительные взгляды и полные иронии, он не мог удержаться от смеха с остальными. Эта ссылка на птиц в куполе, в расширенном произношении, на немка, это было неотразимо.

Для миссис Эмберли смех был похож на шампанское: он согревал, стимулировал. - И я пошлю вырезать на основании надпись, - продолжила она, возвышаясь голос, чтобы быть услышанным среди голоса. - Эта почка была украдена Хелена Эмберли с риском для собственной жизни И…

- О, мамочка, заткнись! - Елена покраснела от смешанного от удовольствия и от скуки. - Пожалуйста! - Конечно, было приятно быть

героиня истории, которую все слушали внимательно — но в то же время этот героизм был глупым героизмом. И она чувствовала себя раздраженной. видеть, как мать эксплуатирует этот идиотизм.

— … и несмотря на вечное и сознательное отвращение к окружающей среде из мясников, - продолжила Миссис Эмберли. И добавил позже, уже в другом том: Бедная моя Елена. Он никогда не мог терпеть определенные запахи. А тошнота, которую вызывали у мясников, торговцев рыбой и т. д. И я никогда не забуду. единственный раз, когда я отвез ее в церковь!

- Единственный раз, - подумал Колин. - Уже неудивительно, что она практикует такие вещи!

- Да! Я не могу этого отрицать, — воскликнула Миссис Эмберли, - никто может отрицать, что деревенская община влажным утром воскресенье… будь, честно говоря, вонючей вещью. И оглушить! Но в в любом случае…

- И запах святости, - вмешался Энтони Бивис, и, повернувшись для Елены: - я тоже прошел через это. Твоя мать посылала тебя плевать, когда были эти неприятные запахи cm назад? Моя всегда хотела что я плюю. А в церкви все было непросто.

- Какой плевать! На это даже не было времени, - ответил он за свою дочь миссис Эмберли. - Она сразу заболела, с тягой. Астраханское пальто старая леди Уорплсдон, она была в плачевном состоянии. Никогда больше я смог представить себя в уважаемом обществе. Слава Богу! — собрать Беппо оглушила протест против вменений, на которые она намекала. А разговор затем отклонился от почек и пошел другим путем.

Елена продолжала сидеть, незаметно, молча. Его лицо потеряно, внезапно, вся анимация, которую он взял на себя. - Я больше никогда не буду трогать мясо, — сказал он. И тем временем она стояла с красным и отталкивающим фарш из говядины на вилке. - Я невозможен, - подумал он. Лопата сериузе, как произносила старая шахта. Делеклюз. И хотя вряд ли можно было ожидать чего-то еще от этого старого Асинина, такого как профессиональный наставник молодых женщин, но это было правдой; в глубине души правда это было верно. - Я несерьезна. Я не такой… - Но вдруг понял, что именно к ней обращался тот голос, который звучал у нее правое ухо, нечленораздельное и как будто идущее с огромного расстояния.

— … Пруст, - услышал голос сказать и понял, что уже раньше один и тот же слог она произносилась как минимум дважды. Оглянулся вокруг, с чувство вины, и увидел, краснея от смущения, лицо Хью Ледвиджа обращенный к ней, полный колебаний и неуверенности. Он щекотно улыбнулся, с мигающими очками, а затем снова отвернулся от лица. Она она чувствовала себя вдвойне смущенной и смущенной.

Боюсь, я не совсем понял… - наконец-то пробормотал.

— Ах. это не имеет значения, - ответил он тем же тоном. — Не это действительно не имеет никакого значения. - Это не имело

никакого значения., но он почти пять минут думал о том, как начать вооруженный разговор Пруста. - Я должен тебе что-то сказать., — решил, когда увидел, что Бивис занимается интимной беседой с Мэри Эмберли и Беппо. - Я должен вам кое-что сказать. - Но что? Что если вы говорили с восемнадцатилетними девочками? Я хотел бы сказать вам что-нибудь из ребята, что-то довольно галантное, даже. О ее платье, по пример, - как красиво! - Нет, это было немного расплывчато и без характера специфический. - Как ваши глаза так хорошо сочетаются с вашим цветом (но цель, какого цвета были ее глаза?) Я мог бы также сделать его вопросы о балах. Она много ходила? С маленькими друзьями (очень разбойники?) Но это, у него было очень трудно для себя. И слишком много, нет мне очень нравилось представлять ее в компании маленьких друзей — я бы предпочел представьте ее девственной: du bist wie eine Blume… Или серьезно, но с улыбнись, я мог бы сказать тебе: - скажи Здесь, Елена, расскажи, как это на самом деле молодость сегодня? - И Елена, упираясь локтями в стол, возвращается-я бы отошел в сторону и сказал бы ему, что именно он хотел знать об этом. таинственный мир, этот мир, в котором люди танцевали и ходили на вечеринки и они всегда имели личные отношения друг с другом; я бы сказал ему все, все — или, что более вероятно, ничего, и это просто заставит вас почувствовать сколько было непослушным и глупым. Нет, нет; очевидно, это не подойдет. Ни за что. Я просто воображал, просто выражал желаемое. Тогда ему задали вопрос о Прусте. Что она думала Пруста? Это был утешительно безличный вопрос, который он мог делать это без скудости и аффектации. Но безличность такого вопроса это может привести к длительному обсуждению-всегда в области абстрактного, всегда, так сказать, в пробной работе — по вопросам более эмоционально и даже (нет, нет, но никогда не бывает он мог знать; это было отвратительно; и тем не менее…) даже физиологические. Говорить о Прусте можно было бы сказать все-все, но всегда с точки зрения строго литературная критика. Да! Это, конечно, подойдет. Был повернулся к Helenae.

- Полагаю, это должно быть интересно, тонко, необычно Ваше мнение о Пруст. - Нет ответа. С конца стола шли следы разговор Миссис Эмберли с Энтони и Беппо; обсуждали привычки ваших друзей. Что касается Колина Эгертона, он, казалось, был среди охота на тигров в центральных провинциях. Хью Ледвидж кашлял и, затем он продолжил: - Ты, должно быть, прустианка, как и все мы, не так ли

вот так? - Но капризный, меланхоличный профиль не дал никаких признаков жизни. Уже смущенный чувством смешного, он испытал это еще один раз.

- Я хотел бы, чтобы вы рассказали мне, что вы думаете о Прусте, — сказал он более громким голосом, который в их собственных ушах звучал странно и неестественно.

Елена продолжала пристально смотреть на какой-то невидимый объект на вершине стол, прямо перед вашей тарелкой. Пас сериузе. Я думал о все вещи, которые не были серьезными и которые она уже сделала в своей жизни, в все эти глупые, мерзкие, ужасные вещи. Своего рода паника смущения, без причины доминировал Хью Ледвидж. Он чувствовал себя потерянным; то же самое, что я бы почувствовал, если бы, находясь на Пикадилли, штаны начали бы спускаться с него. ноги внизу. Любой другой, естественно, коснулся бы только руки Елена и сказала бы: - дай мне копейки идей, Елена! - Как бы это выглядело просто, это, и разумно! Весь инцидент скоро превратится в шутку., в шутку и, более того, за ее счет. Он победит так определенно позиция тиранизирующего превосходства. “Мечтать днем и посреди ужина! Мечтаете о чем? С кем?“Это было бы ловко и хорошо. И она краснеет, хихикает, как по приказу его, как бы отвечая его команде. Как “убийственный”вкус, он махал своим красным флагом, и она уходила, бросаясь к здесь, инвестируя туда, в абсурдную и восхитительную демонстрацию себя, даже что, в конце концов, он, подняв меч… Но проще и разумнее и стратегически выгодно, чтобы это было, Хью Ледвидж чувствовал, что это так совершенно невозможно сделать первый шаг. Там была ее рука, голая, тонкий, как детская рука; но что-нибудь удерживало его, что-нибудь это мешало ему протянуть руку и прикоснуться к нему. И грабительское предложение копейки — Это это было то, что он абсолютно не мог сделать; его голосовые связки не ему позволять. Прошло тридцать секунд-тридцать секунд смущения и растущая неопределенность. Затем внезапно, как будто пробуждаясь от сон, она повернулась и посмотрела на него. что он сказал? Но это было невозможно, ему, повторите то, что вы сказали.

- Неважная вещь. Неважный. - Он отступил. Но почему, о, почему он был таким глупым, с такой нелепой неспособностью? Aos тридцать пять лет. Нель меццо дей Каммин. Представьте себя Данте в таких обстоятельства! Данте, с его стальным профилем, как нос духовный белонав, невидимые волны духа. И, между тем, какая вещь он мог бы сказать ему вместо этого невозможного

наблюдения о Пруст? Какая вещь вдохновит вас на небеса…?

Наконец она коснулась его руки. - Вы извините меня, — сказал с настоящим раскаянием. Я искал компенсацию, вывод, который избавил ее от того факта, что она так легкомысленно съела это мясо

по которому пальцы Мистера Болдуина прошли и прошли. Сверх в этом ей нравился хороший Хью. Она была правым мальчиком. Он был отдан неудобно показывать Вам мексиканские Курьезы в Музее. — Иметь интервью с мистером Ледвиджем, - сказала она там. И все младшие чиновники рассыпались в внимании, обращались с ней сто а с большим почтением они оказались в восторге. Она была приведена к его личный кабинет-личный кабинет помощника директора Отдел-как будто речь идет о высокой личности. Один выдающийся археолог посещает коллегу. Было, воистину, все это удивительно интересно. Единственным злом было то, что, естественно,,

— и это был еще один симптом ее ужасной несерьезности-это то, что она я забыл большую часть того, что он ей говорил. — Чувствовать безмерно не услышав, - повторила она. И это была чистая правда. Она знала что он должен чувствовать. - Ты понимаешь, — объясняла она, - а бабушка глухая. По опыту я знаю, как это неприятно. люди должны что-то повторить. В нем есть что-то глупое. Любой что-то вроде Мистера Шенди и часов, если вы вообще понимаете что я имею в виду. Вы простите меня. - Сжал его, умоляя, руку. Затем, прижав локти к столу и повернувшись к нему в умышленное доверительное отношение, сказал: - Слушай, Хью; ты мальчик серьезно, нет? Ты понимаешь, что я говорю, серье.

- Да, я так думаю, — заикался он. Я только что видел, несколько поздно, что означало упоминание о мистере Шенди. И когда вы поняли, это было что-то вроде шока, что вы тогда почувствовали.

— Я хочу сказать — - продолжила она, - что ты вряд ли я мог бы быть в Музее, если бы не был серьезным мальчиком.

- О, не мог, нет, — признался он, - наверное, не мог.

- Но на самом деле, думал он, все еще обеспокоенный этой историей о Мистер Шенди, существует нечто, называемое теоретическим знанием. (И не знал он этого? Я знал это очень

хорошо) теоретические знания, которые не соответствуют нет истинной науки, которая не реализована и не прожита. - Боже Мой!

- он близко застонал.

— Ну, - говорила Елена, - мне не хватает этой серьезности — Я чувствовал большую потребность выпустить пар, найти того, кто помочь. Были моменты — и они повторялись каждый раз, когда по той или иной причине она сомневалась в себе-моменты, когда все в вокруг нее казалось ужасно расплывчатым и неопределенным. Все. Но на практике все это, естественно, сводилось к неуверенности, которую внушала ему мать. Елена очень любила свою мать, но в то же время была вынуждена признаться, что она ему ни на что не годилась. - Мама такая же

плохие шутки, - сказала она однажды Джойс. - Мы думаем который будет сидеть на стуле; но стул быстро убирается, и мы падает, чувствуя ужасный удар по заднице. - Но Джойс ограничилась сказать: - только то, что вам нужно, Елена, это перестать использовать похожие иметь. - Пасынок! Paspalhona, да, но, как бы то ни было, что нет можно было отрицать, что Джойс-это стул, на котором можно сидеть. Но неподходящий стул, стул только для случаев важно-и что в этом хорошего? Джойс был еще очень молод; и, даже если бы я была намного старше, я бы не поняла вещи, как это устраивало, то есть как они были на самом деле. И теперь, что она была помолвлена с Колином, казалось, понимала все меньше и меньше. Колин! Какой идиот был этот человек! Но в любом случае это было, если хотите стул. Твердый стул как веха. Но, к сожалению, такого формата, который заставлял нас сидеть в самом гротескном и неудобный положений. Однако, как Джойс, казалось, не беспокоился с отсутствием комфорта все было очень хорошо. И Елена, не имея стул в этом изнурительном мире почти завидовал своей сестре. Между тем, там был хороший Хью, который, несомненно, был стулом. Она он сел тяжело.

- Моя беда, - продолжала Елена, - в том, что я из легкомыслия непоправимый.

- Вообще-то, я не могу в это поверить, - сказал он, хотя и без власти потому что он, очевидно, должен был это сделать. он должен был подбодрить ее, чтобы она исповедовалась, а не

утверждать, что у нее нет грехов. исповедоваться. Это было похоже на то, что я очень боялся узнать, именно то, что вы хотели узнать.

- Я не думаю, что ты такой…

Но, к счастью, ничто из того, что он сказал, не могло ее снять. Она настаивала чтобы служить ему, как со стула.

- Нет, нет, это чистая правда, - говорила она. - Вы не можете себе представить насколько я легкомыслен. Я вам скажу…

Через полчаса в заднем зале здания он готовил для нее список книг, которые она должна была прочитать. Первые греческие философы, Бернет; Федрус Тимей, Апология и симпозиум, в переводе Джоветт; Никомахова этика; небольшая антология греческих моралистов, из Конфорд; Марк Аврелий; Лукреций в любом хорошем переводе; плотин, из Инге. Он говорил естественно, уверенно, позитивным тоном мастерской. Это было похоже на существо, внезапно восстановленное в своей стихии. естественный.

- Они дадут вам представление о том, как древние понимали вещи.

Она, соглашаясь, ломала голову, глядя на список, написанный карандаш, на лице было выражение лица того, кто принял решение очень серьезно. Он даже решил надеть очки и поставить на стол ее спальная комната, чтобы не беспокоить, когда она была работа на фоне книжных румов, бумаг, документов. Вооружать-если бы это были записные книжки, или, скорее, я бы организовал переплет. Было бы новая жизнь, жизнь, которая будет иметь значение, цель. В салоне, кто-то включил граммофон. Ваша нога, можно сказать, что по инициативе сама начала отмечать шаг. Раз, два, три, один, два, три, - это была одна вальс. Но о чем она думала? Нахмурился и остановил движение стопы.

— Что касается современной мысли Moderna, - продолжил Хью, - здесь оба незаменимые книги, от которых должна исходить вся moderna Culture, являются (ваш карандаш слегка скользил по бумаге) Essais, de Montaigne и as Pensées, de Паскаль. Они незаменимы, - подчеркнули названия. Тогда лучшее это было бы взглянуть на дискурс о методе.

- Какой метод? - спросила Елена.

Хью, однако, не слышал вопроса. - И немного почитай Гоббса также, если есть время, - продолжал он с энергией и уверенностью возрастающий. - А потом Ньютон. Это абсолютно необходимо. Потому что, если вы не знаете философию Ньютона, вы не знаете, почему наука он развивался в этом, а не в другом смысле. Вы найдете все, что вам нужно в метафизических основах модемной науки Берта.

Когда он писал, была небольшая тишина. Том пришел, и больше Эйлин и Сибил. Елена слышала, что они говорили, в другой комнате. Но он стоял твердо, его глаза были прикованы к бумаге. - Тогда есть еще Юм, - он продолжал. - лучше всего было бы начать с Эссалов. Являются одним из превосходная вещь. С чувством, с огромным остроумием!

- Остроумие, - повторила Елена и с удовольствием улыбнулась вам тот же. Да, это было именно то слово, которое она искала — именно этим она и хотела быть: хитрой, хитрой, как слон, как полицейская собака, как Юм, как и все, что они хотели. Но в то же время время, естественно, хотела быть собой. Хитрый, но молодой; хитрый, но он веселый и привлекательный; проницательный, но дерзкий И…

-Я не хочу мучить ее кантом, - снисходительно сказал Хью. — Но я думаю — (заставил карандаш снова работать)", - я думаю, вы должны прочитать или двое из Moderna kantians. Философия как будто, Вайхингера, по пример, и теоретическая биология, фон Uexküll. Ты понимаешь, Кант-это основа всей нашей науки двадцатого века. Именно так Ньютон является основа всей науки восемнадцатого и девятнадцатого веков…

- А потом, Елена!

Оба вздрогнули и подняли глаза. Они подняли глаза и увидели улыбающееся и нагло красивое лицо Джерри Уотчетта. Его глаза, от ярко-синий цвет, контрастирующий с трилистной кожей лица, мираам Ора один, то другой, с насмешливым видом. Сделав шаг вперед, он поставил знакомо рука на плече Елены. - О чем вы шутите? Кроссворд? - спросил, дав ему два или три похлопывания в плечо.

- Как будто речь шла о вашей лошади, - возмущенно сказал вам

Хью. И это было действительно то, чем этот человек казался: слугой конюха. Эти вьющиеся, волнистые волосы матового золотого цвета, это закрытое лицо, в детстве это было грубо, все это, казалось, исходило от. эстребария, Дас эпсомские равнины.

Елена ответила с улыбкой, которую она намеревалась презрительно высший - улыбка интеллектуала. — Для вас это может быть кроссворд, - сказал он. Затем он добавил, уже в другом тоне: - а цель, вы уже знаете друг друга, не так ли? - И закатил глаза, пытающиеся Джерри Хью.

— Уже, да, - ответил Джерри; и еще сохраняя свою правую руку в плечо Елены подняло левую в карикатурном и уничижительном жесте военный салют. - Спокойной ночи, полковник.

Застенчивый, Хью ответил на приветствие. Все ваше мастерство и доверие они исчезли с этим вынужденным возвращением из мира книг в мир личная жизнь; чувствовал себя Альбатросом на земле-безнадежно неуклюжий, неумелый, бесполезный, отвратительный. И все же, как легко сделать набросок - ироничная улыбка и сказать осмысленным тоном: “Да, я очень хорошо знаю мистер Уотчетт ” - и смысл будет таким: я очень хорошо знаю, кто он: джентльмен спекулируя с названиями, профессиональным игроком и любовником профессиональный. На данный момент, как предполагалось, любовница Мэри Эмберли. “Я знаю его, действительно, очень хорошо!“Вот что было бы так легко сказать. Но он не сказал; Единственное, что он умел делать, это улыбаться и поднимать руку в воздержание до высоты лба.

В это время Джерри сидел на подлокотнике дивана и через из сигаретного дыма он созерцал Helenay со спокойной наглостью и находчивый, кажется, изучает его или, скорее, оценивает его по пунктам — скакательные суставы, крест, бедра, живот. - Знаешь, Хелена? Вы получаете каждый раз красивее.

Краснея, Елена отпустила голову назад и потом рассмеялась он внезапно придал лицу жесткое и неестественное выражение. Находиться раздраженный-раздраженный Джерри из-за его проклятой дерзости, но,

прежде всего, злилась на себя за то, что наслаждалась чертовой дерзость, за то, что она соответствовала этой оскорбительной лести с так унизительно автоматическая пунктуальность. Так чувствовать все лицо утопить и дать эти хихиканья, как школьница! И это Философия как будто эти очки в черепаховых оправах и новая жизнь и картотека…? Достаточно, чтобы мужчина сказал: “Ты красивая”, чтобы все эти вещи эволюционировали, как будто они никогда не проходили мимо мысль. Он обратился к Хью; он обратился за защитой, в поиск поддержки. Но едва она посмотрела на него, он уже отвернулся, имея на лице выражение медитативного забвения; казалось, что думаю о чем-то другом. Будет ли он злиться? - я спрашивал ее у вас. Иметь-вы бы обиделись, потому что она была довольна комплиментом Джерри? Но как моргание с грохотом выстрела — вещь, которая не я мог бы избежать этого. Он должен понять, он должен понять, что она хочет жить этим. новая жизнь, что все его желание, все его стремление было стать хитрым. Но вместо этого он затмевал себя и отказывался понимать себя она. О, это было несправедливо!

За этой холодной фальшивой маской Хью чувствовал себя более чем никогда, в ситуации Альбатроса Бодлера.

EC voyageur ailé, comme il est gaúche et veule!

Lui naguère si beau, qu’il est comique et laid!

Ах, эти полеты, эти огненные, величественные набеги в космос лазурь Нео-кантизма!

Из соседнего зала граммофон трубил: “да, да, сэр, это маленькая моя”. Джерри свистнул несколько тактов, а затем предложил Елена: - а если бы мы танцевали под лисичку, а? Если вы уже вы только что поговорили с полковником. - Посмотрел, насмешливо, в лицо повернулся от Хью. - Я абсолютно не хочу перебивать…

В свою очередь, Хелена посмотрела на Хью. - Не знаю… - начал, полный сомнение.

Но Хью, даже не подняв глаз, поспешил согласиться: — О, Нет, нет! - И, сделав это, удивился, что дьявол побудил его таким образом объявить о своем поражении еще до того, как вступать в бой. Отдай ее этому горничному! Какой идиот, что снаружи, какой трус! Однако я цинично сказал вам, что, вероятно, она я бы предпочел “слугу”. Встал, пробормотал что-то вроде встреча с кем

- то по какой-то теме и направился к дверь, ведущая в лестничный пролет.

- Хорошо, если он не заботится о моей компании, - подумал он — Елена обиделась, если она думает, что не стоит, чтобы я был рядом с ней… — Она была явно обижена.

- Exit полковник, - сказал Джерри. А потом: - тогда? Не танцуй один чуть-чуть? - Встал, подошел к ней и протянул руку. Эллин он схватил ее и с импульсом встал на ноги. - Нет, сэр, нет, сэр, нет скажи, может быть, - заставил Джерри петь, обнимая его талии. Унесенные звуковыми волнами лисы-рыси, они зигзагообразно проходя между стульями и столами и направляясь к двери, которая выходила на другую зал.

Глава XVIII - 8 декабря 1926 г.

Приезжало больше гостей — по большей части, молодые люди, друзья Джойс и Хелены. Они проходили по протоколу через зал до крайний угол, в котором Миссис Эмберли сидела между Беппо Боулз и Энтони, они пожелали спокойной ночи, а затем, отойдя, пошли танцевать.

- Они низводят нас, с величайшим бесцеремонным, на наше место зрелые люди, - сказал Энтони; но миссис Эмберли, или она предпочла не слушать то, что он действительно был поглощен тем, что он Беппо, крича и шипя от волнения, говорил о Берлине, месте самое интересное в Европе в наши дни! Где еще можно найти, например, эти специальные пироги для мазохистов? Nas пушечные сапоги; да, настоящие пушечные сапоги! И музей сексологии: эти церопластические фотографии и модели-настоящие trompe-Voeil — эти ошеломляющие роговые предметы, пришедшие из Японии, и те странные и гениальные наряды для эксгибиционистов! И все эти вкусные маленькие лесбийские бары, все эти кабаре, где мальчики получают одеваются как женщины… - А вот и Марк Стейтс, - сказала миссис Эмберли., прервав его и сделав жест несколько невысокому мужчине, из широкие плечи, которые только что вошли в салон. - Я сейчас не помню., — сказала она, обращаясь к Энтони, - если вы его знаете.

- Я знаю его только последние тридцать лет, — ответил он., чувство еще раз определенное восхитительное удовольствие в

преувеличении факт его мертвая молодежь. Учитывая, что он уже не был молодым, Мэри уже была девять лет он оставил быть молодым.

- И все же, с большими перерывами, - объяснил он. - Во время война, а затем все время, пока он был в Мексике. И, поскольку что он вернулся, они очень редки, иногда я видел его, и всегда, очень слегка. И мне очень нравится эта возможность…

- И эксцентричный парень, - сказала Мэри Эмберли, вспоминая когда он впервые пришел в свой дом, как только он вернулся из Мексика, было около восемнадцати месяцев. Его внешний вид, его манеры отшельника дикие и фанатичные, они оказали на нее сильное влечение. Она получает он служил всеми возможными средствами, чтобы соблазнить его, но без малейшего эффекта. Он не был найден; и это, таким полным и абсолютным образом, что она не испытывала к нему недоброжелательности из-за отвращения, она была убеждена, что на самом деле не было никакого отвращения, а только проявление симптомов, или, согласно обоснованному диагнозу, импотенция, или, что менее вероятно, (хотя, конечно, не

я никогда не мог быть уверен.) гомосексуализма. - Эксцентричный тип, - повторил, решив воспользоваться первой возможностью проконсультироваться Беппо о гомосексуализме. Он, конечно, должен был знать. Он они всегда знали друг друга. Затем, кивнув, он закричал на Марк сквозь шум граммофона: - Садись сюда с нами, Марк.

Стейтс прошел через комнату, поднял стул и сел. Волосы уже у него на лбу было редкость, а над ушами он Уже седел. О темноволосое лицо-это фанатичное лицо отшельника, которое Мэри Эмберли она обнаружила, что проявляет такое странное влечение-у нее были глубокие морщины. Ни гладкого слоя жира, который бы уничтожил его, который бы замаскировал его. внутренняя структура. Под кожей, каждая из мышц лица и подбородок, казалось, выступали отчетливо и отдельно, как мышцы, которые были они видят в этих статуях людей, сделанных для комнат Анатомия Возрождения. Когда он улыбается — и каждый раз, когда это это было так, как будто статуэтка получила дыхание жизни. и выражал свою агонию — можно было следить за всем механизм болезненных схваток: тяга, вверх и наружу, из большая скуловая кость, движение ризориума в стороны,

сокращение сфинктеры вокруг век.

- Прерываю? - спросил он, пристально взглянув и инквизиторы то в одном, то в другом.

- Беппо рассказывал нам о том, что он видел в Берлине, - сказала г-жа Беппо. Эмберли.

- Я пришел, чтобы избавиться от всеобщей забастовки, — объяснял Беппо.

- Естественно, - сказал Стейтс, сжимая лицо в муке презрительный.

- Настоящий рай! - воскликнул Беппо в безудержном взрыве.

Похоже, у вас такое же впечатление, как у лорда Холдейна. И его родина духовный, да?

- Плотский, - поправил Энтони.

Счастье Беппо было слишком сильным, чтобы он признался виновен, и поэтому он ограничился каской. - Да, эти трансвеститы! — утверждал, с истинным enlevo.

- Я был там прошлой зимой, - сказал Стейтс. — Бизнес. Но даже в этом случае мы не можем не платить и свою дань к удовольствию. Эта ночная жизнь…

- Тебе не показалось забавным?

- О, восторженно !

- Верно! - Беппо торжествовал.

— В какой-то момент одно из этих существ пришло сесть ко мне. стол, - продолжил Стейтс. - Я танцевал с ней. Это было похоже на женщину.

- Узнать их просто невозможно, - воскликнул Беппо, восторженный, как будто факт лично уважает его.

— Когда мы закончили танцевать, она немного покрасила лицо, и мы выпили немного пива. Затем она показала мне несколько фотографий неприличный. Эти фотографии анатомического типа,

анти-афродизиак… Вы знать. Смягчители. Возможно, поэтому разговор тоже был смягчать. Если бы это было так, последовало долгое молчание беспокойства. Никто, казалось, не знал, что он должен сказать. Было бы сказано, что он остановил нас. штиль. Протянул тощие и узловатые руки в горизонтальном направлении., как будто они скользят по идеально ровной поверхности. Неуместно задержаны. Пока вдруг существо не сделало что-то замечательный. Один из его путей, без сомнения, но как это было в первый раз, когда я видел это, вещь не переставала производить впечатление. - Вы хотите увидеть одна вещь? - спросила она. Я сказал да, и сразу же она он начал что-то нащупывать под блузкой. - Смотри сейчас! — сказал, наконец. Посмотреть. Она улыбалась с победным видом, как кто-то, кто если бы он сыграл козырного туза-или, скорее, двух козырных тузов; ибо что она уронила его на стол это была пара. Это была пара превосходных грудей искусственные из розового каучука.

- Ой, какая отвратительная штука! - воскликнула Миссис Эмберли, когда Энтони РИА и Беппо на лице было выражение тоски. - Что за штука отвратительно, - повторила она.

- Отвратительно, да, но не переставая удовлетворять, - настаивал Стейт с одним из тех замученных эсгаров, которые проходили мимо, для него, как один улыбка. - И так хорошо, когда все происходит, как и следовало ожидать, они проходят-художественно, символически. Две резиновые сиськи между пивными копазиями-вот какой должна быть зависимость. И это что это действительно было — она чувствовала, что что-то ее изменило. Быть это было неизбежно, и это было прекрасно. Да, красиво, - повторял Я. - Красиво и отвратительно.

— Однако, - настаивал Беппо, - вы не можете отрицать, что многое есть, что сказать себе город, в котором эти вещи могут быть на публике, — добавил серьезным тоном, - на публике, заметьте. И правительство больше терпимый мир, правительство Германии. Это вы не можете отрицать.

- Я даже не отрицаю, - сказал Стейтс. - Он всех терпит. Не только девушки в гипотетических юбках и мальчики с резиновыми сиськами, но также роялисты, фашисты, Юнкерс Круппс. Коммунисты тоже, я благодарен сказать. Все ваши враги, всех цветов.

- И я думаю, вам это очень нравится, - сказала миссис Эмберли.

- Хорошо, правда, пока ваши враги не встают против него и не уничтожают его. Я только надеюсь, что коммунисты будут попасть на первое место.

— Но как только они терпимы, почему они должны своим врагам хотите их уничтожить?

- Почему бы и нет? Они не верят в терпимость. И это правильно, — добавлять.

- Ты варвар, - возразил Беппо.

- Как и должно быть, когда живешь во времена мракобесия, в Темные века. Вы, кто там… выжившие со времен Антонин. - Он положил глаза, то на один, то на другой, улыбаясь своей улыбкой. с худым лицом-потом покачал головой. - Я здесь думаю, что вы они все еще находятся в первом томе Гиббона, тогда как мы уже в третий.

- Вы имеете в виду, что…? Боже! - воскликнула, прерывая себя, госпожа. Эмберли. - Посмотрите, кто там, Джерри!

Услышав такие слова и увидев Джерри Уотчетта лично, который пришел из зал сзади, танцуя лиса-рысь с Хеленой, Энтони вытащил из кармана бумажник и быстро просмотрел его содержимое. - Слава Богу! — сказать. - Всего два фунта. - Джерри поймал его месяцем ранее с десятью фунтами. в кошельке и после того, как он рассказал вам историю маловероятных сжатий, ему удалось вырвать их все в кредит. Он не должен, конечно, иметь учитывая историю, она должна была сопротивляться просьбе. Десять фунтов не было сумма, которую он мог бы достать. Он утверждал это, но ему не хватало твердость, чтобы упорствовать в отказе. Пришлось потратить больше двух недель на строгая экономика, чтобы покрыть дефицит, что потеря дает вам деньги производил в финансах. Экономия была процессом, который ей не нравился; но отрицать и продолжать отрицать и получать взамен приставания и цензура Джерри, это было бы еще более неприятно. Всегда был готовы пожертвовать своими правами ради своих удобств. Судили его бескорыстно и с удовольствием, что он старался принять их диагностика вашего характера - но осознание вашей истинной ситуации финансовый всегда был начеку. И со смехом он получил это осознание. Он смеялся, что он был сейчас. - Только две, - повторил он. — Удачно, я могу

распоряжаться…

Он прервался. За спиной Мэри Беппо ударил ее по плечу и был делая значимые лица. Энтони повернулся и увидел, что она продолжает пристально глядя и нагруженный на новобранцев.

- Он сказал мне, что не придет сегодня, - сказала она, как бы говоря для себя. Затем, стремясь сделать себя услышанным в середине музыки,

крикнул: - Джерри! - с пронзительным голосом, который внезапно потерял все свои очарование-голос, который принес Энтони болезненное воспоминание о тех неприятные сцены, в которых долгое время он принимал участие. Не и было сомнение, сказал он с тобою, и сжалился над бедной Марией.

Джерри Уотчетт повернулся и с выражением лица, которое намекает на удовольствие поделился, бросил ему легкую улыбку, репетировал даже мигание я посмотрел и вернулся, чтобы поговорить со своей дамой.

Внезапный гнев заставил миссис Эмберли покраснеть. Сделать ему гримасу те! Это было невыносимо. Столь же невыносимо — но очень его собственное! - он должен был появиться таким образом, не объявляя себя, из suipresa-танцы случайно с другой женщиной, как будто это самая естественная вещь в этом люди. Правда ли, что на этот раз другой женщиной была не что иное, как Елена; но это объяснялось просто тем, что я не нашел ни одного другой, с которым можно танцевать, не хуже. - Злодей! - я бы подумал когда я следовал за ним глазами по комнате. Затем с усилием, он отвернулся, стараясь обратить внимание на то, что происходит в вокруг нее.

— … такая страна, — говорил Марк Стейтс, - страна, в которой четвертая часть населения состоит из подлинных буржуа, а другая четвертая часть горячо желает стать такой.

- Ты слишком остро реагируешь, - возразил Энтони.

— Абсолютно. Насколько тщательно проверяется Лейбористская партия на выборах? Треть голосов. И я щедро предполагаю, что когда-нибудь эта партия наберет половину голосов. Остальные из буржуазия. Либо естественно, из интереса и страха, либо искусственно, по снобизму и воображению. И по-детски думать,

что можно получить то, что хочешь. конституционными методами.

- И неконституционными методами?

- Есть вероятность.

- Это не так уж и много, - сказал Энтони. - По крайней мере, против новых герб.

— Хорошо знаю, - сказал Марк Стейтс, - хорошо знаю. Если они используют свои сила, ясно, что средний класс сможет победить. Это было бы очень вероятно пусть они победят даже без танков и самолетов-просто потому, что они потенциально лучшие солдаты, чем пролетариат.

- Лучшие солдаты? - протестовал Беппо, вспоминая тех его друзья, которые были часовыми.

- В силу получаемого ими образования. Буржуа получает тренировку который колеблется между десятью и шестнадцатью годами, и, что наиболее важно, большая часть этого обучения была получена в школе-интернате, что равносильно тому, чтобы сказать

казарма. В то время как сын рабочего живет дома и его упражнения это не выходит за рамки шести или семи лет в вашем экстернате. Шестнадцать лет послушание и Esprit de corps. Неудивительно, что Ватерлоо был выигран на игровых полях Итона. Если они используют только половину своих ресурсы - если они используют их безжалостно-уход за ними.

- Вы верите, что они не воспользуются вашими ресурсами? Марк пожал плечами. - Конечно, немецкие республиканцы не выглядят готовы использовать свои. И надо не забывать, что здесь произошло, во время забастовки. Даже большинство промышленников были готовы войти в соглашение.

— По этой простой причине, - возразил Энтони, - что невозможно быть преуспевающий промышленник, не имеющий привычки соглашаться, продолжать перенастройки. Бизнес управляется не актом веры, а умение торговаться, идти на компромисс.

— Как бы то ни было, - продолжил Марк, - дело в том, что

ресурсы пригодные для использования не использовались. И это то, что делает доверие к успеху революция. Пока это было доведено до срока без потери времени, быстро. Ибо нет сомнений, что, как только они поняли что им грозит серьезная опасность, они забудут о своих сомнениях. Но я считаю, что они могут потерять в колебаниях достаточно времени, чтобы сделать возможна революция. Было бы достаточно, если бы они были составлены только несколько часов. Да, господа, несмотря на танки, есть еще один вероятность успеха. Нет, как дураки из T. U. C, или как народ “союзов”, если говорить правду. Как полные сомнений, как буржуазия. И ужасающее влияние евангельского христианства. Никто вы можете сделать представление о сумме проповедей, проповедей и мистических гимнов слышал от во время всеобщей забастовки. Я был ошеломлен. Но худшего еще не было видно, и это хорошо, что вы знакомы. Возможно, что молодое поколение… - Покачал головой. - Но я не доверяю даже ей. Методизм может быть хиреть. Но посмотрите на те спиритуалистические часовни, которые роятся, как грибы по всем промышленным районам!

Когда он во второй раз прошел мимо Мэри Эмберли, Джерри позвал ее по имени. Однако она отказалась отвечать. Поворачиваясь с большой фриза притворилась, что ее интересует только то, что говорил Энтони.

- Глупая женщина! - подумал Джерри, глядя ему в лицо. Затем он вслух спросил свою даму: - если бы мы поставили этот диск еще раз? Как вы думаете?

Елена менеу, голова, в восторге.

Музыка сфер, блаженное видение… Но потому что это должно быть небо одно монополия на слух и зрение. Также мышцы, когда они двигаются.

у них есть свой рай. Небо-это не просто просветление и гармония; это также танец.

- Минутку, - сказал Джерри, когда они встретились перед граммофон.

Елена стояла неподвижно, с висящими и мягкими руками, пока он давал веревочка к машине. Он закрыл глаза; он пытался изгнать из себя окружающий мир, воровство к существованию. В

этой безмятежной паузе между двумя небесами движения, существование утратило всякое значение.

Музыка на мгновение остановилась, а затем снова началась в середине бар. За закрытыми веками она заметила, что Джерри двигался, он стоял, опираясь на и, очень близко; затем его рука снова опоясал ему тело.

- Вперед, христианские солдаты! - сказал он; они снова вышли в танцевать, проникая в гармоничное небо движущихся мышц.

Господствовала тишина. Решается не обращать ни малейшего внимания миссис Эмберли обратилась к Стейтсу. - И те ваши духи? - спросил, затрагивая живой интерес и внимание.

- В полном достатке, - ответил он. - Пришлось заказать три новых перегонных Куба и увеличение персонала.

Миссис Эмберли улыбнулась ему и покачала головой. Скоро ты; - сказал. - Кажется странно смешным, что вы производитель парфюмерии.

- Почему?

- Наименее легкомысленный из мужчин, - продолжила она, - наименее галантный, самый безжалостный женоненавистник (или бессильный, или гомосексуалист — не мог и после его рассказа о Берлине почти наверняка, бессилен, воображал).

С улыбкой, которая была болезненным искажением, спросил Стейтс: — Но разве ему не пришло в голову, что все это может быть веским основанием для меня? стать парфюмером?

- Причины?

- Способ выразить мое отсутствие галантности. - На реальность, просто случайность, которая омыла его в этом бизнесе аромат. Его глаза смотрели на объявление в “Таймс” о небольшой завод, который продавался по очень низкой цене… Удача и ничего больше. Однако теперь, после факта, его любовь к себе была польщена идея, что он выбрал профессию сознательно, с особой целью выражая свое презрение к женщинам, которых он предоставлял. Ложь, что он я хотел, чтобы это было, и на этот раз я почти верил, что это правда, это поставило его в положение превосходства перед всеми женщинами в

в частности, перед Мэри Эмберли. Наклонять-если он взял Мэри за руку, поднял ее, как будто собирался поцеловать ее, но вместо этого после этого он просто понюхал кожу, чтобы потом позволить ей снова упасть. — В цель, - сказал он, в сущности, которой вы себя благоухали, есть мускус.

- Да, и что с этим?

- Ничего, абсолютно ничего нет, - сказал Стейтс ничего, кроме тот факт, что вам нравится экскременты ласки.

Миссис Эмберли поморщилась от отвращения.

- В Абиссинии, - продолжил он, - есть фермы, в которых разводят кошек-де-альгалия. Два раза в неделю, он будет вооружен палкой, колотит их кошки, пока они не рассердятся и не испугаются. Именно в этот момент они они выделяют свой наркотик, как дети, которые мочат штаны, когда они боюсь. Таким образом, они захватываются с помощью щипцов, чтобы не они могут укусить, и соскоблить содержимое мешочка, прикрепленного к их органам гениталии. Это делается с помощью ложки. Вещество является своего рода жиром желтый, или раньше, похож на ушную серу. Воняет, что трескается, когда это растворять. Мы встретили ее в Лондоне в Роге буйвола. Огромные рога изобилия, наполненные коричнево-темной, вонючей ушной серой. И следует отметить, что они стоят сто семнадцать челинов за унцию. Вот один из причины, по которым ваши духи становятся такими дорогими. Бедные не могут побалуйте себя выделениями кошачьих. Они должны довольствоваться-если просто с изо-эвгенолом и фенилуксусным альдегидом.

Колин и Джойс перестали танцевать и сидели на площадке. за дверью салона. Одинокий. Время было подходящим для Колин дал волю праведному возмущению, которое накапливалось внутри него с тех пор, как время ужина.

-Я должен сказать вам, Джойс, что некоторые из гостей вашей матери…

Джойс посмотрела на него глазами, в которых смутилась тревога.

с поклонением. - Да, я знаю, - извинился он. - Я знаю, - и он сдался. спешите покорно согласиться с ним в том, что это Беппо выродок, а Энтони Бивис-циник. Потом, увидев, что он кончил

негодование и то, что она сама раньше этим воспользовалась, чем причина страдания зашла так далеко, что спонтанно сообщила ему, что тот человек, который вошел последним и сидел рядом со своим мать была большевисткой-да, Марк Стейтс был большевистом.

Фраза, которую Колин медитировал всю ночь, может быть произносить. - Может быть, я дурак и еще то и еще то, - сказал он он с аффектом смирения, маскирующим самонадеянность удовлетворенность собой тем, что он считал

совершенно необычное качество его пошлости; - я могу быть невежественным и невоспитанный. Но по крайней мере - (изменил свою мелодию, чувствуя гордость за признавая себя уникальным в своей посредственности), - по крайней мере, я знать… да, я знаю, что хорошо. Я имею в виду, что я знаю, как отличить джентльмен. - Хорошо подчеркнула слова, чтобы придать им легкий тон, комичность и таким образом доказать, что у него было чувство “юмора”. Серьезно, чем если бы я принимала это всерьез-вот одна из вещей, которая не очень хорошо смотрелась. Эта черта юморизм оказался сильнее, чем мог бы сделать любой выразительное выражение, любой эмоциональный страх голоса, который он действительно принял эти вещи серьезно, как вы должны принять уникальный “джентльмен” в вашем посредственность. И, конечно же, Джойс это понимала. Она бросила ему взгляд полон уважения и прижал ее руку к его.

Танцуй, танцуй… О, если бы только, подумала Елена, мы могли бы продолжайте танцевать вечно! Если бы нам не пришлось использовать время делать другие вещи! Неправильные вещи, вещи, в большинстве дела, идиоты, вещи, о которых мы, сделав их, пожалели, что у нас есть есть. Танцуя, она теряла свою жизнь, чтобы спасти ее; она теряла свою личность и она становилась чем-то большим, чем она сама; она теряла свои недоумения и ненависть от себя, чтобы войти в наслаждение яркой и гармоничной уверенностью; он терял свои моральные недостатки и становился совершенным; он терял печали прошлого, опасения по поводу будущего и вошел в вечный дар счастья дополнять. Она, которая не умела рисовать, которая не умела писать, которая не умела, даже, спев арию, она становилась, танцуя, артисткой; нет, больше она стала богом, создателем нового неба и Новая Земля, создатель, который радовался своему творению и

считал его хорошим.

- Да, сэр, эта малышка моя. Нет, сэр…! - Джерри прекратил внезапно напевать. - Вчера вечером я выиграл шестьдесят фунтов в покере, — сказать. - Неплохо, да?

Она улыбнулась ему, соглашаясь на знак головы, молча и встал. Плохо, плохо-что в мире может быть плохо в этом чудесный момент?

— И я не могу выразить вам, — говорил Стейт, - сильное удовольствие, которое я чувствую, что пишу эти объявления. - Мышцы вашего лица работали как будто для анатомической демонстрации. - Объявления, которые относятся к неприятному запаху изо рта и неприятным запахам тела.

- Отвратительно! - с мурашками воскликнула Миссис Эмберли.

- Отвратительно! Среди конвенций викторианской эпохи есть только один, что я ценю; и это именно тот, который запрещает нам говорить о таких вещах.

- Потому что именно в этом и заключается удовольствие говорить о них, - сказал он Staithes, сжимая мышцы в сияющей улыбке. - В принуждении существ люди полностью осознают свою тошноту и чужую тошноту. В этом и заключается красота этого вида рекламы. Как это открывает им глаза сознания.

- Заставляя их покупать, - пошутил Энтони. - Забывает о прибыль.

Стейтс пожал плечами. - Прибыль-это простой инцидент, — сказать. И это было очевидно, как размышлял Энтони, наблюдая за ним, это было очевидно что человек говорил правду. Для него прибыль была простой инцидент. - Отменить конвенцию, защищающую их, - продолжил он, возвращаясь-если для Мэри, то в этом и заключается настоящее наслаждение. Оставить их без защиты против полного осознания того факта, что они не могут обойтись без своих и, находясь в их компании, они испытывают тошноту.

Глава XIX - 8 декабря 1926 г.

Выйдя из салона на цыпочках, Хью Ледвидж надеялся, что сможет наслаждаясь прохладой от небольшого одиночества; но вскоре он пришел к тщету лестницу удивили Джойс и Колин. И тогда он показал ему, что У Колина было большое любопытство к аборигенам, было много время, которое я хотел поговорить с профессиональным этнологом о своих переживаниях по поводу “шикара”. Почти полчаса он пришлось продолжать слушать, пока мальчик открывал кран ерунды и незнание Индии и Уганды. Его подавляла огромная усталость. Его единственный желание было убежать, увидеть себя свободным от этого дома попугаев и условно-досрочного освобождения глупо, чтобы вернуться в уют восхитительной тишины и книги.

Ведь они, слава Богу, оставили его и его, затаив дыхание, он вернулся к заключительному порядку прощания. Эта церемония прощания в конец приема был одной из вещей, которые Хью наиболее интенсивно ненавидеть. Придется еще раз подвергнуться личному контакту, быть обязанным, устал и устал от одиночества, как будто я был, катался и разговаривал без ничего не говори и еще раз репетируй лицемерие — какая это была ненавистная вещь это! Особенно в отношении Мэри Эмберли. Были ночи, когда женщина не хотела, ни за что, чтобы визиты оставили ее, но схватила-если к ним, как будто он тонет. Вопросы, доверие, обсуждения шероховатость вокруг любви такого-то или бельтрано — все, предлог для задержите их еще на несколько минут. Создавалось впечатление, что видел в матче после каждого гостя смерть фрагмента его собственного существа. Он почувствовал напряжение в своем сердце, когда он прошел через комнату к ней. - Чертова женщина! - я думал и положительно ненавидел ее. Я ненавидел ее., кроме того, по другим причинам, потому что Елена все еще танцевал с этим воспитан конюхом; а теперь еще больше, с новым доступом к зло, из-за того, что он внезапно обнаружил, сквозь туман его слабый вид, что Стейт и тот Бивис сидели рядом с ней. Все его безумные мысли о возможном сговоре привели его к дух. Они говорили о нем, о нем на учениях по делам. от огня, от него на футбольном поле, от него, когда ему бросили тапочки. над табиком в вашей комнате. Он пришел к мысли, на мгновение, отступить. и выйти из дома, не попрощавшись. Но они уже видели его и должны были понять. причина побега, и, конечно же, они будут смеяться до щек. Восстановил здравый смысл, все это было просто абсурдом, не было план ранее не был спроектирован. Как мог быть план? Е,

даже если Бивис вспомнил, какая у него была причина говорить о похожая вещь? Но в любом случае все же… Усаживать ручки на флангах Хью Ледвидж решительно двинулся навстречу чувствуется засада.

К его огромному облегчению, Мэри Эмберли отпустила его почти без протеста.

- Вы уходите, Хью? Так скоро? И все. Она казалась абстрактной, она казалась думать о чем-то другом.

Беппо шипел что-нибудь доброе; Стейт просто пошевелил головой; и затем настала очередь Бивиса. Это была бы твоя улыбка, какой бы она ни казалась — смутно и условно дружелюбная улыбка? Или содержал чувства скрытые, скрывали ли вы насмешливые воспоминания о прошлых позорах? Хью покатился на пятках и поспешно удалился. Почему водные нагрузки — если бы он был человеком на таких глупых встречах? Е, что было хуже, я продолжал идти снова и снова, зная, что они были крайне неинтересные и скучные.

Марк Стейтс повернулся к Энтони. - Вам хорошо напоминают кто это? — спросить.

- Кто? Ледвидж? Что у него особенного?

Стейтс объяснил.

- Гогглер! - вспомнил Энтони, смеясь. - Естественно, что я помню! Бедный Гогглер! Как мы с ним поступили!

— И поэтому я всегда делал вид, что не знаю, кто он, —сказал он. Staithes; и улыбнулся этой анатомической улыбкой жалости и презрения.

- Думаю, это будет благотворительный акт с вашей стороны, - добавил он, - если вы бы сделали то же самое. - Защита Хью Ледвиджа предоставила ему настоящее удовольствие.

Крайне неинтересные и скучные-да и унизительные, Хью думал, что они тоже унизительны. Ибо всегда было определенное унижение. Улыбающийся Бивис; Джерри Уотчетт, как наглый слуга…

За ним на лестнице раздался шум поспешных ног. — Хью! Хью! - Вздрогнул, как будто его что-то обвинило, и повернулся. — В что вы так убегали, не попрощавшись со мной?

Пытаясь пошутить, сказал он, одновременно моргнув глазом Елена, через очки. - Ты выглядела такой занятой. — Затем он умер в внезапном изумлении, которое было почти в ужасе.

Она стояла на лестнице, на три ступеньки выше него, одной рукой на перилах пальцы другой широко открыты к противоположной стене, наклонившись вперед, как птица, готовая совершить полет. Но что это случилось с ней, какое чудо? Это румяное лицо, которое висело над казалось, он отражает внутреннее сияние. Это была не Елена, а любая

сверхъестественное существо. В присутствии этой внеземной красоты он покраснел от неблагородная непоследовательность того, что она пошутила, что она приняла это так., лукаво.

- Занята? - она повторила. - Но я просто танцевала. - И это было как будто наивный и бессознательный Моисей сказал своим израильтянам ослепленный: - я просто разговаривал с Иеговой. - Вы не у меня была причина. - она продолжила. Затем быстро, как будто новая идея и и вдруг ей стало любопытно, добавила она, уже в другом тоне: - или это будет ты был раздражен мной по какой-то причине?

Он начал с негативного покачивания головой; но потом размышлял, он чувствовал себя вынужденным попытаться немного объяснить. Скучно, собственно, нет, — отличился, - просто… просто немного необщительно.

Сияние, которое освещало ее лицо, казалось, превратилось в интенсивное и мерцающее пламя. Необщительный! Это было действительно изысканной грацией. Танец сделал ее совершенной, превратил для нее землю в небо. Идея что кто-то может быть (абсурдное слово!) необщительный, что кто-то может чувствовать все, что не было переполненной любовью ко всем и ко всему, на подобную идею она не могла удержаться от смеха.

- Ты смешной, Хью!

- Очень приятно слышать, что ты так думаешь. - Том был чьим я был обижен. Он повернул голову.

Шелест в ее платье шелестел. Он почувствовал на щеках свежесть легкий ароматный ветерок. Уже сейчас это была всего лишь одна ступенька, которая отделяла ее его; лучше: это приблизило ее к нему. - Обиделся, потому что я сказал, что ты был смешным? - спросила она.

Он снова поднял глаза и дал с ее лицом на том же уровне своего. Успокоенный этим выражением истинной заботы, он он ответил головой, что нет.

— Я не хотела говорить “смешно” в плохом смысле, — объяснила она. — Я хотел сказать… Да ведь знаешь; приятно, нежно, очаровательно смешно. Смешно, но любовь.

В угрожающе личных обстоятельствах gaiatice составляет безопасная защита. Улыбаясь, Хью поднес правую руку к сердцу. - Je suis pénétré de reconessance, - это то, что он собирался сказать в качестве благодарности за эта “одна любовь”. Галантный тон, геройско-комический жест сопровождали немедленно и автоматически ваши слова. - Je suis pénétré…

Но Елена не дала ему времени постоять за себя Дикс-уайтьемская шутка. Как только она произнесла эти слова, она уже произнесла руки на его плечи и поцеловал его в рот.

На мгновение он почувствовал себя почти уничтоженным удивлением, растерянностью и

своего рода удушающая, хаотичная радость.

Елена немного отступила и созерцала его. его бледность была крайней, как если бы я видел призрака. Она улыбнулась-потому что теперь он был более смешно, как никогда, - потом наклонилась и снова поцеловала его.

В первый раз она поцеловала его в результате полноты жизни, которая я чувствовал себя совершенным в идеальном мире. Но лицо изумленный, что он сделал, был такой комичности, что, увидев ее, Елена почувствовала эту полноту совершенной жизни, как будто она превратилась в что-то вроде прихоти, злобы и разврата. Второй раз он целовался, чтобы повеселиться, чтобы повеселиться и в то же время любопытство. Это был эксперимент, сделанный в духе научных исследований радостный. Она была вивисекционисткой, выпускницей совершенства, оправданной для

счастья, кроме того, у Хью был необычайно сильный рот красивый. Она никогда раньше не целовала такие полные и мягкие губы. А опыт заставил ее вибрировать от удовольствия. Речь шла не только о желании увидеть, с научной точки зрения, что абсурдное существо будет делать дальше; но хотел также снова почувствовать против рта это холодное давление, испытывая этот странный зуд удовольствия, эту вибрацию, эту щекотка, которая, отрываясь от губ, тянулась легко и почти невыносимо, как укусы насекомых, по всей поверхности их тела.

- Это было так мило с вашей стороны, чтобы дать себе все эти неприятности, - сказал он оправдание для второго поцелуя. Укусы возвращались еще один раз, восхитительно и как бы электрический Тремор вибрирующих крыльев ему трясет грудь. - Дать себе все эти неприятности для моего образования…

- Хелена! - это все, что он мог шептать; и, прежде чем он успел размышляя, он обнял ее и поцеловал.

В третий раз его рот и эти укусы насекомых бросаются к нему. длинная кожа… Но, о, как быстро он целовался!

- Хелена! - он повторял.

Они посмотрели друг на друга; и теперь, когда у него было время подумать, Хью увидел себя сразу же взят из ужасного смущения. Руки, которые держали тело Елены, он украдкой уронил их. Я не знал, что ему сказать., или раньше, я знал, но не мог найти способ сделать это. Его сердце билось с болезненное насилие. - Я люблю ее, я хочу ее — - кричал он, положительно кричит, за этой тишиной, полной смущения, Но он не произнес ни слова. Улыбнись ей с несколько глупым видом, и он опустил глаза-глаза, и вдруг подумал, что они должны быть отвратительные, как рыбьи глаза, сквозь толстые линзы ваших очков.

- Как он смешной! - думала Елена. Но больше не смейтесь; гаснет научный смех. Застенчивость была заразительной. Чтобы положить конец

неловкая ситуация, она сказала: - Я собираюсь прочитать все эти книги. И теперь напоминает мне; Ты должен дать мне список.

Благодарен ей за то, что она предоставила ей вопрос, по которому это было возможно говоря, он снова посмотрел на нее-но только

на мгновение, потому что это не его это позволяло больше напоминать о самом аспекте этих рыбьих глаз гнилой, из этих очков. И сказал: - я ее завершу, заполню пробелы а потом пошлю. - Потом, через секунду или две, вы заметили, что, в своей непредсказуемости он исчерпал простым предложением эту тему бесценно безличный из книг. И возвращалась тишина, настойчивая,, мучительно. Наконец, в отчаянии, потому что больше нечего было сказать., решил пожелать спокойной ночи. Попытка придать голосу множество нюансов она сказала: - Спокойной ночи, Елена. - Он хотел сказать, в этих словах красноречие всей речи. Но она услышит это красноречие, достигнет ли он и поймет глубины своего неявного смысла? Он поклонился и снова поцеловал ее, быстро, очень легко-поцелуй нежная и уважительная преданность.

Но Елены он не считал. Смущение, которое принесло ему на мгновение совершенство doidivanas испарилось при контакте из его уст; там снова была хихикающая вивисекционистка.

-Поцелуй меня еще раз, Хью, - сказала она. И когда он подчинился, она он не хотел отпускать его: он прикреплял его рот к своему, секунду за секундой…

Шум голосов и музыка внезапно усилились. Кто-то открыл дверь в комнату.

- Спокойной ночи, Хью, - прошептала она ему на губы; потом он отпустил его и пошел, бегая, по ступенькам, по два на два.

Сопровождая ее глазами, когда она поспешно покинула комнату чтобы пожелать Ледвиджу Спокойной ночи, Джерри улыбнулся вам самодовольно. Розовое лицо; мерцающие глаза. Как будто у меня есть выпил бутылку шампанского. Абсолютно преображен с танец. Было приятно, когда они так теряли голову; когда они теряли ее таким образом, восторженно, приятно, полностью. Никаких носков измерять. Бросая все это в окно, так сказать. Большинство из них маленькие были чертов скряга и расчетливы. Они просто потеряли голову. и они тщательно откладывали вторую половину, чтобы возмущенная девственница. Какие-то гадкие кошечки. Но с Хеленой мы он чувствовал, что машина скоро заберет упаковку. И когда-то безудержная, она не я хотел знать, что было на пути. И ему понравилась игрушка, нет только потому, что он надеялся воспользоваться потерянной головой, но также бескорыстно, потому что не мог не восхищаться этим видом люди, которые позволяли лодке бежать и не обращали

внимания на последствия.

В таких людях было что-то прекрасное, щедрое, решительное. Он так было и тогда, когда я мог позволить себе такую роскошь. Небольшое волокно: вот оно кем она была. И преимущества темперамента — - думал он, с интимным удовлетворением, когда сзади они внезапно ударили его по рука, заставляя его вздрогнуть. Его удивление стало, почти мгновенно, в холере. Не было ничего, что он ненавидел больше, чем прикоснуться к нему так, чтобы он не был предупрежден, не имея возможности защитить себя. Он ярко повернулся и увидел, что человек, который прикоснулся к нему, был Мэри Эмберли, стремился восстановить выражение лица. Напрасно; эти глаза обиженные и полные резкости предавали ему улыбку.

Мэри, со своей стороны, также очень разозлилась, заметив признаки неприятность. - Я хочу поговорить с тобой, Джерри — - сказал он голосом, который она старалась всегда оставаться такой же и лишенной всяких эмоций, но он, однако, дрожал, несмотря на все свои усилия.

- Богоматерь! - подумал он с вами; - а вот и сцена! — быть он испытал огромную ярость от этой скучной женщины.

- Иди и говори, - сказал он вслух; и с оскорбительным видом незаинтересованность, вытащил из кармана свой портсигар, открыл и протянул ему.

- Не здесь, - сказала она.

Джерри сделал вид, что не понимает ее. - И жаль; я думал, что ты не я возражал против того, чтобы мы курили здесь.

- Глупо! - Сказала она во время вспышки холеры. После, схватив его за рукав, приказал: - иди сюда! - и забрал его, почти тащили к двери.

Поднявшись по лестнице, Елена прибыла вовремя, чтобы увидеть свою мать и Джерри направляется на верхние этажи дома.

- Мне нужно искать другого, с которым я танцую, — это все, что она сделала. думал; и через мгновение я встретил маленького Питера Куинна, с которым я снова уезжал в рай.

- Бродячий разговор! - сказал Энтони, пока хозяйка дома он выходил из комнаты вместе с Джерри Уотчеттом. - Я был далеко от представьте, что Джерри был нынешним хранителем…

Беппо подтвердил. Бедная Мэри! — вздыхать.

- Наоборот, - сказал Стейтс, - богатая Мэри! - Бедная, она будет больше поздно.

И ничего нельзя сделать, чтобы исправить это? - спросил Энтони.

- Она будет злиться на любого, кто его соблазнит.

Энтони покачал головой. - Эти склонности, эти страсти отвратительные! Они как пение кукушки в августе. С плачущими

должники в октябре.

— Также со мной у нее уже проявился симптом страсти, - сказала она Стейт. Это было сразу после того, как я впервые встретил ее. Но Я исцелил ее вскоре. Именно тогда появился этот хулиган Уотчетта.

- Интересно, как ведут себя эти аристократы! — Сказать Энтони тоном научного энтузиазма.

Угрюмое лицо Стейтса сморщилось от презрения. — Это не что иное, как вульгарный и грубый" гангстер". - сказал - Не могу представьте, как вы пережили его в Оксфорде. - Но что, без сомнения, он действительно воображал, что Энтони перенес его просто из-за раболепия и лести.

- Только за снобизм, - спокойно признался Энтони, таким образом, вдвое меньше удовольствия другого. - А потом кое-что, где я настаиваю на том, что люди бренда Джерри составляют неотъемлемую часть каждого и любое либеральное образование. В нем действительно было что-то великолепный, когда он был богат. Некоторая бескорыстная и бескорыстная суета. Теперь… - Поднял руку и снова уронил. - Не что иное, как "гангстер" - вы совершенно правы. Но в этом и заключается увлекательная сторона вещь-легкость, с которой аристократы превращаются в "гангстеров". Очень понятно, если хорошо подумать об этом деле. Вот человек, который он был воспитан, чтобы верить, что у него есть божественное право на лучшее в люди. И пока он

удовлетворяет свои права, все не что иное, как noblesse обязывает и, честь, и что еще может быть. Неразрывно слиты наглость уже видна, но действительно на своем месте. Теперь мы подавляем-его доход, и самые странные вещи в этом мире, вероятно, случиться. Провидение решило, что у него есть лучшее в мире, и он решил, что у него есть средства, чтобы получить пусть будет лучше в мире, когда эти средства больше не будут они законно подходят, Провидение оправдывает, что он их получает незаконно. В другой раз наш Джерри мог бы сдаться бандитизм или Симония. Это дало бы замечательный" кондотьер", кардинал почти идеально. Сегодня церковь и армия слишком Уважаемы, слишком профессионально. Нет места любителям. Дворянин таким образом, обнищавший оказывается вынужденным жить за счет сделок. Продажа автомобиль. Занимаюсь брокерскими операциями с государственными фондами и акциями. Содействовать сомнительные компании. Все это, естественно, сопровождается разумная проституция его коипо. Если ему посчастливилось родиться с дар многословия, может зарабатывать на жизнь, практикуя самые полированные формы от вымогательства и сикофантизма-как писец из альковиц. Благородство обязывает; но бедность тоже. И когда они оба обязывают

одновременно-Итак, мы, средний класс, что у нас есть лучше всего сделать это-начать считать серебро и застегнуть пиджак. Вместо этого… — Пожал плечами. бедная Мэри.

В спальне, на верхнем этаже, непрекращающийся поток упреки и оскорбления Мэри. Джерри даже не смотрел на нее. В повернувшись лицом, он, казалось, был поглощен созерцанием паскино, повешенного выше калорифера. На картине изображены две женщины, лежащие в усилия, в постели, голые.

- Мне нравится эта картина, - сказал он с нарочитой беззаботностью, когда миссис Эмберли сделала передышку. Видно, что человек, который его нарисовал, только что вступил в любовные отношения с эти маленькие. Со всеми двумя. В то же время, - добавил он.

Мэри Эмберли побледнела, как воск; ее губы дрожали, ее ноздри качались, как будто они жили отдельной жизнью, и неудержимый.

- Ты меня даже не слушал, - крикнул он. О, ты отвратительно, ты ужасен! - И снова начался поток, более яростный, чем что никогда.

Все еще повернувшись к ней спиной, Джерри продолжал смотреть на обнаженные тела Паскино; наконец, выпустив в воздух последний глоток дыма, выстрелил кончик его сигареты на плите и повернулся.

— Когда вы закончите, мы также можем лечь спать, — сказал усталым голосом. И после небольшой паузы добавил, когда она, не в силах говорить, сердито смотрела на него: - потому что это то, что вы действительно этого хотите. - И, улыбаясь, иронично, прошел через комнату в к ней. Подойдя ближе, он остановился и протянул ему руки, жестом приглашаем. Это были большие руки, которые он сохранил нетронутыми, но грубые, бесчувственные, жестокие. - Ужасные руки, - подумала Мэри. посмотри на них, - ненавистные руки!

Тем более ненавистны теперь, потому что это было именно по злу и жестокость этих рук, которые она почувствовала в первый раз, все еще в то же время он был постыдным, несмотря на то, что все причины, по которым я их ненавидел. - Тогда? вы не придете? — спросить он в том же голосе между скучным и насмешливым.

Ответом было упоминание о пощечине. Он, тем не менее, слегка схватил его рука все еще движется в воздухе, и когда она стремилась помочь себе другой с той же целью он схватил и эту. И она оказалась инерме в своих коготь.

Всегда улыбаясь ей и не говоря ни слова, он отталкивал ее назад.,

шаг за шагом, в направлении кровати.

- Брутто! - она продолжала повторять, — брутто! и напрасно воевал в в то же время я испытывал темное удовольствие, чувствуя себя таким беспомощным. Он толкнул ее к концу низкого дивана, все больше и больше, неумолимо, пока, в конце концов, не потеряв равновесие, она не упала назад, на goderim — (упал назад, в то время как он, с коленом на краю ложа, сгорбилась над ней, улыбаясь все той же насмешливой улыбкой). Брутто, брутто! - Но на самом деле, как она тайно и с вами сама признавалась-и постыдное осознание этого опьяняло-в правда, она действительно хотела, чтобы с ней обращались так, как он

относился к ней — как проститутка, как животное: и, более того, в собственном доме, с все ее гости ждут ее, и дверь отперта, и ее дочери задаваясь вопросом, где она, может быть, поднимаясь по лестнице в этом самое время искать ее. Да, она действительно этого хотела. Бороться тем не менее, он сдался доказательствам, прямой физической интуиции, что эта деградация невыносимое было исполнением старого желания, это было откровение чудесным, в то же время ужасным был апокалипсис, весь Апокалипсис сразу, Ангел и зверь-зверь, чума, агнец и блудница в едином божественном, отвратительном, сокрушительном опыте…

Есть, — говорил Энтони, - определенная корреляция между цивилизацией и сексуализм. Чем дальше он идет, тем интенсивнее будет этот.

- Признаюсь, - сказал Беппо, шипя от удовольствия, - мы должны быть цивилизованные!

- Цивилизация означает пищу и литературу в самом широком смысле смысл. Стейки и художественные журналы для всех. Белки первого класса для тела, любовные истории четвертого класса для духа. И это в безопасная городская среда, где нет ни рисков, ни физической усталости. Нума такой город, например, может жить годами, не будучи, даже в курсе существования этой вещи, которая называется природой. Все сделано и для человека, пунктуально, удобно, комфортабельно. Но люди в конечном итоге получают достаточно удобства и комфорт; они хотят вибрации, они хотят рисков, они хотят сюрпризов. Где это что они найдут в нашей организации? На охоте за деньгами в политика, случайная война, спорт и, наконец, секс но в его большинство людей не могут быть ни спекулянтами, ни воинственными политиками; и война-это то, что, будучи слишком хорошим, уже становится плохим; и более изысканные и рискованные виды спорта предназначены только для богатых. В так что остается только секс. По мере роста материальной цивилизации, так растет интенсивность и важность сексуализма. Иметь

что расти неизбежно. И так как в то же время еда и литература увеличила сумму пригодных для использования аппетитов… - Сжал плечи и добавил: - А что видишь!

Беппо был в восторге. - У вас есть объяснение всему, — воскликнуть. - Tout comprendre, cest tout pardonner. - Я был рад,

что в аргументе Энтони не только оправдание, но и полная снисходительность для всех (ибо Беппо довел свой альтруизм до точки желать, чтобы все были так же счастливы, как и он) для всех, а также для все, для всех вещей, от этих восторженных таверн Тулона даже те шлюхи в сапогах (для него, следовательно, решительно нет) Курфюрстендамм.

Стейтс ничего не говорил. Я думал, что если социальный прогресс уменьшится к большему числу, тогда, тогда…

- Помните замечание доктора Джонсона? - началось, от новый, Энтони с определенным возвышением в голосе. Это замечание поразило его внезапно, как неожиданный подарок, который память сделала его разуму. речь идет о том, чтобы обогатить мысль в ее форме, чтобы завершить аргумент и расширить его объем. Его голос был отражением внезапное удовольствие, которое принес ему его триумф. - Как это на самом деле? Ах, таким образом: “редко деятельность человека бывает такой невинной, как когда он занимается зарабатыванием денег.“Вроде этого. Восхитительно! — Быть он рассмеялся.- Невинность тех, кто пронзает лицо бедные, но воздерживаются от защемления задницы жены ближнего! А невинность Форда, невинность Рокфеллера! Девятнадцатый век был Век невинности - такого рода невинность. И результат в том, что мы мы сейчас почти в состоянии сказать, что редко, деятельность одного человек так же невинен, как когда он развлекается в любовных отношениях.

Была тишина. Стейтс проконсультировался со своими часами. - Пришло время паническое бегство, - сказал он. - Но вопрос, - соединил ее, повернувшись в свою стул, чтобы исследовать комнату, вопрос в том, чтобы попрощаться с хозяйкой комната.

Они встали и, когда Беппо поспешил поздороваться два молодых человека из их отношений, которые нашли друг друга через комнату, Стейтс и Энтони направились к двери.

— Вот в чем вопрос, — повторял далее Стейтс, - вот в чем вопрос… Тем временем, когда они добрались до лестничного пролета, они встретили миссис Эмберли и Джерри, вы спустились.

- Мы искали тебя, - сказал Энтони. - Для нас уволить.

- Так скоро? - воскликнула Мэри, внезапно застрявшая в тревоге.

Но они стояли на своем. Через две минуты все три, Стейтс, Джерри Уотчетт и Энтони вместе шли по улице.

Это Джерри нарушил молчание. - О, эти ужасные старухи, — сказал, качая головой, между задумчивым и злобным. Потом веселее:

Как насчет покерной вечеринки? подсказывать. Энтони, однако, не знал играть в “покер” и Марк Стейтс не желал. Поэтому он имел, что если идти в одиночку в поисках самой достойной компании.

- Ну, наконец-то, - сказал Марк. - Что, если бы мы сейчас прошли час в моей квартире?

Это была самая важная вещь-я думал и чувствовал, что это Flugh Ледвидж по дороге домой - самое главное, а также самое необычное, самое удивительное, что когда-либо случалось с ним. Столь красивая, такая молодая. - Такая элегантная в своей стройности. (Если бы только она если бы вы бросили ее в Темзу и спасли бы ее! - Хелена! Мой бедная девочка! — А она, бормоча, благодарна: - Хью! Хью…) Но, даже без самоубийства это было довольно удивительно. Два рта склеены, ее губы против его губ. О, почему я не показал больше мужество, больше присутствия духа? Все, что я мог бы сказать, жесты, которые я должен был сделать! В каком-то смысле было бы лучше вел себя так, как вел себя-глупо, застенчиво, неумело. Лучше, потому что это было еще одним доказательством того, что она заинтересовалась для него; потому что это придавало больше ценности ее отношению, такому молодому, такому чистому — и все же спонтанно, без его принуждения, и несмотря даже на почти сопротивление с его стороны, она спустилась на несколько ступеньки, положила руки ему на плечи, поцеловала, поцеловала, несмотря ни на что

- повторял он себе, с своего рода триумфом и в то же время изумление, чувства, к которым странно присоединялись стыд и убежденность в слабости и тщетности. Несмотря ни на что. Non piú andrai, он ходил с собой, тихо, пока шел, а потом, как будто влажная лондонская ночь была весенним утром на дюнах, сломалась в однозначном углу.

Delle belle turbando il riposo,

Нарциссетто, Адончино д’Амор…

Вернувшись домой, он сразу же сел за свой стол и начал написать

ему.

“Елена, Елена… Если я слишком много повторяю слоги, они теряют смысл, они сводятся к простому шуму в моей тихой комнате, и это бессмысленно.

это станет ужасным. Но когда я утверждаю имя, только два или три иногда очень тихо он становится богатым и полным смысла! В сопровождении Эхо, резонансы и воспоминания. Воспоминания, не так много, для меня, Елены греческий оригинал. Это, я не могу ее почувствовать, представить, иначе, кроме как зрелая женщина-никогда иначе, кроме как в браке с Менелай и убегает с Парижем. Никогда так, действительно молодой, как ты - цветок элегантности, цветок совершенства. Нет, Елена, которая представляет меня в глазах воображения это больше Елена По, когда я произносю это имя. Красота, которая возвращает путешественника на его родной пляж, на его землю родной. Не этой явной земной родине страстей. Нет; но к этому другому Родина, более редкая, более красивая, более далекая, за пределами и выше страстей. Сверх и выше, и, тем не менее, подразумевая, включая страсти, многое, хотя и трансцендентный.

Это было длинное письмо; но, выбегая, он прибыл еще вовремя, чтобы забрать почту в полночь. Чувство триумфа, с которым я возвращался., во второй раз дом был почти абсолютной чистоты. Прибыл, для одного момент, чтобы забыть его застенчивость, ” его унизительная трусость, только приходя к нему осознание возвышенной силы, о которой он оживился, когда писал свою письмо. В состоянии возвышения намного выше своего обычного “я”, забыл-если, когда она раздевается, она хранит свою стропу в ящике для хранения, так что г-жа. Бринтон не видел ее, когда входил в ее комнату рано утром, чтобы она принеси чай. Уже в постели, он долго раскалывался, думал, нежно, отцовски, поэтично, думать и в то же время желать. Но это было такое колеблющееся желание, такое слабое и такое мягкое, что смазывающая способность он принял пропорции молитвы. Он думал о совершенной молодости Елена, в хрупкости ее стройности, в ее невинности, мягкой и нежной невинность, и в этих неожиданных, в этих необыкновенных поцелуях.

Глава XX - 8 декабря 1926 г.

Марк жил в грязном доме, недалеко от Фулхэм-Роуд. Комната темный коричневый кирпич с терракотовыми орнаментами. Внутри линолеум с рисунки; красные ковры Аксминстера; на стенах расписная бумага охра и украшенный букетами Васильков, соусами из зелени и роз малиновые; стулья и столы из копченого дуба; шторы Репс; бамбуковые подставки, увенчанные мелкой синей эмалью. Отвратительность — размышлял Энтони — это было так полно, так абсолютно без лекарств, что это можно было объяснить только как преднамеренное. Марк должен был выбрать цель самое уродливое место, которое он мог найти. Чтобы наказать себя, без сомнение-но наказать себя за что, в чем вина?

- Пиво?

Энтони согласился с жестом.

Другой открыл бутылку и наполнил Ата только КАПО; что касается него, то нет пить.

- Ты все еще играешь, насколько я вижу, - сказал Энтони, указывая на направление фортепиано.

- Немного, - согласился Марк. - Это утешение.

Например, “Страсти по Матфею” или “Hammerklavier Соната”, были человеческие авторы были источником надежда. Считалось, что человечество может в один прекрасный день и в любой режим стал немного больше похож на Иоганна Себастьяна. Бах. Если не было ничего сказка “хорошо Темперированная гвоздика”, по какой причине мы бы помолчали с желанием трансформации революционер?

- Превратить банальное человечество в банальное человечество немного иначе-если это все, что может сделать революция, то отъезд не стоит потраченного впустую времени.

Энтони возразил. Для социолога это было самым увлекательным из всех игра.

- Для социолога, как зрителя или как игрока?

- Как зритель, естественно.

Зрелище неизмеримой комичности в том, что он должен был гротеск и, кроме того, бесконечного разнообразия. Исследуя, однако, больше с близкого расстояния можно было бы

обнаружить единообразия при разнообразии, правила и неизменны для бесконечно меняющейся игры.

- Революция, чтобы превратить одно банальное человечество в другое. разнообразие банальной человечности. Вы находите это ужасающим. Но это

именно этого я и хотел, чтобы годы, которые у меня остались, остались в жизни. позвольте мне увидеть. Теория подвергается испытанию на практике. Обнаружить, после катастрофической реформы всех вещей, тех же и старых единообразия, возрождающиеся и навязывающиеся немного по-другому

- я не могу представить ничего более удовлетворительного. Как будто мы делаем вывод логично, что существует новая планета, а затем мы обнаружили ее середина телескопа. Что касается того, что производится больше Себастьяна Бахса…

- Он пожал плечами. —Вы смогли также представить а революция увеличивает число сиамских братьев.

В этом было главное различие между литературой и жизнью. В книгах, соотношение между исключительными и вульгарными людьми велико; в жизни по-настоящему, она очень невысокая.

- Книги-опиум, - сказал Марк.

— Именно. И вот почему сомнительно, что такая вещь существует так называемая Пролетарская литература. Сами пролетарские книги имеют дело с исключительные пролетарии. И внешние пролетарии столь же пролетарские, как исключительные буржуа-буржуа. Жизнь настолько вульгарна, что литература должна понимать исключительное. Исключительный талант, сила, положение социальное, исключительное богатство. Отсюда эти вымышленные гении, эти проводники народы и герцоги и миллионеры. Люди полностью обусловлены по обстоятельствам-мы можем безмерно сожалеть о ситуации, в которой они находят; но мы не можем найти их жизнь слишком драматичной. Драма это начинается только там, где есть свобода выбора. И свобода выбора только это начинается, когда социальные или психологические условия являются исключительными. Вот здесь потому что жители художественной литературы всегда были завербованы в страницы Who ‘ s Who.

— Но тогда, вы думаете, на самом деле, что люди денег, или мощные, они свободны?

- Более свободные, чем бедные, в любом случае. Менее тщательно обусловлены материей и чужой волей.

Марк покачал головой. - И что ты не знаешь моего отца, - сказал он. — Как и мои братские репелленты.

Энтони вспомнил, что в Булстроуде он всегда говорил: - мой старик говорит… или мой брат из Кембриджа…

- Вся гнусная раса Стаитов, - продолжил Марк. Описал Staithes, который был тогда главой рыцарей Ордена S .Мигель и С. Хорхе и постоянный заместитель секретаря. Доволен, как прыгун, всем это, и безмятежно синций его выдающихся заслуг, поклоняясь за то, что ты такой великий человек.

- Как будто есть какие-то реальные трудности, чтобы добраться туда, где он

он здесь! Что-то почетное, по крайней мере, в мелком завоевании этого вида! - Марк поморщился от презрения и отвращения. — Иметь-если на счету чудо!

А что касается других Staitheses, Staitheses нового поколения-эти они тоже думали, что это чудеса. Был один из них в Дели, героически занят тиранизацией туземцев, которые не могли защитить себя. И другой был на бирже в откровенном процветании. Процветание в чем? как что? Как умный исследователь невежества, жадности и безумия игроки и скряга. И как венец всего этого, человек все еще он гордился тем, что был экспертом в галантерии, профессиональным Дон Жуаном.

(Почему бы не иметь бедному дьяволу право немного повеселиться? Вот что Энтони, пока он чучел свое пиво, не мог понять.)

Мальчик, как и все остальные! Собака, как и другие! Течка между суками - какой триумф!

- И это те, кого вы называете свободными, - заключил Марк. - Но как может ли альпинист быть свободным, если он прикреплен к своей лестнице?

- Но социальные лестницы, - возразил Энтони, - становятся все больше по мере восхождения они расширяются. Внизу едва ли можно встать на ноги. В наверху ступени имеют ширину двадцать ярдов.

- Ну, может быть, это более широкий окунь, чем у одного сотрудник банка, - признался Стейтс. - Но он не достаточно широк для меня. Ни достаточно высоко; и что важнее всего-это не совсем чисто.

Гнев, с которым они остались, когда он поступил на военную службу, во время войны, как простой солдат! Они думали, что он собирается унизить семью. Невозможно понимание того, что, как только можно было выбирать, было более достойным выбирать по званию рядового, чем по званию лейтенанта Генерального штаба.

- Экскременты до глубины души, - сказал он. - Повезло, что нет у них могут быть только фекальные идеи и мысли. Они испражняются через мозг. Е, прежде всего, они не могут представить себе, что кто-то думает иначе. О кала обращается к фекалиям; и когда человек отвечает некалом, то к путаница полная.

И когда война закончилась, я уже ждал его, готовый к нему занять, как только он был демобилизован, ту работу, которую имел его отец так много работы, чтобы получить его в городе-не меньше, чем с Лазарусом и Кольт! Работа с почти безграничными будущими возможностями для молодого человека умный и активный-для Staithes, одним словом. - Доход от пять цифр, когда тебе будет пятьсот лет, - настаивал твой отец почти на лиризм, в конечном итоге по-настоящему обиженный и обиженный смертельно, в ярости наконец, когда Марк ответил, что у него нет намерение принять это.

- Но почему бы и нет? - настойчиво спрашивал бедный старик свиной. - Почему бы и нет? - И не было никакого способа понять, что это было именно потому, что это была такая хорошая работа, я не мог ее взять. Столь незаконно хорошо! Это именно то, чего он не мог видеть. Хорошо с твоими идеями, я должен закрыть глаза, опустить голову и броситься в как и все свиньи Гадары, слитые в одну. Вместо этого после этого я вернул ему грязное предложение и отправился в Мексику, чтобы позаботиться о кофе финка.

- Но знаете ли вы что-нибудь о кофе?

- Видно, что нет. Именно это было одним из привлекательных моментов, которые я нашел на работе. Улыбаться. Как только мне удалось что-то узнать об этом, я пришел-я ухожу, чтобы посмотреть, есть ли здесь что-нибудь, что можно сделать.

- И есть ли что-нибудь, что можно сделать?

Другой пожал плечами. Кто мог знать. Присоединится к партии, раздавали книги, получали финансирование от групп реклама с прибылью, полученной от синтетических гвоздик, нам говорили митинги и писали в газетах. И, возможно, все это было полностью бесполезный. Возможно, когда - нибудь наступит благоприятный момент…

- А потом…?

- Вот в чем вопрос. Сначала все будет очень хорошо. Nas предварительные этапы, революция-это удовольствие. В то время как речь идет о сбросе ребята, кто сверху. Но потом, если вещь победит — что делать тогда? Что делать потом? Больше радиоинсталляций, больше конфет, больше рандеву-вы, маленькие, с лучшими профилактическими средствами. - Покачал головой. — Достаточно того, что мы дали человеку возможность бестиализировать себя, от асуина-Если, чтобы он наслаждался этим вскоре, благодарен. Эта свобода, которую вы он говорил чуть-чуть, свобода высоко на социальной лестнице - это не что иное, как лицензия быть свиньей; свинья или, альтернативно, анфас, фарисей доволен вами, как мой отец. Или же оба в то время, как мой драгоценный брат. Свинья и анютины глазки, одновременно. В России еще у них не было возможности быть свиньями. Обстоятельства имеют их вынужден быть аскетами. Но давайте предположим, что экономический опыт дает хорошо; давайте предположим, что пришло время, когда они все процветают. Что же тогда может помешать им превратиться в Бэббитов? Миллионы и миллионы смягченных Баббиттов, асуинатов, управляемых небольшое меньшинство амбициозных Staitheses.

Энтони улыбнулся. - Новый этап матча, сыгранный в соответствии с старые неизменные правила.

- И ужасно, но, похоже, ты прав, - сказал другой, - и ортодоксальный марксизм, без сомнения. Способы действия и

мышления являются продуктом

экономических условий. Мы воспроизводим экономические условия Бэббит, и мы не сможем не воспроизвести ему нравы и обычаи. Кресты! - Встал, направился к роялю и, потянув стул, сел напротив: - посмотрим, уберем ли мы этот вкус из наших рот. Его большие костлявые руки на мгновение зависли над головой с клавиатуры; а затем он начал играть “Токкату” и “фугу ре”. Баха. Они оба чувствовали себя в другой вселенной, где их не было ни были мыслимы Бэббиты и Стейтезы.

Марк играл всего две или три минуты, когда дверь открылась, и в комнату вошла пожилая женщина, худая и с чертами лица рыцари, одетые в коричневое шелковое платье и обвивающие шею. старый мех, уже озорной и тоже коричневый. Ходил на цыпочках, как будто в изученной пантомиме она представляет собой олицетворение молчания; но в исполнении роли я собирался производить всякая удача от тревожных шумов — насмешка обуви, шелест шелка, звон бус ожерелий, грохот серебряных предметов подвески на талии небольшими цепочками. Марк продолжал играть, без верни голову. Смущенный, Энтони встал и сделал урну mesura. А рыцарское существо сделало знак рукой, чтобы он стал сидеть и осторожно, в последнем и продолжительном взрыве шума, сел на диван.

- Отлично! - воскликнул он, едва успев услышать последнюю ноту. — Касание-нам еще что-нибудь, Марк.

Что нет, - сказал Марк, покачав головой и поднявшись с пианино. — Я хочу познакомить вас с Мисс Пендл, - сказал он Энтони; и, поворачиваясь старухе: Энтони Бивис был со мной в Булстроуде, объяснил он.

Энтони пожал руку, которую она с улыбкой протянула ему. Улыбка он выставил на обозрение вставные, плохо подогнанные зубы белизны и блеска невозможный. - Тогда Вы были с Марком в Булстроуде! — воскликнуть. — Но это необычно!

- Удивительно, что мы все еще остаемся хорошими друзьями? сказал Марк.

— Нет, нет, - возразила Мисс Пендл и с веселостью, что Энтони нашел его положительно спектральным, похлопал урну по руке. - Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Он всегда был

таким, Мистер. Бивис, с детства. Вы, наверное, помните, да?

Как это было удобно, Энтони сделал с головой, что да.

- Так свирепо и саркастично! Еще до того, как Господь встретил его в Булстроуд. Ужасно! - воскликнул он, повернувшись к Марку и вставив зубы шиньоны в насмешливом и ласковом упреке. - Знай господа, что он был мой первый ученик, - собрался конфиденциально. - А я, твоя

первая учительница.

Услышав это, Энтони встал и галантно сказал: — Итак, позвольте мне поздравить Марка с этим и в то же время представить его, Мисс Пендл, мои соболезнования.

Мисс Пендл посмотрела на Марка. - Ты думаешь, я заслуживаю твоих соболезнования, - спросил он, почти хитро, как Сисси по лицу охота за комплиментами.

Марк не ответил. Он просто улыбался и пожимал плечами. — Пойти сделать чай, - сказал он. - Ты бы пил чай, нет, Пенни? - Мисс Пендл согласился жестом. Марк встал и вышел из комнаты.

Энтони был смущен, не зная, что он должен сказать этому старику и смущающая человеческая тряпка, когда Мисс Пендл повернулась к нему. — Быть замечательно, этот Марк; действительно замечательно. - Вставные зубы они мерцали, слова выходили рывками, с бессвязной яростью. анти-лошадь. Энтони чувствовал смущение и отвращение. - Никто не знает насколько он хорош, - продолжала она. - Ему не нравится, когда об этом говорят; но мне все равно-я хочу, чтобы все знали. Таков был акцент его жеста, что бусы на его ожерелье врезались друг в друга, издавая звук матракаса. — В прошлом году я заболела, — начала она рассказывать. Его экономика они закончили, и она не могла найти работу. Отчаявшаяся написала некоторые из его бывших работодателей, в том числе сэр Майкл Стейтс. — Сэр Майкл прислал мне пять фунтов. — сказать.- С этим я пытался жизнь на некоторое время. Потом мне пришлось написать это снова. Он ответил, что я больше ничего не мог сделать. Но он передал дело Марку. И кто думает Господь что сделал Марк? - Тихо посмотрел на Энтони. Это была лошадь преображенный, чье выражение было на какое-то время нежностью и триумфом, и чьи глаза с красными веками были залиты слезами.

- Что он сделал? - спросил Энтони.

- Пришел лично, где я был — я тогда занимал комнату в Кэмбервелл пришел и взял меня с собой. Забрал меня сразу, только меня. даю время, чтобы сделать мой маггл. И привел меня сюда. И я прошел, с тех пор, заботясь о доме для него. Что вы мне об этом скажете, мистер Бивис? — спросить. Ее голос дрожал, и ей пришлось вытереть глаза; но, однако он чувствовал себя торжествующим. - Что вы об этом думаете?

Воистину, Энтони не знал, что думать об этом; однако он сказал, это было замечательно.

- Замечательно, - повторил конь, одобряя. - Использовал термин точный. Но не говорите ему, что я сказал это Господу. Он будет в ярости со мной. Он подобен тому тексту Евангелия, в котором говорится, что левая рука вы не должны знать, что вы делаете правильно. И так он есть. — Вытереть

еще в последний раз глаза и высморкались. Смотри, вот он идет, - сказал он и, прежде чем Энтони смог вмешаться, она уже поднялась в прыжке, она уже сквозь комнату, как молния, в бурю шелестящих шумов и гремели и открывали дверь. Марк вошел, принес поднос с чайный сервиз и тарелка ассорти из печенья.

Мисс Пендл наполнила чашку, сказала, что ей не следует ничего есть. время ночи, но, несмотря на это, он поймал круглое печенье, увенчанное розовое сахарное кондитерское изделие.

- А теперь скажите, каким мальчиком был этот господин Марк в Булстроуд, - сказала она своим способом, - держу пари, что он сделал все удачи в махинациях. - еще один укус на твоем печенье.

- Ах, он очень плохо со мной обращался, - сказал Энтони.

Мисс Пендл приостановила быстрое жевание печенья, чтобы дать смех. - Неисправимый мальчик! - сказала она Марку. И ее челюсти вновь вступили в функцию

- Сильный, как это было, в футболе он имел право тиранизировать меня.

- Да, да, вы были капитаном “одиннадцати”, не так ли?

- Я больше не помню, - сказал Марк:

- Ты больше не помнишь! - Повторила Мисс Пендл, торжествующе глядя на Энтони. - Это хорошо показывает, как он выглядит. Больше не помнишь! -Он служил второе печенье, откладывая простые, чтобы выбрать тот, который имел кондитерские изделия, и начал размышлять еще раз с интенсивной страстью и люди, чьи чувственные удовольствия сводятся к удовольствиям вкус.

После того, как старушка собралась, двое мужчин снова сели у огня. Наступило долгое молчание.

- Сентиментально, старушка, - наконец сказал Энтони. Марк был, для несколько минут, заткнись. Но в конце концов он прокомментировал: - немного сентиментально слишком.

Энтони исследовал ее физиогномику и увидел в ней продемонстрированную анатомию сардонической иронии. Последовало еще одно молчание. Часы, поддерживаемые двумя позолоченные бронзовые нимфы тиктакес на фоне имитаций фигуры Дрезде, которые забивали полки калорифера. Умышленно ужасно, говорил с тобой Энтони, когда его глаза открывали детали каждого конкретного покушения на хороший вкус. И из всех этих безделушек, это была бы бедная старая лошадь, это была бы она, старушка, самая большая, самая чудовищная? - Что меня удивляет, - сказал он в громкий голос, - это то, что вы не приносите кремний на кожу. Или это приносит? — добавлять.

Глава XXI - 23 июня и 5 июля 1927 г.

Это было выше его владений; но это не имело значения. Миссис. Эмберли привыкла выполнять вещи сверх своих владений. Быть действительно так просто; достаточно было продать небольшой ссуду с войны и готово! Эй, она путешествует по Италии, наслаждаясь обнаженными телами Паскино., открытие счета в Fortnum and Mason. И, наконец, в Беркшире, в его восхитительный маленький домик, пахнущий попурри, с высокими липами на лугу и холмы на заднем плане, простирающиеся миля за милей, в зеленой наготе, и мягкий под небом. Это было выше его имущества; но это была красота, это была совершенство. И в конце концов, что было сто пятьдесят фунтов кредита Война? Сколько они заработали? Около пяти фунтов в год после оплаты таксировать. А что было пять фунтов в год? Ничего. Абсолютно

ничего. И не только из этого Джерри собирался сделать ему новую инверсию денег. Ваш капитал может быть убывать; но его доход, в скоро, начнет расти. В год в следующий раз вещь не будет выше его владений; так что, предвкушая счастливый момент, я вижу ее уже там, сидя под липами на лугу, с его сосуществует вокруг.

Опираясь на один из локтей, Елена лежала на коврике, за креслом матери. Я не обращал никакого внимания на то, что сказать. На поле было такое прекрасное зрелище, что на самом деле не было я мог бы услышать, как друг Энтони рассуждает о важности машины в истории; нет, единственное, что можно сделать в таком небесном атмосфера, это была игра с котенком. Игрушка, что кошка больше хотелось бы, - так думала она, - это был коврик, под который вставляли палочку от одного из углов ковра медленно, пока кончик палочки не появится из противоположная сторона, как голова твари, выглядывающая из норы,, осторожно. Подглядывать чуть-чуть, очень подозрительно; а потом, одним рывком выдергивали палочку. Зверь испугался и отступил к его укрытие. Затем, снова набравшись смелости, он снова уходил, обнюхивая направо и налево между стеблями трав и, в конце концов,, она собиралась и собиралась закончить трапезу, спокойно и безопасно, под ковром. Шли долгие секунды, пока он внезапно не появился как маленький черный дьявол появляется из коробки сюрпризов, как будто он пытаясь застать врасплох надвигающуюся опасность, чтобы потом быстро как молния, исчезнуть. Затем, снова, полный сомнений и нежелание-движимый только жестокой необходимостью и против лучшего сам суд-выходил на улицу, конций, как вскоре стало известно, из-за того, что предопределенная жертва, предвидя свою печальную удачу. И все это время

котенок с немой, но сильной свирепостью сопровождал авансы и отступы твари. Каждый раз, когда палочка вырывалась из-под ковра, там он приходил из Рохо, приближаясь, с бесконечной осторожностью. Ближе, ближе, пока не пришло время свернуться калачиком, к лодке. окончательный и решающий. Его зеленые глаза раскрывали в его неподвижности зло абсурд; тигровая интенсивность его кровожадных намерений была такой перегрузка для вашего крошечного тела, которое не только хвост, но и сами фланги суетились под эмоциональным давлением. Между тем, в воздухе, липы шуршали при слабом дуновении ветра, и они шли по траве, и отступали круги золотого света,

молча. На другой стороне луга, травянистые живые изгороди падали на солнце, как бы подожженные, и, кроме того, холмы выглядели как огромные спящие животные, на боках которых они тащили тени цвета Анила, которые отбрасывали облака. Так красиво было это почти так небесно, что время от времени Елена чувствовала, что не он мог даже устоять перед таким великолепием: он бросал палку и ловил котенок, терся лицом о шелковистый мех киски, бормотал ей бессмысленные слова на детском языке, поднял его в воздух на высоту лицо, так что носы обоих почти соприкасались, в то время как лапы кошки сидели смехотворно в космосе и смотрели на тех, кто зеленые глаза и загадочно живые, пока, верно, питомец, не имея возможности защитить себя, он начинал мяукать таким жалким образом., что она решила отпустить его снова. “Бедняжка!” роптать, раскаявшийся. “Неужели я плохо обращался?“Но это плохое обращение заполнило его конец; ее счастье, чрезмерное до боли, переполнилось, так сказать, оставив ее теперь по желанию, что делает его снова терпимым к небесной красоте. Он взял с земли палочку и кошку, простив ей, ибо уже все забыл, начал игрушку заново.

Звон велосипедного звонка заставил ее поднять глаза. Это был почтальон, который шел по дороге с послеобеденным пикапом. Елена поднялась на ноги и, взяв кота с собой, поспешно направился в дом, но, по его словам, он не был замечен. Дверь нашла служанку, которая вышла с картами. Для нее было два. Первым, который открылся, был Джойс, из Олдершота. (Не мог не улыбнуться, читая адрес в высоко на странице. “Джойс сейчас живет в А-Олдершоте”, - говорил он его мать, расширяющая первый слог имени кавернозным и выразительным голосом и в тоне неверия и того, кто чувствовал себя слегка обиженным, как если бы действительно было немыслимо, чтобы ваша дочь жила в такое место. “В A-aldershot, дорогая.“И я мог бы одолжить этот пригород военный сказочная экзотика Тибета, ужас и долгота торвы Либерия. “Жить в А-Олдершоте - как мемсахиб.”)

“Только одна строчка, - читала Елена, все еще улыбаясь, - чтобы поблагодарить тебя за ее милое письмо. Я очень расстроена из-за новостей, которые вы мне дали, о том, что мама принимает эти разливы. Они не могут принести вам никакой пользы. Колин думаю, ей следует больше заниматься спортом. Не могли бы вы предложить ему верховая езда. В последнее время я брал уроки верховой езды, действительно восторг, когда к нему привыкаешь.

Теперь мы полностью установлены, и вы не представляете, как наш маленький дом сейчас любовь. Мы с Колином работаем как чернокожие, чтобы все исправить, и я должен сказать, что результат хорошо компенсирует нашу борьбу. Пришлось сделать порцию нервные визиты; но все здесь были очень добры ко мне, так что повезло, что теперь я чувствую себя совершенно непринужденно. Колин присылает сувениры. Потеть Джойс.”.

Другое письмо-и вот оно, потому что она пошла навстречу почтальону - это Хью Ледвидж. Если бы письма были принесены миссис. Эмберли на лугу и если бы она раздала их на публике… Эллин покраснела от стыда холера, только при мысли о том, что мама я мог бы сказать об этом письме Хью. Несмотря на то, что я там сидя вокруг, все эти люди, или, скорее, именно из-за этого люди. Когда они были одни, Елена обычно решала дело с язвительное слово. Но когда их сопровождали, миссис Эмберли она была вдохновлена зрительным залом и предавалась изумительным описаниям и комментарий. - Хью и Хелена, — объясняла она, - они смешанные Сократа и Алкивиада, Дон Кихота и Дульсинеи. - Были моменты в который ненавидел свою мать. - И дело, - сказал он, - дело, которое резюмирует это так: я не мог бы любить тебя так сильно, детка, если бы я не любил этнология тем более. Елена много страдала из-за этих письмо.

Разорвал конверт.

22-VI-27

“День летнего солнцестояния, Елена. Но я верю, что ты все еще слишком молод, чтобы слишком много размышлять о важности определенных особых дней. Всего лишь около семи тысяч дней ты пребываешь в мире, и это мне нужно, чтобы ты прожил, по крайней мере, десять тысяч, чтобы начать понять, что они не в бесконечном количестве и что с ними не вы можете делать именно то, что хотите. Я был в мире более тринадцати тысяч дни и конец уже виден, безграничные возможности уменьшились. Надлежать обрежьте одежду, как ткань; и наша ткань не только скудна; это также особого типа и, как правило, низкого качества. В молодости, мы судим, что можем вырезать ткань времени, всякую удачу в великолепной одежде и

фантастическая, всякая удача в одежде-шакос, ризы и Беки доктора философии; облегающие брюки Нижинского цвета и сланцево-синие брюки Рембо и красная рубашка Гарибальди. Но когда у нас уже есть десять тысяч дни жизни, поэтому мы начинаем понимать, что мы будем счастливы, если мы успеваем вовремя в распоряжении простой приличный костюм для мы используем его в повседневной работе. Это понимание, которое угнетает; и, из всех, день летнее солнцестояние-это то, что лучше всего помогает понять это. Это самый день длинный. Один из шестидесяти или семидесяти самых длинных дней из двадцати пяти тысяча дней от одного человека. И что я сделал в тот самый длинный день-самый долго из тех немногих, таких единообразных, таких обычных дней. О каталог моих занятий было бы унизительно, так абсурдно и без интерес. Единственное, что нужно вписать в мой кредит, и в некотором смысле глубокое слово, единственное разумное, что я сделал, это немного подумал на тебя, Елена, и напиши это письмо…”

Есть ли какие-нибудь письма, которые вас интересуют? - спросила миссис Эмберли, когда дочь возвращалась из дома.

Просто записка от Джойс.

- Из нашего мем-Сахиба?

Елена покачала головой, подтверждая это.

- Как вы знаете, она сейчас живет в А-Олдершоте, - сказала Мэри Эмберли к собравшимся там людям. - В А-а-Аль-дершот — - настаивал он, продление первого слога, пока не придаст местности гротескная нереальность и превратите резиденцию Джойса в такое место, я миф фантастический и слегка неприлично.

- Вы можете поблагодарить свою хорошую звезду за то, что вы не сами живет в Олдершоте. В конце концов, это то место, где вы должны жить, как дочь генерала, то есть.

Мэри была в первый момент сбита с толку этим прерыванием. Уже он задумался, как он будет развивать свои причудливые вариации в вокруг темы Олдершота. Однако он восстановил свое хорошее настроение, когда он понял, что он предоставил ему еще одну возможность. - Да, я хорошо знаю., - с нетерпением

воскликнул он. - Дочь генерала. И вы когда-нибудь думали, что если если бы не милость Божия, Я, может быть, сегодня была бы женой полковника? Я был в я выйду замуж за солдата. На короткое время, как я вам говорю. Вид красоты из самых восхитительных. Но камень, - врезался в лоб, - твердый, как камень. И это было мое счастье быть им таким. Если он если бы немного больше интеллекта, я бы отправился в Индию с он. Что дальше? Вы даже представить себе не можете.

- Даже представить себе нельзя, - со смехом повторил Беппо сквирт.

— Напротив, - сказал Энтони, - можно прекрасно вообразить. Клуб, каждый вечер, с шести до восьми; официальные приемы; прелюбодеяние когда было тепло, полюс, когда было холодно; постоянные аммофинации с индусские слуги; случайные приступы малярии и дизентерии; отгрузка ежемесячные романы по случаю “книжного клуба Таймс”; и все это сопровождается неумолимым прогрессом времени-в два раза больше как быстро он бежит здесь, в Англии. Если бы вы поехали в Индию, нет ничего проще, чем представить, что произойдет.

- А ты думаешь, что все это случилось бы со мной, со мной — - спросил он Мэри.

- Что тогда могло случиться. Естественно, вы не будете думаешь, я бы купил картины Паскино в Кветте?

Мэри засмеялась.

- Я бы даже не пошел читать Макса Джейкоба в Равалпинди. Это была бы память-Сахиб, как и все другие мем-сахиби. Может быть, немного больше аммофии и недовольны, чем многие из них. Но, как бы то ни было, мемСахиб.

- Думаю, да, - согласилась она. - Но мы будем такими смертельно во власти обстоятельств?

Он подтвердил это жестом.

- Ты думаешь, я бы не освободился?

- Я не понимаю почему.

- Но это значит, что на самом деле нет ничего моего человек. - Я, - сказала она, поднося руку к груди. - Это значит, что я я действительно не существую.

- Без сомнения, его не существует. В этом абсолютном смысле его не существует. Ты это химическое соединение, а не элемент.

— Но если мы на самом деле не существуем, то мы не понимаем почему… колебаться.

- Почему нас так беспокоят вещи, - предположил он Энтони. - Потому что вся эта рев, вся эта шумиха и все это скрежет зубами. Потому что так много волнений вокруг махинаций личность, которая на самом деле не личность, а только результат ряда несчастных случаев. - И, конечно, - продолжил он, - а поскольку вы не можете объяснить все эти заботы и беспокойства, у вас будет сразу же сделать вывод, что нет никаких причин, никаких причин, что обоснуйте такое отношение. И тогда он перестанет беспокоиться, беспокоиться, произвести впечатление на себя-то есть, если вы разумны. Как и я, - добавил он, улыбаться.

Была тишина. - Не беспокойтесь, - повторила с вами госпожа. Эмберли, думая о Джерри Уотчетте. Не беспокойтесь. - Но как

можно было не беспокоиться, когда он был таким глупым, таким эгоистичным, таким жестоким, и в то же время объект такого мучительного желания - как вода в пустыне, как спать после бессонницы? Он ненавидел его; но идея то, что через несколько дней он будет там, останется в своем доме, произвело его во всем коипо ощущается резкое ощущение тепла. Закрыл глаза и глубоко вздохнул.

Все еще неся котенка на руках, как пушистый ребенок, Елена он отошел на траву. Я хотел быть один, чтобы к нему не приходили. в ушах этот смех, эти несущественные, нервирующие голоса. — Семь тысяч дней, - повторял Я время от времени. И это было не только то солнце, в тот момент, когда он придавал всему такую торжественную и богатую красоту; это было также думать о днях, которые просачивались, о человеческих ограничениях, о неизбежное окончательное растворение. - Семь тысяч дней, - сказал он вслух, - семь тысяч день. Ее глаза наполнились слезами, и она сжалась ближе к груди о спящий котенок.

Савернейк, Белая Лошадь, Оксфорд; и, откуда, где, храп и

вороты” Bugatti ” Джерри, крепкий дуть ветра, зигзаги и прыжки, головокружительные, но в то же время восхитительные ужасы, вызванные за превышение скорости. И вот они, снова, снова, после век, можно было бы сказать, и в то же время это было так, как будто они никогда не были отсутствующий. Автомобиль остановился; Елена, однако, не сделала никаких шагов чтобы приземлиться.

- Что там? - спросил Джерри. Почему бы тебе не спуститься?

- И ужасный конец. Как шарм, который разваливается. Как когда выходит из магического круга.

- Волшебник? - повторил он, спрашивая. - Какого рода? Белый или черный?

Елена засмеялась. — Пегий. Абсолютно небесный и абсолютно величественный. Знаешь, Джерри? вас должны посадить в тюрьму за то, что вы управляете вот такая машина. Или в психиатрической больнице. Сумасшедший и преступник. Но я мне это нравится, - добавил он, открывая дверь машины и спускаясь вниз.

- Хорошо! - это все, что он сказал, бросая ему улыбку. который стремился сделать как можно менее любящим. Зацепил машину и уехал как пуля вокруг дома, из-за чего вонь масла из касторовое горение. И направился в гараж.

Очаровательная! думать. И как он был предупрежден о том, что вел себя с ней как старший брат, веселый, добродетельный! Это была приманка. Для охоты привыкнуть. Поэтому мало она будет есть в его руке. В Мэри это был, несомненно, бусилис. Женщина приставает! подумал, с внезапным

чувство тошноты. Ревнивая, подозрительная, любопытная. Вождение как будто он был вашей частной собственностью. И sophrega, ненасытный. Постоянно цепляясь за него, втирая в него свое старое тело. Е когда он маневрировал, чтобы положить машину в гараж, морщины отвращения к нему они смотрели на лицо. Но слава Богу, он продолжал размышлять, спасибо Бог, она поймала этот печеночный ветер или что-то в этом роде. Вещь я должен на какое-то время замолчать, не дать ей перекрыть ей проход.

Не поддаваясь хлопот, чтобы снять капоте, полностью забытый из болезнь матери и даже на мгновение, что она даже не существовала, Елена прорвался через ” зал ” и, чуть не побежав, ворвался на кухню.

- Где Томпи, Миссис Уикс? - жаловался на повара. О влияние произведенное солнцем, воздухом поля и автомобилем Джерри, “Бугатти” была такой, что теперь она чувствовала абсолютную необходимость принять на руках котенок. Немедленно. - Мне нужно знать, где Томпи,

— настаивать. И, извиняясь и объясняя, он собрал: - с утра, что у меня еще не было времени увидеть его; мы вышли сегодня так поспешно.

- Томпи выглядит так, будто он не очень хорошо себя чувствует, нет, Мисс Хелена,

- сообщила миссис Уикс, отложив шов в сторону.

- Вы не в порядке?

- Я привел его сюда, - продолжала Миссис Уикс, поднимая-сам из своего Виндзорского кресла и ведет Хелену к Кубку. - Вот еще свежий. Казалось, ему было так жарко. Похоже, у него поднялась температура. Честно говоря, я сама не знаю, что у него, - заключила она тоном половина жалобы, половина наказания. Мне было жаль Томпи. Но он также имел жаль себя, потому что Томпи доставил ей все эти неприятности.

Котенок лежал в темном месте, под раковиной. Приседания-если рядом с корзиной Елена протянула руку, чтобы поймать его. Затем с короткое восклицание ужаса убрало ее, как будто она почувствовала контакт с что-то отталкивающее.

- Что с ним случилось? — кричать.

Пятнистый мех киски потерял всю свою мягкость, всю свою люстру шелковистый, располагается неровными влажными пучками. Глаза закрыты и слизи выделяли желтое вещество. Выделения из носа он испачкал всю его гримасу, уничтожив прекрасное расположение, которое составлял мех. О абсурдный и красивый Tompyzinho, с которым она играла еще накануне, смешная и замечательная Томпи, которую она подняла, жалкая и беспомощная, в одном из руки, которые он потер о лицо, в чьих глазках он пристегнул глаза свои., он исчез и оставил на своем

месте мягкую нечистую тряпку с немного жизни. Как и эти почки, - вдруг ему пришло в голову, окутанный тошнотой; но вскоре ему стало стыдно за подобное

вскоре ему стало стыдно за то, что он первым жестом отстранение, автоматически спровоцированное такой мыслью, еще до того, как мыслить осознанно.

- Какая мерзость, моя! — думать. - абсолютная мерзость!

Томпи был болен, шаткий, возможно, умирал. И она несла свои мелиндрес до такой степени, что ему противно прикасаться к нему. Стремясь победить отвращение, он снова протянул руку, взял котенка и с пальцы руки, которая освободилась, погладила ее (как неохотно и тошно!) о мокрый и мокрый мех. Слезы указали ему в глаза,, они выплеснулись, побежали к нему по щекам.

- Отвратительно! Отвратительно! - повторял, с прерывистым голосом. Бедняга Томми! Мой красивый, милый, мой такой смешной Tompyzinho! Trucidado — не хуже этого: превращен в отвратительный муламбо; без ни мотива, ни смысла; и в такой день, в этот день чудесно, с облаками, проходящими над белой лошадью, солнце напрягается. через листья в лесу Савернаке. И теперь, к куче зла,, я вижу ее с отвращением к бедному питомцу, противно прикасаться к нему, как будто он одна из этих грязных почек… Вот она, Она, которая притворилась, что любит его, факт, он мне нравился, он исправил давление. Но было бесполезно быть в держать его таким образом, обнимать его таким образом; это ни в чем не изменило то, что она я действительно чувствовал это. Я мог бы исполнить, как хотел, жест, стремящийся к овладеть своим отвращением; отвращение продолжалось. Несмотря на хорошее, что я хотел его.

Он в слезах поднял лицо перед миссис Уикс. - Что мне делать?

Миссис Уикс покачала головой. - Я не думаю, что есть что-то делать, - сказал он. - С кошками, не думаю.

- Но нужно что-то делать.

- Единственное, что нужно сделать, это оставить его в покое, - настаивала Миссис Уикс. пессимизм, усиленный решением не ссориться. После, соболезновав в тяжелом состоянии, в котором

находилась Елена, она собралась, чтобы утешить ее: - он будет оставаться-хорошо, он будет хорошо. Не нужно плакать. Достаточно просто дать ему спать, что проходит.

Они прозвучали мимо на плитах двора конюшни и через окно открытые записки Фокса. “О, да, сэр, эта маленькая моя”” свист с некоторой расстроенностью. Елена, которая сидела на корточках, поднялась вскоре и, повернувшись к окну, закричал:. - Джерри! - А потом он добавил, как в ответ на выражение сочувствия и удивления, что заметил в нем: - случилось ужасное.

В больших и энергичных руках мальчика было жалко ничтожество малость Томпи. Но как деликатно и эффективно он относился к нему.

Наблюдая, как он вытирает глаза котенку, вынимает из него слизь, Елена он восхищался деликатностью и точностью его движений. И поставил себя на размышляя с более живым осознанием своей постыдной неумелости, что она сама не могла ничего сделать, кроме как погладить волосы Томпи и почувствовать-если противно. Немыслимо, абсолютно немыслимо! И когда он его он попросил вас помочь ему заставить Томпи проглотить половину капсулы аспирина растворенная в молоке, она, как говорится, была полна пальцев, и все кончено проливая лекарство.

- Я думаю, что в одиночку я лучше справлюсь, - сказал он. И взял его ложка руки. Его унижение достигло пика…

Мэри Эмберли была возмущена. Вот она, с лихорадкой и чувством боли, полные аммофинаций, которые еще больше увеличивали его лихорадку и боли и которые были мотивированы идеей опасной поездки с Джерри на направление. И тем временем там была Елена, небрежно входящая в ее комнату после того, как я был дома, было более двух часов-более двух часов без имея даже общую порядочность прийти посмотреть, как она выглядит более двух часы, пока твоя мама - твоя мама, хорошо заметьте! - я лежал там, огорченный и я страдаю, думая о катастрофе, которая, возможно, случилась с ними.

- Но я нашла Томпи умирающим, - объясняла Хелена, - кончает

умереть, прямо сейчас. У него было очень бледное лицо, красные глаза и полные слез.

- Ну, если вы предпочитаете жалкого кота своей маме…

— Более того, вы спали, если не спали, я бы услышал шум машины, когда мы приехали..

- Теперь не хватало только этого: не желать, чтобы я спала, - сказала г-жа. Эмберли с кислинкой. - Может быть, я не могу получить момент перемирия к моим болям. Кроме того, - добавил он, - я не был спать, как вы говорите. Я был в состоянии бреда. Иметь это было несколько раз так, сегодня. Конечно, я не слышал шума машины. - В его глазах появилась бутылка “Сомнифайна” на маленьком столике. и недоверие к тому, что Елена тоже заметила ее. жалость это сделало ее еще более злой. - Ваш эгоизм не является чем-то новым для меня, - продолжила она. — Но я должен сказать одно: это не так я думал, я никогда не думал, что дело доходит до этого.

В другой раз Елена могла бы постоять за себя, рассердиться, или тогда, признав себя виновной, она бы расплакалась. Тогда, однако она чувствовала себя такой несчастной, что больше не могла проливать слезы; она была настолько покорена позором и несчастьем, что стала нечувствительной к более вопиющая несправедливость. Его молчание еще больше разозлило миссис Эмберли.

— Мне всегда казалось, - вернулась она к грузу, - что ты был

эгоист только из-за переполнения. Но теперь я вижу, что у тебя нет недра. Совершенной нечувствительности. Вот я-я, кто я пожертвовал ради тебя лучшими годами своей жизни; и что я получаю в ты платишь? - Его голос дрожал при задании такого вопроса. Я была убеждена в реальность этой жертвы, глубоко потрясенная воспоминанием о ее степень его чудовищности, которая сделала его настоящим мученичеством. — В более циничное безразличие. Я мог умереть и быть брошенным в братскую могилу, которая вы мало беспокоились. Вы будете гораздо больше беспокоиться о своей кошке. Е а теперь уходи, - сказал он, почти крича, - убирайся отсюда! Я уже чувствую, как кровь поднимается мне в голову. Убирайся отсюда!

После одинокого ужина-ведь Елена осталась в своей комнате под предлогом головной боли — Джерри поднялся наверх, чтобы составить компанию миссис Эмберли. Это было особенно

очаровательно в ту ночь, и так ласково и заботливо, что Мария даже забыла все накопленные мотивы и снова почувствовала себя влюбленной в него, на этот раз в серии другие причины-не потому, что это было красиво, не потому, что это был тип совершенный жестоким любовником, любовником, который доминировал с легкостью и наглость, но потому что он был добрым, заботливым, ласковым, потому что он был, в слово, все, что она когда-то знала, что он не был.

Часы пробили десять с половиной. Он встал со стула. - Это часы вы спите.

Мэри возразила; он твердо настаивал — ради нее самой.

Тридцать капель были нормальной дозой “Сомнифаина”; но он сказал сорок пять, чтобы убедиться, что она спала, заставила ее выпить, а затем, прижался к ней под одеялом (как старый слуга в доме, воскликнул она, смеясь от удовольствия, пока он занимался одним и другим вокруг с постели); наконец, пожелав ему Спокойной ночи с поцелуем, в котором был почти материнская нежность, выключила свет и покинула его.

Церковные часы звучали одиннадцать часов. Услышав стук колокола, отчужденная Елена думала, насколько они грустны и мрачны. Как будто он слушал голос своего собственного духа, таинственным образом приходя как отражение стен околоземной ночи. Раз, два, три, четыре… Каждая из нежных нот, вибрирующих в воздухе, казалась более неумолимо похороненный, чем предыдущий, он, казалось, поднимался из глубины от крайнего одиночества. Томпи умерла, и она даже не смогла дать ей ложку молока с растворенным аспирином, у нее не было сил. чтобы победить его отвращение.

Эгоистичный и бездонный; его мать была совершенно права. Но не меньше, чем как эгоистично, она чувствовала себя одинокой, изолированной, совершенно одинокой среди абсурдные злодеяния, унесшие жизнь бедного Томписа; и

его холодность, его бесчувственность, его равнодушие говорили голосом, в отчаянии от этого колокола; и вокруг ночь была пуста и огромна.

- Хелена!

Она вздрогнула и повернула голову. Была непроницаема тьма комната.

- Это я, - продолжил голос Джерри. - Я так беспокоился о ты. Чувствуете себя лучше?

Удивленная и встревоженная тем, что она была вначале, Елена почувствовала-если вы возражаете против того, чтобы увидеть себя таким образом удивленным злоумышленником в вашем несчастье все интимное. - Мне не нужно было приходить заточить меня, - холодно сказал он. - У меня ничего нет.

Завернутый в ее мягкую ауру турецкого дыма, зубной пасты приправленный перечной мятой, косметический лавровый лист, он ушел приближаясь незаметно. Нащупывающая рука коснулась одеяла и коснулась конец, ее кожа; затем пружины видения скрипели и задыхались под вес, сидя его на краю кровати.

- Я чувствовал себя несколько ответственным, - продолжил он. - Все это “looping The loop”! Тон его голоса подразумевал невидимую улыбку, предположил он капризное и ласковое мигание скрытых глаз.

Она не сделала никаких комментариев. Молчание было долгим. Я плохо открыл игру, подумал Джерри, хмурясь в темноте; затем он начал снова, смена тактики.

- Я не могу не вспомнить этого несчастного Томписа, - сказал он с другим голосом. - Чрезвычайное, беспокойство, в котором вы находитесь когда животное заболевает таким образом. Это похоже на ужасную несправедливость.

Через несколько минут она плакала; и это было предлогом для него, чтобы утешить ее.

Мягко, как когда я имел дело с Томпи, и со всей этой нежностью что так тронуло Миссис Эмберли, что он погладил ее волосы и, позже, когда икота утихла, он побежал пальцами другой руки к долго ее голой рукой. Неоднократно, с терпеливой регулярностью любит лелеять ребенка, чтобы он уснул. Многократно… Триста иногда, по крайней мере, думал он, прежде чем рисковать любым жестом, который это может быть истолковано как жест любви. Триста раз; и даже после этого ласки должны были отклониться на градусы нечувствительность, как в результате ряда несчастных случаев, до тех пор, пока постепенно, невольно рука, которая теперь была на ее руке, все-таки пришла с таким же материнским

упорством она скользит по груди, в то время как пальцы, которые методично приходили и уходили сквозь кольца волос они отклонялись к уху, а от уха, проходя через лицо, доходили до губы, где они задержались бы слегка, целомудренно, но пежали от

рассветы поцелуев, доверенные лица и предвестники рта, которые, наконец, он спустится на ее, во тьме, в награду за ее долгое терпение.

Глава XXII - 3 марта 1928 г.

“РЕОРГАНИЗАЦИЯ…““Перенастройка…““Запуск ценностей в деньги в свете существующих торговых условий…“Энтони поднял глаза печатной страницы. Полулежа на подушках, Мэри Эмберли как он тогда заметил, глаза были прикованы к нему с вниманием беспокоить.

- Тогда? - спросила она, наклоняясь вперед. Одна прядь ее неряшливые, окрашенные хной волосы невозможного оранжевого цвета он падал ему на лоб. Его спальная куртка открылась по размеру что она двигалась; под грязным кружевом свисающие груди качались перед Энтони.

- Что это значит?

- Это значит, что они деликатно объявляют себя банкротом.

- Банкроты?

- Они платят ему шесть челинов и восемь пенсов за фунт.

- Но Джерри сказал мне, что дела идут так хорошо, — она протестовала жалобным и злым тоном.

- Джерри не все знает, - благотворительно объяснил он.

Но не было никаких сомнений в том, что хулиган был совершенно на одном уровне со всем; был проинформирован, действовал со знанием дела, был должным образом оплачены трейдерами, которые хотели выкупить свои акции раньше пусть эта штука лопнет. - Почему бы вам не рассказать об этом самому себе? -

сказал Энтони вслух и тоном, который подразумевал определенную обиду за то, что его заставили занять себя в ночь его возвращения из Новой Йорк, с осложнениями ужасной трагедии Мэри. Все остальные, он предполагал, что они убежали от нее, как только она начала принимать морфий; только он, среди всех своих друзей, был за пределами Англии во время полгода, только у него не было возможности, и он не нашел причина бежать. Отсутствие сохранило дружбу между двумя в в том же состоянии, в котором он находился, когда он уходил; отсутствие осуществлялось, так сказать, функция холодильника. Когда она спросила его, настойчиво, чтобы он пришел к ней, он не нашел предлога для отказа. Кроме того они слишком остро реагировали; возможно, она была не так плоха, как они говорили.

- Почему бы тебе не спросить его самого? - повторил, раздраженный.

- Он уехал в Канаду.

- Он уехал в Канаду.

Последовало молчание. Он положил бумагу на одеяло. Миссис. Эмберли взял его и снова прочитал — в сотый раз, в абсурде и

безумная надежда, возможно, найти в нем, в этот сотый раз, что-нибудь опять что-то другое.

Энтони смотрел на нее. лампа на прикроватной тумбочке освещала профиль, который она ему представляла, безжалостно окутывая его блеском. проявитель. Как Запали их лица! И эти линии вокруг изо рта, эта мокрая, отбеленная кожа под глазами! Вспоминая себя чем она была, когда в последний раз видела ее в Беркшире, еще прошлым летом Энтони преследовали. Через десять месяцев препарат а она стала старше на двадцать лет. И это было не только его тело, которое было опустошенный; морфий изменил и его характер, превратил его в другой. человек, на кого-то (не было никакого преувеличения) на кого-то очень худший. Это соблазнительное отвлечение, например, эта неопределенность, что она всегда показывала себя такой досадно тщеславной, как еще одна ничья женщина, теперь она была почти сведена к безразличию идиота. Забыть все было не наравне с чем-либо; и, прежде всего, он не интересовался ничего, я не мог больше беспокоиться.

Гротескно красные (в надежде, как он предполагал, восстановить некоторые из аттрактантов, потерю которых она не могла не заметить) ее волосы были жирными и взъерошенными. Лакокрасочное покрытие красный, нанесенный без искусства и умения, увеличил ее нижнюю губу, придавая ему асимметричную дисфункцию. Один окурок имел сожгли “пуховое одеяло”, образовав круглое отверстие для пуха он выходил, как снежинки, каждый раз, когда она двигалась. Подушка они были наполнены пятнами “румян” и яичным желтком. Был один коричневое пятно кофе на сложенном листе. Между его телом и стеной, поднос, на котором был принесен обед, был неустойчивым. Все еще грязный от мясной соус, нож соскользнул с одеяла.

Одним внезапным движением миссис Эмберли смяла бумагу и сыграла-аут. - Это животное! - воскликнул он дрожащим от гнева голосом. — Этот животное! Он заставил меня всеми средствами и способами Вложить в это свои деньги. И вот каков был результат! -Слезы выпрыгнули из его глаз., растворяя черную краску с ресниц в длинные закопченные пряди, которые они бегали по щекам.

- Он сделал это специально, - продолжала она между полными рыданиями Ира. - С исключительной целью причинить мне вред. И действительно садист. У него особый вкус причинять вред другим. И для удовольствия он это делает.

- Ради выгоды, - почти сказал Энтони, но сдержался. Она казалось, он нашел некоторое утешение в мысли, что его обманули, эксплуатировали, а не по вульгарным причинам коммерческого порядка, но бесплатно, в следствие демонической злокачественности, связанной и вытекающей из страсти

любящий. Было бы недостатком щедрости лишить ее подобной иллюзии. Что бедная женщина развлекалась мыслями, которые она считала менее мучительно унизительно. Кроме того, можно было ожидать, что чем меньше он противоречить ей и веселиться, тем быстрее она замолкает. Союз с благоразумие к снисходительности, он был доволен жестом согласия никаких обязательств.

- Когда я думаю обо всем, что я сделал для этого человека! - взорвала миссис. Эмберли. Но когда она читала свой бессвязный каталог щедрость и доброта, Энтони не мог не думать о том, что

человек сделал для нее прежде всего, в условиях, в которых Джерри я обычно описывал, что сделал. Условия невероятной молекулы, слушатель позволял себе волноваться, был охвачен внезапным смехом, стыдился-если бы такие недопустимые зверства, как те, содержали бы какие-либо доля правды. И все же они действительно были правдой.

- Все самые умные люди в Лондоне, - сказала г-жа. Эмберли между рыданиями, - все, он нашел их в моем доме.

- Эти стервозные старушки! - это звучало в памяти Энтони, ясно, голос Джерри Уотчетта. - Способны на все, абсолютно на все, чтобы получить эту штуку.

- Не то чтобы он их ценил, — продолжила она. - Это было слишком глупо., очень варварский.

- Не очень плохая, старая сука, пока вы получаете достаточно чтобы молчать. Проблема в том, чтобы дать ему достаточно. И я могу их убедиться, что это тяжелая работа.

По тону гнева наступил тон сочувствия к себе. - Но что это что я буду делать? - она стонала. - Что я могу сделать? Без никеля. Жить на милостыню.

Он стремился успокоить ее. Что еще что-то было. Один на самом деле, разумная сумма. Что ей никогда не придется голодать. Если бережно относитесь к жизни, если экономите …

- Но мне придется остаться без этого дома, - перебила она; и когда он согласилась, что ей непременно придется обходиться без дома, вступила в новые и более громкие вопли. Остаться без дома было хуже, чем остаться без никеля и жить на милостыню-хуже, потому что более мыслимо, на случай непредвиденных обстоятельств больше близко к реалиям вашей нынешней жизни. Без их кадров, без их ее мебель, как она могла жить. Уродство окружающей среды сделало ее физически немощен. А потом-маленькие комнаты… в маленьких жилые помещения в ней может развиться клаустрофобия. И как бы это было для него можно ли жить без книг? Как он мог ожидать, что она работать, когда был беден? Естественно, она собиралась работать; у нее уже было

запланировано критическое исследование Moderna French romance. Да, как я мог он ожидал от нее этого, лишив ее книг?

Энтони нетерпеливо пошевелился в кресле. - Я не ожидаю, что ты сделай что-нибудь. Я просто раскрываю вам то, что вы он проверит, что должен, - сказал он.

И наступила тишина. Затем с улыбкой, которую он искал сделать приятным и привлекательным, она жаловалась: - ты уже злишься со мной.

— Абсолютно. Я просто прошу вас признать факты передняя часть. - Встал и, чувствуя себя в опасности видеть неразрывно запутавшись в позоре Марии, он символически подтвердил свое право на свобода беспрестанно ходит по комнате, туда и обратно. — Я должен поговорить с ней о морфине, - подумал я.; — попытаться убедить ее, что она должна пойти в приют и побаловать себя. Узел ее интерес. В интересах бедной Елены. - Но я хорошо знал. кем была Мэри. Она бы запротестовала, сделала бы громадный крик, осталась бы яростный. Что-то вроде конфликта в кафе. Или, что еще хуже, намного хуже, думал он с содроганием; она пожалеет об этом, даст обещания, я бы купался в слезах. Ему придется взять на себя роль своего единственного друга, ваша моральная поддержка в жизни. В заключение ничего не сказал. - Это бесполезно. ничего, - заверил он. - Вы никогда ничего не добьетесь с этими случаями морфий. Что нужно сделать, так это столкнуться с реальностью. - Облом без смысл-но что еще можно сказать?

Неожиданно, с покорной алакрией, которую он нашел положительно тревожная, она согласилась с ним. О, в совершенном согласии! Не стоило плакать после пролитого бульона. Нет смысла строить воздушные замки. Что нужно, так это один план — много планов — серьезные, практичные, разумные планы на новую жизнь. Улыбнулся ему с видом попустительства, как если бы они были двумя заговорщиками.

Неохотно, с некоторым недоверием, он принял ее приглашение сесть-если на краю кровати. Планы развернулись-в какой-то степени серьезные. Один маленькая квартира в Хэмпстеде. Или маленький домик в одном из тех убогие улицы недалеко от Кингс-Роуд в Челси. Она могла по-прежнему прием, Барати. Настоящие друзья, конечно, они будут присутствовать, несмотря на скромный характер вечеринки. Это было неправдой, что будут ли они присутствовать? - она настаивала на жалком стремлении к подтверждению.

- Конечно, - увидел он вынужден сказать; много, хотя это не было

этот скромный воздух должен был прогнать их; это была грязь, грязь, морфий, тошнотворный запах, который се выделял из его дыхания.

- Мы сможем устроить вечеринку с бутылкой, - продолжала она в своих

проект. - Это будет удовольствие! - Его лицо загорелось. - Какая бутылка идет ты принесешь, Энтони? - И, прежде чем он ответил, он продолжил: — Мы останемся в безумном запое со всеми этими напитками. смешанный. Уникальный Пифон… - Через мгновение она была начал рассказывать о любовных набегах Джорджа Виверна воспоминание о том, чтобы сделать это в те последние дни. Довольно смущающая вещь, в таких обстоятельствах, учитывая, что Салли Виверн тоже была… Хорошо! Улыбаться, с этой загадочной улыбкой, в которой губы сжались, и веки едва открывались. И что было самым необычным, действительно необычным было то, что сам Хью Ледвидж, Хью Ледвидж в человек, я также в последнее время выкладывал свои мангалы…

Энтони с удивлением слушал. Те немногие настоящие друзья, если они превратились, как по волшебству, в настоящую фаланга влюбленных. Было бы, что она серьезно верила в ваши собственные изобретения? Как бы то ни было, - рассуждал он — - не казалось важно, верит она или нет. Даже если бы я не верил, такие выдумки, очевидно, имели силу поднять ей моральный дух, вернуть ее, по крайней мере, на мгновение, до состояния радости и уверенности в себе.

- В тот раз в Париже, - говорила она с близостью. - Помнишь?

Но это было уже слишком!

Отель des Saints-Pères. - Издал подземный смех, в голос копает и вибрирует.

Не поднимая головы, Энтони делал знак, что помнит. Но что она явно хотела, так это то, что он тоже почувствовал эту ноту значимая радость и развивайте мрачную ссылку на эту древнюю смейтесь над обоими со святыми отцами и удовольствиями, которыми они наслаждались под этим высоким церковным покровительством. На специальном языке, который тогда если бы они служили “сделать немного святого отца”, или, более идиоматически тем не менее, “сделать Святого” означало “faire

1'amour". Он нахмурился, внезапное чувство большой холеры. Как она посмела…?

Проходили секунды. В отчаянном стремлении заполнить ледниковая бездна его молчания, Мэри сказала, в тоне воспоминаний сентиментальный: - это был случай, когда нам было очень весело.

- Много, - повторил он самым автоматическим способом.

Вдруг она взяла его за руку. - Энтони милый!

- Стойте мне всех богов! - подумал он; и искал с возможно деликатес, отвлечься. Но давление этих горячих пальцев и сухие не поддавались.

- Мы были дураками, когда ссорились, - продолжила она. — Или лучше, это я была дурой.

- Абсолютно, - вежливо сказал он.

- Эта глупая ставка. - Он покачал головой. - И Сидни…

- Ты сделал то, что хотел.

- Я сделала то, чего не хотела, - быстро ответила она. — Мы всегда делаем то, чего не хотим… тупо, по простая извращенность. Мы выбираем худшее именно потому, что оно худшее. Гиперион в противостоянии с сатиром? Логро, мы выбрали сатира.

— Но для определенных целей, — не мог не сказать он, - Сатир может быть, это удовлетворит больше.

Как будто она не слышала его замечания, Мэри вздохнула и закрыла глаз.

- Делать то, чего мы не хотим, - повторила она, как для себя. — Всегда делать то, чего мы не хотим, - отпустил; его рука и, анклавия сами за головой, откинулись на подушки, в настроении, в известном и знакомом отношении, которое в отеле des Saints-Pères было так deliciosa en ее изящная праздность, непреодолимой провокации, по эффект пухлого белого колена, вытянутого назад, как колени жертвы, из тех грудей, которые предлагали себя

поднятыми и возбужденными под кружевом. Теперь, хотя, кружево было грязным и маршрутным, грудь висела уставшей под собственным весом, колени жертвы больше не были гладкой колонной из белого мяса, но были увядшие, морщинистые, полные бороздок между выступающими сухожилиями.

Когда она открыла глаза, он, вздрогнув, узнал в взгляде, что она направила его, тот же самый взгляд, к нежному и циничному времени, к стервозное время, полное томного отказа, с которым она тогда он неотразимо приглашал в Париж, где прошло уже пятнадцать лет. Это был взгляд 1913 года на лицо 1928 года в мучительно гибридном Союзе. Он пристегнул ее на секунду или две, преследуемый. После этого ему удалось нарушить тишину.

- Мне нужно уйти.

Но до того, как она успела встать, миссис Эмберли уже встала. он наклонился, быстро и положил руки ему на плечи.

- Нет, не уходи. Он не должен уходить. - Она пыталась повторить это приглашение смехотворно сладострастный, но не мог не попасть ему в глаза выражение глубокой тревоги.

Энтони покачал головой и, несмотря на тошнотворный запах эфира, он старался изо всех сил улыбаться, в то же время лгал, что обещал явиться в одиннадцать часов на внеочередное собрание. Мягко, но твердым и решительным движением он приостановил руки, которые его держали, и он стоял у кровати.

- Спокойной ночи, Мэри, дорогая! - произнес он с определенной теплотой в голосе. Уже теперь он может проявить нежность. - “Бон кураж!”- Сжал между

его руки; затем, кланяясь, он поцеловал сначала одну, затем другую. Теперь, когда я стоял и распутывал путь свободы, перед собой он чувствовал себя комфортно, отдавая себя любому, или почти любая эмоциональная расточительность. Но вместо того, чтобы принять остановку, Мэри Эмберли ответил ему пристальным взглядом, словно окаменевшим, на котором все это сводилось к его непоправимым страданиям. Маска, которую он сочинил, и от того, что он излучал всю эту причудливую привязанность, казалось внезапным ужасно контрастировать с реальностью ситуации. В самих мышцах уход за лицом он мог физически чувствовать ее все несоответствие. Глупый,

лицемерный, трус! Но, чуть не побежав, он направился к двери и спустился вниз. лестница.

“Если женщина”, - читала Елена в энциклопедии — - ” Если женщина женщина служит себе любым ядом или другим вредным наркотиком, или незаконно используется какой-либо инструмент или другие средства для спровоцировать сам аборт, виновен в этом…“До его ушей дошел звук от шагов Энтони по лестнице. Встал и легкомысленно подошел к дверь, выход на площадку.

- Привет! - Нет ее улыбки в ответ на ваш, нет симуляции от удовольствия видеть его. Лицо, которое она подняла, было так трагически раздетым из всех обычных momices, как это было лицо его матери.

- Что случилось, Хелена? - воскликнул он, испугавшись, что находиться. Она посмотрела на него несколько секунд молча, встряхнула, а затем и начал задавать ему вопросы о таких названиях, о всех финансовое положение.

Естественно, - думал он, отвечая ему на вопросы-естественно, можно было ожидать, что она найдет все это одним большое расстройство. Но расстройство до этого момента-снова смотреть на она: нет, этого никто не ожидал. Потому что это был не тот случай, когда у малышки было для матери безграничная преданность. Как я мог иметь ее перед лицом эгоизма жестокий Мэри. И вдобавок ко всему, уже почти год несчастная женщина это была зависимость от морфина. Вполне вероятно, что, кстати, ужас имел потерял часть своей интенсивности. И тем временем он никогда не видел ни одного такое несчастное лицо. И было несправедливо, что такая молодость, такая свежесть приходите вместе - выражение такого сильного отчаяния. Видя ее таким образом, что он чувствовал себя в некотором смысле виноватым-ответственным. Но жестом его от сочувствия и любопытного беспокойства она просто ответила вилкой голова, отступить и повернуть лицо.

- А тебе лучше уйти, - сказала она.

Энтони некоторое время колебался, а затем отступил. В конце концов, это была ее воля. Все еще чувствую себя виноватым, но с большим чувством

облегчение, закрыл за собой парадную дверь и после глубокого

вдоха, он направился к станции метро.

Елена вернулась к своему объему энциклопедии"…чтобы спровоцировать сам аборт, виновен в преступлении, караемом смертной казнью. Наказание за это преступление состоит на бессрочных галерах, или минимум на три года, или в тюрьме на два года в максимальный. Если ребенок родился живым…"Больше они не говорили, что это были яды сами по себе, ни какие инструменты нужно было использовать, ни как их использовать. Только эта невыносимая глупость о каторжных работах. Еще один выпускной клапан, который закрывался против нее. Как будто весь мир сговорился, чтобы скрыть ее своей тайной. вообразно преследующий.

Мелодичный, часы в заднем зале пробили одиннадцать. Елена подняла-если, снова на своем месте тяжелый объем и поднялся по лестнице, чтобы перейти к комната матери.

С осторожностью и точностью движения, которые не были ему привычны, миссис Эмберли была занята, когда ее дочь вошла, наполняя шприц подкожно с жидкостью из небольшой стеклянной ампулы.

Он вздрогнул, когда дверь открылась, поднял глаза, сделал жест как спрятать шприц и ампулу под постельным бельем; после, опасаясь пролить любую часть драгоценной жидкости, она приостановила жест в середине.

- Уходите! - сердито закричала. - Почему ты входишь без стука? Не я хочу, чтобы ты вошел в мою комнату без стука, - повторил он с большей резкостью, рад, что нашел предлог для своей ярости.

Елена стояла секунду или две у двери, совершенно неподвижно, как не верующий в то, что видели глаза его; , он вошел в комнату быстрыми шагами.

- Дай мне эти вещи, - сказал он, протягивая руку.

Миссис Эмберли отступила к стене. - Уходите! — кричать.

- Но ты обещал…

- Я ничего не обещал.

- Ты обещала, мамочка.

- Я не обещал. И как бы то ни было, я делаю все, что хочу. Не говоря больше ничего, Хелена протянула руку и держала свою мать за кулак, миссис Хенни, и она не могла этого сделать. Эмберли крикнула так громко, что боялась, что слуги придут к увидев, что произошло, Елена перестала сжимать ее.

Миссис Эмберли перестала кричать; но взгляд, который она бросила .. Елена была ужасное зло. - Если вы делаете пролить каплю этого, - сказал дрожащим от гнева голосом, - Я убью ее. — повторять.

Они смотрели друг на друга на мгновение, не говоря ни слова. Именно Елена нарушила тишину. - Ты хотел меня убить, - сказал он на паузе, — потому что я не позволю тебе убить себя. Пожал плечами. — Прекрасно; я полагаю, если вы действительно хотите убить себя… - Оставил фразу незавершенный.

Миссис Эмберли молча смотрела на нее. Если вы хотите действительно… - Он вспомнил слова, которые он адресовал только Энтони. несколько минут назад, и внезапно слезы текли по его щекам. Она чувствовала себя подавленной жалостью к себе. - Думаешь, это потому, что я я хочу, что мне делать? - И его слова прерывались плачем. - Я ненавижу это. Я безмерно ненавижу. Но я ничего не могу с собой поделать.

Сидя на краю кровати, Елена обняла плечи матери. - Милая мамочка! — умолять.

- Не плачь. Все это разрешится само собой. - Это было глубоко растроганный.

- Во всем виноват Джерри, - воскликнула Миссис Эмберли; и без заметив небольшое дрожание Елены, она продолжила: — У него есть виноват во всем этом. Всего. Я уже знал, что он монстр. Даже когда я был больше всего влюблен в него.

Как будто мать внезапно стала странным человеком., с тем, кто не был в порядке с этим близким контактом, Елена удалила рука, которая зацепила ее. - Упал за него? - недоверчиво пробормотал. - В этом смысл?

В ответ на воображаемый и совершенно другой вопрос, защищаясь от упрека, которого никто не делал, миссис Эмберли он объяснял: - это было без моего желания; я не мог этого

чувствовать. Это было так. — Сделать небольшое движение рукой, держащей шприц для подкожных инъекций.

— Вы имеете в виду, - настаивала Елена, говоря очень медленно и как что доминирует над почти непобедимым сопротивлением, - это значит, что он был… что он был ее любовником?

Странный тон этих слов пробудился в Миссис Эмберли. первый раз с самого начала разговора, что-нибудь вроде осознание реального существования, личное его обращение., посмотрел на Елена с изумленным выражением лица.

- Значит, вы не знали? - Перед лицом этой необычайной бледности, тех губы, которые дрожали, не имея возможности доминировать, старуха чувствовала себя захваченной. от внезапного раскаяния. - Но, моя любовь, я опустошен. Я не представить… Вы еще так молоды; вы не понимаете. Вы не можете… Но куда ты идешь? Иди сюда! Вернись! Хелена!

Дверь захлопнулась. Миссис Эмберли сделала шаг, чтобы следовать за

дочь; затем он размышлял над делом и вместо того, чтобы следовать за ней, возобновил задание прекратил заполнять шприц для подкожных инъекций.

Глава XXIII - 25 марта 1928 г.

Когда Елена закрывала глаза, она оживлялась., стремительный и хаотичный, Красная тьма за веками. Любой вещь, как железнодорожная станция, полная спешащих людей, голосов, что они оглушали; и цвета воспламенялись, формы выступали с резкость, украшенная камнями, с этой резкостью, более чем реальной, форм и цвета, которые проецируются под светом отражателей. Это было похоже на лихорадку. он собрал в голове толпу, зажег лампы и я включаю граммофон. В фантастическом зареве сцены, изображения они приходили и уходили по собственной инициативе, в жестоком неуважении к себе пожелания Елены. Они приходили и уходили, говорили, жестикулировали, изображали их кропотливые и безумные драмы, не прекращающиеся, не жалеющие усталости в котором она была, не обращая внимания на ее горячее желание быть

одиноким и отдыхать. Иногда в надежде, что внешний мир затмевая эту непрекращающуюся интимную галлюцинацию, она открывала глаза. Но свет это беспокоило ее; и несмотря на эти букеты роз на обоях, несмотря на белое покрывало и дверные ручки на краю кровати, несмотря на от зеркала, щеток, бутылки Кельна, тех изображений другая сторона их глаз продолжала жить той жизнью, которая была для них в частном порядке, без чего-либо, что могло бы их беспокоить. Напряженная и сумасшедшая жизнь, теперь крайнее несоответствие, какая история придумана кем-то другим, и отсюда мало и вдруг, мучительно знакомо, мучительно ей.

В то утро, например, в этот день (днем или утром) время было в равной степени неразрешимый и несуществующий: но в любом случае это было сразу после того, как Мадам. Бонифай пришел к ней-воняет, воняет чесноком и грязным бельем), она видела большой ” зал ” со статуями. Золотые статуи. Он узнал Вольтера ростом в пять футов; и был один из тех китайские верблюды, но огромные. Люди были организованы в группы, формируя красивую картину, как люди на сцене. Фактически, они были на сцене, изображая пьесу интриги, пьесу со сценами любви и револьверов. Как сверкали гамбиары! С какой ясностью и акцент они говорили стихи. Каждое слово-колокол, каждое изображение-одно лампа светится, Руки Вверх… Я люблю тебя… Если она попадет в ловушку… — Быть, но кто они, что они говорили? И теперь для любого странная причина, они говорили об арифметике. Шестьдесят шесть ярды линолеума, три Челина и одиннадцать пенсов за Ярд. И женщина, которая владея револьвером, она внезапно стала Мисс Косма. Больше нет там не было ни Вольтера, ни золотого верблюда. Только доска. Мисс Косма всегда злилась на нее за то, что она так слаба в математике,

она всегда была ненавистной и несправедливой. “Три Челина и одиннадцать пенсов”. Но номер дом мадам. Бонифаю было одиннадцать, и Елена снова нашла себя гуляя по улице Ла Томб-Иссуар, чувствуя себя на каждом шагу, все больше и больше опасается. Шагая все медленнее и медленнее, в надежде, никогда не попасть туда. Но дома устремились к нему, как стены подвижных лестниц из подполья. Они быстро приходили к ней и затем, когда число одиннадцать подошло прямо перед ним, они остановились и бесшумный. “Мадам. Бонифай, шалфей де Лер класс”. Она стояла и смотрела для слов, как я смотрел на

реальность двумя днями ранее.; затем он продолжил свой путь, как и его путь тогда. Еще одну минуту, - настаивала она на себе, - пока возможность побороть свою нервозность, пока она не почувствует себя менее плохо. Поднялся по улице новый и оказался в саду со своей бабушкой и Хью Ледвиджем. Это был огороженный сад с одним концом сосновой рощи. Е из этой рощи вышел Бегущий человек, человек, у которого было лицо ужасная кожная болезнь. Гнойнички, пролежни и красные корочки. Ужасный! Но бабушка его ограничилась словами: “Бог плюнул ей в лицо”, - и все они смеялись. Но, продолжая идти, он увидел, что посреди леса есть кровать; сразу же, не зная, как, именно она лежала на этой кровати, глядя на другую группу людей в другом спектакле, может быть, в том же зрелище. Освещенные огнями в центре внимания, с голосами, которые звучали как колокольчики в ушах; но непонятные, неузнаваемые. И вот он был Джерри, сидя на краю кровати, целуя ее, обнимая ее плечи, seios_ - не делай этого, Джерри! Все эти люди могут видеть нас. Не делай этого, Джерри! - Но когда он попытался толкнуть его, он заметил, что он как гранитный блок, непоколебимый; и все время они отрывались-если из его рук и губ легкие мотыльки, которые производили под ее кожей мимолетное наслаждение, которое всколыхнуло ее; и стыд, ужас быть увиденным всем эти люди в то же время вызывали у него особые физические страдания - ощущение, что тварь трясет ее внутренне, тварь ноги больше и что это уже не мотылек, а огромный таракан, отвратительный тактично, но отвратительно вкусно. - Не делай этого, Джерри, не делай этого! — И вдруг вспомнил все — с той ночи после того, как котенок он умер, и от всех других ночей, а затем и от первых симптомов, от растущего беспокойства и дня, когда я позвонил ему и получил как ответ, что он уехал в Канаду, и, наконец, деньги, и той ночью, когда твоя мать… - Ненавижу его! - крикнул; но когда, с последнее и насильственное усилие, удалось округлить его, чувствовал, как будто боль так больно, что она на мгновение забыла о своей судьбе и увидела себя полностью во власти непосредственной физической реальности. Медленно, боль была

исчезновение; потусторонний мир лихорадки снова закрылся на нем. И уже это больше не был Джерри; теперь это была мадам. Бонифей. Мадам. Бонифай с этим вещь в руке, le vous ferai un peu mal. И это была уже не кровать в лесу. сосны, но канапе в комнате мадам. Бонифей. Стиснул зубы, как я сжал их в тот раз. С той разницей, что на этот раз дело было хуже, потому что я знал, что

произойдет. И под светом отражателей, эти люди он все еще был там, разыгрывая свою драму. И там, лежа на канапе, она, она. кроме того, он был частью драмы, он представлял свою роль снаружи; и, конец, это была уже не она, а другая, кто-то в купальнике и с некоторыми огромные груди, как у Леди Книп. И что нужно было сделать, чтобы остановить что ваша грудь стала такой? Это была возможность, что актеры, с голосом, ярким, как звук колокола, но непонятным, они спорили в своем кошмаре. Возможность Елены с некоторыми огромные сиськи Елены с толстыми валиками жира вокруг бедер, от Елены с морщинами на бедрах, от Елены с рядами и рядами детей — ревет все время; и все же этот отвратительный запах молока кислый; и его вышитые футболки. И тут вдруг всплыла Джойс. толкая тележку по улицам Олдершота. Вынимая ребенка. Давая ему от еды. Отчасти испуганная, отчасти очарованная, она смотрела на него, так прилипает, так сосет. Прижимаясь к груди, эта у лягушачьего личика было выраженное обжорство, которое постепенно становилось затухание по мере наполнения желудка, пока оно не превратится в выражение сна, безумного экстаза. Но руки — это были совершенно человеческие, это были настоящие чудеса, правда чудеса нежнейшей элегантности. Красивые, очень тонкие руки; неотразимые маленькие ручки! Взял ребенка из рук Джойса, сильно сжал его прижавшись к телу, он опустил голову, чтобы поцеловать эти мизинцы поклоняться. Но вот, вещь, которую она держала на руках, была котенком умирающий, это были те почки, которые она украла у мясника, это была эта штука ужасно, что она, открыв глаза, превращается в Мадам. Бонифай догнать с безразличие и взять на кухню внутри таза из фольги.

Хирург был вызван вовремя, и Елена была теперь из всех опасность. Более взволнованная, мадам. Бонифай возобновил хорошее настроение материнский и раблезианский, который был для него естественным.

Это было почти с небольшим выражением лица, о котором она теперь говорила операция, которая спасла жизнь Елены. “Ton petit curetage”, - использовала она сказать с какой-то веселой бредьюрикой, как будто намекая на какое-то незаконное удовольствие. Для Елены каждый тон этого жирного, веселого голоса был еще одно оскорбление, еще одно унижение. Лихорадка прекратилась; слабость, в которой

он не мог смириться с его ясностью; он снова жил в реальном

мире. Поворачивая голова, она могла видеть себя отраженной в зеркале гардероба. И это было правильно удовлетворение, которое он видел, как он был худым, как он был бледен, как он был под глазами эти голубоватые и прозрачные тени и как глаза они утратили яркость и яркость. Что ж, теперь я мог бы запылись, покрась глаза немного, носи лица, расчесывайся, отдай ново для волос его свежесть и блеск; но, наоборот, он предпочел остаться таким образом, растрепанный и в своей болезненной бледности. “Как котенок” не прекращался думать. Превращенный в грязный муламбо из мягкой плоти, превращенный в существо, полное жизни, во всем репелленте, в этих почках, или в этой безымянной вещи, что мадам. Бонифей… Он почувствовал дрожь. И теперь этот тон petit curetage — в том же тоне, что и тон petit amoureux. Быть ужасно, последнее из унижений. Ей было противно от этой женщины. чудовищно, но в то же время довольна тем, что она такая отвратительная. Эта грубая, экспансивная пошлость была в некотором роде адекватной, это в некотором смысле соответствовало всему остальному. Но так быстро мадам. Бонифай покинула комнату, она уже плакала в тишине, в боли, которую это вызывало у нее жалость к себе. Возвращаясь без ожидания, мадам. Бонифай нашел ее в то второе утро после petit curetage со слезами бегают по его щекам нитками. Искренне сочувствовал, искал утешить ее. Но утешение пахло, как обычно, луком. Физически тошнотворный, а также раздраженный этим вторжением в близость его страдая, Елена повернулась в сторону и, когда мадам. Бонифай хотел его навязывая свое утешение, он покачал головой и сказал ему, чтобы он ушел. Мадам. Бонифай на мгновение колебался, затем подчинился, но с оскорблением парт в виде наводящего на размышления замечания к письму, которое принес и положил на подушку Елены. Его, без малейшего сомнение. Доброе сердце, несмотря ни на что… В конце концов, письмо было от Хью. “Курортный сезон в Париже!”- писал он. От моего маленького и темное кольцо, из середины моих безделушек, какая у меня зависть ты, Елена! Париж, в середине лета. Красивый в своей радости, как никогда это может быть здесь место туманных расстояний. Лондон всегда печально, даже в солнечные дни. Мы живем здесь, вздыхая за ясные и недвусмысленные рутилансы Парижского лета. Как я хотел быть там! Прежде всего из эгоизма, из удовольствия быть с тобой и вне Лондон и Музей. А потом из самоотверженности, из любви к тебе-потому что меня беспокоит мысль о том, что ты один в Париже. Теоретически, рассуждая, я знаю, что с ним, вероятно, ничего не может случиться. Но тем не менее, Тем не менее — я бы хотел быть там, защитник, но невидимый, так что ты никогда не

узнаешь о моем присутствии.

почувствуйте мою преданность как назойливость, но тем временем почувствуйте, уверенность, возникающая из-за того, что она сопровождается. Не то чтобы я был, бедный меня, хороший корм в Апертуре. (Как я иногда ненавижу от себя из - за этой моей неспособности!) Но лучше так, может быть, чем ты один. И я никогда не буду безрассудным., назойливый, любопытный. Это было бы так, как будто его не существует; кроме случаев, когда вы я нуждался во мне. Моя награда будет заключаться в том, чтобы найти меня своим сторона, в том, чтобы видеть и слышать ее — награда того, кто выходит из пыльной среды и входит в сад, и смотрит на цветущие деревья, и слушает слухи о источник.

“Одна вещь, которую я никогда не говорил тебе (я боялся, что ты рассмешишь себя — и, может быть, он смеется; это не больно; потому что, в конце концов, это твой смех), но правда в том, что я иногда забиваю себя историями, в которых я нахожусь. всегда с тобой, как я сказал тебе, что хотел быть с тобой сейчас в Париж. Охраняя тебя, охраняя ее от всякого зла, а взамен являясь утешенный очарованием, теплом, ослеплением, исходящим от вы, исходящие от вашей сияющей чистоты…”

Возмущенная, как будто ирония, содержащаяся в ней, была преднамеренной, Елена отбросил письмо в сторону. Но через час я стал ловушкой.- la и перечитывал ее с самого начала. В конце концов, было утешением знать что был кто-то, кому было интересно.

Глава XXIV-14 апреля 1928 г.

Невыразимое счастье-вот что должно было иметь ее письмо пропорциональный. Но физиономия Хью-Хью идет вверх и вниз по длинной галерее этнографической коллекции, вместо того, чтобы заботиться о обед, - это была маска недоумения и тоски. Слова из письмо Елены ему повторяли в памяти: “никто не беспокоится, даже, что я мертв или жив”.

Из стеклянного шкафа, в котором хранилась мексиканская коллекция, символ смерть, в кристалле, и этот другой череп с

бирюзовыми вставками они смотрели на него, когда он проходил мимо. “Никто не беспокоится…“Это должно было быть его очередь. Я мечтал о ее несчастье-полный несчастья сострадание, но и Надежда тоже. Несчастная, она обратится к нему. “Никто не беспокоится…”

“Никто, кроме тебя”. Ваша гордость удовлетворена, удовольствие, которое те слова, которые они вызывали, усиливались, когда они продолжали читать, идея, что она действительно не понимала, насколько он беспокоился, нет он оценил точное качество его чувств. “Моя мама?“была она написанный. “Но в конце концов, она кто-то другой, с тех пор, как она начала принимать этот ужасный наркотик. Это всегда был кто-то другой, даже когда он был хорошо, хотя и не так уж и много. Как я всегда был другим, если давайте хорошо рассмотрим эти вещи. Она надеялась иметь во мне дочь, но я я всегда был эгоистичным и безответственным. Такой она была. Кто-то другой. Как я мог да, она беспокоится обо мне? Ты не эгоист, Хью. Ты есть…” Но речь шла не просто о том, быть или не быть эгоистичным, он начал протестовать, в то время как все эти нарисованные лица перуанских ВАЗ справа на него опускался пристальный и пристальный взгляд застывшей жизни. Речь шла, да, о чем-то другом, о чем-то более глубоком и более духовный. А. слева от него висели трофеи вождей папуасских охотников но они нарисованы фантастически, как головы обезглавленные шуты. Черепа перевала Торрес были снабжены круглые и блестящие перламутровые глаза. Да, более духовно, настаивал Хью, вспоминая, что он написал о ней — лирически, лирически! - и из этого тонкого анализа собственных эмоций. Вот что был альтруизм, но слитый, так сказать, в созерцание, утонченный см что-нибудь эстетическое. Альтруизм в картине. Альтруизм Ватто, над Конельяно. И она сама, объект ее альтруизма созерцательный и эстетический - она тоже, в своих фантазиях, на страницах

накопленный из его рукописи, он обладал качеством картины или из музыкального произведения; что-то, что он чувствовал бы достаточно счастлив постоянно созерцать, слушать; может быть, иногда трогать, как будто она статуя, ласкать с едва заметным нежность. И иногда в таких вымыслах ей было холодно, она чувствовала себя несчастной — никто не беспокоился, даже-и просил уюта и тепла, съеживался и прижимался к нему в объятиях, в тех бескорыстных, созерцательных,, неосязаемые его руки, и там лежал, как в безопасном убежище, но голый, лежал

там, как картина, девственная, идеальная, но трогательная, воодушевляющая… Пернатый, как посол в парадной форме, с клювом птица, зубы акулы, эта деревянная маска когда-то делала его носитель чувствовать себя, танцуя, больше, чем человек, союзник, родственник богов. “Вы сказали, что хотите всегда быть со мной. Ладно: я много думал об этом в последнее время, и я думаю, что это то, что я тоже хотеть. Мой дорогой Хью, я не люблю тебя, но мне больше нравится вы, что от кого - либо еще. Я думаю, что ты более серьезен, более добрый, добрый, менее эгоистичный. И, без сомнения, это уже хорошо фундамент, на котором можно построить что угодно”. Эти слова, из когда он впервые прочитал их, они вызвали у него некоторую панику, и это было с та же агитация и тот же протест, который он теперь ходил среди новой Каледония и Соломоновы острова. В чреве деревянной рыбы, “красивый”, меланезийская вдова открыла маленькую дверь, и она была, как писсуар, череп ее мужа. Но это всегда было духовно и эстетически, что он хотел быть с ней. Она не могла понять это? Конечно, он был совершенно ясен, не так ли? “Если ты все еще желаешь этого, вот я, кто тоже этого жаждет”. Это было ужасно, я думал, ужасно! Она заставляла его принять решение, делая его невозможно сказать “нет”, предполагая, что он уже сказал”Да”. Чувствовал себя застряв в круге, он оказался в тупике. Брак? Но придется изменить весь свой образ жизни. Квартира была слишком маленькой. Она я хочу есть мясо на ночь. Миссис Бартон потребовала бы, чтобы они изменить. Кончики некоторых копий слева от него были из обсидиан, у других были края ската, у других-кости человеческий. “Вы, наверное, думаете, что я глупый, и легкомысленный, и безответственно; и это правда; это то, чем я был до сих пор. Я неисправим. Но я не родился неисправимым — это сделало меня такой жизнью, которую я вел. Теперь я хочу быть другим, и я знаю, что могу быть другим. Серияиспользуйте. Хорошая жена и тому подобное, как бы смешно и неловко это ни было такая цель представится так, написано. Но я отказываюсь продолжать иметь стыдно быть хорошим. Я категорически отказываюсь”. Эта безответственность,

считала его, это была одна из самых красивых и трогательных вещей, которые она владеть. Он отделял ее от обычного, переносил на внешний план и выше вульгарного человечества. Он не хотел, чтобы она была ответственной и хорошая жена. Я хотел, чтобы она была как Ариэль, как это нежное существо из его рукописи существо другого порядка, за пределами и выше добра

и зла. Тем временем он направил свои шаги вглубь Африки. Снизу стеклянный шкаф сверкает, как черное дерево, изображение черной женщины, держащей обеими руками ее длинные заостренные груди. У меня была татуировка на животе, и его пупок появился в форме небольшого конуса. Копья шкафа затем у них были концы, покрытые железом. Как Ариэль, повторил он с тобой, с теми Ватто из Дрезде, как Дебюсси. Как резонатор, у этого ксилофона был не обычный cuia, а человеческий череп, и был несколько черепов, образующих фестоны вдоль фетишей из слоновой кости, бедренных костей вокруг барабана жертвоприношения Ашанти. Она все испортила, я сказал вам, раздраженный. И вдруг, подняв глаза, увидел ее там., спешно направляясь навстречу ему, по узкому проходу между шкафами

- Ты? - он пробормотал.

Но Елена была слишком расстроена, чтобы видеть изумленный взгляд, бледность, а затем румянец, что чувство вины навлекло на него лицо; она очень сильно беспокоилась о своих собственных мысли, чтобы иметь возможность воспринимать тон удивленного опасения, что это было в его голосе.

- Простите, - тяжело дыша сказала она, пожимая ему руку. — Я я не собирался приходить сюда, чтобы приставать к вам. Но вы понятия не имеете, что было сегодня утром дома. - Покачала головой; у нее дрожали губы. — В мама была как сумасшедшая. Я не могу вам сказать… Ты единственная человек Хью…

Неловко он стремился утешить ее. Но реальность была глубоко в отличие от того, что он считал ее счастьем. Воображение всегда была его восхитительная возможность; реальность была угрозой неизбежное осуждение. В отчаянии он пытался сменить тему. Многое интересно, да? эти вещи происходят из Бенина. Леопард слоновая кость, вся усеяна инкрустированными медными дисками. Воин “него” из бронзы с мечами и листовыми копьями и головами ваши враги висят на поясе. Европейцы, Барбадос и аквилинцы, с его высокие моррионы шестнадцатого века и его бомбачи с его мушкеты в кулаке и крест на шее. Что здесь комический, - отметил он в скобках — - это то, что единственное, что эти чернокожие знали, как использовать христианство-это искусство распятия

люди. Карательная экспедиция 1897 года обнаружила, что регион полон крестов. Е вот эта красивая голова девушки с ее Фригийской заколкой конической формы и полной из коралловых бусин…

- Посмотри на это, - перебила Елена де чофре; и, вспахав рукав одетый, он показал ей две полукруглые красные отметины на коже предплечье, несколько обрезок над запястьем. - Вот где она меня укусила, когда я пытался заставить ее вернуться в постель.

Хью всколыхнул себя в смеси негодования и жалости. Но это ужасно! — воскликнуть. - Это ужасно. Взял его ” за руку. - Бедняжка! — Находиться минутку заткнись. Затем, внезапно, его чувство жалости он развеялся перед представлением о свершившемся факте. Теперь уже не было средств бежать. Он снова подумал о миссис Бартон. Что бы я сделал, если бы она уведомить?

Глава XXV - 20 мая 1931 г.

Это был скорее “нокаут”. Фитцсиммонс, Джеффрис Джек Джонсон, Карпентье, Демпси, Джин Танни-появились чемпионы и они исчезли; но метафора, которой мистер Бивис описывал свои лут последовательные остались неизменными.

Да, грубый удар. И все же Энтони показалось, что есть записка почти триумф в воспоминаниях отца, даже за обедом, касающихся школьное детство дяди Джеймса.

“Бедный Джеймс… Те волнистые волосы, которые у него были тогда… нас et мутамур.“Сочувствие и взвешивание-они смешались с определенным удовлетворением - удовлетворение старика, который все еще полон жизни, все еще способен посещайте эксекии своих современников, своих родственников и друзей больше новый.

- Два года, - настаивал он. - Разница была почти в два года между мной и Джеймсом. В школе меня звали, чтобы отличить, Бивис номер один.

Он покачал головой, грустный и грустный, но сиял в его усталых глазах неразрывный свет. Бедный Джеймс! — вздыхать. - Мало кто из них мы видели друг друга в последние годы. После вашего преобразования, так что ни разу. Как он мог обратиться? Я не

могу объяснить. Католик - среди многих, именно он…

Энтони ничего не говорил. Но, в конце концов, — подумал я, - не было так много, чтобы удивить. Бедный старик стал атеистом, согласно школе секулярист Брэдло. Это должно было соответствовать блаженному блаженству, возведение в квадрат его неверия, его отказа от космического мира, его непреклонный скептицизм. Но мне не повезло быть гомосексуалистом в то время. в котором человек не мог признаться в этом, даже сам. Пассивная педерастия-вот что отравило всю его жизнь и преобразило эта метафизическая и восхитительно пиквикская безнадежность в нищете королевский, вульгарный или золотой. Нищета и неврастения. Старик был наполовину сумасшедший, там это было правдой. (Что не помешало ему быть действующим лицом Первый Орден.) Затем, во время войны, небо обнажилось. Можно быть хорошо для раненых солдат-быть хорошим pro patria и с совестью очищенный. Энтони вспомнил визиты дяди Джеймса в больницу. Он приходил почти каждый день. Загружен подарками на дюжину племянники, как для настоящих, так и для приемных. На твоем лице худой, меланхоличный, в те дни была замечена постоянная улыбка. Но

счастье не длится долго. Было перемирие, и после четырех лет в рай, ад казался более крутым, чем когда-либо. В 1923 году папист. Я уже ждал.

Г-н Бивис, однако, не мог абсолютно понять. Идея Джеймса, окруженного иезуитами, Джеймса, стоящего на коленях и стоящего на ногах, и став на колени во время мессы, Джеймс собирается в Лурд со своим опухоль, которую нельзя было прооперировать, Джеймс умирает и получает комфорт о религии-эта идея наполнила его изумлением.

— И все же, - сказал Энтони, - я не могу не восхищаться тем, как это происходит. как они помогают нам покинуть жизнь. Смерть имеет все характеристики животного процесса. Более исключительно животное, даже, чем морская болезнь. - Он замолчал на мгновение, думая о последних моментах и более физиологические от бедного дяди Джеймса. Тяжелое, хриплое дыхание, рот зияет, как пещера, руки соскабливают кровать, как коготь.

- Как церковь была хорошо предупреждена, чтобы превратить это

в церемониал!

- Шарады, - презрительно сказал мистер Бивис. - Но хорошие шарады, - настаивал Энтони. - Произведение искусства. Сам по себе Акт имеет что-нибудь как пересечь пятно, когда плохая погода — с этой разницей: что немного хуже. Но им удается превратить это в любое вещь красивая и значимая. Особенно для зрителя это уже видно. Но, пожалуй, тоже значимо для актера.

Была тишина. Горничная поменяла посуду и принесла десерт. — Хотите яблочный пирог? - спросил он, разрезая корку.

- Яблочная пастель, дорогая, - резко поправил Мистер Бивис. — Когда вы узнаете, что пирог обнаружен. Одна вещь с глазурь-это пастель.

Нам подали сливки и сахар.

— Кстати, - вдруг сказала Паулина, - у них уже были новости что случилось с миссис Фокс? - Энтони и Мистер Бивис ответили голова, которая не делает. Мэгги Кларк сказала мне вчера. Был один атака.

- Боже мой! Бедняжка! - сказал мистер Бивис. Затем, размышляя, добавил: - любопытно, как люди перестают принадлежать к доске наша жизнь. После того, как они заняли в нем большую часть. Не думаю, что видел миссис Фокс полдюжины раз за последние двадцать лет. И тем временем, прежде этого…

- Она не чувствовала, не понимала “юмора”, - сказала Паулина Гизе объяснений.

Мистер Бивис обратился к Энтони. - Не думаю, что у вас есть… да. я имею в виду, что вы были в очень интимном “ментальном контакте” с миссис Фокс после смерти бедного мальчика, сына.

Энтони просто покачал головой, не говоря ни слова. Это было не так. приятно, что вы пришли, чтобы вспомнить все, что вы сделали, чтобы избежать этого. контакт с миссис Фокс. Те длинные и ласковые письма, которые она ему писал в первый год войны-письма, на которые давал ответы все более краткими, более совершенными, более обычными; и к которым в конце концов он перестал отвечать и даже перестал читать. Оставлять, даже читать и, тем не менее — движимый не знал, что

compunction суеверный-никогда не выбрасывал. Десяток, по крайней мере, голубые конверты, адресованные с этим вашим большим, ясным, цепным письмом, они еще не открылись в одном из ящиков его стола. Их присутствие Али был, в некотором смысле неясным и необъяснимым, своего рода бальзамом для ваша совесть. Однако это не бальзам абсолютной эффективности. Вопрос от отца он причинил ему истинное недомогание; вскоре он решил изменить вопрос.

- И каковы были ваши опросы в последнее время? — спросил, пользуясь языком, который использовал бы сам отец.

Г-н Бивис набросал смех и начал и описать свои исследования в moderna American slength. Сколько вкусных озвучек! Какое богатство елизаветинские новые чеканки и оригинальные метафоры! Конские перья, dish The dope, button up yourface-вкусно! - И что бы вы нашли, если бы вы назовите fever frciu? - спросил он свою младшую дочь Диану, который все время трапезы молчал, сурово дистанцировалась от того, как много было. - Или, что еще хуже, cinch pushover, милая? Или я мог бы также сказать, что у тебя, Энтони, был купол комплекс. Или с сожалением сослаться на Жить Ваш из smooching The sex jobs. — С удовольствием подмигнул глаз.

- И почти как будто он китаец, - сказала Паулина с другого конца стол. Радость исходила от его безмятежного круглого лица волнами концентрические из розового и мягкого мяса. Когда они двигаются, их челюсти они вибрировали, как желе. - Он думает, что он линейный человек. И что его папа думает. Протянул руку, налил себе два шоколадных конфет, которые вытащил из серебряного залпа на столе и перед ним, засунув одного из них в рот. -Он очень тонкий… И он постоянно смеялся.

Г-н Бивис, который старался достичь необходимой степени плохое поведение, немного наклонился вперед и спросил Энтони, в конфиденциальном шепоте: - что бы вы сделали, если лихорадка frciu если бы мне не повезло, что меня похитили.

Они были очаровательны, Диана думала с тобой; это было что-то очевидный. Но насколько они могут быть глупыми, глупыми, невыразимо! Как бы то ни было, Энтони не имел права критиковать их; и под тем покровом чрезмерной вежливости, который его характеризовал, было ясно, что он я критиковал их,

мальчик! Она была возмущена. Никто не имел права критиковать их, кроме себя и, возможно, своей сестры. Искать представьте себе что-нибудь неприятное, чтобы сказать Энтони, но это не так он дал ей утечку, и, кроме того, у нее не было дара эпиграммы. Пришлось довольствоваться хмуриться и молчать. И, кстати, пришло время вернуться в лабораторию.

- Мне нужно идти, - сказал он, с его кратким и резким режимом, вставать. - Я абсолютно запрещаю ей есть все эти сладости, — сгребся, кланяясь, чтобы поцеловать маму. - Приказ врача.

- Ты еще не врач, дорогая.

- Я еще не был, но я буду в следующем году.

Спокойно Паулина засунула в рот вторую конфету шоколад. - Да, в следующем году, может быть, я перестану их есть,-сказал он.

Через несколько минут Энтони уезжал. Когда я шел по Южный Кенсингтон, случилось так, что его мысли снова повернулись. для миссис Фокс. И я спрашивал вас, было ли нападение, которое у нее было, если она была парализована. Такое из его беспокойства о том, чтобы помешать отцу вы должны поговорить о миссис Фокс, которая не дала Полине повода объяснить вам это. Он представил ее в постели, потерянной, полумертвой, и был в ужасе от обнаружив, что рядом с чувством сочувствия я чувствовал определенное удовлетворение, определенное облегчение. Потому что, в конце концов, она была главным свидетелем обвинение, лицо, которое может дать показания против него до осуждения. Мертвый, или только полумесяц не мог быть призван к даче показаний; и в его отсутствие, против него больше не было причин. Часть его бытия радовалась новости, которые дала Паулина. Он позорно радовался. Пытался думать, что-то еще, и пока он так старался, он сел на автобус, чтобы быстрее добраться до своего спасательного порта, который в данном случае был Лондонская библиотека.

Он провел там почти три часа в поисках ссылок на историю Анабаптисты, а затем вернулись в свои покои в Блумсбери. Я рассчитывал на визит Глэдис перед ужином. Девушка получала немного скучно в последнее время; но, тем не менее… Улыбнулся близко, предвосхищая удовольствие.

Я должен был прийти в шесть часов; но в шесть с четвертью у меня еще не было прибывший. Даже в половине шестого. Даже в

семь. Даже в семь и чулок. Восемь, он созерцал эти синие конверты с открытками

с 1914 г. и 1915 г. и перезаписаны лирикой миссис Фокс-созерцал их и он не знал, в ужасе, с которым он задавался вопросом, и что он преуспел в государстве начав с нетерпения и гнева, я не знал, стоит ли их открывать. Все еще был в этом нерешительность, когда звенел телефон: это был Марк Стейтс, спрашивающий, почему у него не было никаких обязательств по ужину. В последний час у них было организовали встречу. Питчли будет присутствовать со своей женой, психологом, и еще был этот индуистский политик, Сен и Хелена Ледвидж… Энтони он снова положил письма в ящик и поспешно ушел.

Глава XXVI 24 мая 1931 г.

Подвесные жалюзи позволяли свету выступать над туалетным столиком сильный от солнца. Елена, как обычно, все еще лежала. Они были такими длинными. день. И средство, которое она нашла, чтобы сократить их, было оставаться в постели, смягчается мягким теплом собственного тела под одеялом или оставляя-будь то избиение сном, или укладывание себя в смутные мысли и несущественные, я предаваясь снотворным чтениям. Книга этого утра это было из стихов Шелли. “Теплый Олор”, прочитал, сформулировав слова в слышен шепот: “казалось, что он оторвался от светлых одежд…”(увидел фигуру длинноногая, одетая в белый Муслин, с лопатками в наклон и грудь в ристе).

От светлых одежд, от распущенных волос,

Оттуда, где воздух тяжелая коса,

В спешке, в которой она ехала…

(Фигура теперь бегала, в танцевальных туфлях, с широким клювом и завязаны черной лентой поверх белых хлопковых носков).

Сладость кажется легким Венте

Насыщает и ощущается сильный запах в душе.

Как горящая роса

В алгебре синус бутона розы…

Бутон розы уступил место странно искривленному лицу Марка Стейт. Те вещи, которые он рассказывал вам о парфюмерии в тот еще одна ночь. Мускус, серая амбра… И Генрих Четвертый со своим бромгидроз на ногах. Bien vous en prend d'être roi; sans cela on ne vous pourrait souffrir. Vous puez comme charogne. Она поморщилась. Хью пахло кислым молоком.

Часы пробили часы. Девять, десять, одиннадцать, двенадцать. Двенадцать! Чувствовал себя стыдно; но потом, восстав, решила не вставать и обедать даже в постели. Голос, который он помнил —это был голос Синтии — это звучало для него как перепрограммирование в памяти. "Вы должны выходить чаще, чтобы жить с большим количеством людей". Но эти люди, люди Синтии, были ребята, как и все. Сквозь сжатые веки он увидел свою мать стучать высоко в череп: "камень, твердый как камень, дорогой мой!" Человек глупости невежества, бездушия,

тупость без лекарств. "Я получила образование в среде выше своего уровня "это то, что она сказала Энтони той ночью. "К счастью, если теперь мне придется жить с такими глупыми и необразованными людьми, как я, пытка, настоящая пытка!"

Синтия была очаровательна, без сомнения; всегда вне его, с каких это пор они были вместе в школе. Но муж Синтии - эта гончая! И ее маленькие друзья, и ее маленькие друзья, их жены. "Мой маленький друг. Мой маленький друг". Как ей надоели слова и, тем более, манера ужасно, как их произносили! Так полно оговорок, инсинуаций, наглые, что они спят вместе! Когда на самом деле многие из них они были абсолютно респектабельными. В тех немногих случаях, когда они были, вещь это все еще выглядело хуже — двойное лицемерие, спящий вместе, на самом деле, и притворяясь, что они просто кротко притворяются, что они это сделали. Душераздирающий, сверхтонкий "англичанин" всего этого! А потом они все время играли. Всегда "Джо-ого", как говорила миссис Эмберли, перетаскивая произношение по эффект морфина. Продолжать видеть таких людей, продолжать делать то, что люди делали… Покачал головой.

Жена! Сестра! Ангел с небес! Пилот О судьбе, не имея звезды, ведущей вас…

Абсурд, все это? Или это что-то значило — что-то из замечательно, что она никогда не испытывала? Но, да, хорошо, что он у нее уже был испытанный.

Потому что на полях бессмертия,

Мой дух, должно быть, почитал тебя.,

Какое божественное присутствие в божественном месте…

Теперь было унизительно признаться в этом: но факт был в том, что она чувствовала, я понял, что именно имели в виду эти слова. Божественная присутствие в божественном месте. И присутствие негодяя, который был, в равной степени виртуоз в искусстве любви. Я испытывал извращенное удовольствие в как можно более жестоко настаивать на гротескном несоответствии между фактами и то, что было тогда его чувствами.

Я люблю тебя; О, это чувство Что закрывается от моего сердца Источник, держать чистым, ясным,

Воды, которые проливают на тебя мои глаза…

Елена рассмеялась, без слухов. Звук часов, бьющих четверть часа, сделал это. подумайте еще раз о совете Синтии. Были и другие-та люди, с которыми она и Хью встречались, когда обедали в музее, или ВУЗ. “Те, кто богобоязнен, - это голос матери своей, “кто все еще продолжает бояться Бога даже после того, как он у него есть выброшен.“Боясь Бога в комитетах. Боясь Бога в читальных залах W. Е. А. боясь Бога через бесконечные дискуссии о Общество реорганизации. Но симпатичная фигура Джерри, техника Джерри как любовник-как эти вещи могли быть отложены в сторону? Или плод неудержимо развивается в утробе матери? “Скоординированный план жилья для всей страны”. Он вспомнил пылкий, убедительный голос Фрэнк Дитчлинг. У него был курносый нос и большие Венты, фиксирующие-если на нас как вторая пара глаз, настойчиво. Перераспределение населения… Города-спутники… Полосы зелени… Лифты до квартиры рабочего класса. Она слушала, поддавалась чарам своих вы получаете гипнотический ветер, и на данный момент вещь выглядит великолепно, достойно умереть за нее. Но потом… Да. лифты

были очень удобно, и она хотела иметь один для своей квартиры. Еще одна хорошая вещь там, где мы гуляли, были парки. Но каким был крестовый поход Фрэнка Решит ли дитчлинг какие-либо серьезные жизненные проблемы? План скоординированное жилье не сделает вашу мать менее нечистой, менее безнадежно во власти пьяного коипо. А Хью? Я бы сказал, что Хью, в городе-спутнике и с лифтом, стал бы другим, чем Итак, что это было, когда я поднялся на четыре лестничных пролета в Лондоне? Хью! Он вспомнил с насмешливой улыбкой свои письма, все нежные, красивые вещи, которые он написал, а затем и человека, как он был в реальности каждый день, как муж. “Покажи мне, как я могу помочь тебе, Хью”. Класть бумаги к вам в заказе, печатая вам Примечания, делая запросы к нему в библиотеке. Однако он никогда он перестал качать головой, а его глаза сияли, как стекло, за стеклом очков: либо ему не нужно было, чтобы они помогали ему, либо она этого не делала я могла ему помочь. “Я хочу быть хорошей женой, Хью”. Со смехом высокая его мать, чтобы звучать ему в воображении, трудно ему произносить такие слова. Но он думал о них, задумывался о них; он действительно хотел быть хорошим жена. Залатывая ему носки, согревая его молоко перед сном, читая для него, будучи, одним словом, сериалиспользуйте впервые и глубоко. Но Хью не хотел, чтобы она была хорошей женой, не хотел, чтобы она была все, чем она могла быть. Божественное присутствие в божественном месте. Но это место было его письмами; она присутствовала в том, что она имела в виду

только на другом конце почтовой сети. Даже в постели он не хотел-или, если в любом случае хотел ее, это было не так много, это было не так обычно хотелось. Большое дело, зеленые полосы!

Вещь не попала бы в цель, не повредила бы вопрос. Потому что вопрос был те молчания, в которых Хью закрывался во время еды. Вопрос это было то мученическое выражение, которое он принял, если бы оно когда-либо вошло в своем кабинете, когда он работал. Вопрос был в непристойность этих подлых приближений в темноте, в отвратительном бескорыстие и щедрость в чувственности, в которой часть, возложенная на нее это было чисто идеально. Вопрос был в том выражении ужаса, почти ужаса и отвращения, которые она обнаружила в тот раз, в первые несколько недель ее брака, когда она заболела грипп. Он проявил заботу; вначале она чувствовала себя тронутой, чувствовавшей-будь благодарна. Но когда он обнаружил героические усилия,

которые стоили ему, заботясь о его больном теле, благодарность испарилась. Само по себе усилие было, без сомнения, достойно восхищения. То, что раздражало ее, то, что она не могла простить, было дело в том, что нужно приложить усилия. Я хотел, чтобы меня приняли, как это было, даже с лихорадка, даже рвота желчью. В той книге, которую она прочитала, о мистицизм, была история мадам. Гийон ловит с пола ужасный глоток питуиты и слюны и положить его в рот - как доказательство сила воли. Больная, она была доказательством, которому Хью подвергал себя и с тех пор каждый месяц был обновлением тайного ужаса, который у него был ее парень. Это было невыносимое оскорбление — и этого не должно было быть. менее невыносимо, в одном из городов-спутников Дитчлинга, в мире задумано, что эти богобоязненные атеисты всегда говорили.

Но была еще Фанни Карлинг. “Мышь” - это имя, которое Елена дала ей, такой крошечной она была, такой серой, такой тихой и такой легкий. Но мистическая мышь. Мышь с огромными глазами блюз, который, казалось, постоянно восхищался тем, что они видели за внешность вещей. Восхищаются, но в то же время мерцают необъяснимое счастье, счастье, которое Елена казалась почти неприлично, но, тем не менее, она завидовала, - как вы верите в вещи, которые явно ложны? - спросил, часть со злым умыслом, часть очень хочется узнать ценную тайну. — Жить, — ответила мышь. - Когда мы живем достойно, все эти вещи в конечном итоге становятся явной истиной. И продолжал говорить о любви к Богу и о любви к Богу вещи и людей ради Бога. - Я не знаю, что ты имеешь в виду. — Просто потому, что ты не хочешь знать, Елена-глупый ответ, от того, что ты встал! - Откуда ты знаешь, чего я хочу?

Вздохнув, Елена вернулась к своей книге.

Я никогда не был членом этой великой секты,

Чья доктрина состоит в том, что каждый избирается Любовница из толпы, или друг, избранный,

(“Один из моих маленьких друзей…”)

И все остальные, хотя и в холоде олвидо Отодвиньте moderna мораль, которая проповедуется Кто праведен и мудр; и Уступи

дорогу Что за поздним шагом следит бедный легион.

Рабы также следуют, по требованию усадьбы Вечная; королевская дорога иди, иди, с тобой,

В печальном и долгом путешествии, таща друга Или, кто знает? - возможно, завистливый враг.

В печальном и долгом путешествии она повторила с собой. Но это может быть так долго-думал-и так грустно с несколькими, так же, как с одним - с Бобом, Сесилом и Квентином, как с Хью.

Из золота и глины любовь в этом отличается:

То, что в нем делить не значит делать отсутствующим.

- Я не верю в это, - сказал он вслух; и, кстати, было не так много любовь, чтобы разделить. За бедного Сесила то, что она просто чувствовала, было тяжелым. А с Квентином речь шла только о гигиене. Что касается Боба, тот, действительно, проявил к ней живой интерес; а она, в свою очередь,, он старался изо всех сил заинтересоваться им. Но под их очаровательные манеры, под этими героическими взглядами, на самом деле не было ничего. И, как любовник, какая катастрофа, какая непоправимая неуклюжесть, настоящий варвар, который ничего не понимал! Расстался с ним вскоре после пару недель. И, может быть, - продолжал размышлять, - может быть, что его к счастью, это было именно так: отдать свое сердце только таким людям, как Джерри и быть любимым такими мужчинами, как Хью, Боб и Сесил. Почитать жестокость и низость и поклонение инвалидности.

Зазвонил телефон. Елена взяла с телефона:

- Привет!

Это был голос Энтони Бивиса, который ответил. Я хотел, чтобы она пошла на ужин с ним на следующий день. - Я бы с удовольствием поехала, - сказала она, хотя уже

обещал тот день Квентину.

Улыбка осветила ее лицо, когда она снова откинулась на подушка. Умный человек, я думал о тебе. Человек, который стоил пятьсот этих бедных дьяволов, которых звали Сесилс и Квентинс.

Е весело, очаровательно, даже физически дружелюбно. Как он вышел нежно с ней в ту ночь на ужине Марка! Старался, давал неудобно быть добрым. В то время как другой, этот претенциозный осел, который это был Питчли, он делал все, чтобы быть грубым и грубым. В этот раз он прибыл полагая, что Энтони чувствовал к ней настоящее влечение. Это было сомнение, питается надеждой. Теперь это приглашение дало вам причины, нет только ждать, но и убеждать себя в этом. Напевать тихонько. Затем с внезапной энергией он отбросил одеяла в сторону. Я решил встать на q обед.

Глава XXVII 30 августа 1933 г.

Портреты уже покрывали эту помутнение, которое обычно панировано наши воспоминания. Стоя в саду, там, к приходу века, эта девушка у него было что-то из Призрака в мертвые часы. Это было его мама, я узнал Энтони Бивиса. Год или два, может быть, месяц или два, перед смертью. Однако мода-это декоративное искусство — вот что можно сделать вывод из этого мрачного видения. Эти лебединые фланги! Эти сиськи длинные выступающие в Косой линии, без заметного отношения с голым телом внизу! И все эти волосы, которые, украшая, он деформировал череп! Странно отвратительный и отталкивающий, казалось, все это в 1933 году. Если же он закрыл глаза, - и желание было непреодолимым — я мог видеть свою мать, здесь, вялую красавицу в своем шезлонге, там, быстро играя в теннис, быстро скользя вперед, какая птица, дальше лед далекой зимы.

В том же случае были фотографии Мэри Эмберли, сделанные десять спустя годы. Юбка была длинной, как никогда, и, завернутой в ее узкую campana de panos, можно было увидеть еще скользящую женскую фигуру,, как насчет роликов. Правда в том, что грудь немного вздрогнула, когда в то время как более поздние части скрывали свои излишества. Но общая форма от запутанного тела он оставался, но не подозревал. Краб жилет. И эта огромная шляпа с перьями 1911 года была просто французские похороны первого класса. Как мог нормальный человек быть влюбленный в видение, столь глубоко анти-афродизиак. И в то же время несмотря на портреты, он мог вспомнить, что она была сама реализация желания. Перед этим пернатым крабом и заклинатели, он почувствовал, как его сердце бьется быстрее, и он начал дышать с определенным задыхаться.

Двадцать лет, тридцать лет спустя эти фотографии показали просто расплывчатые и странные вещи. Незнакомец (ужасный автоматизм!) быть, но всегда абсурд. То, что пришло ему в голову, было, напротив, эмоции ощущались, когда незнакомец был еще знаком, когда абсурд, когда я был принят, в нем не было ничего абсурдного. Гамлет, одетый по-moderna: вот что это всегда драмы памяти.

Как прекрасна была твоя мать-красавица под этими завитыми волосами стаи и несмотря на задние выступы и грудь в ристе. И Мэри, обволакивает, хотя, этим панцирем и под этими погребальными перьями, как желание провоцировало! А также он, укрытый в своем алеонатном пальто и с

его алая шапочка; или заправленный в его травянисто-зеленый бельбутин и аппалерм в его бофах и туфлях; или носить школьную одежду Норфолка-шорты которые заканчивались ниже колен в двух тесных детских трубах; или, если было воскресенье, с накрахмаленным воротником и котелком, а в другие дни, со своей красно-черной школьной casquette - он тоже, вспоминая он всегда одевался по moderna и никогда не соответствовал фигуре смешно, что эти снимки выдавали. Хуже не было ситуация, как внутреннее чувство, чем петизы тридцати лет спустя в ее майках и коротких штанах. Доказательство того, что прогресс это может быть только отправлено и никогда не испытано — это отражение безличный, который зацепил Энтони, исследуя его собственный образ в капюшоне и в высокой шляпе в Итоне. Взял блокнот,

открыл его и он писал: “прогресс, возможно, может быть воспринят историками; никогда, однако, не ощущается реальными участниками предполагаемого прорыва. Слуга они уже находят, когда рождаются, условия прогресса, и старики имеют их естественным путем в течение нескольких месяцев или лет. Прогресс не ощущается как таковой. Нет чувства благодарности. То, что можно заметить, - это только раздражение, когда по какой-либо причине вновь введенные элементы комфорт и благополучие. Мужчины не тратят время на то, чтобы благодарить Бога за свои машины. Ругались, это да, когда карбюратор преграждать.”

Он закрыл записную книжку и вернулся к своей высокой шляпе 1907 года.

Шум шагов заставил его поднять глаза. Елена Ледвидж приближаясь с этим широким, почти прыгающим шагом через террасу. Они отражались на его лице, под его широкой шляпой, пылающие цвета его пляжная пижама. Как будто в аду. Да. вот где она была, он продолжал думать. Ад в духе. Она всегда приносила черт с тобой. Ад их гротескного брака и, возможно, тоже другие Ады. Однако он всегда воздерживался от углубления этих вещей, он всегда делал вид, что не замечает его доброй воли, направляя их в этот лабиринт. Он чувствовал, что расследование в этом направлении приведет его Бог знает, к чему пропасть эмоций и к какому чувству ответственности, к которой он чувствовал что ему не хватало времени и сил. На первом месте была его работа. Сдерживая любопытство, он продолжал упорно играть роль, которую с давних пор возложена роль замкнутого философа, человека наука обеспокоена, неспособна видеть вещи, которые для других очевидны. Он вел себя так, будто ничего не мог обнаружить на ее лице, кроме его собственного. красота формы и контекста. Хотя плоть никогда не бывает, конечно, полная непрозрачность и душа позволяют себе видеть сквозь стены вашего вместилище. В этих ее бледно-коричневых глазах, в этом рту с губой,

слегка закатанный верх, была определенная твердость, почти безобразие, печаль и обида.

Все, что потребовалось, - это несколько шагов от Солнца до тени дома, чтобы стереть это адское сияние с ее лица; но бледность, которая охватила внезапное служило только для того, чтобы

сделать его более интенсивным горькая меланхолия выражение. Энтони смотрел на нее, не вставая и не приветствуя ее. Быть в сочетании друг с другом отмены любой церемонии; даже не это, если вы скажете Доброе утро. Когда Елена переступила стеклянные двери и вошел в комнату, вернулся к осмотру своих фотографий.

- Вот и я, - сказала она без улыбки. Снял шляпу с красивым движение нетерпения покачало головой, откинув назад волосы темно-палевый. - Ужасная жара! Бросил шляпу на диван и: переходя зал, подошел к Энтони, сидевшему за рабочим столом. - Ты не работаешь? - удивился он, потому что почти всегда был погружен в книги и документы, которые он нашел.

Он, покачивая головой: - мне сегодня плевать на социолога.

- На что ты смотришь? - И, стоя у стула, она наклонилась. чтобы увидеть разбросанные фотографии.

- Мои старые трупы, - сказал он, расширяя его спектр “покойный” студент Итона.

Она на мгновение молча осмотрела его и прокомментировала: - красиво, что ты был…

- Мерси, МОН Вье! - Иронично и ласково, он ударил ее ладонью от руки к задней части бедра. - В моей частной школе, меня звали Бенгер. - Между кончиками пальцев и уклоняется от ее плоти шелк вставлял сухую, смещающуюся мягкость, странно неприятно на ощупь. Меня звали Бенгер, но они хотели сказать: Bengeds Food. Из-за моего детского типа.

- Так нежно! - она продолжала, не обращая внимания на то, что он говорил. — Ты в то время это была нежность лично. Привлекательный…

- Но это все-таки я! - Энтони возразил с улыбкой.

Она посмотрела на него мгновенно, молча. ВИА, под Бастос темными волосами, великолепно гладкий и безмятежный лоб, как лоб ребенка, который размышлять. Столь же по-детски, в более комедийном смысле, был короткий нос, и слегка криво. Между узкими веками внутренний смех одалживал в глазах определенная живость, которая дополнялась улыбкой в комиссуре с губ — легкая ироничная улыбка, которая в некотором роде противоречила что форма губ, казалось, выражала. Толстые губы,

хорошо вырезанные; сладострастные и в то же время серьезные, грустные, чувствительные, почти до трепет. Губы, так сказать, голые в их тревожной чувственности; без защиты

собственные и брошенные на собственную беспомощность из-за маленького подбородка и агрессивный чуть ниже.

- Самое страшное, — все-таки сказала Елена, - это то, что ты прав. Вы все еще это радует, вы все еще привлекаете, и Бог знает, почему. Потому что ты не должен быть это так. Все, в конце концов, не что иное, как ум, трюк, чтобы сделать нас любить тебя за простую обманчивую внешность.

- Иди сюда! - протестовал он.

- Вы можете заставить нас дать вам что-нибудь взамен.

Но, по крайней мере, я всегда абсолютно откровенен, когда к этому “ничего”. Я никогда не притворяюсь, что это большая страсть, - сказал он, Катя Р и гротескно открывая А. - Даже не Wahlverwandtschaft, - а на немецком языке, чтобы дать весь этот романтический вопрос сродство и сильные эмоции особенно нелепый тон. — Простой потеха.

- Просто весело, - повторила Елена как эхо и с иронией, вспоминая начальный период их отношений, когда они были, например сказать, на пороге любви с ним. Порог. Ожидание быть приглашенным в войти. Но, как твердо (при всей своей тишине и доброте изучено), каким решением он закрыл ей дверь! Я не хотел, чтобы меня любили. В один момент она была на грани восстания, но затем с этим духом изъязвленной и саркастической отставки, с которой он научился познавать мир, он принял его условия. Они были наиболее приемлемыми, так как не было лучшая альтернатива в поле зрения; так как, в конце концов, он был замечательный человек, и, наконец, он ей очень понравился; так как он тоже я знал, как доставить ему хотя бы физическое удовлетворение. - Просто весело, — еще раз повторил. И рассмеялся.

Энтони внезапно нацелился на нее, смущаясь и опасаясь, что она намеревается разорвать обязательство, молчаливо принятое обоими, и обратиться к какому-либо запрещенный предмет. Однако его опасения не оправдались.

- Да, согласна, - заключила она после непродолжительного молчания. — Ты это совершенно честно. Но это не меняет того факта, что это всегда получить что-то взамен. Назовите это непроизвольный ум. Думаю, именно на его лице лежит его состояние. И что, по меньше в вашем случае красивые перья делают красивых птиц. — Он снова наклонился над фотографиями. - Кто это?

Он колебался на мгновение, прежде чем ответить; затем с улыбкой, но, чувствуя при этом определенную неловкость, он ответил: - А из великих-страсти, которых у меня не было. Ее звали Глэдис.

- Так и должно было быть! - Елена нахмурилась, презрительно. — в что от нее осталось?

- Я не оставил ее. Он предпочел другой. Мне тоже мало что дали… — пойти добавив, когда она прервала его:

- Может быть, что другой иногда разговаривал с ней в постели.

Энтони покраснел. - Что вы имеете в виду?

- У некоторых женщин есть странность, что им нравится, когда они разговаривают с они устают. И видя, что вы этого не сделали… Действительно, это то, что вы никогда не бывает. - Бросил в сторону Глэдис и поймал одетую женщину мода 1900 года. - Это твое. мама?

Что да, он сделал с головой Энтони. - А это твое, - сказал он — продвигая портрет Мэри Эмберли с ее погребальными перьями. Затем тоном скуки: - весь этот вес прошлого опыта, который тащим с собой! Должен быть способ освободиться от наших излишние воспоминания. Как мне надоедает старый Пруст! И действительно отвратительный. - И с ультра-комическим красноречием он продолжал вызывать взгляд этого астматика-исследователя на потерянное время: acocorado, ужасно белый и обвисший с почти женственными сиськами, но снабженный длинные черные волосы, вечно подстриженные в теплой ванне его никогда забытое прошлое. И вся старая мыльная вода от бесчисленных стирок предыдущие плавали вокруг него; вся грязь, что годы были он цеплялся за стенки ванны или образовывал темный слой к цветку воды. И вот он, инвалид, в своей бледности отвратительно, выдавливая на лицо губчатую мыльную воду,

опустошая ее копазии, наслаждаясь полосканием рта и полосканием серой жидкости и гранулированный, смывая с ним Венты, как благочестивый индус в Ганг…

- Вы говорите о нем, — сказала Елена, - как о личном враге.

Энтони ограничился смехом.

В последовавшей тишине. Елена поймала обесцвеченный портрет ее мама и стала внимательно его осматривать, как будто это было загадочно иероглиф, способный после интерпретации дать расшифровывающий ключ загадка.

Энтони на мгновение подкрался к ней; затем, возвращаясь к деятельности, он погрузился в кучу фотографий, среди которых он взял фотографию своего дяди Джеймс в теннисном костюме, датированном 1906 годом. Умер от рака, бедный дьявол, и со всеми утешениями католической религии. Отпустил этот портрет и взял другого. Это была группа, взятая перед туманными горами. Швейцария. Его отец, мачеха и две его сестры. “Гриндельвальд-1912” был написано на оборотной стороне красивой лирикой Мистера Бивиса. Заметил, что все четыре они владели палками альпинистов.

— А я хотел, - сказал я вслух, складывая портрет, - хотел, чтобы

мои дни были отделены друг от друга нечестием.
неестественный.

Елена подняла глаза от неразборчивого иероглифа.

- Почему вы проводите время, глядя на старые фотографии?

- Я приводил в порядок свой шкаф, - объяснил он, - когда они они появились перед моими глазами, как Тутанхамон. Я не мог устоять перед искушение изучить их. Кроме всего, - собрался, - сегодня мне исполняется год.

- Прошло много лет?

- Сорок два, сегодня. - Энтони покачал головой: - как это убей! И учитывая нашу естественную тенденцию всегда делать наши меланхолия, отсюда и появились эти трупы в самый подходящий момент. - И поймал горстку портретов, которые снова уронил на

стол. - Заметен палец Провидения: или, если хотите, лапа удачи.

- Она тебе очень нравилась, да? - спросила Елена за другим тишина, поставив перед глазами портрет собственной матери.

Он подтвердил со знаком головы и, чтобы отключить; - это была она кто меня цивилизовал. Я был полудиким, когда она приняла меня. — Я не хотел обсуждать свои чувства по поводу Мэри Эмберли — особенно (хотя это, несомненно, был глупый остаток

варварство) особенно с Хеленой-бремя, которое делает нас женщиной

седой волос… - добавил он со смехом. И снова ловить группу альпинистов, он сказал: “Вот одна из вещей, от которых она меня освободила. Tenebrosa Швейцария. Я никогда не смогу быть достаточно благодарным.

- Жаль, что сама не смогла освободиться, - сказала Елена, посмотрев на группу.

- И если на то пошло, как она поживает?

Елена подняла плечи. Ему было лучше, когда он покинул лазарет, весной. Но, естественно, все началось заново. Всегда то же самое. Морфий. И в довершение всего, в перерывах пьет. Я видел ее в Париж, когда по дороге сюда. Ужасная штука! - сказал с дрожью.

Ироничная и ласковая рука, которая до сих пор награждает его бедром, внезапно казалась, крайне неуместно. Энтони уронил ее.

- Не знаю, что хуже, - продолжила Елена с перерыва. — В грязь — вы не представляете, в каком состоянии она живет! - или это злоба, этот отвратительный порок лжи - - вздохнул глубоко.

С жестом, который не имел ничего ироничного, Энтони взял его за руку и - бедная Елена!

Она стояла несколько секунд неподвижно, не говоря ни слова, как бы в стороне; затем, он внезапно вздрогнул, словно очнулся от оцепенения. Он чувствовал на

рука толстый контакт ее руки; и когда она повернулась к нему, у нее был оживленное лицо радости, полной решимости и

бесстрашия. — Бедный Энтони, я говорю! - И смех, застрявший в задней части горла, преобразился.- если в неожиданном и странном шуме. - Что имеет значение внешность обманчивы!

И пока он протестовал, что нет, что для нее внешность была истинно, она поклонилась и, почти с яростью, прижала губы к его.

Глава XXVIII - 30 августа 1933 г.

С плоского потолка дома простирался вид сначала на запад, где сосны сгорбились над морем-Голубая бухта Средиземного моря окаймленный оссиформными и беловатыми скалами, как чаша посреди высокие холмы зеленоватые виноградниками склонов, сероватые оливковые деревья, затемненные соснами, окрашенные красным цветом земли, белый со скал, розовато-коричневый из адустас вересковых пустошей. Через лазейку, которая ближайшие холмы образовались, была видна длинная цепь Сент-Бом, с металлической прозрачностью, но синеватой, когда она тянется к далеко, прямо. На севере и юге сад, окаймленный соснами; на востоке, однако виноградники и оливковые рощи возвышались на красных террасах, таких как и последние деревья смотрели в небо, иногда темные и раскаленные, иногда оживленные аргентинскими мерцаниями.

Над потолком лежали матрасы для принятия солнечных ванн; они лежали на одном из этих матрасов, с головами в тени, отбрасываемой парапетом южная сторона. Было почти полдень; солнце дарило, почти Пино, с неба воздух, однако, вздымался при легком ветре, чтобы вскоре остановиться, и в затем снова встряхнуть. Завернутый в этот теплый удобно закаленная кожа, казалось, приобрела более живую чувствительность, почти независимое сознание. Как будто солнце прививает ему новую жизнь. И эта странная, жестокая, пылающая жизнь, пришедшая из-за границы, казалось, пронзила кожа, пересекать и преображать лежащую в основе плоть, пока она не изменит все тело в придаточной, чужой вещи, сделанной из солнечной субстанции, и самой душа чувствовать, что он потерял, слияние его личность и стал чем-то другим, что-то другое, от нечеловеческого.

Как мало возможных скрежетов, скрежетов, гримас и искажений, если мы сравниваем их со всеми мыслями, чувствами и

ощущениями возможно! Как унизительна бедность рефлексов, если не даже сознательно выразительные жесты! Ясный, все еще в своем оцепенении,, Энтони наблюдал за симптомами этой агонии, в которой он также участвовал как убийца и как жертва. В постоянном беспорядке она возвращалась к голова на подушках в одну и другую сторону, как искать, но всегда напрасно, какое-то облегчение, каким бы легким оно ни было, хотя бы мгновение опрометчивость в его невыносимых страданиях. Иногда в жесте кого, отчаявшись, он умоляет отказаться от наркотика, он приковал руки и, поднося их ко рту, он кусал изогнутые фаланги или один из кулаков, как будто чтобы заглушить собственный плач. Изуродованное лицо превратилось в маску боль. Был, - заметил он, внезапно, наклоняясь над этими замученными губами

- лицо одной из святых женщин Ван дер Вайдена у подножия Креста.

Затем последовало неожиданное состояние успокоения. Жертва перестала трясти огорченная голова на подушке. Руки мольбы упали, мягкие. А выражение агонии сменилось сверхчеловеческой безмятежностью экстаза. А рот стал тяжелым, как у святой. За веками закрыто, какое блаженное видение представилось?

Долгое время они оба стояли в золотом оцепенении, порожденном солнце и сытость. Первым двинулся Энтони. Движимый безмолвная и бездумная благодарность и нежность своего довольного тела он искал погладьте ее рукой и почувствуйте ее кожу теплой, как плод на солнце. Он поднялся на один из локтей и открыл глаза.

- Ты похож на картину Гогена, - сказал он после момент. Тригейра как фигура Гогена и любопытная вещь, которая очень это произвело на него впечатление, гладкое, без рельефа, как, по-прежнему, фигура Гогена. Потому что потрескавшаяся кожа потеряла все эти ветрогонные, голубоватые оттенки., зеленоватые, которые придают неокрашенной белой коже такое богатство рельефа, что это ему свойственно.

Ее голос пришел, чтобы вывести Helenay из состояния прохладной и восхитительной бессознательности в котором он был. Она вздрогнула, как будто страдала. Почему бы не оставить-Ла в мире? Так счастлив, что вы находитесь в том ином мире, в

котором ваше тело он преобразился, и теперь он звал ее, желая, чтобы она вернулась в его обычный ад пустоты, засушливости и недовольства. Оставил ему слова без ответа и еще больше закрывают глаза на угрозу на самом деле, она изо всех сил пыталась вернуться в рай, откуда ее вырвали.

Тригейра как фигура Гогена и без рельефа… Но первая фигура Гогена, которую он видел (и хорошо помнил, что притворялся, поэтому, нравится намного больше, чем на самом деле) был в компании Мэри Эмберли, по случаю ее пребывания в Париже-случай, полный эмоции и для двадцатилетнего, которым он тогда был, необыкновенные и апокалиптический.

Он закрылся на мгновение в суровой самокритике: это его прошлое если это стало назойливым! Но когда, чтобы забыть его, он поклонился и поцеловал плечо Елены, почувствовал, что теплая кожа пропитана слабый, но пронзительный запах, запах, в то время, соли и вещи он был сожжен и мгновенно перевезен на Большой берег в фланг Чилтернов, где в компании с Брайаном Фоксом он провел час необъяснимо восхитительно, хлопая друг против друга двумя кусочками кремень и фырканье, с сладострастием, в точке камня, где искра была оставил свой характерный морской вкус горения.

- И f-сделал f-дым на дне М-моря, - был комментарий

тартамедлен Брайаном, получив камни, чтобы понюхать.

Настоящая реальность, даже в тех ее фрагментах, которые наиболее прочны похоже, она пронизана ловушками. Что может быть меньше в настоящий момент, чем тело женщины, подвергшееся воздействию солнце. А тем временем он предал его. Твердая основа чувственной непосредственности его тело и его собственная физическая нежность открылись ему под ногами. ускоряя его в другое время и в другом месте. Не было безопасности частично некоторые. Даже от этого эпидермиса пахло дымом на морском дне. Эта живой, актуальный эпидермис. И почти двадцать лет назад Брайан умер.

Кайейра, картинная галерея, фигурка на солнце, эпидермис, выделяющийся здесь, из солевых и погруженных веществ, и там (например, о Марии вспоминали) дико мускусная. В любой точке его дух, сумасшедший перетасовывал пачку фотографий и

раздавал их и, по воле случая, он перетасовывал их и распределял в другом порядке, и, таким образом,, последовательно, бесконечно. Нет хронологического порядка. Идиот не он различал “до “и”после”. Кайейра была такой же реальной и острой, как галерея. Десять лет между кремнями и картинами Гогена они не являлись объективным фактом, а являлись результатом всего лишь мысли простые секунды возможный продукт рассуждения. Тридцать и пять лет его сознательной жизни сразу же оказались для него как хаос-пачка фотографий в руках сумасшедшего. И из них, кто вы решили, какие из них должны быть сохранены, какие предназначены для отходов? По мнению фрейдистов, испуганное и либидозное животное. Эй фрейдисты, однако, были жертвами эмоциональной иллюзии, они были неисправимые рационализаторы, всегда в поисках достаточных причин, понятные причины. Из всех причин самые простые понимание-это страх и похоть. Вскоре… Но психология не он имел больше, чем любая другая наука, право быть антропоморфным, или, даже, исключительно зоологический. Помимо разума и животных инстинктов, человек также состоит из группы частиц, подчиненных законам вероятность. Некоторые вещи помнили за их полезность или их обращение к высшим способностям духа; другие, под председательством животные инстинкты, запоминающиеся (или намеренно забываемые) из-за их эмоциональное содержание. Но что сказать о бесчисленных вещах, которые вспоминаются без нет особого эмоционального содержания, нет полезности, нет красоты, нет никакого значения для разума? В этих случаях память, казалось, уменьшить-если к вопросу чистой случайности. На момент возникновения это происходило быть определенными частицами случайно в благоприятном положении. Клик! и это было запечатлен факт, неизгладимо напечатан, записан в памяти. И без нет причин. Если только он не задумывался о том, что

причина, не предшествующая, но вытекающая из факта, была в том, что было будущее костюма. Что, если бы эта картинная галерея была зарегистрирована и забронирована в подвалах духа, только и явно, чтобы наполниться сознанием в этот настоящий момент? Стекаться в сознание сейчас, в сорок два. лет, когда он чувствовал себя уверенно, твердо, с определенная личность, стекающаяся в сознание со всеми этими критическими годами. от подросткового возраста и с женщиной, которая была его учителем, первый его любовница, и теперь он был муламбом людей, умирающих от коррупции и яд в грязном логове? Что,

если эта игрушка с кремнями, абсурдно и ребяческо, если бы у него была цель, глубокая цель, какой бы она ни была. о том, что здесь вспоминают, об этом грязном потолке, как раз когда в ваши губы чувствовали солнечный жар плоти Елены? И заставить его, в среди этого акта случайной и безответственной чувственности, думая о Брайан и то, ради чего Брайан жил и за что умер — он умер, да-Дух пришел к нему, внезапно, этот другой образ у подножия этого та самая скала, под которой они оба играли, как дети, в кайейра. Да; даже самоубийство Брайана-теперь он понял с ужас — даже это бедное тело, свернувшееся на скалах, было загадочно подразумевается в этом теплом эпидермисе.

Раз, два, три, четыре… Подсчет ходов, которые он делал с рука, начал ласкать ее. Жест был волшебным и повторялся достаточно, чтобы перенести его за пределы прошлого и будущего, за пределы от добра и зла, внутрь дискретного, независимого, атомарного настоящего. Частицы мысли, желания и чувства, движущиеся наугад среди частиц времени, случайно попадающих в контакт и в равной степени случайным образом расстается. Казино, приют, сад зоопарк; но также, угол, библиотека и кто-то думает. Кто-то в значительной степени во власти дилеров, во власти идиотов и животное. Но тот, чья воля была, тем не менее, неудержима и неутомима. Еще два или три года, и элементы социологии будут завершены. Несмотря ни на что. Да, несмотря ни на что! он думал, что с чем-то вроде высокомерное возвышение. И продолжал считать:… тридцать два, тридцать три, тридцать четыре, тридцать пять…

Глава XXIX - 30 августа 1933 г.

Эти мерзкие таваны! - Елена потер красноватую часть рукоятка. Энтони не сделал никаких комментариев.

Она осмотрела его на мгновение в тишине. Наконец сказал: - какая порция ребер, которые у вас есть!

- Физический шизотим, - ответил он из-за его руки он служил светозащитным средством для лица. Вот почему я здесь. Предопределенный по углу моих ребер.

- Что предопределено?

- Социология; и, в перерывах, к этому. - Поднял руку, сделал маленький круговой жест и позволил ей снова упасть на матрас.

- Но что это за”это”? - она настояла.

- Это? - Повторил Энтони. — Увидеть… — Колебаться. Я бы потратил слишком много время, если бы речь шла об этом своеобразном разводе между страстями и интеллект, эти отдельные чувственности, эти стерилизованные идеи. — “Это” это ты, - произнес он, в конце концов.

- Я?

- О, я признаю, что это может быть другой, - сказал он, смеясь, по-настоящему упивался собственным цинизмом.

Елена тоже рассмеялась, но с некоторой кислинкой, которая удивила. - Да, я я другая.

- Что вы имеете в виду? - спросил он, открывая лицо, чтобы посмотреть на нее.

- Я хочу сказать то, что говорю. Ты думаешь, что я буду здесь - мое истинное “Я”?.

- Настоящее “я”! - он издевался. - Ты говоришь как теософы.

— А ты говоришь как дурак, - сказала она. - Дурачиться. Потому что, конечно, это не так. - Последовало долгое молчание. “Я”, “я” правда? Но где, но как, но по какой цене? Да, выше все, почему цена? Эти Кавеллы и Флоренс Соловьи… Но это было это невозможно; такая вещь была невозможна; это было прежде всего, нелепый. Он нахмурился, покачал головой, а затем открыл глаза, ибо закрыл их, искал что-то во внешнем мире, чтобы отвлечь ее. этих бесполезных и назойливых внутренних мыслей. На переднем плане только был Энтони. Он на мгновение взглянул на него, а затем с чем-то вроде завороженное нежелание, как перед каким-то животным неотразимо странный, но в то же время отталкивающий, протянул руку и коснулся кожи

розоватый и сморщенный от большого шрама который шел через его раскосно к бедро, на дюйм или два выше колена.

- Все еще больно? — спросить.

- Когда я измотан. А иногда, когда погода влажная. — Поднял с матраса, чуть-чуть, голову и, согнув при этом, правое колено, осмотрел шрам.

- Что — нибудь в стиле Ренессанса, - сказал он, размышляя. — Стигматизированные торсы.

Елена вздрогнула. - Должно быть, это было ужасно! - Потом с внезапностью он воскликнул: “Как я ненавижу боль! - И его тон голоса был от страстной, глубоко личной обиды. - Ненавижу ее! — он повторил, чтобы его услышали все Кавеллы и Соловьи.

В очередной раз она отодвинула его в прошлое. Этот осенний день в Тидворт, восемнадцатью годами ранее. Инструкция гренадеров. Когда я собирался стрелять, новобранец-мудак уронил гранату. Крик. Паника, которая позволила себе Томар, штамп. Странно неточно все это казалось ему теперь и несущественно, как все, что видно в телескоп наизнанку. И даже боль, все эти месяцы боли прошли. стирается в его памяти почти до небытия. Физически это было худшее то, что уже пришло ему в голову… а тем временем сумасшедший, который руководил им память уже почти забыла.

-Никто не может вспомнить боль, - сказал он вслух.

- Я могу.

- Вы не можете. Вы можете вспомнить только тот случай, когда он чувствовал обстоятельства, которые сопровождали его.

Случай был, когда он был в доме акушерки на улице ИА Томбе-Иссуар, а обстоятельства-грязь и унижение. Его лицо было выражение резкости, когда я слушал его слова.

- Ты не можешь вспомнить свои настоящие качества, - продолжал он. — Как вы не можете вспомнить атрибуты физического удовольствия. Сегодня по пример, еще мало, полчаса назад-не можешь вспомнить. Нет ничего похожего на воссоздание костюма. И к счастью. - Теперь он улыбнется. — Представьте себе, если бы мы могли прекрасно помнить духи и поцелуи! Насколько утомительной была бы их реальность. И какая женщина одарена будет ли существовать память, способная иметь более одного ребенка?

Елена беспокойно двигалась. - Я не могу себе представить, что это может произойти любой женщине, - тихо сказал он.

Он продолжал: “в силу забвения наши боли и наши удовольствия всегда новы, каждый раз, когда мы их испытываем. Совершенно новые. Каждая гардения-это первая гардения, которую мы нюхаем. Е

каждое рождение…

- Ты снова говоришь, как дурак, - сердито перебила она.

- Запутать дело.

- Я думал, что разъясняю это, - возразил он. - Но в конце концов, какой это так?

- Дело во мне, это ты, это настоящая жизнь, это счастье. И ты там болтать о фантазиях. Как сумасшедший!

- А вы? Неужели он очень хорошо разбирается в реальной жизни? Техника в вопросах счастья?

В духе каждого из них эти последние слова вызвали образ мудрая фигура за очками.

Эта свадьба! Что это могло ее спровоцировать. Конечно, что старый Хью испытывал к ней всю сентиментальную любовь. Но это было причина достаточно? И каковы были их разочарования? По большей части, он предполагал физиологический порядок. И комические, когда о них думали с отношения со старым Хью. Складка слегка закатала уголки рта Энтони. Но, естественно, они могли быть катастрофическими только для Эллин. Он хотел узнать подробности — но из вторых рук, с при условии, что вам не придется просить об этом или что вам будут предложены доверительные отношения. Доверительные отношения были опасными, слизистыми, они связывали нас — своего рода бумага для ловли мух; это верно: бумага для ловли мух… Эллин вздохнул: затем, положив руки на бедра и приняв решение, он сказал: - Камень есть камень, а палка есть палка; вещи такие, какие они есть. Слишком много, я я делаю то, что хочу.

Раньше он думал о тебе. Была тишина.

- Как долго вы были в больнице с этой травмой? — спросила она, уже другим тоном.

- Почти десять месяцев. Возникла инфекция плохого характера. Сделать, всего шесть операций.

- Ужасная штука!

Энтони пожал плечами. По крайней мере, так ему не пришлось идти в траншея. Если бы не божественное милосердие:… - И странная вещь,

- добавил он, - неправдоподобные формы, которые иногда принимают божественное милосердие! Крестьянин нащупал ручную гранату. Если бы не он, меня бы отправили во Францию и убили-почти точно так же, как я сейчас здесь. Это он спас мне жизнь. — Быть собрался, после паузы: - и свобода тоже. Ты бы оставил меня. опьянение этими отравлениями начала войны: “честь вернулась, наконец, как царь, на земле.“Но я считаю, что вы еще слишком молоды чтобы услышать о бедном Руперте. Это, казалось, соответствовало

доминирующее чувство тогда, в 1914 году. - “Честь вернулась…“Но Руперт он забыл упомянуть, что глупость тоже вернулась. Это было в больница, в которой я все бродил, чтобы подумать об этом другом царственном спуске. Земля. Глупость, как король… Нет; как император, как Божественный “фюрер” всех арийцев. Это было детоксифицирующее отражение. Детоксикация и глубокое освобождение. И я должен ей этого лаврего. А он, который был одним из самых верных подданных великого “Фюрера” - был еще один молчание. - Иногда я чувствую себя немного нервным-как Поликрат, что ему так повезло в жизни. Все случаи всегда кажутся сговорились в мою пользу. До этого здесь. - положи палец на шрам. — Может быть, я должен сделать что-нибудь, чтобы вызвать зависть боги-бросить, может быть, кольцо за борт в следующий раз, когда я пойду купаться- - хихикнул я. Черт, у меня нет кольца.

Глава XXX - 30 августа 1933 г.

Мягкий слух погладил полусознательные бахромы оцепенения, которые он был вовлечен, а затем ушел, как будто снаряд был для них приближается все больше и больше к уху, пока все-таки не

станет ужасным ревом это жестоко навязывалось вниманию. Энтони открыл глаза только один достаточно мгновенного, чтобы увидеть, что самолет был почти прямо над головой а затем снова закрыл их, омраченный интенсивным голубым небом.

- Эти чертовы машины! — сказать. Затем добавил с хихиканье: - они как суровый Глаз Бога, открывающий нас здесь.

Елена не ответила; но за закрытыми веками улыбнись. Взгляд с первого взгляда, с упреком и в то же время злонамеренное и непристойное удовлетворение. Простой факт воображения этого посетителя Селеста была из неотразимого комикса.

- Давид и Вифсава, - продолжил он. - К сожалению, сто миль часов…

Странный визг пришел смешаться с fragor машины. Энтони он снова открыл глаза, как раз вовремя, чтобы увидеть, как ускоряется масса о нем. Издал крик, сделал быстрый и автоматический момент, чтобы защитить лицо. С сильным ударом, но глухим и сухим, вещь пришла удар по плоскому потолку в одном или двух ярдах от места, где они стояли лечь. Они на мгновение почувствовали, как согревают их кожу, капли яростно брызгали жидкости, которые стали, затем, от холода интенсивный, с сильнейшим дуновением западного бриза. Была длинная секунда тишины. - Господи! Энтони наконец-то пробормотал. С головы до пят, оба были залиты кровью. В красной луже у его ног лежал почти бесформенная туша “фокстерьера”. С удалением себя от самолет, шум затихал, пока не стал хриплым, и внезапно ухо снова стало воспринимать пронзительный и резкий шум цикад.

Энтони глубоко вздохнул; затем, с усилием, все еще несколько колеблясь, он смеялся. - Еще одна причина, по которой я не люблю собак, — сказал и, поднявшись на ноги и руки и нахмурившись от отвращения, он смотрел на свое тело, залитое кровью. - Если бы мы взяли ванна? - спросил он, поворачиваясь к Helenae.

Сидя и совершенно неподвижно, Елена смотрела глазами засунули разбитую тушу. Струя крови, вытекшая из него, по бледному лицу я оставил ему длинную красную полоску с правой стороны.

от подбородка до угла левого глаза, проходя по диагонали через рот.

- Ты выглядишь как Леди Макбет, - сказал он, пытаясь, еще раз, грабить. - Аллонс. - Он коснулся ее плеча. - Мы уберем эти пятна. ужасный. Эта грязь высыхает на моем теле. Звучит сухо.

В качестве единственного ответа Елена закрыла лицо руками и начала рыдать.

Энтони на мгновение стоял неподвижно, глядя на нее, съежившись там, слушая его плач плача, вызванный этим унижением, отчаявшись от своей кровавой наготы. - Выглядит секущим-свои собственные слова мягко отразились на его ушах. Он двигал его внутренне к жалость, а затем почти насильственный импульс любви к этой женщине, которая страдал за этого человека, да, за того человека, которого он намеревался сознательно не замечать, как будто не существует, кроме как один из элементов удовольствия. Теперь, когда она стояла на коленях и рыдания, вся нежность, которую он когда-либо испытывал к своему телу, вся любовь, подразумеваемая чувственными удовольствиями и никогда не выраженная, казалась разгрузка себя в своего рода электрической Искре накопленного чувства, об этом человеке, об этом воплощенном духе, который плакал в одиночестве, за скромными руками.

Он встал на колени рядом с ней на матрасе и с визальным жестом выразил все, что он тогда чувствовал, обнял его за плечи.

Однако к его контакту она отступила, как от сговора. И в сильный вздрогнул, покачал головой.

- Но, Хелена… - протестовал он, в глупом убеждении, что должно быть любое недоразумение, что было невозможно не чувствовать ее, что он был чувствовать. Это был просто вопрос, чтобы она поняла, что с ним произошло. Он снова положил ей руку на плечо. — ты… - Даже в том случае, если с слово ” любовь.”

- Не трогай меня, - крикнула она, почти не произнося слов и кланяясь совсем для того чтобы избежать его.

Он убрал руку, но стоял там, преклоняя колени перед ней, сбитый с толку и жалея в своем молчании. Он вспомнил, когда она хотела, чтобы это было с ним. учитывая любовь и его уклончивость, то, как он отказывался принимать от ее личности или дать вам больше, чем случайные, прерывистые возможности

любящие их тела. В конце концов она приняла его условия, приняв их так полно, что сейчас…

- Елена, - еще раз рискнула. Нужно было дать ей понять.

И снова Елена покачала головой. - Оставьте меня в покое, - сказал он.

Затем, увидев, что он не уходит, он обнаружил лицо, лицо, которое

он был тогда гротескно залит кровью и посмотрел на него. — В что ты не решишься уйти? - спросил он, стараясь показать себя холодно и беспристрастно обиженно на это вмешательство. После, внезапно у него снова начали течь слезы. - О, по пожалуйста, уходите! - умолял, с измененным голосом и, опустив голову, еще раз окунул лицо в руки.

Энтони колебался на мгновение; затем, понимая, что его пребывание там только усугубило бы ситуацию, он встал на ноги и - это вопрос времени, — сказал он вам, - это вопрос времени.

Он принял душ, оделся и спустился в гостиную. As там были фотографии, как я и оставил их, разбросанные по столу. Сидеть- если и поставил их распределить методично, ум, в маленьких пачках, предмет по вопрос. Мэри с ее перьями. Мэри в вуали, садясь в машину Довоенный Рено; Мэри в своей раздевалке в Дьеппе: лиф с короткими рукавами и шортами, покрытыми до колен юбкой. Его мать в саду, кормит голубей на площади Сан-Марко, а затем ее могила на кладбище Лоллингдон. Его отец с палкой альпиниста; привязанный к проводнику веревкой, на заснеженном откосе; с Паулина и двое детей. Дядя Джеймс на велосипеде; дядя Джеймс с пятнистая соломенная шляпа, двухцветная; Гребля на стримере; десять лет спустя он разговаривал с выздоравливающими солдатами в саду. больничный. После, Брайан; Брайан в компании с тем, что он, Энтони, был правильно в Булстроуде; Брайан в падении с Джоан и миссис Фокс; Брайан разгуливает по озерам. Теперь это была та малышка, с которой у него было приключение в Нью-Йорке в 1927 году, да, в 1927 году… Нет? После, твоя бабушка. Ваши тети. Полдюжины фотографий Глэдис…

Через полчаса он слушал шаги Елены, которая поднималась, сначала осторожно и медленно крутая лестница, ведущая к

терраса на крыше, а затем, немного, проходила по коридору. Ниже приводится шум воды в ванне.

Время. Время ей нужно. Решил вести себя перед от нее, как будто ничего не случилось. Таким образом, почти с радостью, что он приветствовал ее, когда она вошла в комнату.

- Тогда? - спросил он живо, поднимая глаза фотография. Однако перед лицом этой бледной и замкнутой физиономии он наполнился недоверие.

- Я ухожу, - сказала она.

- Сейчас? До обеда?

Что да, сделала она жестом.

- Но почему?

- Потому что я думаю, что лучше, - был весь ответ.

Энтони какое - то время молчал, не зная, стоит ли ему протестовать, настаивать, рассказывать ему то,что я пытался сказать ему. Но неумолимость спокойствия, которое она представляла, была предварительным предупреждением что попытка будет бесполезной. Позже, когда она вернулась к себе из первый шок, после того, как ему дали время… - Хорошо, - сказал он — он громко. - Я отвезу ее в отель.

- Нет, - ответила Елена, перебивая головой. - Я пойду пешком.

- С такой жарой!

- Пойду пешком, - решительно повторила она.

- Хорошо; если вы думаете, что лучше тоже, ошпарить себя… - Пытался улыбнуться, но без особого успеха.

Она переступила стеклянные двери, а когда уже на террасе, тот отдых бледный и непоколебимый внезапно, как будто воспламененный от мерцания его пижама. Снова в аду, - сказал он вам, следуя за ней.

- За то, что он тоже ушел? - спросила она.

- Я провожу вас к воротам.

- Нет необходимости.

- Думаю, лучше.

Не отвечая ему на улыбку, не произнося ни слова, она пошла.

Две высокие навесные ноги будлеи поднимались с одной и с другой стороны с лестницы, ведущей на террасу. В теплом воздухе аромат цветов (духи, которые, как и он, казалось, содержали внутреннее тепло) были интенсивными и жестоко сладко.

- Какой восторг! - сказал вместо этого высокий Энтони, когда они проникают в ауру ароматные цветы. - Это почти слишком вкусно. Но посмотри туда! - воскликнул он уже другим тоном Helenae, держа ее в руках. рукав платья. - Смотри!

Только выход дает куколку, яркую и все же во всей своей свежести, бабочка приземлилась на один из пучков лиловых цветов. Крыло светло-желтые с черными пятнами и синими и малиновыми кругами, они полностью подвергались воздействию солнечного света. Ее передние жирные отличались изгиб сабли и концов краевая линия наклонилась элегантно назад, в направлении двух ласточкиных хвостов, которые они простирались от нижних крыльев и характеризовали его тип. Бабочка все это выглядело как символ, иероглиф, представляющий лигейризу алакр и воздушная. Распростертые крылья трепетали, как дрожали от избытка неконтролируемая жизнь, как страстная энергия. Быстро, пожирающе, с необычайной точностью движения, нацеленного на один конец, питомец погрузил раскатанный хоботок в крошечные

цветки тромпиформные, составлявшие пучок. С быстрым движением голова и грудная клетка, зонд был вставлен в углубление цветка, чтобы быть скоро после снятия и погружения так же быстро и уверенно между губами еще один и еще один цветок, пока не будут исследованы все цветы в одном в значительной степени и необходимо спешить, чтобы отправиться в некоторые области туфа еще не опустошены. И так последовательно, исследуя сердцевину будущих цветов, спускаясь глубоко к источникам украшенные и скрытые от этой опьяняющей сладости! И так далее, и с какой ненасытной

похотью, с какой сильной страстью она потворствовала эта целеустремленная и безопасная жадность!

В течение долгой минуты они молча наблюдали. После, внезапно Елена протянула руку и ударилась о туф, в котором она стояла бабочка. Однако, прежде чем его палец даже коснулся цветов, Лепид и живое животное уже сбежали. Быстрый взмах крыльев, затем безмятежный спуск с неподвижными крыльями; еще один взмах крыльев, еще один полет на длинных извилистых холмах и склонах, и Эй-ля, бабочка, которая он исчезал из-за дома.

- Зачем ты это сделал? - спросил он.

Притворившись, что не слышала его вопроса, Елена быстро спустилась по лестнице и он бежал по песчаной тропинке. У ворот сада он встал и повернулся.

- Пока, Энтони.

- Когда он вернется? - спросил он.

Елена посмотрела на него несколько секунд, ничего не сказав, и менеу, а затем тыква. - Я больше не вернусь, - сказал он, наконец.

- Ты больше не вернешься? - повторил он. - Что вы имеете в виду?

Она, однако, уже постучала в ворота позади себя и с некоторыми шагами, которые были почти прыжками шел по пыльной дороге, под соснами.

Энтони продолжал смотреть, как она уходит, и знал, что, по крайней мере, на данный момент, было бы бесполезно пытаться делать что угодно. Если бы я сопровождал ее, я бы служил только этому что еще хуже. Позже, может быть, так и будет; ночью, после того, как она если бы у меня было время… Но, возвращаясь по садовой дорожке, через духи будлей, которые он теперь даже не чувствовал, задавался вопросом о себе, беспокойно, стоит ли это того, даже позже. Знал упрямство Эллин. А потом, какое право он имел сейчас, после стольких месяцев отказ, активный отказ от любых прав?

- Но я идиот, - сказал он вслух, открывая дверь кухня, - я веду себя как сумасшедший, - и стремился вернуть свою здравомыслие с пренебрежением и пренебрежением ко всему этому инциденту. Противно, это было, признал он. Однако не довольно неприятно для оправдывать поведение Елены, как если бы она была

персонажем Ибсена.

Что-нибудь вроде кукольного домика, сказал с вами-пытаясь запихнуть все в достаточно нелепой фразе-Кукольный дом, без куклы ни дом, ибо, воистину, она не могла жаловаться, что старый Хью. и не то, чтобы он сам подпитывал какие-либо проекты по ее свобода. Напротив, он настаивал на том, чтобы он был свободным. Свобода она была его свободой; если бы она стала его рабыней, он бы стал обязательно стать ее рабом.

Что касается ваших собственных эмоций, наверху на террасе на крыше — этот доступ нежности, это желание узнать и полюбить человека, который он страдал внутри этого внезапно и безоговорочно желанного тела. — они, несомненно, были реальными; они были фактами непосредственного опыта. Но, в конце концов, они могут быть объяснены как простые преувеличения, в момент беспокойства, преувеличения его сочувствия, его солидарности очень естественно с этим состоянием страданий, страданий, в которых она считать. Если бы ей дали какое-то время, чтобы переделать все это, она я бы еще раз послушал, что он хотел вам сказать, и он больше не я хотел больше рассказать ей о вещах, чем она. было мало, он отказывался слушать.

Открыл холодильник и увидел, что мадам. Кайоль приготовил холодную телятину и салат, из огурцов и помидоров. Мадам. Кайол была без ума от холодной телятины., или лучше, почему другим нравится холодная телятина, и это было таким блюдом что она постоянно ему служила. Энтони, хотя на самом деле не он очень любил есть его, не споря с мадам. Cayol о меню. Иногда проходили целые недели, и у него не было нужно сказать ей что-то еще, кроме Бонжура и демена, Мадам. Кайоль, и II fait beau aujourd'hui или Quel vent!, что бы ни было случай. Каждое утро она появлялась, и в течение двух часов ее видели занятой-если из обустройства дома готовить еду, накрывать на стол, а потом, он снова исчез. Когда его обслужили, он почти не осознавал присутствие служанки. Договоренность, порядок-считал-были почти такими же совершенны, насколько эти вещи могут быть совершенными в мире. Холодная телятина была, в конце концов, скромная, даже дешевая цена, чтобы заплатить за подобную услугу.

Стол, ослепленный большим смоковницей на террасе, Энтони

стоял серьезно решил поесть, и пока он ел, он возвращался к страницам его последняя записная книжка. Ничего не было-убедился, что он сейчас как работа; ничего такого эффективного, чтобы заставить нас забыть о личное и личное чувство, как хорошее обобщение. Наткнулся-под его глазами слово “свобода” и, помня о удовлетворении, которое несколько месяцев назад, когда он доверил бумаге свои идеи, он начал читать.

“Актон хотел написать историю человека в терминах истории

идея свободы. Но вы не можете написать историю идеи Свобода, по крайней мере, не написав историю о том, что Порабощение.

“Факт порабощения. Или, скорее, от порабощений. Да, в своих последовательные попытки понять идею свободы, человек постоянно меняя одну форму порабощения на другую.

“Первобытное порабощение-это порабощение желудка и сезона неблагоприятный. Одним словом, порабощение природы. Побег к природе, если это достигается за счет социальной организации и технического изобретения. В городе moderna можно забыть, что существует такая вещь, как природа — особенно природа, в ее самых нелюдимых и враждебных аспектах. Половина населения Европы живет во вселенной, созданной самой собой.

“Мы подавляем порабощение природой, и тут же возникает другое форма порабощения. Порабощение институтов. Религиозные учреждения, юридические, военные, экономические, образовательные, художественные и научные.

“Вся современная история Moderna-это история идеи освободиться от Учреждение. И это также История факта порабощения в Учреждение.

“Природа апатична и лишена интеллекта. Учреждения, будучи работа людей имеет смысл и цель. Обстоятельства они меняются быстрее, чем институты. Что когда-то чувствовало, сегодня больше нет. Потраченное учреждение похоже на человека, который применяет логическое обоснование несуществующей ситуации, созданной фиксированной идеей или галлюцинация. Подобное положение дел происходит, когда учреждения они применяют букву закона к отдельным делам. Если обстоятельства, с которыми сталкиваются если бы они действительно существовали, институт действовал бы

рационально. Но, на самом деле их не существует. Порабощение учреждения подобно порабощение параноика, страдающего галлюцинациями, но все еще находящегося в обладание всеми его интеллектуальными способностями. Порабощение природы-это как порабощение идиота, чей ум даже не способен страдать от галлюцинация.

“Восстание против институтов временно ведет к анархии. Но анархия-это порабощение природы, а для цивилизованного человека порабощение к природе даже менее терпимо, чем порабощение к природе. учреждение. Иногда нет периода анархии-нет временное порабощение природы. Мужчины проходят прямо из серия учреждений другая серия.

“И потому, что он стремится положить В. практика идеи свободы, которая институты трансформируются. Чтобы оценить факт нового порабощения, есть какое время пройдет. Таким образом, получается, что во всех восстаниях против

учреждения есть своего рода медовый месяц, полный радостей, во время которого люди верят, что свобода наконец-то достигнута. “Счастливы те, кто жил в этом сиянии.“И не только на заре Французская Революция. Какое совершенное счастье не было, например, у тех, кто они жили на заре францисканского движения, на заре Реформации, в рассвет христианства и ислама! Даже на заре Великого Война. Медовый месяц может длиться около двадцати или тридцати лет. После этого факт новое порабощение навязывается сознанию людей. Они понимают, что идея свобода не была введена в действие последним изменением, что новые учреждения такие же порабощающие, как и старые. Что делать? Изменить новые учреждения еще более новыми. И когда я закончу это последний медовый месяц? Поменяйте еще более новые на еще более новые. И так последовательно, бесконечно и несомненно.

“В любом обществе, учитывая факт свободы или свободы как на самом деле, он существует только для очень небольшого числа людей. Условия благоприятные экономические условия-это условия свободы, по крайней мере, частичный. Но для того, чтобы свобода была почти полной, должно быть также благоприятные обстоятельства интеллектуального, психологического, биографического порядка. Эй лица, для которых все эти обстоятельства благоприятны, не являются рабы учреждений. Для

них институты существуют как своего рода из цельного каркаса, на котором просят выполнять любые гимнастики, которые хотеть. Жесткость общества в целом делает возможным чтобы преодолеть моральные и интеллектуальные границы без какого-либо риска, для себя, для общества в целом. Все свободы частные-и нет свободы, которая не является частной-всегда обусловлены той или иной формой общего порабощения."

Энтони закрыл свой блокнот, чувствуя, что не может прочитать даже строчку более. Не то чтобы его слова казались ему теперь менее правдивыми, чем что им показалось, когда они их писали. Они были настоящими, да, в стиле и в том плане, в котором они находились. Почему же тогда все это казалось ему безмерно ложно и несправедливо? Не желая обсуждать это с самим собой вопрос, пошел в дом и сел читать историю механики Изобретения Ашера.

В половине четвертого он вдруг вспомнил эту мертвую собаку. Внутри несколько часов, и с жарой, которую он делал… Он выбежал на склад инвентарь. Потрепанный пол сада был испечен солнцем почти до тех пор, пока консистенция кирпича. Когда он только что открыл дыру, пот капает они стекали по его лицу. Затем, с лопатой в кулаке, он поднялся на террасу наверху из дома. Там была мертвая собака. Пятна крови на волосах

животное, на парапете, на матрасах, стало цветом ржавчина. После нескольких неудачных попыток ему удалось поймать тушу на лопату и вынимаем ее над перилами, с мухами и все — ибо мухи отказывались беспокоить. Потом спустился по лестнице и вышел в сад; там, как будто я с трудом борюсь за победу в огромный старт "гольфа", он снова поднял с земли моламбо, который он ужасно качался на лопате, когда он проводил его в могилу. Когда он вернулся домой, ему стало так плохо, так тошно, что он оказался вынужденным выпейте немного самогона. Потом спустился на берег, бросился в море. и предался длительному плаванию. В шесть часов, сделав новый "туалет", взял свой автомобиль и пошел в отель, чтобы поговорить с Хеленой. Он полагал, что к этому времени она уже восстановила свой первый шок, и я бы решила выслушать его. Забыв всю эту историю Кукольный дом и здравомыслие, которое он намеревался сохранить., он был взят, все еще находясь в автомобиле, с необычайным возвышением. Внутри через несколько минут я снова буду перед ней, рассказывая ей о находках, которые в то же

утро я внезапно сделал открытие, которое мне понравилось, открытие, что он был дураком и, что еще хуже, невыразимо хуже, чем какой дурак… Было бы трудно, было бы почти невозможно сказать эти вещи самоуважение к себе; но сам факт того, что я думал, что буду сказав их, он наполнил его глубоким счастьем.

Она остановилась у двери отеля и забеспокоилась в “холле”.

Мадам Ледвидж est-elle dans sa chambre, мадемуазель?

- Больше нет, месье, мадам вьент.

- Эль вьент уезжает?

- Мадам ЭСТ Алле прендр Ле Рапид в Тулоне.

Энтони посмотрел на часы. Поезд уже ушел… В тележке несчастный, как его, не было никакой надежды добраться до Марселя до того, как поезд также отправился в Париж.

- Мерси, мадемуазель, Мерси, - сказал он, уступая силе привычки, той чрезмерной вежливости, с которой он защищался от тревожного окружения из низших классов

- Больше риена, месье.

Он снова вернулся домой, измученный нерешительностью, не зная, вы должны оценить это освобождение. Почтальон пришел во время его отсутствия. Было письмо от вашего брокера, в котором вам советовали продать хотя бы одно часть акций золотого рудника, который он унаследовал от дяди Джеймса. Не казалось, нет никакой вероятности, что они будут продолжать ценить-если; ввиду того, что наиболее разумным было бы воспользоваться ценами на время перевернуть их на прочно сложившихся английских промышленных предприятиях

и гарантировано, например… Бросила письмо в сторону. Как и почти всегда, поводы сговорились в его пользу, злобно принеся ему экономическое процветание. В этот момент, с депрессией, он обнаружил лучше, чем когда-либо. Было лучше, когда положение других людей было по праву хуже. Более свободно, в то время как порабощение других было более безнадежным. Кольцо Поликрата… Dir-боги уже начали свою месть.

Он пошел рано лечь, и в два часа его разбудил этот сон ужасный, что он был так частым, что он так мучил его в детстве, и все же даже после того, как он стал взрослым, время от времени он поражал его. Я мечтаю, что в вещество, оно всегда было одинаковым. В нем не было ничего резкого, очень заметного. Было, конечно, смутное представление о том, что его сопровождали, окружали темные присутствия. Глоток еды, в которой он не мог нуждаться. что бы это ни было, как только он принес это в рот, он распространился среди зубы все чаще приобретали консистенцию резины с, в то же время время, что-то слизистое, пока оно не создаст впечатление смазанного кляпа что-то вроде жевательной резинки, которая высыхала и образовывала мембрану над зубы, над языком, над небом рта. И так продолжалось. прогрессивная походка удушающего расширения, утолщения и засорения клейкий, неописуемо отвратительный. Пытался проглотить, пытался, несмотря на смутное и смущающее присутствие странных людей, изгнать все это. Но я не мог. В конце концов он был вынужден выдернуть наркотик пальцем на крючке, по частям, как будто тянет-тянет. Но это было все еще в пойти. Потому что акамо продолжал расти, мембрана утолщалась, и закаляться. И я мог видеть себя свободным от всего, только когда, в конце концов, я проснулся. вдруг. В ту ночь у той глотки, которая росла у него во рту, была какая-то смутные, но ужасные отношения с собакой. Проснулся дрожа. Раз проснувшись, он больше не мог совмещать сон. Куча воспоминаний, уже заброшенные воспоминания вышли, так сказать, на первый план своей сознание. Эти портреты. Его мать и Мэри Эмберли. Брайан в кайейре, вызванный этим запахом соли, который отделялся от нагретого на солнце мяса; и все же Брайан мертв у подножия скалы, среди мух-как этот собака…

Глава XXXI - 31 августа 1933 г.

Елена позвонила в дверь и стала слушать в тишине царствуя за закрытой дверью, не было замечено ни малейшей вибрации. Она он пришел прямо со станции, проведя целую ночь в поезд, это было еще не десять часов, и его мать все еще будет спать. Стал играть; затем, после паузы, он играл еще раз. Это был тяжелый сон в этом не было никаких сомнений, если только он не провел всю ночь на улице. Где? И с кем? Вспоминая того ужасного русского, что она он нашел ее в квартире своей матери в последний раз, когда был в Париже, Елена нахмурилась. В четвертый раз зазвонил Пейя, в пятый раз-звонок. Из квартиры

вдруг, в ответ, раздался шум шаг. Елена вздохнула, отчасти, с облегчением при предположении, что ее мать он лишь частично спал, опасаясь того, что с ним было. зарезервировано в те минуты или часы, которые должны были последовать. Дверь открылась конец. предоставление доступа к сумеречной среде, которая потрясла кошек и эфир и кислая еда; и там, в грязной розовой пижаме, в смятении своих окрашенные в оранжевый цвет волосы, все еще моргающие, все еще странно от синуса раздулась мать Елены. На секунду это лицо это была мокрая маска Матроны, переводящая непонимание ошеломлен; затем, как по очарованию, вернулся к жизни, вернулся почти к Юность, с внезапной улыбкой истинного удовольствия-но какая радость! - воскликнула Миссис Эмберли. - Как я рада, дорогая!

Елена не знала из горького опыта, что это проявление радость и привязанность неизбежно будут следовать в лучшем из шансы на уныние, полное обиды, а в худшем-на бешенство. доступ к безумию, и он был бы тронут теплой заботой с что мама получила ее. Так что он просто позволил себе поцеловаться и, бесстрастно, лицом закрытая переступила порог, ведущий ее к этой ужасной и знакомой весе. дело, которое было жизнью его матери.

На этот раз она заметила, что в кошмаре присутствует комический элемент.

- Все это из-за этой старой шлюхи, femme di ménage, — он объяснял миссис Эмберли, пока они копали остановки в маленькой комнате ожидания. вонючий. - Я крал там свои носки, и у меня это было. поэтому, что закрыть дверь в комнату, когда я вышел. Потом я не знаю, как все прошло, я потерял ключ. Вы знаете, как я выгляжу. - собрался самодовольно, хвастаясь, силой привычки, тем отвлечением, которым он всегда так гордился. — Мне кажется, что у него больше нет лекарств. - Покачал головой и он улыбнулся своей злой улыбкой, в которой был вид заговора. Когда я вернулся домой, мне пришлось взломать дверь здесь, на этой подушке. —

И указал на продолговатое отверстие в нижней части двери. - Я просто я хотел, чтобы ты увидел меня, бьющего молотком с утюгом! — О смех, сопровождавший его слова, придавал голосу все вибрации. К счастью, древесина была мягкой, как спичечная палочка. Обычный, до тех пор. Как, впрочем, и все, в этом дерьме этого дома.

- А тебе пришлось все нырнуть, чтобы пройти? - спросила Елена.

- О, да? Это было так. -И, став кошечками, миссис. Эмберли просунул голову в дыру, повернулся на бок, чтобы пропустить рука и плечо, а затем, с удивительной ловкостью, с одним из руки уже перешли в другую сторону, а ноги не дотянули до двери, толкали здесь, потянув туда, пока не остались только ноги в ожидающей Салете. Один во-первых, во-вторых, ноги были удалены, и оттуда в мгновение ока, как из собачьей будки из проема выходило немного покрасневшее лицо миссис Эмберли,

- Видите? - сказала она. - Легко, как открыть и закрыть глаза. И прелесть в том, что старая мадам Роже слишком толстая, чтобы возможность пройти через эту дыру. Мне больше не нужно ссориться из-за из моих носков.

- Вы имеете в виду, что она больше никогда не заходила в комнату? Миссис. Эмберли отрицательно понизил голову. - Никогда больше, с тех пор, как я потерял ключ; и это было, по крайней мере, три недели назад. - Были в его словах тон триумфа. - Но тогда кто делает постель и уборку?

— Хорошо… - Был момент колебаний. Кто это будет? Я, естественно, - ответила другая немного раздраженная.

- Ты?

- Почему бы и нет? - Все еще на полу, у маленькой дверцы питомника, миссис. Эмберли подняла глаза, почти в знак неповиновения, на лицо своей дочери. Затем последовало долгое молчание, и они одновременно отпустили обе взрыв смеха.

Всегда улыбаясь, Елена сказала: - Я просто хочу посмотреть, как это происходит, - и пригнулся, тоже оделся кошечками. Это закрытое, невозмутимое лицо что она до незадолго до того, как она сохранила возбужденный дыханием жизни и сочувствия. Ощущалось внутреннее тепло. Его мать была такой абсурдной из-за того, что за пределами питомника появилась гримаса, это было смешной и такой по-детски, что она внезапно почувствовала может снова полюбить ее. Любить ее и в то же время смеяться над ней, потому что, точно, я мог бы посмеяться над ней.

Миссис Эмберли сняла голову. - Естественно, что он немного неопрятный, - признался он с некоторым беспокойством, когда Елена справилась пройти через отверстие в двери. И, все еще стоя на коленях, толкнул вниз.

с постели какое-то грязное белье и остатки обеда накануне.

Снова стоя в комнате, Елена смотрела вокруг. Это было даже больше свиньи, чем она себе представляла — намного больше нечистый. Приложил усилия, чтобы продолжать улыбаться, вы воздействуете на мышцы лица они отказались подчиняться ему.

Три дня спустя Елена вернулась в Лондон. Открытие английская газета, которую он купил на “Северном вокзале”, читала, всегда с то же отсутствие интереса, новости и комментарии о стагнации коммерческий, условный брак, нацисты,“Новый курс”. Вздохнул и страница вернулась. Он дал это название в бутылочных письмах: “отличный Дебют в романе”. И далее, строчными буквами: “любовник Невидимый. - Хью Ледвидж. Рассмотрено Кастеби Радж”. Эллин он сложил страницу, чтобы сделать ее более удобной, и прочитал ее с интенсивным вниманием и фиксировать.

- Только одна книга, - подумал я, - как и все остальные, и я был в точка, чтобы бросить его в сторону, не читая его. К счастью, один не знаю что - полагаю, мистическая интуиция, - заставила меня изменить свое мнение. Открыть книга. Я возвращался к; страницы, бросая взгляд, наугад, на предложение здесь, еще один там. И тогда я заметил, что фразы были драгоценными камнями-хрустальные украшения резной. Я решил прочитать книгу. Было девять часов вечера. И в полночь я я все еще читал, в восторге. Было почти два часа, когда я лег спать., с духом, все еще взволнованным энтузиазмом, который вдохновил меня на эту работу-кузина, которую я только что прочитал.

“Как мне описать тебе книгу, читатель? Я мог бы назвать его фантазия. И до сих пор идея, которую я вам даю, верна. Невидимый любовник действительно фантазия. Но фантазия, которая одновременно едкая и деликатная; глубокий, настолько легкий и полный сюжетов; плодородный в слезах, как что касается улыбок; время, тонко юмористический и полный этого высшая духовность сэра Галахада. Наполненный этим видом благодати озлобленный, в котором смех роется слезами. И все это пронизано кристаллическая струя воды, которая является наивной и детской чистотой, бесконечно утешение в мире, полном фрейдистов и романистов сексуализма и вся утомительная катерва того же Джеза. Эта фантазия о невидимом любовнике, но вездесущий, всегда бдительный, всегда

очаровательный и его детский возлюбленная, всхлипывает почти небесная невинность. Если бы я хотел подвести итог книга в простом предложении, я бы сказал, что это история Данте и Беатрис, рассказанная Ганс Андерсен…”

Эти слова, приносящие вам в память несколько попыток позорные достижения, которые сделал ему Хью, произвели в духе

Елена своего рода бурная химическая реакция. Не может содержать в то время, когда он продолжал отголоски смешной фразы, в то время как гротескные воспоминания продолжали обновляться сто интенсивность каждый раз все больше и больше подробностей, все больше и больше отвратительный, смех продолжался, неудержимый. История Данте и Беатрис, рассказал Ханс Андерсен! Слезы истерической радости побежали к нему по щекам. Уже закопался, затаив дыхание, мышцы горла уже напряглись в каком-то мучительном спазме. Тем не менее, она продолжала смеяться, смеяться без стоп, без силы, абсолютно, стоп. Как будто она была одержима демон. К счастью, я была одна в купе. В противном случае иметь-Ла-иам, взятый сумасшедшей.

В машине, когда по дороге в квартиру Хью-квартира она тоже, несмотря на Данте, Беатрис и Ганса Андерсена - она я спрашивал его, собрался ли он когда-нибудь и с каким лицом он должен быть, когда увидимся. Он не предупредил его о его прибытии; он не был бы готов к принимая ее, я противостою шоку ее явно физического присутствия. Бедный Хью, думала она, между наказанием и насмешкой. Камминг ее частное и невидимое удовольствие, как Данте со своим призраком, и после кто пострадает от удара синьоры Алигьери! Но в ту ночь-согласно она заметила, остановившись, в конце концов, перед дверью квартиры, в то время как я искал в его сумке ключ от защелки, - это его невидимое одиночество уже она была захвачена. Кто-то играл на пианино; внутри ходили слухи о смех и голоса. Хью, должно быть, устраивал прием. И вдруг, Хелена представляла, как драматично входит в комнату, как призрак Банко; и получил удовольствие от этой идеи. Чтение этой статьи имело в силу того, что он на мгновение и полностью предрасполагает его к смех. Все стало для нее огромной, экстравагантной и дикой грабительской урной; и если он еще не стал, он должен стать. Это было ощущение зуда ожидаемое удовольствие, что она открыла дверь и намекнула тихо в зале. Ассортимент странных шляп был висели на вешалках, другие были на стульях — двое из них, она

заметила, что это были богатые шляпы, очень новые и красивые; а остальные уже деформированные и старые; шляпы, как можно было видеть, бедных интеллектуалов. На мраморной столешнице было несколько букв; просто силой по привычке, она наклонилась, чтобы осмотреть их, и заметила, что один из них принес свой адрес и это было, как он вскоре узнал, Энтони. И это была скорее грабеж. Значит, он серьезно думал, что она прочитает его письма? Какой большой осел! Он положил все еще закрытый конверт в сумку и прошел через затем, на цыпочках, коридор, путь из вашей комнаты. Как это было все в порядке! И как все там было убито! Можно было бы назвать мавзолей

семья под порошковыми кожухами. Снял пальто и шапку, помылся, расчесал волосы, составленное лицо, а затем, так же тихо, как когда она прибыла, он тихо вернулся в ” зал ” и стоял у двери комнаты, пытаясь узнать по голосам, которые я слышал, какие были гости. Беппо Боулз это был один из них; эти косяки, эти визги и шипение были неповторимый. Другим был Марк Стейтс. Затем голос, который она я не был уверен, кто это, и еще один, очень низкий и конфиденциально, это должно быть из Кройланда. И кто будет этот иностранец смешной, который говорил так медленно, полон размышлений и говорил все в одном и том же том? Он долго стоял у двери, а потом много кроткого., он повернулся к ручке, постепенно открывал дверь и без малейшего шума, это проникло в комнату. Никто ее не заметил. Марк Стейтс был сидя за пианино, с Беппо, все более толстым Беппо, - заметил он она - и все более лысая, более нервная и взволнованная; и-да, с бородой и все! - там был и Кройланд. По одному по обе стороны от Стейта, сгорбившись над пианино, они смотрят на друга, пока тот говорит. Хью был на диване, рядом с калорифером, с владельцем того голоса, который она он не узнал, но теперь он видит, что принадлежит Колдуэллу, издателю — редактор естественно невидимый любовник, размышляла она, изо всех сил пытаясь сдержать новый приступ смеха. В их компании был мужчина, которого она раньше я никогда не видел-светловолосого молодого человека из унхо, с прилив крови на откровенном лице, выражение которого в то время было почти детская серьезность. Это был его, очевидно, тот акцент иностранец, которого она слышала-немец, предполагал.

Но, кстати, настал момент.

-Спокойной ночи, - сказал он и шагнул вперед. Все повернулись,

как suipresos. Что касается бедного Хью-этот прыгнул, как будто кто-то выстрелил из пушки в ухо. И после первый испуг, это был непреодолимый комический выражение удивления и ужас, который он представил.

- Так, Хью? - сказала она.

Он посмотрел на нее с хихикающим лицом, не в силах сказать ни слова. Со когда начали поступать первые хвалебные новости о его книге, он всегда чувствовал себя таким сильным, как в мире блаженства. И теперь там это была Елена-явилась, чтобы унизить его, явилась, чтобы дать показания против него позорно.

— Я не ожидал, - сумел бессвязно пробормотать он. — Я имею в виду, почему это ты…?

Но Колдуэлл, которому нужно было поддерживать и оправдывать славу, которой он пользовался, из десертного оратора он прервал его. поднимая чашу, в которой он держал,

воскликнул: - Муза. Музе, а также — мне это не кажется нескромным проявить себя так - и героине нашего шедевра тоже. — Очарованный счастьем своей собственной формулировки, сияющий взгляд на Эллин. Затем нежно поворачиваясь к Хью жестом значительный из его редакционных прав собственности, дал ему похлопай по плечу. - Ты тоже должен пить, дорогой мой. Поздравление это не сделано для вас — на этот раз нет. - И хихикнул смех.

Повинуясь приказу, Хью закатил глаза и взял козел “виски и сода”.

- Спасибо, спасибо, - восклицала Елена. Смех кипел внутри нее, как вода в чайнике. Он протянул одну руку Колдуэллу, а другую - Хью. “Я не могу сказать вам, какие эмоции я испытал, - продолжил он. - Данте и Беатрис от Ганса Андерсена-как восхитительно это звучит!

Покраснев, Хью попытался протестовать. - Эта ужасная статья…

Она, однако, сразу же спросила, прервав его — - но почему он сохранил это секрет? Почему ты мне ничего не сказал?

Да, почему? почему? Это то, о чем думал Хью; думая, что он

совершил безумие, опубликовав книгу, не показав ее Helenae. У него всегда было желание показать — и всегда в последний час он находил тысяча трудностей в этом, и я все смущался. Но он всегда оставался с ним. желание опубликовать его, желание, чтобы оно становилось все сильнее и сильнее, даже в конце концов, он совершил глупость, доставив рукопись в Колдуэлл, и после того, как он был принят, он договорился с ним, что книга появится во время пребывания Елены за границей. Как будто это мешает ей иметь какую-либо информацию об этом! Безумие, безумие! И доказательство того, что сумасшедший был в ее присутствие там, в ту ночь, с этой странной дикой улыбкой отпечатано на лице, с этим блеском в глазах. Беззаботность, не петь с позором, вот одна из самых характерных черт ребенок-любимый; это был небесный enfant ужасный. Однако на Королевской Елене эта беззаботность казалась почти демонической. Она была в состоянии делать то, что она хочет что бы это ни было, абсолютно что бы это ни было.

- Почему вы не сказали? - она настояла.

Он сделал смутный шепот оправдания

- Ты должен был признаться мне, что ты Данте Андерсен. Я бы стремится жить в соответствии с вами. Беатрис и маленькая продавщица из спичек, слитых в одну. Спокойной ночи, Беппо! О, Марк, Спокойной ночи! — Они оставили пианино и прошли через комнату, чтобы поприветствовать ее. — Быть как вы, мистер Кройланд?

Мистер Кройланд безупречно исполнил свою роль пожилого джентльмена приветствую молодую и красивую женщину. Он сделал это с доброжелательностью, с видом

игривый, с приглушенным эхом галантности.

- Такое неожиданное заклинание, - услышал он в том низком устье, умышленно экстатические, которые обычно зарезервированы для описания картины quattrocento или когда он обращался к знаменитым людям или богатый. Затем жестом, который красиво выражал взрыв от любви Мистер Кройланд зажал ее руку между собой. Рука Очень бледные, мягкие, почти отталкивающие по своей малости и нежности. Сравнивая их, Helenae показалось, что ее брюнетка рука как будто рука

крестьянки. Борода, серебристая и пророческая Мистера Кройланда была раздвоенная улыбка должна быть изящным подтверждением ее слов и жесты, которые с их несочетаемой шириной и внезапной свирепостью всех его большие желтоватые зубы, казалось, наоборот, отрицали всю реальность к добрым манерам старого доброго человека. Эта улыбка принадлежала Г-н Кройланд, который заработал достаточно денег на бизнесе стариков Мастера; маленькие белые руки с их ласковыми жестами, голос мягкие и восторженные своими сердечными словами были собственностью этого другой, из того эфирного Кройленда, у которого искусство было единственной заботой.

Елена убрала руку. - Вы видели эти фарфоровые чаши, Мистер. Кройланд? - вы спрашиваете, - вы, кто так хорошо знает Италию? Тот что продают в Монтекатини, чтобы пить слабительную воду? Мягкий, с надпись золотыми буквами: lo son Beatrice che ti faceio andare.

- Какое это возмущение! - воскликнул Мистер Кройланд, поднимая руки маленькие в жесте ужаса.

- Да, мне это очень нравится. Особенно сейчас, что я стала Беатрис… - Понимая, что мальчик с льняными волосами это было примерно в Ярде к западу от нее, очевидно, стремясь сделать себя заметив, Елена прервалась и повернулась к нему, протянув ему руку.

Молодой человек взял руку Елены, поклонился прямолинейному углу от от талии и, сказав “Гизебрехт”, крепко сжал ее.

Смеясь (Это был еще один грабитель), Хелена ответила: “Ледвидж”; после, размышляя, он собрал: “Геборен Эмберли”.

Озадаченный этой неожиданной презентацией, молодой человек сделал вторая месура в тишине.

Стейтс вмешался, чтобы объяснить, что именно он обнаружил Экки Гизебрехт. Беженец из Германии. Не из-за твоего носа, добавил, в то время как (жалко бедного Хью) оттолкнул ее конфиденциально группы собравшейся вокруг софы; не из-за его нос — но из-за его политики. Арийский, но коммунистический-с пылом и по всем направлениям.

Он считает, что, как только экономическое равенство установлено, однажды

пусть все выиграют одинаково, люди перестанут быть жестокими. А также, что вся власть автоматически перейдет в руки лучших. И это абсолютно убежден, что никто не сможет злоупотреблять, или даже желание злоупотреблять властью, которой он наделен. И Стейтс трясет голова. - Мы не знаем, стоит ли восхищаться, завидовать или благодарить Бога потому что я тоже не такой осел. Осел с качествами мораль святого. Что объясняет тот факт, что он замечательный пропагандист. Святость стоит почти столько же, сколько “сексуальная привлекательность”, привлекательность секс. - Подвинул стул к Helenae и, снова садясь за рояль, он начал играть первые несколько тактов “Fur Elise” из Бетховен; затем резко остановился и, повернувшись к ней, возобновил нить разговор: - хуже всего то, что ничто не выпрямляет это. Ни веры, ни разума, ни святости, ни даже подлости-ничего. Вера - это просто глупость. организованный и направленный. Может быть, он удалит одну или две горы в добродетель только настойчивых рогов; но носит шоры и не может видеть, что, перемещая горы, он не разрушает их, а только перемещает их из одного места в другое. другой. Чтобы увидеть это, нужен интеллект; но интеллект мало помогает, потому что никто не в восторге от нее; она во власти первого Гитлера или Муссолини, который появляется — от того, кто может вызвать энтузиазм; и можно вызвать энтузиазм по любой причине, какой бы глупой и да будет преступно.

Елена смотрела сквозь комнату. - Я полагаю, его волосы естественно такого цвета? - она сказала больше для себя, чем для себя. спутник. Затем, повернувшись к Стейтсу, он спросил — - А как насчет святость?

- Ну, просто верните взгляды в историю, - ответил он.

- Я не знаю истории.

- Уже видно, что нет. Но я надеюсь, что вы слышали об определенном Иисус? И я тоже не сомневаюсь, что раз за разом буду читать газеты? Ибо ну, соедини одно с другим, утренние новости и святой, а потом забери его выводы.

Елена заявила с головой. - Я их снял.

- Если святости было достаточно, чтобы спасти мир, продолжил он, — тогда, конечно, мир уже давно был бы спасен. Десятки раз.

Но святость не может существовать без разума. И несмотря на влечение, которое он оказывает, не более привлекательно, чем часть других вещей — например: хорошая еда, комфорт, ложиться с кем-то в постель, петь петух, чувствовать себя выше.

Смеясь (потому что это тоже заставляло смеяться), Хелена сказала — И как будто нет ничего не оставалось делать, кроме как отказаться от всего и стать любовником

невидимый. -Он налил себе бутерброд и бокал белого вина, который был на подносе

Группа в другом конце комнаты распалась, и Беппо и г-н. Кройланд возвращался к пианино. Стейтс улыбнулся им и, ловя нить спора, что прибытие Елены прервало, он сказал: - в качестве альтернативы можно было бы стать эстетом.

- Ты используешь слово “кома”, если это оскорбление, - возразил он Беппо с решительной кислинкой, которой годы способствовали увеличить. С ним плохо обращались из-за удачи, из-за жизни, которая была делая его все более лысым, все более толстым, делая молодых все больше и больше неохотно относились к нему как к своему современнику, делая сексуальные победы все труднее достичь, принимая этого молодого человека немецкий обнаружил Staithes относиться к нему почти грубо. - Почему если должно ли быть стыдно жить ради красоты?

Эта идея о том, что Беппо живет ради красоты, с ее жилетом ventrudo и огромные тугие слинги ее клетчатых штанов, с ее лысиной в форма короны, окруженная вьющимися фитилями флорентийского пажа — эта идея это заставило Helenay задохнуться, когда она сделала глоток своего вина.

Из кресла, в которое он был погружен, пробормотал Мистер Кройланд: — Слава Богу за нюансы. Я недавно читал священника Хопкинс. Так остро! И как кинжал. Это говорит, например, так: “Как прекрасны облака в их шелковистой одежде!“Вздохнул и встряхнул голова, задумчивая. “Они относятся к числу вещей, которые причиняют нам боль его красота. Они причиняют нам боль и поддерживают нас; они делают жизнь достойной быть живым”.

Была соборная тишина.

Затем, в явной попытке обуздать желание смеяться, Елена сказала: - Продолжай быть ангелом, Беппо; и дай мне еще немного этого “Хока”.

Мистер Кройланд сидел, не обращая внимания на все, веки прищурились, обитатель высшей Вселенной.

Слух, который сотрясал бокалы, прекратился, он процитировал: быть Итак, вот что важно, состояние зрелости - это все. Трезвая уверенность в настояла бдительная, бдительная блаженство. - Строго в сознании. Е тогда, естественно, есть картины-Ваттеаус в Дрезде, и Преображение Беллини и портреты Рафаэля в Питти. Это контрфорсы, опоры души. И некоторые философии тоже, Заратустра, Симпозиум. - Он сделал жест рукой. - Мы были бы потеряны, без всего это-потеряно!

И, учитывая все это, я хочу верить, что друг спасен? - сказал Марк со своего места на пианино; и, не дожидаясь ответа, продолжил: - Что касается меня.

он хотел, чтобы я был спасен. - Но, кажется, так мало вещества в все это. Даже в том, что это имеет самое существенное по своей сути. Ибо нет сомнений в том, что большинство этих философий-не что иное, как собрание глупости. А что касается искусства, Что касается литературы-давайте немного посмотрим на музеи и библиотеки. Давайте посмотрим немного, и мы увидим, что девяносто девять за цент-это чушь и наркотик.

- Но греки, - возразил г-н Кройланд, - и флорентийцы, и Китайский… - Набросал в воздухе изящный и элегантный жест, как будто он шел пальцами по бокам банки с песком, или передайте их вокруг анфориформного пупка нимфы сверху Возрождение. Улыбнись тонко, с мнимым выражением Мадонны Луини; ” но не переставая показывать, на поляне, которая была сделана в посреди леса бороды, его большие желтые зубы, свирепые, рапасы — даже когда я рассказывал о freschi Schifanoia, даже когда он шептал, как будто это был орфейский секрет, имя Вермеера из Делфта.

Однако Стейтс настаивал на том, что все это было чепухой, почти неизменно ерунда и наркотик. И большую часть того, чего не было, нет. это была посредственность. Хорошо, но обыденно — как и любой из нас, здесь можно было бы сделать, немного

попрактиковавшись, - пояснил он. - И когда люди знают, где у них нос-этот несчастный и неумелый нос, который, однако, не не позволяет никому совершать такие дела — не может, воистину, отказаться от раздражение от принятия этих работ слишком серьезно.

Нахмурившись, Мистер Кройланд, очевидно, не имел, в что касалось его, то же мнение.

- Это не значит, что вы не можете оценить эту вещь, несмотря ни на что. странные причины, - признался Стейтс. - за то, что в ней гениально, например, если вы техник или переводчик. Твердые прогрессии например, в басовом ключе, в то время как правая рука модулирует, по-видимому наобум. И постоянное наслаждение! Но это, в конце концов, столярное дело. Не, решительно, этот хороший, но обычный, не может быть интересным. Для большего пусть это будет заслуга или талант. Он явно не имеет ценности; отличается от плохо по степени, только. Сочинение в манере Брамса, например — что это, в конце концов, если не более сложный процесс и более интеллектуально сочинять в манере Мейербера? В то время как то, что лучшее в Бетховене намного выше того, что лучше в Брамсе, насколько это выше худшего в Мейербере. Есть разница в природа. Вы живете в другом мире.

- В другом мире — - повторил, как эхо, Мистер Кройланд в религиозный шепот. - Но это именно то, что я искал

заставить его понять. С высшим искусством вы попадаете в другой мир.

Визг был решительным способом, который нашел Беппо, показать что я согласилась.

- Мир, — настаивал Мистер Кройланд, - богов и ангелов.

— Не забудьте включить невидимых любовников, - отметила Елена, что, когда он пил свое белое вино, он думал, что все это делало его все более веселым и головокружительным.

Мистер Кройланд сделал вид, что не замечает этого. - Мир для подражания, — это продолжалось-великие художники переносят нас на небеса.

- Но никогда не соглашайтесь, что мы останемся там, - возразил Марк Стейтс. — Они дают нам только вкус, вкус этого следующего другого мира, а потом они бросают нас, снова бросают в грязь. Пока вещь тяжело, это чудо. Но это на такое короткое время. И все же даже когда они действительно поднимают меня на небеса, я не могу не спросить: И все? Нет ничего другого, нет еще чего-то другого? Этот другой мир это не совсем другое. Будь то Макбет, или Месса в ре, будь то Успение, Эль Греко. - Покачал головой. Эти вещи, раньше они меня удовлетворяли. Они были для меня бегством, уклонением и в то же время поддержка. Теперь, однако,… теперь я обнаруживаю, что хочу большего. что-то, что-то более небесное, что-то менее человеческое. Да, менее человечным, - повторил он. А потом лицо корчилось, в мучительной улыбке. - Я немного нахожусь в ситуации медсестры Кавелл, - собрался. - Живопись, музыка, литература, мышление-эти вещи не удовлетворяют.

- Что тогда удовлетворяет? - спросил Беппо. - Политика? А наука? Охота за деньгами? - Стейтс качал головой после каждого вопрос Беппо.

- Но что еще есть, кроме этого? - спросил этот. Сохранить все еще его анатомическая улыбка, Марк посмотрел на него, мгновение, в тишине а потом сказал: - Ничего-абсолютно ничего.

- Это ваш взгляд, ребята, - сказал мистер Кройланд. — Ко мне меня удовлетворяют эти вещи. - Еще раз опустил веки и он погрузился в свои духовные посты.

Увидев его таким образом, Стейтс внезапно почувствовал, как Гана проткнула его воздушный шар самоуспокоенности, пробивая дыру в этом большом газовом мешке. культурно, с помощью которого Мистер Кройланд мог поднять свою грязную торговлю до небес, чтобы они проникали в разреженный воздух чистой эстетики. - И что говорит мне смерти? Думаете, эти вещи решают проблему смерти? — настаивать, в тоне, который внезапно стал bmtally любознательным. Сделал перерыв в урне и на мгновение старик был окутан тишиной

ужасно значимый-молчание тех, кто в присутствии жертва или неизлечимый человек, у них есть такт, что они не понимают неминуемая гибель. - Они решают это да, проблема жизни, — Марк Стейтс продолжал, неустанно; - проблема жизни в любом его самых неприятных или опасных аспектов.

- Как, например, когда собака падает с самолета в на кого-то! - собрала Елена, развязавшись от смеха.

— Но что это за история, которую вы говорите? - воскликнул Беппо.

- У отца Хопкинса не будет собак на свободе, - продолжила она, уже устала смеяться. - Я с тобой согласен, Марк. Хороший зонт, в на днях…

Мистер Кройланд встал. - Мне нужно лечь, - сказал он. - Должен сделать то же самое, дорогая. - И положил ее на плечо, доброжелательно, почти апостольски, его маленькая белая рука. - Она устала от поездки.

- Естественно, вы думаете, что я парализована, - ответила Елена., вытирая глаза. - Да, возможно, вы правы. Но, - собрал, — как приятно немного посмеяться, для разнообразия!

После того, как Мистер Кройланд удалился, и Беппо с ним, Стейтс повернулся для нее. - Ты выглядишь странно. Эллин.

- Мне весело, - объяснил он.

- И что ее забавляет?

— Все. Начнем с Данте. Данте и Ганс Андерсен. Только тот, кто

если бы Вы были женаты на Хью, вы бы знали, что такое необыкновенная благодать. это имеет. Представьте, как бы выглядела Европа, если бы бык однажды пришел превратить в самого Нарцисса!

- Я не думаю, что ты должен говорить так громко, - сказал Стейтс, глядя на другой конец комнаты, где, имея на лице выражение непоправимого страдание, Хью делал вид, что обращает внимание на оживленную дискуссию между Колдуэлл и молодой немец.

Хелена также бросила взгляд вокруг на мгновение, а затем, пожимая плечами, как тот, кто не беспокоился, вернулся в положение предыдущий. - Если он говорит, что он невидим, почему я не должен говорить, что я неслышно? - Его глаза снова загорелись от надвигающегося смеха. — Я напишу книгу под названием неразборчивая любовница. Женщина, которая говорит что именно вы думаете о своих любовниках, когда они находятся в отношениях ты любишь ее. Но они не смогут ее услышать. Ни слова. — Он опустошил стакан и снова наполнил его.

- И что она о них говорит?

- Правда, правда. Ничего, кроме правды. Что романтик Дон Жуан-не что иное, как джентльмен индустрии. Просто думаю, что в

реальность, она узнает об этом только позже. Однако нам следует предоставить немного поэтической лицензии, надеюсь, мы сможем сделать esprit d'escalier совпадает с романтическим Романом. Лунный свет, и "моя любовь", и "я обожаю его", и эти необыкновенные ощущения — и в то же время "ты не что иное, как несчастный кот, из неблагородного мошонки". А потом придет любовник духовный-Ганс Данте, во плоти. - Покачал головой. — В путь Крафт Эббинг!

- Что она им скажет?

- Что она говорит! Елена взяла виноградную лозу. — В счастье, она неслышна. Было бы лучше пропустить эту главу и пройти непосредственно эпикурейскому мудрецу. С мудрым она не должна быть такой темной.

- Вы имеете себя на счету мужчины, потому что вам повезло, что вы не бессильный. - Вот что она ему говорит. — Но на самом деле

вы не мужчина. И недочеловек. Несмотря на свою мудрость-или даже ее причина. Хуже, чем мошенник, в некоторых отношениях. - А потом, кататраз! как божественное предупреждение, брось собаку!

- Какая собака?

- Ой! Собака, от которой отец Хопкинс не может защитить нас. Этот собака, которая лопается, как бомба, когда проецируется с самолета. Пум! - Сдержанный смех кипел и пузырился внутри нее в поисках расширение, в поисках потока; и единственное возможное облегчение, которое она нашла, в каком-то возмущении, в каком-то публичном насилии над их собственные чувства и чужие чувства. - Он чуть не упал на вершину. от меня и Энтони, - продолжила она, чувствуя себя странно утешенной говорить так открыто и смеяться над безымянным событием. Это было на террасе, которая покрывала его дом. Мы были полностью раздеты. Как в Эдемском саду. Именно тогда он безвозвратно спустился собака и взорвалась-вот что я вам говорю-буквально взорвалась.

- Протянул руки жестоким жестом. Это была собачья кровь из головы, у ног. Мы промокли, но промокли! И несмотря на все это, этот мудак идет и пишет мне письмо. - Он открыл сумку и показал ее.— Думая, естественно, что я собирался прочитать ее, как будто ничего не произошло, как будто мы все еще в Эдемском саду. Я всегда говорил ему, что он это был дурак. И вот оно! - Вы передали письмо Стейтсу. - Вы можете открыть его и увидеть что этот идиот еще должен сказать. Что-нибудь остроумное, без сомнения; что-то легкое и непринужденное; интересно, с юмором, почему я через забавную маленькую головку пришла мысль уйти. — После, заметив, что Марк все еще держал письмо неоткрытым, он спросил — - но для кто не читает?

- Ты правда хочешь, чтобы я прочитал?

- Конечно. Читайте вслух. Читайте с выражением. - И заставил перевернуться Р, с насмешкой.

- Да, все в порядке. - Он разорвал конверт и развернул тонкие листы письма.

- Я пошел искать ее в гостинице! - Медленно читал, хмурясь перед мелким шрифтом и цепочкой. - Ты уже ушел, и то, что я

чувствовал, было похоже на пустота смерти.

- Какая задница! - прокомментировала Елена.

- И, вероятно, уже поздно, вероятно, уже напрасно; но я чувствую что мне нужно попытаться рассказать вам в этом письме некоторые вещи, которые я намеревался сказать ему вчера вечером, устно. В некотором смысле это становится проще — ибо я чувствую себя неумелым, когда между мной и другим человеком устанавливается чисто личный контакт. Но с другой стороны, это становится намного больше трудно; ибо эти написанные слова будут только словами и ничего больше, они прибудут к вам, плавая в вакууме, без точки опоры, без жизни мое физическое присутствие.

Это было похоже на храп презрительного смеха, который издала Елена. — Точно это была рекомендация! - И выпил еще вина.

- Ну, что я хотел вам сказать, - продолжал читать Стейтс, - это было это: что внезапно (это было похоже на обращение, как вдохновение) в то время как вы были вчера там на коленях терраса, после того, как это случилось эта ужасная штука…

- Он имеет в виду собаку, — сказала Елена. - Почему бы не сказать сразу что это?

—. … я вдруг понял… - Марк Стейтс прервался. — Посмотреть здесь, - сказал он. - Я не могу продолжить чтение.

- Почему бы и нет? Я хочу, чтобы это продолжалось, - раздраженно воскликнула она.

Он покачал головой. - Я не имею права!

- Но если бы я дал вам это право.

- Да, я это знаю. Но он не дал.

- Что с ним? После этого письмо уже в моей власти…

- Но это любовное письмо.

- Любовное письмо? - Елена недоверчиво повторила, а потом развязала смеяться. - И очень хорошая, эта! — воскликнуть. - И действительно возвышенно! Дай сюда; пусть увидеть. - Вы вытащили письмо из руки. - Где мы были? О, здесь!… стоя на

коленях на террасе после того, как произошла эта ужасная вещь, внезапно я понял, что живу ложью, ложью. возмутительно по отношению к вам! - Декламировал слова риторическим тоном, сопровождая их обильными жестами. - Я понял, что, несмотря на все усилия, которые я приложил, чтобы поверить, что это был простой

свободное веселье и отсутствие ответственности, я действительно любил ее. — Он действительно любит меня-Аву, - повторил он, растягивая слово, пока не преобразил ее в гротескной карикатуре. - Разве это не замечательно? Он действительно любит меня-Эйва. - Потом, перевернувшись на стуле, крикнул в другой конец комнаты: — Хью!

- Что это, Хелена? Успокойся!

Но она чувствовала внутри себя, как властное, срочное, желание, необходимость завершить возмущение.

Вырвал из его руки, с насилием, руку, с которой Staithes он пытался сдержать ее, снова выкрикивал имя Хью, и когда все они вернулись к ней, сказал он, встряхивая письмо в воздухе: - я просто хотел сказать ты, что он действительно любит меня-а-а-Ава.

- Но, ради бога, заткнись!

- Ты можешь быть уверен, что я не заткнусь, - возразила она, обращаясь к Марку. - Почему бы мне не сообщить Хью хорошие новости? Он вы будете рады, потому что он тоже так меня любит. Это неправда, Хьюзин? - Снова повернулся в кресле, намазав лицо я заглушил волнение, которое охватило ее. - Правда? - Хью нет он ответил. Сидя, он смотрел, бледный и немой, на землю.

- Естественно, это правда, - ответила она за него. — Несмотря все появления наоборот. Или раньше, - исправился, дав хихиканье, - несмотря на все исчезновения-когда-то он был всегда невидимая, эта твоя любовь. О, да, Hughizinho дорогой, положительно невидимый. Но тем не мение… однако, несмотря на все исчезновений наоборот, ты хорошо любишь меня, не так ли? Это не правда? - настаивал он, пытаясь заставить его ответить ему, - правда, или нет да?

Хью встал на ноги и, не произнеся ни слова, вышел из комнаты

почти бегать.

- Хью! - крикнул Колдуэлл позади него, - Хью! - Не получил ответ. Колдуэлл оглянулся на остальных. - Как мне кажется, возможно, следует признать, что он прав, сказал он, с материнской заботой издателя, который видит литературную собственность первого порядка в неминуемо спешить с самоубийством. - Кто знает! - И поднимаясь с прыжка он поспешно вышел за Хью, хлопнув дверью на выходе.

Наступил момент молчания. После этого Елена отпустила, с импульсом, взрыв смеха. - Не волнуйся, Герр Гизебрехт, — сказал он., обращаясь к молодому немцу. - Это всего лишь образец жизни. из английской семьи. Die Familie im Wohnzimmer, как мы привыкли учиться в школе. Was tut die Mutter? Die Mutter spielt Klavier. Und was

тут дер Ватер? der Vater silzt in einem Lehnstuhl und raucht seine Pfeife. Только это и ничего больше, Герр Гизебрехт. Не что иное, как ложное чтение типичная буржуазия.

- Буржуа,-повторил мальчик, и сильно поранил голову. — В леди не совсем понимает, что она говорит.

- Правда?

—. Дама-жертва, - очень медленно продолжил он, хорошо отделяя одно слово от другого, - жертва капиталистического общества. Она полна пороков…

Елена отпустила голову назад и снова рассмеялась, громче, чем до; после, овладев собой с определенным усилием, сказал, задыхаясь: - не уходи думать, что я смеюсь над Господом. Я думаю, что ты очень добр ко мне - чрезвычайно честный. И это, вероятно, будет совершенно правильно, как капиталистическому обществу. Но в любом случае в этот конкретный момент — нет я знаю почему-мне это показалось немного… несколько… - Смех еще не исчез раз. - Простите.

- Нам нужно идти, - сказал Марк и поднялся со стула. О молодой немец тоже встал и прошел через комнату к ним. — Спокойной ночи, Хелена.

- Спокойной ночи, Марк. Добрый вечер, мистер Гизебрехт.

Приходите ко мне снова, обещаешь? Лучше в следующий раз. - Он отплатил ей улыбнулся и поклонился. - Я буду приходить каждый раз, когда вы пожелаете, - сказал он.

Глава XXXII-5 сентября 1933 г.

Прошло уже два часа. Лежа на спине, Энтони смотрел фиксируется в окружающей темноте. Казалось, что у сна была цель не прийти, или что кто-то сохранил его с собой, странное и злое существо, гость нежелательно в собственном теле. Снаружи, в Соснах, цикады делали вибрировать свои непрекращающиеся арпеджио вокруг темы самого существования; и, длинные интервалы, пение петуха вспыхивало в темноте, каждый раз все выше и ближе, пока все птицы в садах окружающие начинали петь порфией, отвечая на вызов вызов. А потом, не зная, почему, сначала заткнись., еще один, и еще один, и звуковая буря будет Серенада, она будет становясь все слабее и слабее, когда она уходила-что она уходила через Францию он представлял себе, как он протыкает ухо вслед за звуком, который он умирал по Франции в ускоренной волне резких голосов. Сотни мили, может быть. А потом, в какой-то момент, волна развернулась, и я снова отступил, с той же легкостью. Возвращение из Северного моря, возможно; над полями сражений; обход Парижа и от птицы к далекой птице через леса; пересекая, затем, равнины Босе; поднимаясь и спускаясь по холмам Бургундии и, как еще один в звуковом воздухе, спускаясь осадок через долину Роны, оставив позади Валенсии, Orange, Авиньон, Овен и экс и пересекая голые холмы Прованса; пока, в конце концов, я вернусь сюда, через час после ее первого пребывания, бурно и пронзительно просачиваясь сквозь сильный и непрекращающийся слух о цикады и это был эквивалент молчания.

В память о нем внезапно появился отрывок из ” человека, который Он умер от Лоуренса и рад, что нашел предлог для прервав на мгновение тщетную попытку примирить сон, зажег свет и спустился по лестнице, чтобы найти книгу. Да, вот отрывок. “Когда он вышел, молодой петух пел. Это был душный, мучительный угол, но в голосе птицы было что-то более сильное, чем тоска. Быть необходимость жить и даже провозглашать триумф жизни. Мужчина кто умер, остановился и стоял, глядя на петуха, который убежал и ушел пойманный, который вскакивал,

который рос на цыпочках и он наклонялся вперед, стреляя головой вверх и открывая клюв в еще один вызов от жизни до смерти. Высокомерные звуки, которые он издавал, наполняли и, хотя они уменьшены веревкой, опоясывающей его ногу, они не гасить. Человек, который умер, просто смотрел на жизнь и

он видел повсюду огромный дух принятия решений, возвышающийся на гребнях резиновые или тонкие волны, кончики пены, выходящие из невидимого синего, черный и оранжевый петух или ярко-зеленые языки, выделяющиеся с вершин смоковницы. Продвигались, росли, эти вещи и создания весна, пылающая желанием и утверждающая себя в этом пылу. Они пришли, как гребни пены, исходящие от синего потопа невидимого желания, огромного моря и невидимый от силы, и они пришли красочными и осязаемыми, мимолетными и, тем не менее,, бессмертные, когда они пришли. Человек, который умер, созерцал большая тенденция к жизни вещей, которые не умерли, но не видели в них есть и трепетное желание существовать и быть. Слушал их вместо это яркий вызов всем остальным существующим вещам…”

Энтони продолжал читать, пока не завершил историю человека, который он умер и вернулся к жизни человека, которым он был, в конце концов, не иначе, как этот петух убежал; затем он отбросил книгу в сторону и вернулся в постель. А пена от волн этого невидимого моря желания и силы. Но жизнь, жизнь сама по себе, протестовал он близко — не было достаточно. Как я мог кто-то довольствуется анонимностью простой энергии, с силой он не обладал индивидуальностью и, несмотря на всю свою таинственное божество, тем не менее, было бессознательным и было ниже добра и плохо? Цикады непрерывно жужжали и снова, около четырех часов, волна петушиных углов прокатилась по региону и следовала, пока не больше слышно в направлении Италии.

Жизнь в ее неукротимой экспансии. Однако были и другие эмблемы — отразил он - более яркий и поразительный, чем поющий петух или листья они нежны, чтобы оторваться от белого скелета зимней смоковницы. Помнить-если из того фильма, который я видел, и который показал процесс оплодотворения яйцо кролика. Сперматозоиды длиной в ладонь в экран, в ожесточенной борьбе за достижение цели-сфера яйца, аспект лунный. Бесчисленные, начиная со всех сторон, их флагеллы

вибрировали неистовый. Кстати, те, кто шел впереди, добрались до цели, пребывая в нем, пересекая внешнюю стену живой материи., вырываясь, стремительно и жестоко, как и они, целые клетки, которые остались плавающие в отрыве, пока они не потерялись. И вот, в конце концов, один из захватчиков он проник в ядро ядра, а затем, внезапно, в сферу, до сих пор пассивный, он двигался. Был сильный спазм подергивания; его гладкая, округлая поверхность стала морщинистой и в некотором смысле, устойчив к другим сперматозоидам, которые напрасно бросались на нее. Е затем яйцеклетка начала делиться, складываясь на себя в своих стены, пока они не встретились в центре, затем возникли две клетки вместо одного; затем каждая из двух ячеек повторяет процесс,

образовались четыре клетки, затем восемь, затем шестнадцать. И внутри клетки гранулы протоплазмы находились в непрерывном движении, например однако горох, когда он кипит в кастрюле, активируется сам по себе, двигаясь за счет собственной энергии.

По сравнению с этими детскими фрагментами живой материи, петух поющие, цикады постоянно повторяют провозглашение своего существования они были лишь слабым выражением жизни. Жизнь под микроскопом это выглядело гораздо более яростным и неисчислимым, чем при взгляде невооруженным глазом. Утешительное и в то же время ужасающее изобилие. Да, да., также ужасает бессознательность этого неукротимого, ползучего желания! И что ужас был также проявлением этой субментальной страсти, этой жестокой и безличный эгоизм! Невыносимо, если только мы не задумываемся только как сырье и полезная энергия.

Да, сырье и цепь энергии. Красноречивые, как количество и продолжительность. Но качественно они имели только потенциальную ценность; они станут ценными только тогда, когда превратятся во что-то другое, когда используется для дальнейшей цели. Для Лоуренса цель животных это выглядело достаточно и удовлетворительно. Петух, пение, борьба, совокупление — анонимно; и человек, анонимный, как петух. Он утверждал, что это было эта безразличная анонимность предпочтительнее грязных отношений существ полусознательные, еще и лишь частично цивилизованные люди.

Но Лоуренс никогда не прицеливался в микроскоп, никогда он видел биологическую энергию в ее основном

недифференцированном состоянии. Не я хотел видеть, осудил микроскопы в принципе, опасаясь что они могли бы раскрыть; и хорошо предупрежден был в страхе. Этот последовательные и все более глубокие глубины анонимности, которые они ползут неукротимо, они бы испугались его. Он утверждал, что материя Прима должна была быть разработана, обработана, преобразована, но только до определенного момента точка, за которой не следует идти; что первобытное и бессознательное состояние энергия должна быть использована для относительно более высоких целей существование животных, но ни для одного другого существования, кроме животного. Что это было произвольно и логично. Для других целей и последующих организаций также они существовали и не могли быть проигнорированы. Двигаясь в пространстве и времени, человеческое животное обнаружило их на своем пути, однозначно присутствуя и реальный.

Мысль и стремление к знаниям - таковы были цели для что он сам использовал энергию, которая двигалась под микроскопом, что он принял форму вызывающего пения петуха в темноте. Мысль как конец, знание как конец. И вот, это стало теперь внезапно конечно, они были только средствами, которые были, насколько и сама жизнь,

сырье. Сырье-и он догадывался, он знал, что это должно быть разработанный продукт. И чувствовал, что часть его восстает против знание. Идея попробовать-он, в течение своей жизни, он, человек цивилизованный-попытаться превратить в это сырье вашей жизни, мысль, знание! Сама идея этого была нелепой. Один из таких гнусные влияния христианства - как ужас, который его отец он испытывал самые постыдные реалии существования, такие как гимн, исполняемый рабочими во время всеобщей забастовки. Головные боли, “рыдания” вчерашней религии. С другой частью своего духа, однако, он я с треском размышлял, что никогда не смогу достичь преобразование вашего сырья в законченный продукт; что я не знал, как и с чего начать; который боялся играть грустную роль; что он не хватало необходимого мужества, терпения, силы духа.

Около семи часов, когда за ставнями солнце уже видя далеко над горизонтом, он погрузился в тяжелый сон, от которого только проснулся три часа спустя в испуге, чтобы увидеть Марка Стейтса, стоящего рядом с кровати, нацеливаясь на него,

улыбаясь через москитную сетку, с его хмурым взглядом полный удовлетворения и любопытства.

- Марк? - удивленно спросил. - какого черта ты его принес…?

- Свадьба! - сказал Марк, размахивая муслиновым занавесом. — Не надо посмотреть — première communion! Я был здесь, наблюдая, как ты спишь.

- Давно?

- Ой, не волнуйся, - ответил Марк, не на то, что было с тобой на вопрос, но на вопрос, подразумеваемый тоном раздражения, с которым Энтони говорил. - Вы не оставляете себя спать в одиночестве. Наоборот, видно, что вы сами спите, вас сопровождают. Я никогда никого не видел. с таким невинным видом, как ваш, под этой завесой. Как младенец Сэмюэл. Так гладко!

Вспоминая, что Елена использовала то же слово утром катастрофа, Энтони нахмурился. После того, как прошло молчание, спросил: - Что привело его сюда?

- Я пришел к тебе.

- Я не просил.

- И что еще предстоит увидеть, - сказал Марк.

- Что вы имеете в виду?

- Я имею в виду, что вы, возможно, узнаете об этом постфактум.

- Узнай что?

- Что ты хотел попросить меня прийти. Не зная, что он мне нужен.

- Какие у вас причины так думать?

Прежде чем ответить, Марк поднял стул и сел. Я был с

Хелена в ночь, когда она вернулась в Лондон.

- Был? - спросил Энтони тоном, который стремился сделать самое невозмутимо возможно. - Где? — добавлять.

- В доме Хью. Хью устраивал встречу. Было несколько моментов настоящее недомогание.

- Почему?

Потому что она так хотела. Вы не представляете, в каком состоянии она находится найти.

- Она сказала вам, почему?

Марк ответил жестом “да”. - Он даже хотел, чтобы я прочитал письмо от вас. По крайней мере, начало. Я не хотел продолжать.

- Елена заставила тебя прочитать мое письмо?

- И настоял, чтобы я прочитал это вслух. Но, как я уже говорил, в ней было что-то странное. - Последовало затянувшееся молчание. — Вот почему я пришел сюда, - наконец добавил Марк.

- Представляете, что мне было приятно вас видеть? - спросил другой, в ироничный тон.

- Воображая, что ты рад меня видеть, - ответил Марк, серьезный.

После очередного молчания Энтони сказал: - Ну, может, ты не позволишь быть правым. Без сомнения, в некотором смысле его присутствие меня раздражает. — Улыбнулся Марку. - В этом нет личной ссылки, поймите сами. Меня бы так же раздражало присутствие кого бы то ни было. Но для с другой стороны, мне приятно, что вы пришли. И здесь есть личная ссылка. Потому что мне кажется вероятным, что вы… да, что у вас есть точное представление из вещей, - заключил он расплывчато, как кто не хотел обязываться. - Если есть кто-то, кто может… —. Он собирался сказать “помочь”; но мысль о помощи была для него такой отвратительной, она казалась ему такой гротескной в связи с выбранными словами пресвитера после смерти семья, с откровенным, дружелюбным разговором хозяина дома о искушениях секс, что он прервал себя смущенным.- Если кто-то существует, кто может сделать разумное замечание обо всем этом, - начал снова, изменяя фразу, - Я думаю, это ты.

Не говоря ни слова, другой покачал головой, думая, как факт говоря о разумных наблюдениях — и именно в этот момент-определял ну человек!

- У меня такое впечатление, - продолжал Энтони медленно

побеждать интимное сопротивление, чтобы иметь возможность говорить, что было бы неплохо решить эту проблему дело, положить вещи на другую основу, как они есть… — Покачал головой. - Признаюсь, они меня немного раздражают. — После,

осознавая, несколько смущенный, нелепое неприличие и ложь хуже, чем смешно из этих полуслов, добавил он с решимостью: — Это так не годится. Это основа, которая может выдержать вес только одного призрак. И чтобы служить ей, я превратился в призрака. — Быть после паузы: - последние несколько дней у меня было странное чувство что я не в себе, что в течение многих лет мне не хватало личности. Со… ну, я точно не знаю, с каких пор. Я полагаю, что до война. Я не хотел говорить о Брайане. - Я не в себе., — повторять.

— В таких условиях много людей, - сказал Марк. - Будь как фор, это не люди. Только животные и воплощенные функции.

- Животные и воплощенные функции, - повторил другой. - Ты хорошо сказал. Но в большинстве случаев это не зависит от них. Обстоятельства таковы, что они заставляют их не существовать. В то время как в моем случае у меня была свобода выбор. Если меня не было, то это было по моей собственной мысли.

- И это значит, что вы только сейчас выяснили эту ситуацию.

Энтони покачал головой. - Нет, нет. Я всегда знал это, конечно. Всегда. Но в теории. Точно так же, как известно… да, по например, есть птицы, которые живут в симбиозе с осами. Костюм любопытно и интересно, но больше ничего. Я не позволил ему быть больше, чем это. И тогда у меня были свои оправдания. Работа: избыток жизни люди повредят моей работе. Потребность в свободе: свобода мыслить, свобода удовлетворять мое стремление знать, что такое люди. И свобода за то, чего она стоит сама по себе. Я хотел быть свободным, потому что это было невыносимо не быть свободным.

— Я не могу этого понять, - сказал Марк, - если нет кто-то, кто может наслаждаться свободой. И если только у этого человека нет осознание свободы путем преодоления препятствий, которые противостоят свобода. Но как можно быть свободным, когда свобода затмевает себя?

- Я всегда формулировал вопрос в противоположных терминах, -

сказал Энтони. - Как можно быть свободным — или раньше (ибо мы должны думать об этом безлично), как может быть свобода, если личность сохраняется? Личность должна иметь постоянство и ответственность, имеет вы должны сделать выбор и принять участие. Но если мы освободимся от наша личность, мы также освобождаемся от ответственности и потребность в постоянстве. Мы можем быть свободными только как последовательность безусловные и бескомпромиссные состояния, без прошлого и без будущего, в той мере, в какой мы добровольно освобождаемся от своих воспоминаний и предвкушение. - После молчания продолжил: - глупость шаткий старый Сократ! Представьте, что следовать Справедливой линии

поведение было достаточно знать ее! Практически мы всегда знаем ее и чаще всего мы не следуем за ней. Или, может быть, с вами это не так, — он добавил другим тоном, глядя на Марка через москитную сетку. — Мы обычно склонны приписывать другим свои собственные дефект. Слабость, в моем случае. Не говоря уже о застенчивости, - собрался с автоматический смех, так глубоко укоренившийся, был его привычкой поддерживать в часть, что-то, что произносило его, любое откровение, которое имело характер личная уверенность, все, что могло бы пробудить в духе слушатель сомнения в серьезности своего намерения-застенчивость и правдивость трусость и леность ко всему, кроме моей работы. — Он снова рассмеялся, как будто все это абсурдно и не заслуживает упоминания. - Мы забываем, что другие люди могут быть другими. Непоколебимы духом, непоколебимы в своих целях. Осмелюсь сказать, что вы он всегда делал то, что считает справедливым.

- Всегда, - ответил Марк. - Прав ты или нет. — Быть анатомически улыбнулся.

Энтони продолжал откинуться на подушки руками за головой и прищуренными глазами. После прошлого затянувшееся молчание, повернулся к Стейтсу и резко сказал: - Нет иногда вы чувствуете, что беспокойство о том, что у вас есть, невыносимо решено сделать? Прямо сейчас, например, я внезапно спросил себя потому что, черт возьми, я говорил тебе эти вещи, потому что я думал о них. до того, как ты пришел, потому что ты пытался заставить меня сделать что-то вещь. Спрашивая себя и в то же время находя такое невыносимым озабоченность. Думая, что было бы лучше просто отказаться от всего этого и вернуться к рутине, к

которой я привык. Вернуться к спокойной жизни. Все еще даже пусть спокойная жизнь будет фатальной. Смертельный, смертельный, но все же любой хорошая вещь. - Покачал головой. - Если бы ты не пришел ко мне в brios о определенном разрешении, это, вероятно, то, что я бы сделал — бросить все и вернуться к спокойной жизни. — Смеяться. - А может, - собрался, — возможно, я сделаю это прямо сейчас. В котором он взвешивает вас. - Он сел, поднял москитная сетка и спрыгнул с кровати. - Я приму душ.

Глава XXXIII - 6 сентября 1933 г.

Смерть, - говорил Марк Стейтс. - Вот единственное, чего еще нет нам удалось полностью вульгаризировать. Это, конечно, не потому, что мы нет желания это делать. Мы как собаки на Акрополе. Рысью здесь и там, с неисчерпаемым мочевым пузырем и всегда стремятся поднять ногу рядом с каждой статуей. И чаще всего мы это делаем. Искусство, религия, героизм, любовь — обо всем этом мы оставили свою визитную карточку. Но смерть-смерть остается вне досягаемости. Мы не смогли сговорить эту статую. Во всяком случае, мы этого еще не сделали. Но прогресс это прогресс; это не останавливается. - Вы сделали анатомическую демонстрацию улыбки. - Самые большие надежды, плодотворное будущее… - Костлявые руки они протянулись щедрым жестом. - Однажды, без сомнения, какой-то гений питомник должен быть в состоянии трахаться и депонировать, с точным ударом, его дань прямо в середине лица статуи. К счастью, прогресс еще не достигнут это зашло так далеко. Остается смерть.

- Осталось. Недостижимо, - повторил Энтони. - Но занавес дым довольно густой. Мы можем забыть ее большую часть времени.

- Но не все время. Она остается без изгнания нечистой силы. Нетронутый. Воистину, - исправил Марк, - более чем неповрежденным. Иметь большие и лучшие дымовые завесы и были у наших родителей. Но для за дымом враг более грозный. Я бы сказал, что смерть выросла, это стало еще больше, после того, как были подавлены фаллоимитаторы и ожидание. Он вырос до такой степени, что стал почти таким же большим С возраст, когда люди все еще серьезно верили в ад. Почему, если сегодня мы он

часто посещает кино, читает газеты, смотрит футбольные матчи, пьет шоколад, так что смерть-это ад. Дымовая завеса истончается до немного, мы различаем, замечаем смерть воровство, с первого взгляда, и я думаю, что эта мысль утешает. - Снова улыбнулась. Е большая компенсация. Это компенсирует даже таких маленьких собак акрополь. - Наступила тишина. Затем, уже в другом тоне, он возобновил Слово: - и утешение думать, что смерть остается верной. Все остальное возможно, он исчез, но смерть остается верной, - повторил он. — Если мы хотим рисковать своими жизнями, мы можем рисковать ими так тщательно, как мы никогда этого не делали. - Встал, сделал один-два оборота по комнате.; затем, став перед креслом Энтони, он сказал — - И это было действительно чтобы разобраться с этим, я пришел его искать.

- Что из этого?

- Из-за того, что ты рискуешь своей жизнью. Я иду, чувствуя себя как

Кинжал прошел через меня. Увязли до шеи в цивилизованном человечестве.

- Он поморщился, как тот, кто почувствовал неприятный запах. Мне казалось, что только выход был. Вернуться к опасной жизни. Это было бы как новый глоток воздуха чистый. Я подумал, может быть, ты тоже… - Ты оставил предложение незаконченным.

— Но я никогда не рисковал, - сказал Энтони после паузы.

- Был, правда, кто-то, кто когда-то рискнул вместо меня, — он добавил, вспоминая крестьянина с ручной гранатой.

- Потому что есть еще одна причина рискнуть сейчас.

- Вопрос, - сказал Энтони, нахмурившись, - вопрос в том, что я я всегда был трусом. Моральный трус, конечно. И физический тоже, может быть - не знаю. У меня никогда не было возможности проверить это.

- Я бы увидел еще одну, еще более вескую причину.

— Возможно.

- Если речь идет об изменении основы жизни, не лучше ли изменить ее с помощью выстрел?

- Выстрел, который мог бы сделать нас мертвыми?

- Нет, нет: только риск; дело не в самоубийстве. Случай, когда я думаю, это просто опасно. Больше ничего. - Он снова сел. — На днях я получил письмо, - началось. - От моего старого друга, от Мексика. Человек, с которым я работал в кафе finca. Его зовут Хорхе Фуэнтес. Замечательное существо в своем роде.

Набросал историю Дона Хорхе. Осажденный революционерами в их ферма долины Какака. Почти все остальные фермеры имели убежать. Он был одним из немногих, кто оказал сопротивление. В начале было два его брата, чтобы помочь ему. Но они были убиты: один, в него стреляли издалека; другой атаковал мачете в засаде посередине кактусы. Он вел бой в одиночку. И затем, в день, когда я ехал по полям верхом, десяток из них успели ворваться-дом его. Вернувшись домой, он нашел свою жену и двух маленьких детей, которые они лежали искалеченными во дворе. После этого ему показалось, что он больше не стоит жаль защищать поле. Он оставался достаточно долго, чтобы стрелять трое убийц и, оставив после себя имущество, пошли на работу для других мужчин. Именно в это время Марк познакомился с ним. Теперь он снова владел собственным домом и землей. Работал как агент многих плантаторов на тихоокеанском побережье штата Оахака; он нанимал для них рабочих в горных деревнях и был единственный человек, которому доверяли индейцы, единственный человек, который не они пытались их обмануть. Однако в последнее время ситуация ухудшилась. Дон Хорхе занялся политикой, стал “лидером” партии, организовал враги и не менее опасные друзья. Теперь он был в оппозиции. О

губернатор штата преследовал его, его и его союзников. Это был плохой человек, по словам Дона Хорхе; коррумпированный, несправедливый и непопулярный. Избавиться от него не составит труда. Часть войск, конечно, Бандар-если бы они были, они бы присоединились к движению. Но прежде чем приступить к действию, Дон Хорхе я хотел знать, есть ли надежда на то, что Марк окажется в окрестностях Оахака в самом ближайшем будущем.

Бедный друг Хорхе! У него самая трогательная уверенность в

обоснованность моего мнения. - Марк засмеялся. Таким образом, унижая веру, которая в нем Дон Хорхе, умаление причин этой веры вызывало у него жар удовлетворение, которое проходило по всему телу. Мог бы сказать Энтони об этом когда осел удалился, оставив его на милость бандитов, и то, как ему удалось спастись. Хорошая история, которая сделала ему честь. Но не рассказывать ей доставляло ей больше удовольствия, чем рассказывать. - И совершенно верно что мое мнение стоит больше, чем ваше, - продолжил Марк. - Но это это не имеет большого значения. Дон Хорхе храбрый-храбрый, как лев, но от безрассудства, которое доходит до безумия. Не имеет никакого чувства реальность. Ваш coup d'état будет сумасшедшим, неуклюжим в правило.

- Если ты не будешь рядом, чтобы помочь ему, я думаю. И это его цель уйти?

Марк ответил жестом, что да. - Я уже написал вам, сообщив вам что я уйду, как только приведу в порядок свои дела здесь, в Англия. И мне пришло в голову, что ты… Еще раз оставил предложение незаконченным и взглянул на Энтони.

- Думаешь, причина в порядке?- наконец-то спросил Энтони. Другой засмеялся. — Так же хорошо, как и любое другое политическое дело в Мексике, - ответил он.

- И этого достаточно?

- Для того, что я имею в виду, достаточно. Кстати, что такое хорошая причина? Между тиранией народных комиссаров и тиранией при Гауляйтерах нет кажется, есть большая разница. Сержант-инструктор всегда сержант инструктор, какого бы цвета ни была ваша рубашка.

- Революция ради революции, в данном случае?

- Нет; революция для меня. Для всех, кто принимает участие в этом. Для всех, кто может найти в ней столько удовольствия, сколько я могу.

- Мне кажется, что это меня устраивает, - заявил Энтони после пауза. - Я в этом уверен. Хотя я уже чувствую, даже на расстоянии, проклятый страх.

- Потому что это сделает дело еще интереснее.

Энтони глубоко вздохнул. - Хорошо, - сказал он, - Я пойду

с тобой. - Затем он с яростью пришел к выводу: и самая глупая идея.,

самая глупая, о которой я когда-либо слышал. И как я всегда был таким умный и такой разумный…- Прервалась и, смеясь, протянула руку к взять трубку и банку с дымом.

Глава XXXIV осень 1933 г.

Марк потратил больше времени, чем рассчитывал, чтобы распоряжаться своими бизнес; и были времена, когда Энтони становился почти непреодолимое искушение отказаться от всего этого нелепого приключения и вернуться, скорее, в тот другой мир средиземноморского солнца и идей абстрактный.

- Что вы на самом деле ищете в этой поездке? - спросил он, скучный.

- Весело, - это все, что Марк согласился сказать, как ответ.

- И этот твой Дон Хорхе, - настаивал Энтони. - Чего он надеется достичь с этой маленькой революцией?

- Его величайшая слава.

- Но крестьяне, индейцы?

- Они останутся там, где были раньше, где всегда будут: низкий.

- И все же, как вы думаете, стоит ли идти на помощь этому Хорхе?

- Для меня это того стоит. - Марк анатомически улыбнулся. - И для ты тоже. Гораздо больше для вас, - настаивал он.

- Но не для пешек, насколько я понимаю.

- Ах, для них это никогда не стоит. Кто выиграл французских крепостных с вашей революцией? Или наши друзья, русские, если честно? Несколько лет приятного опьянения. Затем те же работы вынужденный всегда, исправительный дом, возможно, позолоченный, перекрашенный. Но в глубине души та же старая

машина.

- А вы рассчитываете, что я пойду с вами ради простого развлечения? - Воспоминания о Средиземноморье и его книгах вызвали возмущение Энтони. - И глупо, это отвратительно.

— Другими словами, - сказал Марк, - ты боишься. Да, и почему бы и нет? Но если это так, ради Бога, скажи это прямо сейчас. Имейте мужество его трусость.

Как он ненавидел Марка за то, что он сказал ему интимные истины, которые он так хорошо знал! Если бы не мистер Бивис, и интервью с Хеленой, и наконец, Беппо Боулз, возможно, обладал смелостью своей трусости. Но они сделали невозможным отступление. Там было, прежде всего, отец, все еще сидящий в брачном логове, среди юбок и этимологий и к запаху рыжеволосых женщин-но суетливых, как Энтони никогда прежде не видел его, обиженного, возмущенного, опечаленного. Президентство

Филологическое общество, которое, не оспаривая, должно было быть до него, однако он принадлежал Дженкинсу. Дженкинс, пожалуйста! Простой невежественный вульгаризатор, полная противоположность истинному мудрецу. Один шарлатан," мошенник " филологии, положительно (использовать американский вульгаризм) "Крук".

Избрание Дженкинса заставило Мистера Бивиса приблизиться к смерти шаг за шагом. От человека, который выглядел намного моложе, чем на самом деле он вдруг показал, сколько ему лет. Старик; и еще вверх, уставший, прогрызенный изнутри.

- Мне очень не по себе, - доверила Паулина Энтони. - Он здесь. становится все хуже и хуже. И за одну вещь, ребячество, действительно. Я не могу заставить его понять, что это не имеет значения. Или раньше я не мог заставить его почувствовать это. Почему он все хорошо видит, но, не так, перестань беспокоиться.

Даже в самом сокровенном углублении чувственности — он размышлял над Энтони АО вернуться домой пешком - даже в самый тихий и тихий из других миров интеллектуалы, судьба могла обнаружить человека. И вдруг понял, что, проведя всю свою жизнь, пытаясь отреагировать и избежать моделей из отцовской Вселенной, единственное, что ему удалось, - это стать. именно

таким был отец-человеком в логове. С этой маленькой разница в том, что в его случае это была нора перемежающейся прелюбодеяния, когда а не на постоянной основе; и что его идеи были вокруг общества, а не слова. На данный момент он был вне логова-у него было говорят, что его выгнали хорьки. Но легко было бы, и это было уже искушение, вернуться. Вернуться и быть в своей комнате, быть в безопасности. Нет, в безопасности нет. Это было там который ударил точку. В любое время Дженкинс может быть избран тот или иной президентский пост и затем я погружаюсь в свое логово мысли и чувственность, мы были бы во власти любой ребячливой страсти, которая случайно возникнуть. Здесь, возможно, можно было бы защитить себя от таких непредвиденных обстоятельств. Он решил уйти с Марком.

Но в последующие дни искушение вернулось. Несмотря на Шоу мистера Бивиса, разрушающего себя в своей ребячливости, спокойная жизнь казалась безмерно соблазнительной. - Марк сошел с ума., — он пытался убедить себя. - Мы поступаем глупо и плохо. Е в конце концов, моя социология не лишена своей важности, Это поможет людям ясно мыслить! Это не было (смешное слово!) один “должен” продолжать с ней? Но потом прошло более шести недель с тех пор, как он вернулся в Лондон, он видел Хелену и Беппо Боулз — он видел их оба в один и тот же день. Встреча с Helenaой была случайной. Это было в комнате Французская национальная библиотека. Энтони наклонился, чтобы увидеть поближе

“Mont Sainte-Victoire” Сезанна, когда он заметил, что два других посетители остановились прямо за ним. Немного отошел в сторону сторона для того, чтобы позволить им увидеть картину и продолжил свой кропотливый осмотр работы.

Прошло несколько секунд; затем очень медленно и с акцентом чужой, раздался мужской голос: - Смотрите сейчас как мелкая буржуазия девятнадцатого века стремилась уйти от индустриализма. В зачем ему рисовать такие романтические пейзажи? Потому что я хотел забыть о новых способах производства. Потому что я не хотел думать о пролетариат. Вот в чем причина.

- Да, я полагаю, причина в этом, - сказал другой голос.

С испугом Энтони узнал голос Елены. - Что я должен делать? -

мне было интересно, когда снова заговорил голос.

- Что! Это Энтони! - И рука коснулась его руки.

Он выпрямился и повернулся к ней с жестами и восклицаниями, которые они устраивают приятный сюрприз. Это лицо, которое в прошлый раз он поочередно поворачивается бесстрастным и насмешливым, а затем на пике наслаждение, затем забрызганное кровью и жалко разложенное страдание невыразимой интенсивности, наконец-то тяжелое, застрявшее, как из начало было, если не еще более жестким и более сдержанным-это лицо теперь он был полон жизни, красоты и нежности, внутренне освещен для спокойной радости. Она смотрела на него без малейшего намека принуждение. Как будто прошлое было полностью упразднено, как будто для нее существует только настоящее, только настоящее реально.

- Это и ККИ Гизебрехт, - сказала она.

Светловолосый молодой человек, стоявший рядом с ней, наклонился под углом вперед, пока двое пожали друг другу руки.

- Ей пришлось бежать из Германии, - объяснила она. - Они они убили бы из-за своей политической деятельности.

Это была не ревность, что он чувствовал, когда смотрел, то веселое лицо, то, другой — это была не ревность, а такое сильное несчастье, что если это напоминало физическую боль. Длительная, непрерывная боль, и ни в чем уменьшенная маленькой прелюцией, которую Елена с абсурдной торжественностью, он занимался искусством как проявлением классовых интересов. Слушая ее, он мог смеяться над собой, он мог с некоторой радостью размышлять о фантастические побочные продукты любви в вопросах вкуса, мнений политические, религиозные убеждения. Но за смехом, под отражениями, иронично, боль несчастья сохранялась.

Она отказала ему в приглашении выпить с ними чаю.

- Я обещал Беппо навестить его, - объяснил он.

- Подарите ей сувениры, - сказала она и стала спрашивать ее, а потом вернувшийся, уже нашел Хью.

Что нет, сделал Энтони с головой.

- Вы знаете, что мы расстанемся.

Стараясь улыбнуться, Энтони ответил: Мои лучшие клятвы на развод. - И он поспешил попрощаться.

Прогуливаясь среди полуденного тумана, я думал об этом мягком лице. и сияла от нее и чувствовала, вместе с болью несчастья, обновлялась. эта другая глубокая боль недовольства собой. С момента его прибытие в Лондон вело свою обычную лондонскую жизнь-обеды с мужчинами культуры и бизнеса, обеды, где garrulice Сплетница женщин сделала разговор более живым и веселым - а легкие и ничтожные победы, что их интеллектуальное и правильное приданое природное очарование всегда позволяли ему обрести на таких собраниях; и все это он заставил ее почти полностью забыть о своем недовольстве, замаскировал ее боль, которую он причинял, точно так же, как лекарство маскирует невралгию или зубная боль. Эта встреча с Helenaой мгновенно нейтрализовала седативный эффект препарата и оставил его беззащитным против такой боли, ни один из них не уменьшился временным успокаивающим средством-скорее, наоборот, усиливается им. Ибо мысль о согласии быть освобожденной опиум такого низкого качества был новой причиной недовольства, что я пришел, чтобы присоединиться к старым. И после этого думать, что это было серьезно о возвращении к прежней спокойной жизни! Грязное спокойствие, нечеловеческое спокойствие и, несмотря на все затраты мысли, которые влекут за собой, безумное спокойствие. Приключение Марка могло быть глупым, и даже, но, как бы плохо это ни было, оно все же было предпочтительнее этой тишины работы и этой случайной разрозненной чувственности в кулуарах Средиземное море.

Остановившись у двери квартиры Беппо, он услышал звук голосов — Беппо и другого человека. Звонил в дверь. Время шло. Дверь не открывалась. Голоса продолжались, нечленораздельно, но с скрипучие визги со стороны Беппо и со стороны неизвестного растет от резкого лая, дикторов, что они ссорятся. Снова позвонила в звонок. Затем последовали еще несколько визгов и криков; затем звук поспешных шагов. Дверь внезапно открылась и всплыла. перед ним. Беппо. У него было красное лицо, лысый блеск от пота. В позади него, весь сдержанный и боевой, появился красивый мальчик, но абрукт, с маленькими усами и волнистыми каштановыми волосами и смазанный, и носить синий саржевый костюм крайности и любой режим, сомнительная элегантность.

- Заходи, - сказал Беппо, несколько задыхаясь.

- Я беспокоюсь?

- Нет, нет. Мой друг уже уходил. Позвольте представить: это мистер. Симпсон. Он уже уходил.

- Правда? - спросил мальчик значимым тоном и с акцент округа Ноттингем. - Я не знала, что он уже уезжает.

- Может, мне лучше уйти, - предложил Энтони.

- Нет, нет, пожалуйста. Останься, пожалуйста. - В голосе Беппо была одна Примечание почти отчаянного обращения.

Мальчик рассмеялся. — То, что он хочет, это защита-это то, что истина. Он думает, что его ограбят. И это то, что я мог бы сделать, если хотеть. - Взглянул на Энтони с наглым и наглым видом. - Но нет хотеть. - Он занял позицию высокого морального возмущения. - Я бы не стал это даже не за тысячу фунтов. Это характерно для отвратительных людей. - От тона обобщение достигло, моральное возмущение спустилось на землю и сосредоточилось в Беппо. - Но человек не должен так себя унижать, - продолжал он. - Это тоже отвратительный парень. - Обвинительный палец указал. — Один грязная свинья. И это ты. И то, что я сказал раньше, и я снова скажу. теперь. Для тех, кто хочет слушать. Да, я могу это доказать. Да, сэр, вы хорошо вы знаете, что я могу это доказать. Грязная свинья.

- Хорошо, хорошо, - восклицал Беппо тоном сдающегося безоговорочно. Держа Энтони за руку, он умолял: - войдите туда в гостиную, хорошо?

Энтони ответил. Снаружи в “зале” поменялись местами почти шепчущие фразы. После того, как прошла тишина, дверь на улицу захлопнулась. и Беппо, бледный и обезумевший, вошел в комнату. Одной рукой вытирала тест; но только после того, как он сел, он понял, в чем дело держась за другую. У меня были толстые белые пальцы, закрытые вокруг ваш кошелек. Смущенный, он сунул компрометирующий предмет в верхний карман пальто. Затем, пенясь, взрывоопасно, от отчаяния, как пенится от радость, лопнула, как бутылка чингибирры, когда открылась: - и только деньги, которые они хотят, как вы только что видели. Почему я должен искать скрыть это? И только деньги. - И пошел туда-сюда.,

суетясь, визжаешь, пенясь, в бессвязной жалобе на “они” и жалко себя. Да, он был вдвойне достоин жалости — достойный жалости за то, что ему пришлось пережить из-за корыстного отношения “их”, когда то, что он искал, было любовью к любви, приключениям за приключение; достойно жалости и за эту растущую неспособность чувство малейшего удовлетворения в любом любовном опыте, кроме совершенно новый. Он становился все более врагом повторения. А

повторение убило то, что он называл фриссоном. Безымянная трагедия. Он, который так вздыхал от нежности, от хорошего взаимопонимания, от дух товарищества лишал себя возможности получить то, что он хотел. Иметь “отношения” с кем-то из своего класса, с кем-то, с кем он мог бы поговорить, это стало делом вне всяких размышлений. Но как могла быть истинная нежность без сексуального Союза? С “ими” Союз был возможен, горячо желательно. Но нежность не могла расшириться без общение, то же самое, что не может расширяться без чувственности. Е чувственность полностью отделилась от общения и нежности, казалось, теперь это возможно только при стимуляции постоянной смены объекта. За один раз должен был быть еще один “их”. Вот почему он был достоин жаль; но ситуация имела свою романтическую сторону. Или, в любом случае, мог бы иметь - раньше. В настоящее время,-жаловался Беппо — - ” они ” имели изменились, они стали наемниками, настоящими хищными птицами., простые проститутки.

— Вы только что видели, как грязная вещь, как низкая вещь! — Его несчастье переполнилось, бурлящее, как под внутренним давлением углекислотный газ. В суматохе, в которой он находился, он поднялся со стула и начал ходить вверх и вниз по комнате, выставляя глаза Энтони, Ора жилет ventrudo, чрезмерный галстук дома Sulka, лицо свисающие подбородки, лысая лузидия, молятся об огромных выцветших слингах ее клетчатые штаны, черная скромность, поднимающаяся в форме груши, до узкие плечи и ниже Центрального облысения; этот пух волос светло-коричневый, как у флорентийского голубя, чуть выше воротника. — Я не голодный гвоздь. У меня много других недостатков, но, слава Богу, этого у меня нет. Почему они не могут понять, что дело не в мелочности, а в желании… в… — колебаться, — да, держать вещь на человеческой основе? На основе, по крайней мере, романтика, приключения. Вместо этого они делают эти сцены ужасные, унизительные. Не хотят

понимать, не хотят, так никакой.

Я продолжал ходить в одну сторону и в другую из сейфа, молча. Энтони нет он не сделал никаких комментариев, но он решил с вами, в какой степени бедный друг Беппо был Владыка истины, или если он тоже отказывался понимать — не хотел понимать, что" они " едва ли могут ожидать, что было что-то романтическое в вашем лице уже в старости и неприметно, что единственное очарование, которое они могли бы найти в нем, конечно, хороший вкус и легкий интеллект, который "им" было не время ценить, это были их деньги. Он знал, что все это? Да, без сомнения, я знал; это было неизбежно. Очень хорошо знал

но он не понимал этого. - Как и я, - сказал Энтони удаться.

В тот же вечер он позвонил марку и сказал ему, что я мог бы купить билеты.

Глава XXXV-декабрь 1933 г.

В толстой кишке, на машине, они следовали, ночью, вдоль эспланада. Море, беловатое, как огромный рыбий глаз, спокойное и стоя на месте, он выглядел мертвым.

На фоне заката открытки чрезмерно высокие пальмы и стройные были символами смирившегося уныния. В ноздрях воздух тепло было похоже на тепло, ощущаемое при контакте шерсти. Они немного поплыли в прохладном рыбьем глазу, а потом они вернулись, уже закрытая ночь, в город.

Для богатых были, после обеда, сеансы "кабаре" с дорогими напитками и настоящие белые шлюхи за десять долларов. Для бедных, в bethesgas, мулаты сидят у дверей, которые открываются прямо к спальные комнаты, всегда светлые.

- Кто бы ни хотел быть по-настоящему добросовестным, - сказал Энтони Несса ночью, когда они возвращаются, пешком, уже поздно, в отель, - я полагаю, я должен пойти заразиться сифилисом.

Запах пота, запах алкоголя, запах сточных вод, разврат, дешевые духи; затем, на следующее утро, канал, большие плотины, корабль поднимается, чтобы выйти из океана, и спускается, чтобы войти в другая, сверхчеловеческая компания, которая сделала это возможным, - объяснил Марк, анатомически улыбается-транспортировка по воде, а не по суше блудницы и “виски” из толстой кишки в Панаму.

Корабль шел на север. Раз в два дня я останавливался на небольшой порт для приема груза. Из середины бананов в Сан-Хосе паук размером с кулак, покрытый шерстистым пухом ему удалось попасть в их каюту. На высоте Шамперико, где баржи шли пежи кофе, индеец упал в море и утонул.

Ночью это был не корабль, а звезды, которые, казалось, двигались. Они медленно поднимались по наклонной линии, зависали на самой высокой из своих затем они шли вниз, в репетиционном путешествии, иногда принимая справа, иногда возвращаясь налево и, наконец, возобновляя марш, они поднимались еще раз в сторону Зенита.

- Сногсшибательно, - приговорил Энтони, - красивее.

Прогресс в вульгарной небесной механике. Можно было лежать там и созерцать их бесконечно.

В голосе Стейтса была нота ожесточенного удовлетворения, когда он он отметил, что через два дня они будут в Пуэрто-Сан-Фелипе. Пуэрто-де Сан-Фелипе был деревней хижин с несколькими деревянными сараями рядом с водой, для хранения кофе. Агент Дона Хорхе

помог им забрать багаж с таможни. Чистый испанский, уже полумертвый от тропических болезней, но все же из изысканной вежливости. — Мой дом твой — - сказал он им, когда они поднимались по крутому склону, что я вела его в бунгало, - мой дом твой.

С балкона висели орхидеи, а посреди них были клетки, полные зеленые попугаи, которые непрерывно кричали.

Болезненная женщина, рано старая и уставшая от усталости непоправимый, перешагнувший предел своей выносливости, выходил из домой, волоча ноги, чтобы приветствовать их, чтобы

извиниться заранее его плохое гостеприимство. Пуэрто-Сан-Фелипе был местом маленький, у него не было ресурсов; и, кроме того, она объясняла, что ее дочь не была все прошло хорошо, это было совсем не хорошо. Марк спросил, что у его дочери. Она он посмотрел на него глазами, которые усталость сделала невыразительными, и ответил смутно, что это была лихорадка; лихорадка и боль в голове.

Они вошли с ней в дом и увидели в Кастре убитую горем маленькую девочку, не переставая поворачивать голову из стороны в сторону, как в поисках, но всегда напрасно, из прохладного места, где можно отдохнуть лицом, из какого-то положения в том, что он мог найти облегчение от своей боли. В комнате было полно мухи и из кухни доносился запах жареной рыбы. Глядя На, ребенок, Энтони вдруг вспомнил Helenay в тот день, о терраса-Елена возвращается, не переставая, в пытке удовольствия.

- Полагаю, это мастоидит, - говорил Марк. - или, может быть, менингит.

Пока он говорил, девушка подняла из-под простыни несколько тонких ручек и, схватив голову между рук, стал более бурно перекатываться все еще взад и вперед, пока, наконец, не сломался, крича, в пароксизм.

Как немедленный отскок, шум попугаев на балконе был также растет с каждым криком, который они слышали, до максимума оглушительная интенсивность.

- Тише, тише, - не переставала повторять мама, сначала с meiguice, затем с растущей настойчивостью, умоляя, увещевая, приказывая ребенку перестать кричать, чтобы он чувствовал меньше боли. Но крики продолжались, голова не переставала перекатываться в ту и другую сторону.

Мучается от удовольствия, мучается от боли. На милость кожи и слизи, на милость этих слабых нервных нитей.

- Тише, тише, — повторяла женщина, почти злая. Наклонился на ложе и живой силой опустил поднятые руки девочки; затем, держа две тонкие кулаки в одной руке, он положил другую на голова, стараясь держать ее неподвижно на подушках. Всегда

крича, пекерруча сражалась под принуждением. Костлявая рука жены он сжимал руки, становился тяжелее на лбу. Если бы она могла принудительно сдерживать проявление боли, возможно, что сама боль прекратится, возможно, что ребенок перестанет кричать, если он сядет, может быть, на кровать, улыбаясь, и снова будет хорошо.

- Тише, тише, - приказывала она, стиснув зубы.

С сильным усилием ребенок смог освободить руки от этих пальцы, которые сжимали их, как когти; и снова руки вернулись к голова. Прежде чем женщина смогла схватить их и снова вытащить, Марк он коснулся ее руки. Она повернулась и нацелилась на него.

-Лучше оставить ее, — сказал он.

Послушная, она подняла бюст и направилась к двери, ведущей к балкон. Они следовали за ней. Они ничего не могли сделать.

“Mi casa es suya

Слава Богу, это не так. Крики ребенка утихли; но запах жареной рыбы, попугаи среди орхидей… Они снова вышли к палящему солнцу. Мозо уже положили на них свой багаж. вьючные мулы и верховые животные стояли в тени дерева, готовы быть запряженными. Они вооружились огромными шпорами и оседлали. Дорога извивалась, когда она поднималась и уходила от берега, через заросли, которые превратили засуху в серебристо-розовую и воробьиную. Скачущий на своем седле с высокой спинкой Марк читал “Тимон Афинский” в своем издании перенос трагедий. Каждый раз, когда я переворачивал страницу, я вставлял шпоры. на муле; и в течение нескольких ярдов он поднимался немного быстрее, чтобы затем вернуться к медленному примитивному шагу. В отеле Тапатлан. где они провели ночь, Энтони, впервые в своей жизни, был ужален постельные клопы; и на следующее утро это был приступ дизентерии… В спальне день, уже был в состоянии выйти, чтобы увидеть местные красавицы. Последний землетрясение почти разрушило церковь. Плотное и черное плодоношение летучие мыши свисали с балок, как спелые сливы; Маленький индеец, оборванный и босой, он подметал пол, очищая его от падающих капель; из алтари, святые в стиле барокко колебались и жестикулировали, в морозе пароксизм преданности. Они покинули церковь и направились к площади рынок, где, скрытые

и как засады в своих темных шале, горные индейцы сидели на корточках среди пыли и перед своими маленькими фруктовые и овощные румы, которые увяли. Мясо на прилавке мясник был покрыт коркой мух. Размахивая длинными уши в ритмичный момент, ослы проходили мимо, окутанные пылью, стучали небольшие легкие корпуса, без шума. Женщины приходили и уходили в тишина, несущая, над головами, воду в банках и керосин. Под

поля шляп, черные глаза смотрели на посторонних с блеском, непостижимые глаза рептилий и кажущиеся пустыми от всякого любопытства, каждый интерес, даже осознание того, что они нашли себя присутствующими.

- Я устал, - объявил Энтони. Они не ходили далеко.; но в Тапатлане сам факт жизни и совести был безмерным утомительный. - Когда я умру, это продолжалось после молчания, - это часть ада, куда меня отправят. Я узнаю ее с первого взгляда.

Бар отеля располагался в темной комнате, напоминающей склеп с сводчатым потолком, поддерживаемый в центре пилястра из тесаного камня, грубость которой в диспропорции с высотой объяснялась как средство противостоять сейсмическим сотрясениям. “Саксонский склеп”, был как назвал его Марк; и там, когда он пошел в комнату, чтобы забрать-платок он оставил Энтони сидеть на соломенном стуле.

Сгорбившись над прилавком, элегантно одетый молодой мексиканец, в штанах для верховой езды и огромной фетровой шляпе он хвастался, разговаривая с хозяйкой бара, аллигаторов, которых она убила, застрелила нас. болота в устье Коппалиты, энергии, с которой он обращался с индейцами, которые имели пришел украсть кофе с его фермы на деньги, которые он рассчитывал заработать, когда продайте свой урожай.

- Чуть-чуть тронулся, - считал Энтони, слушая и наблюдая со своего стула; и когда он наслаждался сценой, вот, мальчик повернулся для него и, делая урну mesura краснеет суровые формальности тех, кто так этотрио, что он чувствует необходимость делать все с сознательным обдумыванием, спросил, хочет ли иностранный Кабальеро выпить стакан текилы с он.

Усталость сделала испанца Энтони более строгим, чем обычай. Его попытки объяснить, что это не очень хорошо, что было бы еще хуже, если бы я пил алкоголь они бросили его в мир непоследовательность. Мальчик слушал, фиксируя на нем все время, некоторые черные глаза, яркие, как у индейцев, но в отличие от этих, умные-европейские глаза, в которых можно было прочитать интерес интенсивный и страстный, сосредоточенное внимание. Энтони продолжал когда вдруг эти глаза к новому и опасному сиянию; красивое лицо подхватило выражение холеры, фаланги рук сильные и рапасовые побелели под насилием сжатых кулаков. О молодой человек бросил, угрожающий.

- Устекл меня разгоняет! — выкрикивать.

Его движение, насилие тона, в котором он говорил, бросили Энтони в какой-то панике. Поднимаясь по цене на ногах, защищаясь из-за стула, он начал объяснять, голосом, который он

я хотел сделать его спокойным и примирительным, но, несмотря на все его усилия, чтобы держать ее тяжелой и твердой, дрожал, задыхался и расстраивался, начал объясняя, что у меня не было ни малейшего представления о том, чтобы кого-то презирать, что это было просто… - он пытался вспомнить медицинское объяснение и не мог найти ничего лучше, чем “боль в животе” — это было просто Ун долор Ан Ми желудок.

По какой-то причине слово желудок показалось молодому человеку последним, самое серьезное из оскорблений. Он кричал что-то непонятное, но что это было явное преступление; поднес руку к заднему карману брюк и, когда хозяйка бара кричала о помощи, она снова двинулась вперед, револьвер в кулаке.

- Не стреляй, не стреляй! - кричал Энтони, не зная, что это такое. говоря; затем, с необычайной ловкостью, он выпрыгнул из угла, в котором я был, чтобы найти убежище за массивной пилястрами в центре комнаты.

На секунду он перестал видеться с мальчиком. Но если проклятый вы приближались на цыпочках? Энтони представил револьвер внезапно огибая пилястру и приставая к ее лицу; или иначе, идя сзади — и он чувствует, как рот трубы приклеен к его спине, слышит ужасный взрыв, а потом… Он был полностью охвачен таким страхом, интенсивный, который напоминал самую

сокрушительную физическую боль; его сердце я бил сильнее, чем когда-либо, и он чувствовал, что Рамо, если бы у него был головокружение. Победив террор еще большим ужасом, вытянул шею налево. Мальчик был всего в двух ярдах, глядя яростно и жалко пилястру. Энтони видел, как он сделал шаг резкий и, крича, отчаявшись о помощи, повернулся направо, повернулся к заглянуть и снова прыгнул налево; затем еще раз в правый.

- Я не могу так продолжать, - подумал я.- я не могу этого вынести. ситуация на долгое время. - Идея этого пистолета неожиданно дает возвращение к пилястре заставило его снова заглядывать.

Мальчик сделал шаг, и вот он уже бросился налево.

Штамп, произведенный выстрелом, вот что его больше всего пугало. Шум ужасный, внезапный и уничтожающий, как шум того другого взрыва были годы. Его веки затянулись и неудержимо дрожали, готовы закрыться в ожидании ужасного события. Ресница они вибрировали перед его глазами, и это было через своего рода туман, который, подглядывая за кражей, он увидел, как открылась дверь, и Марк легко пересек комнату, Марк держит молодого человека за кулак, пистолет выстрелил; отражаясь на стены и потолок, грохот приобрел катастрофическую интенсивность. Энтони он издал большой крик, как будто был ранен, и, закрыв глаза,,

он обнял пилястру. Осознавая чувство тошноты, от боли в половых органах, от укусов в кишечнике, я надеялся, сводится к простому и дрожит воплощение страшного ожидания, пусть пистолет снова загорится. И ожидание, казалось, длилось часами. Голос глухие и сбитые с толку парламентариев на непонятном языке. После, легкий удар по плечу заставил его вздрогнуть. Крикнул: - Нет, не делай это, - и, подняв веки, которые все еще вибрировали в желании закрывшись, он увидел Марка Стейтса, показывающего на каждой мышце лица улыбку от друга, но от друга, которому было весело.

- Все уже понятно, - сказал он. - Вы можете прийти оттуда. Чувство глубоко смущенный и униженный, Энтони сопровождал его. молодой мексиканец уже стоял за прилавком, снова пил. Когда они получают они подошли, он повернулся и, протянув руки, подошел к ним навстречу. - Хомбре! - сказал Энтони, нежно пожимая ему руку, хомбре!

Унижение, которое он тогда испытывал, не могло быть более удручающим.

Глава XXXVI - 10 и 11 января 1934 г.

В письме и публично телеграмма Дона Хорхе была приказом для немедленной продажи шестисот мешков кофе. Реальность и втайне это было предупреждение о том, что время пришло, и они были срочно жду.

Марк посмотрел на своего товарища с откровенным выражением лица враждебность. - С тобой так, в ходатайстве о нищете! . — воскликнуть.

Энтони возразил, что он уже восстановлен.

- Вы не в состоянии совершить поездку.

- Да, да.

— Это не так, - повторил Марк с такой же заботой время сердитый упрек. - Три дня на вершине Мула а разгоняй эти чертовы горы. И многое для тех, кто находится в государстве в котором вы оказались.

Обиженный словами другого, и, боюсь, если он согласится с Марк, от того, чтобы казаться не желающим извергать трудности и опасности, которые если они столкнулись с ним, Энтони проявил упорство в утверждении, что он готов к тому, что даст и придет. Желание, которое было у Марка, чтобы это было правда, он побежал, чтобы вскоре он убедил себя. Телеграфировать Дону Хорхе, что шестьсот мешков должны были быть проданы немедленно; что я мог ожидать дальнейших подробностей в следующую пятницу. И после обед, в жаркую жару ранних часов дня, они отправились в финка, расположенная высоко в горах, над Тапатланом, где один из друзья Дона Хорхе дали бы им ночлег. Еще раз Марк вытащил из своего портативного издания Шекспира и в течение четырех часов там они спорили с невольными кормами, высоко в горах, среди щетины. пыль с кукурузных полей и, за полями, через сухой куст, засушливый, где не было видно ни одного листа, в конце концов, его сменили темно-зеленый и оттенки позолоченные кофейные плантации, омраченные высокими деревьями. Всегда поднимаясь, в то время как Марк уже прочитал Гамлет и еще два акта троила и Крессида

и Энтони, уже легкомысленные от усталости, задавались вопросом, как долго они могут все еще сопротивляться этому. Но когда ночь начала падать, они пришли наконец к своей судьбе.

Четыре часа следующего утра, они снова были на седле. Тень, которую отбрасывали деревья, была похожа на другую ночь без звезд.; что не мешало мул с обнадеживающей безопасностью видеть прямо там, где они кладут лапы, когда они преодолевают повороты и зигзаги. дорога. Время от времени они проходили под невидимыми лимонными деревьями и

аромат цветов в темноте был подобен краткому и невыносимому откровению все, что выше земного, было моментом блаженства, и затем, когда мулы уже шли вперед, поднимаясь, в монотонной последовательности дела, каменистая тропа, сверхъестественное присутствие угасало, исчезают, и они снова оказываются в обычной жизни., символически представлен запахом кожи и пота.

Солнце поднималось. Вскоре они вышли из возделываемого леса от кофейных ферм до доски из голых скал и сосновых рощ. Почти ровная, дорога шла поворотами, иногда возвращающимися, иногда выступающими, вдоль склон горы, полный зубов и контрфорсов. Слева, земля он спускался почти по щуке в долины, все еще окутанные тенью. И вдалеке, эта туманная белизна, которая видна в небе сквозь туман, создаваемый пыль от станции и дым от ожогов, это был Тихий океан.

Марк продолжал читать троила и Крессиду.

Спуск настолько крутой, что они оказались вынуждены и проехать через повел их через час на берег реки. Они бродили по нему и под жгучим солнцем начали подниматься по склону. противоположный. Ни тени. Огромные голые холмы были цвета пыли и сгоревшая трава, никакого движения; даже геккона в середина камней. Ни один признак жизни не был представлен им в поле зрения или слышать. Из безнадежной пустоты, этого горного хаоса. прокрученные и бурные, казалось, тянулись бесконечно. Как будто они пересекли на коне границу между миром и небытием, между мир и бесконечные просторы пылкого и пыльного отрицания.

В одиннадцать они пошли на обед, а через час с солнце почти в Пино, они снова ушли. Дорога поднималась, потом падала. через

овраг на протяженности в тысячу пятьсот футов, чтобы затем снова подняться. К трем часам Энтони так устал, что едва я мог думать или даже видеть. Пейзаж, казалось, двигался вперед и назад на его глазах она иногда становилась черной и полностью исчезала. Он начинал слышать голоса, и его идеи переходили к жизни на всю жизнь своей собственной, автономной жизни в ее безумной и раздражающей непоследовательности. Образы превратились в фантасмагорию, на которую у него не было сил. изгнать. Это было похоже на одержимость, как будто меня заставляли жить чужой жизнью и думать с чужим духом. Но тепло, которое он стекал с его лица, как вода, и пропитывал его рубашку и брюки. хлопок и эта невыносимая боль в почках и бедрах-это было его даже. Его самого, но распущенного, невыносимого. Был импульс стонать, от разрыва в слезах. Однако через этот бред другого он вспомнил-если протесты, которые я дал Марку, обещание, которое я дал, полны

уверенность, что он не устанет. Покачал головой и пошел дальше, - пошел следуя по этому иллюзорному миру странной фантазии и пейзажа только лоббирование и мимолетность, он следовал через ужасную реальность от его боли и усталости.

Голос Марка вырвал его из этого ступора.

- Тогда? Он все еще тверд?

Поднимая и фиксируя глаза с помощью. усилия, увидел, что Марк остановился и я ждал его на обратном пути, прямо над ним. Пятьсот ярдов впереди, на склоне, следуй, Мозо, верхом, прямо за мулом, который он перевозил багаж.

- Эйя Мула-а-а! - это была затяжная очередь подстрекательства, которая пришла сопровождается глухим шумом удара по пояснице мула.

- Простите, - пробормотал Энтони, - пришлось позволить себе отстать.

- Ты уверен, что все еще держишься?

Он сделал это одним жестом.

- До нас осталось меньше часа, - сказал Марк. — Пойти сопротивляясь, можно. - Ослепленный огромной соломенной

шляпой, его лицо в возрасте он сжался в улыбке ободрения.

В ответ Энтони улыбнулся и, чтобы успокоиться,- Ло попытался пошутить о твердости деревянных седел, на которых ездить верхом.

Марк засмеялся. - Если мы выйдем из этого в целости и сохранности, - сказал он, - мы должны предложить-пара серебряных ягодиц Сан-Хайме-де-Компостела.

Он пошевелил поводьем и сунул шпоры в мула. Животное бросилось в гору. выше; затем, скатываясь по рыхлым желобам, которые катились под ним. лапы, упал вперед на колени.

Энтони закрыл глаза, чтобы немного отдохнуть от света интенсивный. Когда он услышал шум, он снова открыл их и увидел Марка, лежащего на Борко на земле и мул делает серию жестоких движений отрывистые, чтобы подняться на лапы. Пейзаж стал снова стабильно, зыбучие изображения закрепились. Забывая боль, которую почувствовав спину и ноги, Энтони бросился из седла внизу и поднялся на бег по склону. Когда он подошел, Марк уже катил тело, садясь жим лежа, а затем успеваем сесть.

- Он поранился? - Спросил Энтони.

Другой покачал головой, но не произнес слова.

- Ты ранен.

Штаны были маршруты на левом колене и красное пятно, если он протянулся вдоль ноги. Энтони крикнул Мозо, чтобы он вернулся с мул из багажа; затем, опустившись на колени, открыл свой карманный нож, воткнул лезвие

в разрыве и произвел длинный неровный разрез на сильной ткани.

- Ты портишь мне штаны, - сказал Марк, выступая за первый раз.

Энтони не ответил, ограничившись отрывом широкой полосы от хозяйство. Вся коленная чашечка и верхняя часть голени были сочленены, в живая плоть, красная, здесь, от крови, которая текла, там, серая от пыли и заземление. На внутренней стороне

колена был глубокий разрез, откуда кровь текла в изобилии.

Энтони нахмурился и, как будто боль была его собственной, прикусил губу нижний. Это было состояние бедствия, Сен, смешанное с физическим отвращением и ужасное сочувствие. Вздрогнуть.

Марк наклонился, чтобы увидеть, как его колено обижено. - Какая порча! — комментировать.

Энтони согласился жестом, открыл бутылку с водой и, смочив платок, начал вытирать раны. Ваши эмоции исчезать. Он был полностью поглощен своей непосредственной задачей. Ничего для него было важно больше, чем просто способ избавиться от всего этого. этот песок без вреда для Марка.

Уже тогда Мозо вернулся с мулом багажа и рядом с ними, он молча наблюдал за происходящим, глядя на все своими глазами. черные и невозмутимые.

- Я почти уверен, что для него мы здесь зря тратим время, — - сказал Марк, репетируя улыбку.

Энтони встал, приказал Мозо развязать груз мула и снял от одного из брезентовых тюков до коробки с лекарствами.

Под протравливающим действием дезинфицирующего средства Марк разразился смехом.

- Все глупости гуманизма исчезают перед лицом йода, - сказал он.

- Как хороша эта старомодная идея заставить нас страдать ради нас. Как Иегова. Боже! Снова рассмеялся, когда Энтони очистил другую часть живая плоть. Затем, завернув колено в повязку, попросил: - Дай мне руку, чтобы я встал. Энтони помог ему встать на ноги. Он сделал несколько шагов вверх по склону, а затем обратно. Похоже, все в порядке. -Поклонился чтобы увидеть передние ноги мула. Простые царапины. - Ничего, что мы предотвратите от касания вперед немедленно, - заключил он.

Они помогли ему сесть, и он, обслуживая себя здоровой ногой, пристегнул животное, который отправился на быстрой рыси, в гору. На протяжении всего остального пути фигура Марка сводилась к Энтони, главным образом, на прямой спине и жесткий, но иногда, также в профиле, мраморный по своей бледности неизменный-статуя стоика, зажатого, но все еще

живого и молча терпя его агонию.

До установленного времени, потому что Марк решил держать мулов в походка, которая заставляла их фыркать и потеть под жаром дня-они уже вошли в Сан-Кристобаль-Эль-Альто. Тридцать или сорок индийских ранчо, которые они составляли деревню, возвышающуюся над узким хребтом между падающие, за которыми с каждой стороны простирались хаотично горы, в череде цепей, которые терялись в туман. Вид этих выдающихся путешественников, деревенский купец пришел-встречая их на площади, предлагая им, pressuroso, жилье для ночь. Марк выслушал его, сделал жест согласия, а затем упомянул но он скрутился в боли и должен был вернуться в первобытное положение. в седле.

Не поворачивая головы, крикнул другим сердитым тоном: - Вы вы должны вытащить меня из этого проклятого мула.

Энтони и Мозо помогли ему спуститься; но, оказавшись на земле, он отказался от любой другой помощи.

- Я сам могу ходить, - коротко сказал, нахмурившись, как если бы Энтони, предложив ему руку, намеревался оскорбить его.

Их ночлег был не чем иным, как ночлегом. дерево, занятое, наполовину, кофейными мешками и кожей. После осмотрев интерьер, Марк пришел, капенгируя, снаружи, чтобы увидеть крытое соломенной крышей крыльцо, где должны были отдыхать мулы. И предложил, следовать, прогулка по деревне, - чтобы насладиться видами, - согласно объяснить.

Усилия, которые он прилагал при ходьбе, причиняли ему столько боли, что он не оживлялся. поговорить. В тишине они пересекли небольшую площадь, в тишине которые посетили церковь, школу, Кабильдо, деревенскую тюрьму. В тишине, и один за другим. Ибо если бы они шли бок о бок, (размышлял Энтони) он мог видеть лицо Марка, и Марк заметил, что за ним наблюдают шаг, если бы он шел впереди, это было бы оскорблением, вызовом, Марк, поторопись. Нарочно Энтони ходил молочно сзади, заткнись, какая индийская жена Рохо по пыли за мужем.

Прошло почти полчаса, когда Марк подумал, что уже есть достаточно замучен.

- Мы уже видели то, что должны были увидеть, - мрачно сказал он, - Пойдем посмотрим, съедим ли мы что-нибудь.

Холод ночи был резким, кровать была простой доской; повезло, что это было после беспокойного сна и не сумев восстановить себя от усталости, что Энтони проснулся на следующее утро.

- Пора просыпаться! - кричал Марк. - Время!

Энтони вздрогнул и, сидя на кровати, увидел Марка на другой

кровать из доски, опираясь на один из локтей и целясь в него сердитый взгляд.

- Пошли! Пришло время выпрыгнуть и коснуться вперед, - продолжал он. грубый голос. - Уже шесть.

Внезапно, вспоминая аварию накануне, Энтони спросил: — Как колено?

- Все равно.

- Спал?

- Уже видно, что нет, - раздраженно ответил Марк. И отводя взгляд, он ответил: “я не вижу возможности встать. У меня жесткая нога.

Энтони засунул сапоги и, открыв дверь сарая, оставил войдя в свет, пришел сесть на край кровати Марка.

- Лучше всего это почистить и заменить повязку, - сказал он; начал развяжи ее.

Марля прилипла к мясу. Энтони пытался осторожно вытащить ее, но, потом сдался. - Я посмотрю, достанут ли они мне немного горячей воды, там в магазине, - сказал он. , Марк издал смех, который был одновременно рев и, взяв урну кончик марли между большим и указательным пальцами, дал сильный рывок. Квадрат розовой ткани сместился и свисал с него. палец.

- Не тяните! - Кричал Энтони, весь испуганный, как будто он пусть почувствует боль. Другой лишь презрительно улыбался ему. Е Энтони, уже в другом тоне, ссылаясь на медицинскую причину для его тревога: - у вас снова кровоточила рана. - Но на самом деле это не было эта новая кровь течет, что беспокоило его больше всего, когда он опустился чтобы увидеть часть, которую обнаружил Марк. Все колено было ужасно опухший и почти черный от синяков и по краям только что открытая рана плоть была желтой от гноя.

- Вы не можете продолжать путешествие в таком состоянии, - сказал он.

- Это, кто решает это я, - ответил Марк и после мгновенно, добавил он — - кстати, вы сами уже позавчера принимали аналогичное разрешение.

Эти слова подразумевали пренебрежительное унижение. - Если бедный черт, как ты можешь противостоять боли, так что уже

видно, что я… - Вот что они означать. Однако, как заметил Энтони, оскорбление было непреднамеренным. Это проистекало из глубины высокомерия, которое было почти детским в его искренняя интенсивность. В этом было что-то трогательное и абсурдное наивность. Кроме того, было колено бедняги. Это был не тот время обижаться на оскорбления.

— Но у меня, практически, все было хорошо, - заявил он Томом

примирительный. - У вас есть одна нога, которая в каждый момент подчиняется одной сепсис.

Марк нахмурился. - Оказавшись на вершине мула, я больше не буду чувствовать ничего, - настаивал он. - Я чувствую только жесткую и больную ногу; больше ничего. Сверх из этого, - добавил он, противореча тому, что он сказал ранее, - у нас будет врач в Миаджутии. И чем быстрее я отдам это на попечение, от него тем лучше.

- Да; но с поездкой все будет в десять раз хуже. Если бы вы ждали здесь день или два…

- Дон Хорхе подумал бы, что я порвал веревку и получил его заброшенный.

- Да ладно, Дон Хорхе, иди к чертям, которые его разбивают. Передай ему телеграмма.

- Здесь нет телеграфной линии. Я уже проинформировал себя.

- Тогда пошлите Мозо.

Марк покачал головой. - Я бы ему не доверяла.

- Почему бы и нет?

- Он выпьет при первой же возможности.

- Другими словами, дело в том, что вы не хотите его посылать.

— К тому же сейчас будет уже слишком поздно, - продолжил Марк, - Дон Хорхе начнет движение в течение дня или двух.

- А вы представляете, что сможете сопровождать его?

- Я хочу сказать, что буду там.

- Но вы не можете.

- И то, что я вам говорю, я планирую быть там. Чего я не могу, так это бросить его. Сдержанный гнев охлаждал его и укреплял Его голос. — Быть а теперь помоги мне собраться.

- Я не помогу, нет.

Двое мужчин молча посмотрели друг на друга. Затем прилагая усилия чтобы одолеть себя, Марк пожал плечами.

- Хорошо, - сказал он, - я позову Мозо. И если у вас есть боясь подойти к Миаджутии, он продолжал яростно презрительным тоном, — вы можете вернуться в Тапатлан. Я пойду один. - Затем, обращаясь к дверь открылась, крикнула: - Хуан, Хуан!

Энтони сдался. - Делай, как хочешь. Если вы действительно хотите быть сумасшедшим… - Ты оставил предложение незаконченным. - Но это я не беру на себя никакой ответственности.

- Никто не просил его взять на себя ответственность — - ответил Марк. Энтони он встал и пошел за коробкой с лекарствами. Очистил раны и, не говоря ни слова, он нанес новую марлю с лекарством; затем, пока

он пытался пристегнуть повязку, предложил: - если мы перестанем спорить? Не думаешь, все будет лучше? Марк был во время некоторых через несколько секунд он молчал, с лицом, обращенным и враждебным; затем он поднял глаза и сжался лицо в дружеской улыбке примирения. - Помирись, - сказал он., утвердительно болтаю головой. - Мы помиримся.

Но я не рассчитывал на боль. И вскоре началась боль, мучительная., когда он сделал первые шаги в сторону, чтобы встать с постели. Ибо тогда он убедился, что это невозможно даже с помощью Энтони, встать с постели, не согнув больное колено. И согнуть его было пыткой. Когда в конце концов, он остановился на ногах у кровати, он был бледным, и выражение лица на его лице было что-то жестокое.

- Держись?

Марк сделал это, и, как будто другой стал его худшим враг, он не соизволил бросить на него взгляд, когда он вышел, хромая, из сарай.

Когда ему пришлось сесть на мула, это была еще одна пытка; пытка, которая он обновлялся после каждого шага, который животное дубинило. Как и накануне, Марк взял фронт. Потянув за верховую езду, он доказал свое превосходство и, в то же время он ставил себя вне досягаемости пристальных взглядов. Энтони отметил, что он, несмотря на холодный воздух, принимал его, когда в когда платок и вытирал лицо, как будто потел. И каждый раз который хранил платок, облажался на муле, с особой дикостью, единственная шпора, которую я мог использовать.

Дорога спускалась, снова поднималась, снова спускалась. сосновые рощи, спускающиеся вниз., спуститься. Прошел час, прошло два, три; солнце я был на пине, палящий. Три часа, три с половиной часа; и поляны поднимались в убивает, сменяются поля на склоне холма, щетина кукурузного поля, группа из хижин, и старуха, несущая воду, дети, тихо играющие в пыль. Они достигли границ другой деревни.

- Если мы остановимся здесь, чтобы поесть? - предложил Энтони, пондо, с шпоры, животное на рыси. - Может быть, мы получим свежие яйца, — он собрался, став рядом с другим мулом.

Когда он повернулся к нему, у Марка было белое, как бумага лицо, и обнажая зубы, чтобы говорить, нижняя челюсть стучала в неисчерпаемом треморе. - Кажется, лучше играть вперед, - начал он почти голосом неразборчиво, - нам еще предстоит преодолеть большую дистанцию… А потом, с дрожью на веках он свисал головой, а все тело казалось, он растаял, обмяк, упал, короче, вперед, на шею мула., отошел в сторону и проецировался бы на землю, если бы Энтони держал-за руку я бы его не поддержала.

Глава XXXVII - 12 и 14 января 1934 г.

На маленьком ранчо царила тьма, усиленная, с полудня до на закате, от удушающей жары; затем температура упала до такой степени, что от холода всю ночь. Табик разделил хижину на две части отсеки; в середине первого отсека стояла грубая печь из камней, и когда зажигали огонь, чтобы готовить, дым выходил через щели дощатых стен и без окон. Мебель состояла из табурет,

две банки с керосином для воды, несколько глиняных горшков и каменная ступка для измельчения кукурузы. На другой стороне табика были две дощатые кровати на козлах. На одну из них они положили Марка.

На следующее утро Марк бредил лихорадкой. Колено, инфекция он распространился вниз, в результате чего нога распухла почти до лодыжка.

Энтони, сидящий там в жаркой полутени и наблюдающий за бормотанием и к внезапным, пронзительным крикам этого странного существа в постели было, на данный момент решить только одну вещь. Я бы отправил Мозо за доктором а как насчет необходимых лекарств в Миаджутле? Или бы лично? Было выбрать между двумя зол. Я думал о бедном марке, брошенном, одиноком в руках. от этих неумелых и не очень благонамеренных дикарей. Но даже если если бы он остался там, что бы он мог сделать с имеющимися у него ресурсами? И если Мозо не мог убедить доктора, что он должен прийти немедленно, не смог бы принести необходимые провизии, пусть даже, может быть, вернуться? Миаджутла, как сказал Марк, находился в районе пульке; там должны быть океаны дешевой кашасы. В то время как он, с животным в хорошей ходьбе, я мог бы вернуться, снова быть рядом с Марком в меньше тридцати часов. Белый человек с деньгами в кармане, был бы в условия запугивания и подкупа врача, заставляя его двигаться. Е - возможно, не в последнюю очередь-я бы знал, какие провизии это было бы уместно взять с собой. Его решение было принято. Встал и, идя до двери позвал Мозо и велел ему оседлать мула.

Было меньше двух часов.он ехал, когда произошло чудо. АО сделав круг по дороге, увидел, что он продвигается к вам, на расстоянии с менее чем пятисот ярдов белый мужчина, за которым следуют два индейца, один верхом, а другой пешком, с двумя загруженными мулами багажа. Когда подошли, белый человек вежливо снял шляпу. У него были волосы. светло-коричневые, уже седые над ушами и на лице сильно загорелый, был поразителен отбеленный оттенок ее голубых глаз.

- Буэнос диас, Кабальеро, - сказал он.

Акцент не обманывал. - Хороший момент, - ответил Энтони.

Они остановили еду рядом друг с другом и начали разговаривать.

- Это первое английское слово, которое я слышу за семь с половиной месяцев,

- сказал неизвестный. Это был пожилой мужчина, невысокий и худой, но с вертикальная осанка, которая придавала ему вид достоинства. Лицо показало любопытные пропорции, с коротким носом и удлинительной губой снаружи обыкновенный, увенчанный широким, плотно закрытым ртом. Рот инквизитора. Но инквизитор упустил из виду и научился улыбаться; целый потенциал смех лежал в сильно бороздчатых морщинах, которые отделяли лица спайки во рту, вибрирующие от чувствительности. И вокруг живых глаз и вглядываясь, эти замысловатые линии выглядели как штрихи и символы иероглифы постоянно повторяющегося движения, в которое он переводил капризная доброжелательность. Странная физиогномика, приговорил Энтони, но очаровательно.

- Меня зовут Джеймс Миллер, - сказал неизвестный. - А твой? — И когда он узнал об этом, он спросил, обращаясь к другому в манере Quáqueres по обоим именам: - путешествует один Энтони Бивис?

Энтони сказал ему, куда он предназначен и с какой миссией.

- Я считаю, что вы ничего не знаете о врачах cm Miajutla,

— завершать.

С внезапным акцентированием иероглифических линий вокруг глаз, с внезапной экстериоризацией этого потенциала смеха вокруг рта, мужчина улыбнулся. - Я знаю что-нибудь о врачах здесь., — сказал, стуча в грудь. - Доктор Медицины, Эдинбург. И, более того, хорошее обеспечение Материа Медика на этих мул. - Потом, уже в другом тоне, сказал, полный бодрости духа: - Давай! Давай увидимся с твоим другом как можно скорее возможный.

Энтони заставил животное вернуться, и в паре двое мужчин ушли дорога вверх.

- Да, Энтони Бивис, - сказал доктор, - ты попал в дверь.

- К счастью, - сказал Энтони, качая головой, - я не был не молясь об этом, ибо, если бы я это сделал, я бы теперь верить в особое провидение и чудесные вмешательства.

И это не принесет никакой пользы, - согласился врач. - Не то чтобы это было для что происходит, то, конечно, нет. Мы следуем за судьбой, которая маг навязывает нам-судьбу, которую мы сами делаем неизбежной, что он он нас навязал. И вопрос причины и следствия. Потом без перерыва, спросить:

- Какая у вас профессия?

- Думаю, вы бы сказали, что я социолог. Что я был, по менее.

- Что вы мне говорите?! Это правда? - Доктор выглядел удивлен и доволен. - Потому что моя специальность и антропология, — продолжать. - Я жил среди Лакандонов в Чьяпасе, в этих последние месяцы. Хорошие люди, когда их можно хорошо узнать. И я выбрал хороший количество материала. Кстати: вы женаты?

— Не.

- Вы никогда не были женаты?

— Никогда.

Доктор Миллер покачал головой. - Это плохо, Энтони Бивис, - сказал он.

- Я должна была выйти замуж.

Почему ты так говоришь?

- Я вижу это на твоем лице. Здесь; и здесь. - Положил пальцы на губы и потом на лбу. - Я был женат. Четырнадцать лет. Затем женщина умереть. От малярии. Тогда мы работали в Западной Африке. Она тоже специализируйся. Были дни, когда она была более осведомлена о ремесло, чем я. — Вздыхать. - Ты бы дал хорошего мужа, понимаешь? Е может быть, это все еще дает, даже сейчас. Сколько вам лет?

- Сорок три.

- Ты выглядишь моложе. Хотя мне не нравится эта твоя кожа желтоватая, - запротестовал он с внезапной яростью. Вы страдаете запором?

- Нет, - ответил Энтони, улыбаясь, и воображая, что не будет от

того, чтобы быть очень приятным для кого-то, отвечать всем на вопросы такого рода. Немного скучно, может быть, иметь дело как люди для всех людей, с которыми мы сталкиваемся, каждый из них с правом знать все о нас; но все же больше интересно, чем обращаться с ними как с предметами, как с простыми мясными макаронами которые бросаются рядом с нами на автобусной скамейке или натыкаются на нас. тротуар. - Много, нет, - пожаловал он.

- Я имею в виду: не в явном виде, — сказал доктор. — Некоторые экзема?

- Иногда.

- И склонность к перхоти. - Доктор Миллер качал головой подтверждая само утвердительное. - И у вас болит голова; нет?

Энтони должен был признать, что иногда он чувствовал.

И, конечно же, кривошеи и приступы люмбаго. Я знаю. Я знаю. Несколько еще несколько лет, и это превратится в ишиас или артрит. — Врач он на мгновение замолчал, расспрашивая выражением лица Энтони.

- Да, эта желтоватая кожа, - повторил он и покачал головой. - И ирония, скептицизм, отношение, которое выражается в чем польза?" Отношение отрицательный, правда. Все, что вы думаете, отрицательно.

Энтони засмеялся; но смеялся, чтобы скрыть определенное недомогание. Это лечить на человеческие термины каждый, кого он встречал, просил вызвать некоторое смущение.

- О, не думай, что я критикую! - воскликнул доктор. Е в его голосе была нота истинного сожаления.

Энтони продолжал смеяться, но с невероятным смехом.

- Не приходи ему в голову мысль, что есть какая-то цензура в том, что я говорю.

Протянув руку, он ласково хлопнул Энтони по плечу. — Мы все такие, какие мы есть; и когда приходит время стать кем мы должны быть - дело не из легких. Это непросто, нет, Энтони

Бивис. Как вы можете ожидать, что ваши мысли, ваши идеи не будут отрицательные, когда у вас хроническое отравление кишечника? Иметь с тех пор, как он родился, я рассчитываю. Он унаследовал его. и в то же время весь сутулый, как дела. Упал на мула — таким образом-это ужасно. Сжимать (позвонки, как тонна кирпичей. Почти слышен шум которые делают бедняги, измельчая друг друга. И когда прыщ в таком состоянии, что происходит с остальной частью машины? Простое воспоминание это пугает.

— И все же, - сказал Энтони, чувствуя себя немного обиженным это беспощадное перечисление его физических недостатков, - однако, я все еще я жив. Я все еще здесь, чтобы рассказать вам, как это произошло.

- Кто-то здесь, чтобы рассказать, — ответил доктор. - Но это будет это тот человек, которым вы хотели, чтобы он был?

Энтони не ответил. Встревоженный, он просто улыбнулся.

— И даже этот кто-то, если вы не будете осторожны, не выживет много времени рассказывал, как сложился этот факт. Я серьезно, - настаивал он. Очень серьезно. Вы должны измениться, если хотите продолжать существовать. И так как это вопрос перемен, я должен сказать вам, что вам нужно воспользоваться всей удачей помощь, от помощи Бога до помощи врача. Это я вам говорю, потому что ты мне нравишься, - объяснил он. - Я думаю, ты заслуживаешь перемен.

- Большое спасибо, - сказал Энтони; и на этот раз он с радостью улыбнулся.

- Говоря как врач, я предлагаю для начала регулярную серию орошения толстой кишки.

- И выступая от имени Бога, - сказал Энтони, позволив своему наслаждение, если оно выплеснулось в хорошем настроении шутки, регулярной серии молитвы и посты.

- Нет; пост, нет, — возразил врач, очень серьезно, — пост, нет. Просто правильная диета. Нет мяса мясника; это яд, для ваше дело. И никакого молока, так мало; он служит только для того, чтобы наполнить его газами. Взять-О, если хотите, в виде сыра и масла; жидкость, никогда. Яйца,

минимально возможный; естественно, один полный прием пищи в день. Ты ему не нужна половина того, что он ест. Что касается молитв… — Вздыхать, он нахмурился и с суровым задумчивым видом сказал: “Это вещи, которые они мне никогда не нравились, вы знаете. По крайней мере, это то, что обычно подразумевается под молитвами. Все эти просьбы об одолжении особенные, поддерживающие, прощающие; мне всегда казалось, что это делает эгоистичные люди, озабоченные своей нелепостью, скупостью, развратностью личность. Когда мы молимся обычным образом, мы просто тереть нас, тереть нас самих. Мы не выходим из нашего собственная рвота, Если я так понимаю. В то время как то, что мы все поиск-это как раз средство выйти за пределы нашей собственной рвоты.

Энтони думал, что это средство выйти за рамки книг, за пределы плоти в то же время, в то же время, в то же время, в то же время, в то же время, в болезненный, но втайне лестный взгляд на мир как на сад зоопарк и приют.

- В дополнение к этой бесполезной личности в два с половиной Пенса, - сказал доктор, - со всеми его добродетелями и порочными, со всеми его глупые желания и глупые претензии. И если вы не будете осторожны, молитва не он не успеет сделать его заядлым, чтобы быть личным. И что я ему говоря: я уже наблюдал этот факт клинически, и мне показалось, что влияние молитвы на людей такое же или почти такое же, как эффект произведено мясом мясника. Молитва делает человека более индивидуальным, более отдельно. И именно то, что делает стейк. Внимательно изучите корреляцию что существует между религией и диетой. Христиане едят мясо, пьют алкоголь, они курят; и христианство превозносит личность, настаивает на ценности молитвы он учит, что Бог испытывает гнев и одобряет преследование еретиков. О так обстоит дело с евреями и мусульманами. Кошерный и Иегова возмущенный. Баранина и говядина-и человек, выживший в середина Хури. Мстительный Аллах и святые войны. Теперь рассмотрим буддийский. Овощи и вода. И какова их философия? Они не превозносят личность; они стремятся подняться над собой. Вы не представляете, что Бог они могут быть злыми; когда они не образованы, они думают, что Бог есть Милостивый, и когда они научены, они понимают, что Бога нет. не быть как безличный дух Вселенной. Следствием этого является то, что они не молятся; они медитируют или, другими словами, ищут объединить свои собственные духи в универсальный дух. “Наконец, нет они верят в особые условия для людей; они верят в моральный порядок, где каждое событие

имеет свою причину и производит свое следствие — где волшебник, который навязывает нам судьбу, которая нам подходит, но не навязывает ее только потому, что наши предыдущие действия заставили его к этому. Как они

далекие эти миры от Иеговы и Бога Отца и вечных душ индивидуалы! Дело в том, что мы думаем, когда едим. Я питаюсь как буддист, потому что я думаю, что это сохраняет мое здоровье и это делает меня счастливым; и в результате я думаю как буддист — и, думая как буддист, меня поддерживает моя решимость есть как таковая.

- И теперь он рекомендует мне есть как таковой.

- Вроде.

- И вы хотите, чтобы я тоже думал как буддист?

— Со временем вы больше не сможете этого избежать. Но, конечно же, лучше делать это осознанно.

- Ну, по правде говоря, - сказал Энтони, - я уже думаю как буддийский. Нет, возможно, во всех смыслах; но, конечно, во многих чувство. Несмотря на ростбиф.

- Ты думаешь, что думаешь как буддист, - сказал доктор, - но это не так. Думать негативно - это не думать как буддист; это думать как христианин, который ест больше мяса мясника, чем его кишки вы можете выдержать.

Энтони засмеялся.

- О, я хорошо знаю, что это может вызвать смех, - сказал доктор—

Но если это провоцирует вас, это только потому, что вы дуалист.

- Я не такой.

- Может быть, это не теоретически. Но на практике-что еще, может быть, если не дуалистом? Что ты, Энтони? Умный человек-нет остается малейшее сомнение. Но также не остается ни малейшего сомнения, что вы у него есть бессознательное тело. Эффективное мыслящее устройство и система от мышц, костей и внутренних органов до тревожной тупости, вы, естественно,

дуалистично. Вы живете своим дуализмом. И одна из причин, почему vive отравляет себя слишком большим количеством животного белка. Как миллионы другие, конечно! Что сегодня является величайшим врагом христианства? Мясо замороженный. Раньше только члены высших классов были совершенно скептически, обескураженно, негативно. Почему? Среди других причины, потому что они были единственными людьми, которые могли позволить себе есть много мяса. Сегодня для всех кошельков есть новый Кентерберийский баран и замороженное мясо из Аргентины. Даже бедные могут позволить себе отравлять до полного скептицизма и отчаяния. И только более сильные стимулы будут пробуждать их к определенной деятельности; и хуже всего то, что каждая деятельность, которую они могут выполнять, является дьявольской. Они могут быть только подстрекаемые истерическими призывами преследовать евреев, трус социалисты, или идут на войну. Оказывается, лично вы слишком умен, чтобы быть фашистом или националистом; но все же

скорее, это вопрос теории, а не реальной жизни. Вы можете поверить мне, Энтони Бивис, что его кишки созрели для фашизма и национализм. Именно они дают вам это желание вырваться из негативизм, на который они сами его осудили, - это желание быть насилие, брошенное в насилие-

— Действительно, - сказал Энтони, - это одна из причин, по которой я привезли сюда. - Махнул рукой в сторону хаотичных гор и бурные. - Просто чтобы отвлечься от негативизма. Мы были в путешествие, чтобы принять участие в революции, когда бедный Staithes попал в эту аварию.

Доктор покачал головой, как тот, кто понимал — ибо это это верно, — сказал он, - это верно! И это предполагает, что вы были бы здесь, если бы был здоровый кишечник?

- Ну; это сейчас, я действительно не знаю, - ответил Энтони, смеясь.

- Он прекрасно знает, что не будет, - сказал врач почти с суровость. - По крайней мере, я не был бы для этой цели сумасшедшим. Может быть, конечно, как антрополог, скажем, или как учитель, или знахарь, или кто бы то ни было, если бы он стремился понять и помочь близлежащий.

Энтони медленно опустил голову, но ничего не сказал; и во время долгий путь, двое пошли так, бок о бок, в тишине.

Снаружи был свет, и больше чистоты под широким небом, чем в интерьер маленького ранчо. Доктор Миллер выбрал для театра его операция небольшая поляна в лесу, за пределами деревни.

- Вне досягаемости мух, стоит ожидать, - сказал он, но не выглядя быть очень уверенным в том, что он сказал.

Он построил печь двумя своими мозами, и над огнем был котел с кипящей водой. Они получили заем стол из школьный учитель, и несколько скамеек, и еще несколько мисок для дезинфицирующего средства, и один хлопковая простыня для покрытия кровати.

Доктор Миллер дал ему дозу нембутала, и в то время вовремя, Марк был доставлен без сознания на поляну посреди сосна. Все мальчики в деревне сопровождали падиолу, а затем, они образовали колеса, молчаливые и внимательные, в то время как пациент был поднят и убрали в постель. С ее длинными штанами, ее шляпами, широкие поля и их коттеджи сложены и брошены на плечи, они не они выглядели как дети, но абсурдные и нелепые пародии на больших людей.

Энтони, который держал гангренозную ногу, поднял бюст и, бросив взгляд вокруг, он увидел этот круг угрюмых лиц и вспышку. от всех этих печальных черных глаз. Перед таким зрелищем, опасение, что

все больше и больше доминировало над ним, внезапно превратилось в холеру. несоразмерно.

- Убирайтесь отсюда! - крикнул он, продвигаясь к ним и размахивая руками в воздухе. - Убирайся отсюда, ублюдок, убирайся!

Мальчики уходили, но медленно, неохотно, с явное намерение вернуться, так быстро он отвернется.

Энтони сделал быстрое движение и схватил мальчика за тире.

- Ты негодяй!

Жестоко встряхнул ребенка, а затем, подавленный непреодолимым импульс наказать его, причинить ему боль, дал ему траву с такой силой, что Шляпник мальчика пролетел сквозь деревья.

Не издавая ни крика, петиз выбежал за товарищами по команде. Энтони также сделал жест угрозы в их сторону, а затем дал назад, вернулся в центр поляны. Но едва ли он дал несколько шаги, когда с меткой меткостью, камень достиг его в полном, хорошо в середине спины. Он повернулся в порыве и, полный гнева, взорвался. в катадупе непристойностей, которые я никогда не произносил с давних времен. школьный.

Доктор Миллер, который мыл руки за столом,поднял глаза. — Что там? спросить.

- Это эти бесы, которые бросают камни.

- Потому что это хорошо сделано, - сказал врач, не сочувствуя. - Оставь их там и приходите выполнять свой долг.

Странно канцелярский и военный тон, с которым были сказаны такие слова он с удивлением и дискомфортом понял, что ведет себя как сумасшедший. Хуже сумасшедшего. Но с пониманием этого постыдного и унизительное безумие, вскоре пришел импульс оправдать его. Это было тоном возмущение и тоска, о которых он говорил. - Вы не согласитесь, что они остаются здесь, подглядывая; или это будет?

- Как я могу остановить их шпионаж, если они хотят? — Спросить доктор, вытирая руки во время разговора. - А теперь, Энтони Бивис,

- собрался, суровый,-восполняй свою роль. Наша работа уже, из si, довольно серьезный и сложный и не требует, чтобы вы усложнили его своим истеризм.

Молчаливый и из-за стыда, который он испытывал, раздраженный Миллером, Энтони вымыл руки и надел чистую рубашку, которая должна была служить фартуком.

- А теперь приступайте к работе, - сказал врач и сделал несколько шагов вперед.

- Мы должны начать с того, что вытащим всю кровь из ноги.

“Ноги”, а не” ноги”, думал Энтони, стоя рядом с доктор и глядя на человека, который спал в постели. Что-нибудь из

безличный, который никому не принадлежал. Ножной. Но лицо от Марка, это спящее лицо, такое невероятно спокойное, такое гладкое, несмотря на худобу, как будто эта неподвижность смерти расширилась новая кожа над подтянутыми и сокращенными мышцами - это лицо это никогда не могло быть просто “лицом”. Это было “его лицо”, его, несмотря на всякое несходство с презрительной и многострадальной маской через что в обычные моменты Марк смотрел на мир. Может быть, даже больше по-настоящему его, именно из-за этого несходства. Вспомнил внезапно из того, что сказал ему Марк, у Средиземного моря было только четыре месяца, когда, проснувшись, я дал с этими глазами, теперь закрытыми., но затем широко открыты, взволнованы тем насмешливым выражением, с которым он сардонически осматривал его через противомоскитную сетку. Что на самом деле мы будем, возможно, тем, кем мы кажемся, когда спим. Невинность и мир-вот суть духа, все остальное - не что иное, как просто несчастный случай.

- Держи его за ногу, - приказал доктор Миллер, - и подвесь ногу, приближая ее как можно ближе к вертикальному положению.

Энтони подчинился. Поднятая таким образом, таким гротескным образом, нога ужасно раздутый и отбеленный казался более чем когда-либо безличным, простой объект. Энтони чувствовал, что его ноздри пропитаны неприятным запахом гангренозная плоть. Из-за них, из середины деревьев, голос сказал что-нибудь непонятное; и последовал приглушенный смех.

- А теперь оставь ногу с Мозо и помоги мне здесь. - Энтони повиновался и снова пахло смолой леса. - Держи эту бутылку для меня.

Раздался бормотание удивления, в котором было слышно слово ” Амарилло!”, когда врач покрасил бедро qüercitrin. Энтони вернулся, чтобы посмотреть на лицо друга и заметило, что оно осталось неизменным в его безмятежности. По сути, тихо и чисто. Нога, в черноте его мертвой плоти; пила, в чаше с перманганатным раствором; ножи и щипцы; очарованные дети, выходящие из кустов, их маленькие головы — все это, в некотором смысле, лишило существенного Марка.

- Теперь хлороформ, - сказал доктор Миллер. - И тампон хлопок. Я покажу вам, как вы должны его использовать. Затем он должен сделать это одинокий.

Он открыл бутылку, и запах сосен на Солнце был вытеснен другой, сладкий и в то же время едкий и тошнотворный.

— Посмотреть. Видите, на что это похоже? - спросил доктор. - И так. Пойти всегда так делаю. Когда тебе придется остановиться, я скажу тебе. Я должен применить жгут.

На деревьях не было птиц, и они почти не замечали себя.

насекомое. В лесу царила неподвижность смерти. Эта поляна ensoalheirada был островом сочлененного звука и движения в океане тишины. И в центре этого острова лежала еще одна тишина, более интенсивная, более полный, чем тишина леса.

Турникет был приложен. Доктор Миллер приказал Мозо уйти спускаясь по гротескно поднятой ноге. Вытащил табурет рядом с кровать, сел, потом снова встал и, пока мыл руки по в последний раз он объяснил Энтони, что ему придется оперировать сидя. Кровать была слишком низко, чтобы он мог оставаться лопатой. Снова сижу, окунул руку в чашу с перманганатом, чтобы взять скальпель.

При виде этих широких полосок кожи, вывернутых наизнанку, как кожура огромного банана, но тем временем сорванная с плода красный и кровавый, Энтони не мог устоять перед ужасным чувством тошнота. Его рот наполнился слюной, которую он был вынужден проглотить неоднократно. Невольно, глоток рвоты преследовал ее в горло.

- Стой прямо сейчас, — сказал доктор, не поднимая глаз. С щипцы закрывали конец протекающей артерии.

- Подумайте об этом с научной точки зрения. - Нанес еще один обширный удар по живая плоть. - А если надо рвать, то все продолжалось, внезапная резкость краснеет, - по Боже мой, сделай это сейчас и вернись скорее! - Потом в другом тоне-в тоне от учителя, который демонстрирует интересный момент своим ученикам — он сказал: “Мы должны серьезно перерезать себе нервы”. Есть стягивание дрожит, когда ткани собираются вместе. Как бы то ни было, - собрался!и, вероятно, придется перенести

новую ампутацию позже. Это не должно быть красивой вещью, пень ноги, с которой он будет стоять.

Спокойный и мирный, невинный от всех желаний, от всех злодеяний, от все амбиции - это лицо было от кого-то, кто освободился, от кого-то для тех, у кого больше не было ни решеток, ни цепей, ни гробниц под надгробием, и на кого все обманщики больше не действовали. Лицо тот, кто освободился… Но факт, размышлял Энтони, заключался в том, что его свобода была навязана ему этим вонючим газом. Было бы возможно чтобы кто-то освободил себя? Без сомнения, не было недостатка в ловушках и ловушки; но был также способ выбраться из них. Аресты были; но их можно было открыть. И если бы камеры мучений никогда не могли быть упраздненные, но, возможно, могли бы сделать так, чтобы просьбы казались без важность. Столь же неважный, как и сейчас, для Марка, этот шум пилы, это отвратительное трение и скрежет стальных зубов, кусающих кость, стальное лезвие продвигается и отступает в более глубокую борозду. Марк лежал там безмятежно, почти улыбаясь.

Глава XXXVIII-7 февраля 1934 г.

Доктор Миллер встал перед открытой дверью, оставил животное доставленным за Мозо и вошел в хижину. Упираясь локтями в кровать и поднимая бюст, Марк повернулся, чтобы увидеть, как он входит-маленькая, прямостоячая фигура с грязный, распутный пол, выражение сочувственного любопытства в голубых, живых глазах и потенциал смеха в спайках губ.

- Как все твои болячки сегодня днем? - спросил Марк, с сардонической, свирепой улыбкой, которая сжала его бледное лицо и все еще тощий.

С табуретки, на которой он сидел рядом с кроватью, Энтони бросил-один взгляд на него, и он пришел к воспоминанию о безмятежности этого лица три неделями ранее под утренним солнцем, омывающим сосны. Безмятежно и умиротворенно. Но теперь, когда жизнь вернулась к нему, теперь, когда он выздоравливал и из опасности, мир ушел, оставив его снова таким образом, отравленный враг со всего мира. Уже раньше, когда еще нет у него были силы говорить, именно во взгляде проявлялась его ненависть. Ненависть к все, кто к нему подходил, но особенно к другу Миллеру.

- Я терпеть не могу этот чудно сияющий воздух, - вот что он я сказал Энтони позже. - Никто не имеет права ходить с лицо объявление лекарства от запора.

Но это была другая настоящая причина неприязни Марка. Ненавидел хорошо От Миллера за то, что я зависим от него из-за эффективности и от неутомимого рвения, с которым человек заботился о нем. Бедный Марк! Сколько он страдал от того, что ему пришлось принять услугу и, тем более, сто быть обязанным за его собственная физическая слабость, просить об одолжении! С какой кислинкой получил собственная привязанность, если такая привязанность исходила от кого-то, кому она была невозможна чувствовать себя лучше! Его недоброжелательность к врачу проявилась с тех пор в тот момент, когда он вернулся в состояние сознания и увеличил все дни, когда старик с целью заботиться о нем, откладывал его вылет.

- Но почему бы не продолжить путешествие? - однажды спросил; и когда врач ответил, что не торопится и намеревается, когда он уже если бы он был полностью восстановлен, сопровождать его на побережье, иначе даже, поскольку он тоже уезжал в Англию, он пошел с большим ярость, что Марк протестовал, что его нога уже практически зажила, и что не будет никаких проблем с возвращением в Пуэрто - Сан-Фелипе, который он даже, вероятно, будет парить в Лос-Анджелесе.

Но доктор остался, составив компанию марку, и в перерывах, выезжая верхом по окрестным деревням, леча больных. Для

выздоравливающий был это еще один источник раздражения-хотя Энтони этого не сделал вы могли бы хорошо понять, почему и как это должно вас расстроить. Возможно, он был возмущен тем, что он не был благодетелем индейцев. Это было потому, что это было, это был факт. И он никогда не устал колоть хорошее из Миллер с этими “больными”, как он сказал.

В один прекрасный день, через две недели после операции, им пришло известие о это позорно провалило попытку восстания Дона Хорхе. Был удивлен недостаточной охраной, захватил сто жизней, судили без суда и следствия и расстреляли вместе со своим лейтенантом. А в новостях сообщалось, что двое мужчин грабили, когда их сопровождали по солдатам шли на кладбище, где уже были их севки были открыты.

- И умер, - таков был комментарий Марка, - судя по тому, что у меня было он испугался в последний момент и бросил его.

Это была мысль, как новая рана, которая открылась ему.

- Если бы я не пережил эту чертову катастрофу… — повторять. - Если я он присутствовал, чтобы дать ему совет… Это его безумное мужество, это безрассудство. Именно поэтому он попросил меня прийти. Не он был уверен в своем собственном суждении. И я здесь, погрязший в этом свинарнике. вонючий, пока бедный дьявол шел на кладбище… — Грабя, всасывая холодный утренний воздух. “Huele al cimintero, Don Хайме”. Он также сделал бы свою добычу. И вместо этого… уже не повезло, не было никаких сомнений; типичный факт провидческого идиотизма; но провидение его там не было для целей его диатрибов. Присутствующие были только Энтони и доктор. Его поведение по отношению к ним после известия о смерти от Дона Хорхе он день ото дня усиливался от кислинки и обиды. Это было похоже на если бы он считал их ответственными за то, что произошло. Оба; и, особенно врач.

- Как твоя восхитительная работа у постели больного? - Марк это продолжалось в том же уничижительном тоне, в котором он просил меха больные.

- Похоже, все идет плохо, - с хорошим настроением ответил доктор Миллер,

снимая шляпу и садясь-с одной стороны, оказывается, что у них нет

кровати, чтобы я был у них изголовьем; просто простыня, раскинутая на полу. С другой стороны, они не говорят по-испански, и я не могу говорить по-испански. их язык. И как поживает ваш человек? — спросить.

- Мой человек, - ответил Марк, возвращая врачу свою выражение, выраженное выраженным пренебрежительным тоном укачивания, как если бы оно было что-то вроде словесной нечистоты, - хорошо, спасибо.

- Но чем — то напоминающим епископа Беркли, - вмешался он.

Энтони. - Чувствую боль в колене, которой у него нет.

Марк посмотрел на него с холодным выражением неприязни; после, отводя глаза и фиксируя их в ярком пейзаже: днем, видимым через открытую дверь избы: - это не боли, - холодно сказал он, если ну, это было похоже на боль, которую я описал Энтони полчаса назад. - Просто ощущение, что колено все еще там.

- Ах, от этого, я думаю, ничего не поделаешь, - отметил врач трясет головой.

- Я даже не предполагал, что можно, - огрызнулся Марк, словно он с достоинством защищался от нападения на его честь.

Доктор Миллер нарушил надоедливую тишину, отметив, что было много случаи свинки в верхних долинах.

— Он не лишен своего обаяния, - сказал Марк, поглаживая опухоль воображаемый в горле. - Как я скучаю по тем кретинам, которые люди видели это в Швейцарии, когда я был ребенком! К сожалению, похоже которые покончили с ними за счет йода. Чертова гигиена испортила мир в последнее время. - Покачал головой и набросал свою улыбку анатомический. - Что они делают наверху, в высоких долинах? — спросить.

- Сажают кукурузу, - сказал доктор. - И они убивают друг друга, нас интервал. Существует целая сеть vendettas, расширенная над этими гора. И все принимают участие. Я разговаривал с майорами в регионе, пытаясь убедить их, что они должны ликвидировать все счета начать новую жизнь.

Они умрут от скуки.

- Ничего! Чтобы избежать этого, я учу их футболу. Там будет матчи между деревнями. — Улыбаться. - У меня большой опыт вендетты, - добавил он. - По всему миру. Все действительно ненавидеть. Они даже очень благодарны за футбол, когда привыкают к нему.

- Боже!

- Боже! почему?

- Такие игры! Разве мы не сможем освободиться от них?

- Но если они составляют самый большой вклад англичан цивилизации, - сказал врач. - Гораздо важнее, чем

парламентаризм, или паровой двигатель, или принципы Ньютона. Более даже больше, чем английская поэзия. Поэзия никогда не сможет заменить война и убийство. В то время как игры могут. Являются полным и подлинная замена.

- Заменители! - воскликнул Марк как эхо и полный презрения. — Вы все соглашаетесь на замену. Энтони находит его в кровать или в читальном зале Британского музея. Здесь доктор находит

его на футбольном поле. Боже мой! Почему они так боятся статьи подлинный?

Прошло несколько мгновений, и никто из них не решил говорить. Доктор Миллер посмотрел на Энтони и, видя, что он не предложил отвечая, он повернулся к другому: - это не вопрос страха, Марк Стейтс, - сказал он очень Крото. - Речь идет о выборе правильного, справедливо, а не то, что неправильно и несправедливо…

— Я очень подозрительно отношусь к этим хорошим выборам, которые почти всегда требуют меньше мужества, чем плохих.

- Вы измеряете доброту по опасности?

Марк пожал плечами. - Что такое доброта? Трудно понять, в много случаев. Но, по крайней мере, можно быть уверенным, что это всегда хорошо смело бросайте опасность.

- И это, возможно, оправдывает то, что мы сознательно создаем ситуации опасны-за счет других? - Доктор Миллер покачал головой. — Не это верно, Марк Стейтс. Если мы хотим воспользоваться мужеством, почему не поставить ее на службу благому делу?

- Как, например, это, чтобы научить черных и диких играть футбол, - издевался Марк.

— Что часто бывает не так просто, как кажется.

- Они не могут понять правила “офсайда”, я полагаю.

- Они не хотят изучать никаких правил, кроме правила убийства которые приезжают из соседней деревни. А потом, когда мы между двумя”одиннадцатью” вооруженные до зубов, и с безумной

жаждой трахаться, взаимно… - Он сделал паузу; его широкий рот сжался в улыбке; почти невидимые иероглифы вокруг глаз стали более заметными, когда веки сжимались, пока не превратились в выразительные символы внутреннего удовольствия. - И что я вам говорю: дело не в этом легко, как кажется. Вы когда-нибудь оказывались перед толпой сердито, желая убить его?

Марк сделал утвердительный жест, в то же время его лицо взяло верх несколько злобное выражение удовлетворения —несколько раз, -. ответить. - Когда я организовывал кофе finca, немного далеко отсюда, к побережью, в Чьяпасе.

И вы столкнулись с ними без оружия?

- Без оружия, - повторил Марк, и, как объяснил, собрал: — В то время политики все еще говорили о революции. Земля для народ — и так далее. В одно прекрасное утро жители деревни пришли взять свойство.

— Что в соответствии с вашими принципами, - сказал Энтони, - вы

должен был одобрить.

- И я, конечно, воспользовался этим. Но в таких обстоятельствах я едва мог признать-Ло.

- Почему бы и нет?

- Почему? Но ясно, что нет, не так ли? Да, если они они шли против меня! Я должен сказать им, что я сочувствую с вашей политикой и передать им потом имущество? Не; действительно, это было бы слишком просто!

- Что вы тогда сделали?

— В первый раз их было около сотни, - объяснял Марк. — Все украшены дробовиками и картушами, как рождественские елки, и все вооружены мачете. Но уважительно, говоря тихо. У них не было никаких особых вопросов со мной, и революционная идея была для них странно; у них не было большой уверенности в себе. Это не значит, что они часто вызывают много шума, - добавил он. - Я видел, как они убивали в тишина: как рыбы. И аквариум, эта земля.

- Похоже на аквариум — - поправил доктор Миллер. - Но после того, как вы знаете, как думают эти рыбы…

- Я всегда думал, что важнее знать, как они пьют, - сказал он. Марк. Текила-вот настоящий враг. К счастью, мои были трезвый. Если бы они не были… Кто знает, что случилось бы? — После пауза, продолжил он. - Они стояли на каком-то гумне для засыхание цемента, и я сидел у двери офиса, некоторые ступеньки над ними. Говоря сверху, как будто вы получаете и слушания моих верных подданных. - Он рассмеялся. Цвет повернулся к лицам и он говорил с какой-то дегустацией, как слова оставляли его во рту приятный вкус. - Сто несчастных кофейных пионов, глядя тупо для нас с этими маленькими черепаховыми глазами, круглыми и искры-вот ситуация, в которой не было ничего обнадеживающего. Удаться, однако сохранять на лице и в голосе выражение твердости. И я проверил, что мне было очень полезно представить существ как насекомых нечистый. Тараканы, Москвы. Не более сотни огромных клопов, глядя на меня. Это очень стоило того, как я вам говорю. Однако, сердце прыгало мне в грудь. Бил за тебя-вы это уже почувствовали, да? Е как будто у нас под ребрами живая птичка. Птица с собственным сознанием, птичьим сознанием. Страдать от своих собственные и частные страхи. Странное, но веселое чувство. Я считаю, что я никогда в жизни не был более доволен, чем в тот день. Тот факт, что это против ста. Сто, вооруженные до зубов. Но постельные клопы, только клоп. Тогда как этот “один” был человеком. Это было ощущение

чудесный. - Он помолчал на мгновение, улыбаясь вам.

- Что случилось потом? - спросил Энтони.

— Ничего. Я сказал им лишь небольшую речь о троне. Я сказал им, что финка не была моей, чтобы я мог ее доставить. Что на данный момент я был ответственный за место. И если бы он поймал кого-то, вторгшегося на землю, или предаваясь актам опустошения, я должен был знать, что делать. Твердый, достойный, в отношении истинного монарха, дающего аудиторию. После что, я встал, сказал им, что они могут отступить, и пошел в сторону в дом. Полагаю, я был в пределах видимости около минуты. Целая минута спиной к ним. И вот они, по меньше, сто; никто никогда не мог понять, кто бы выстрелил выстрел. И эта маленькая птичка здесь, под ребрами! - Поднял

руку, встряхнул пальцы в воздухе. - И появилось новое ощущение-ощущение муравьев вверх и вниз по позвоночнику. Ужасы-но только тело; автономные, если я понимаю. В своем духе я был уверен, что они не стреляли, они не могли стрелять. Это было для них морально невозможно., те сто жалких постельных клопов, делать то же самое. Птичка под ребра, муравьи в позвоночнике, вниз и вверх; но внутри череп, это человек; уверенный в себе человек, несмотря на сомнения тела, и уверен, что матч был выигран. Это была длинная, но хорошая минута. Отличный. И были после других минут, как это единственный раз, когда они они осмелились стрелять в меня ночью и изнутри куста. Я был в их досягаемость, но он были вне моего. Вне досягаемости моего совесть и моя воля. Вот почему у них хватило смелости стрелять. Пословица гласит, что когда кошка отсутствует, мыши играют. Также, в отсутствие мужчины клопы играют. К счастью, не было смелость, способная научить индейца правильно стрелять. Со временем, естественно, они случайно попадут в цель, но тем временем, революция вышла из моды. Кстати, она никогда не добивалась больших успехов на побережье тихоокеанский. - Закурил сигарету. Последовало долгое молчание.

- Ну, - наконец сказал доктор Миллер, - это один из способов лечения с враждебной толпой. И, учитывая, что вы здесь, чтобы рассказать нам об этом, нет можно отрицать, что иногда этот процесс вступает в силу. Но это не мое процесс. Как вы знаете, я антрополог.

- Что с этим?

— Там много всего, — ответил доктор Миллер, - антрополог человек, который изучает мужчин. Вы, наоборот, предпочитаете заниматься с клопами. Я бы назвал его энтомологом Марком Стейтсом. — Его улыбка не вызвала ни малейшего признака приветливости в ответ. Марк у него было бесстрастное лицо, когда его глаза встретились с глазами

доктор и снова сбились с пути.

- Энтомолог! - с насмешкой повторил. - Это бессмысленно. В что играет со словами?

- Потому что слова выражают идеи, Марк Стейтс; и идеи они определяют действия. Если вы называете человека постельным

клопом, это означает что вы намерены относиться к нему как к клопу. В то время как, если вы чамай-человек, это значит, что он намеревается относиться к нему как к мужчине. Мой профессия состоит и из изучения мужчин. Что значит, что я всегда должен называть мужчин по именам; всегда думать о них как о мужчинах; да, и всегда относиться к ним как к мужчинам. Потому что, если не относиться к ним как к мужчинам, они не будут вести себя как мужчины. Но я антрополог, повторяю. О то, что я хочу, то, что мне нужно, - это человеческий материал, а не энтомологический.

Марк издал короткий взрывной смех. - Можно хотеть материал

человек, - сказал он,-но это не значит, что его получат. Что

действительно получается… - Снова рассмеялся. - Да, в большинстве случаев, постельный клоп, простой и понятный.

- Вот где вы ошибаетесь, - сказал доктор Миллер. - Если что мы ищем мужчин, мы их находим. И очень приличные, в большинстве из случаев. Идите, например, в середину дикого, недоверчивого народа и с плохим обращением; иди безоружным, с открытыми руками. - Расширил свои большие руки квадратные, в жесте того, кто предлагает. Идите с настойчивым намерением и упрямый, чтобы делать им добро-например, лечить своих больных. Не меня интересно, насколько резкими могут быть их жалобы на мужчин белые; в конце концов, если вы нашли время, чтобы сделать свои намерения, они примут вас как друга, они будут людьми, обращающимися с вами как человеку. Естественно, - добавил он, и символы смеха внутренности вновь оказались вокруг его глаз, - естественно что иногда случается, что они не дают вам необходимое время. Они прибивают его Стрела, еще до того, как ты пошевелился. Но этого не происходит часто-это никогда не случалось со мной, как вы видите — и когда это происходит, всегда есть надежда, что человек, который придет тогда это будет более успешным. Антропологи могут быть убиты; но антропология продолжается; и со временем он не сможет не победить. АО шаг его энтомологический процесс… - Покачал головой. — Узел начало, возможно, даст результат; обычно можно напугать люди и подчинить их террором. То есть, обращаясь с ними так, как будто будь то постельные клопы, вы можете, как правило, заставить их вести себя как постельные клопы-катайтесь на Рохо и бегите прятаться. Но как только они один шанс, они повернутся против вас. Антрополог может быть убит при установлении первых контактов. Но, пройдя этот этап, он свободен от

опасность; это человек среди других людей. Энтомолог может начать безопасно; но это охотник на клопов, который живет среди клопов, те, кто — что еще-чувствуют себя обиженными, когда с ними обращаются как с таковыми, они знают, что это не так. Его плохая четверть часа наступает позже. Это старая история: с штыками мы можем делать все, кроме как сидеть на них.

— Мы не должны сидеть на них, - сказал Марк это задницы чужие, которые торчат, а не наши. Если бы мы держали штыки, с большим интеллектом, я не понимаю, почему мы не должны продолжать доминирование бесконечно. Все трудности действительно, и конечно, в котором нет необходимого интеллекта. Большинство охотники на постельных клопов не отличаются от самих постельных клопов.

- Точно, - согласился доктор Миллер. - И единственное лекарство, которое охотнику остается выбросить штыки и обращаться с клопами так, как будто были людьми.

- Но это интеллект, о котором мы говорим, - сказал Марк тон презрительная терпимость подразумевала, что он делал все возможное, чтобы не злиться на старого идиота за его неспособность рассуждать. — Быть сентиментальность не имеет ничего общего с умом.

- Напротив, - настаивал доктор, - вам есть на что посмотреть. Никто не может быть умным по отношению к людям, не будучи первым, сентиментальный с ними. Сентиментальный, в хорошем смысле, уже видно. В смысле интересоваться ими. Это первое необходимое условие для понимания-Лос. Если мы не заинтересованы в них, мы не сможем понять-Лос. Вся наша проницательность будет просто еще одной формой глупости.

— И, если мы заинтересуемся ими, - ответил Марк, - оставим нас-мы возьмем на себя нашу жалость, и мы станем неспособными видеть их такими, какие они есть. они есть. Помните гротескные, унизительные вещи, которые происходят, когда мы увлекаемся чувством, чрезмерной привязанностью. Юноша которые влюбляются и имеют в качестве моделей красоты и интеллекта девочек ужасные и глупые. Экстремальные мамы, которые упрямо находят свои грязная молочница, все самое очаровательное, благородное, подшучивающее., глубокий.

- И, скорее всего, они правы, - сказал доктор Миллер, - безразличие и ненависть в том, что они слепы, а не любовь.

- Не Амур! - повторил Марк, шутник. - Если бы мы пели гимн сейчас, а?

— С большим удовольствием, - ответил доктор Миллер, улыбаясь. — Гимн христианин, или буддийский гимн, или конфуцианский — любой, кого вы хотите. Я антрополог; и в конце концов, что такое антропология? Больше ничего чем научная религия.

Последовало долгое молчание, нарушенное, в конце концов, Энтони. - почему это что относится только к черным и диким? Если бы мы начали с дома, как благотворительность?

- Вы правы, — сказал доктор, - надо было начинать с дома. Если на самом деле все началось за границей, это была просто случайность исторический. Это началось за границей, потому что мы были империалистами, и мы вошли, это в контакте с людьми, чьи привычки отличались от наших. Е, поэтому они казались более странными, чем наши. Несчастный случай, повторяю. Но, в некоторых отношениях довольно счастливая случайность. Да, благодаря ему, мы узнали часть фактов и ценную технику, которая, вероятно, мы бы не научились на нашей земле. По двум причинам. Почему это сложно мы думаем без страсти о себе и почему это еще больше трудно думать о чем-то слишком сложном. Наша Земля-это и то, и другое эти вещи-сложная цивилизация, которая оказывается нашей. As дикие общества - это просто цивилизованные общества в малом масштаб и, так сказать, уже незапечатанный. Мы можем научиться понимать-с некоторой легкостью. И когда мы научились понимать дикари, тогда мы обнаруживаем, что благодаря этому мы научились понимать цивилизованные. И это еще не все. Дикие, обычные, враждебные и недоверчивый. Антрополог должен научиться побеждать эту враждебность и недоверие. И когда вы это узнаете, вы узнаете весь секрет политики.

- Да…?

- Что если мы будем хорошо относиться к другим, они будут относиться к нам хорошо.

- Доктор немного оптимистичен, да?

- Оптимист, нет. С течением времени они всегда следят за нами. хорошо относиться.

— С течением времени, - нетерпеливо сказал Марк, - мы все мы уже мертвы. Но до того, как время истечет?

- Сначала мы должны рискнуть.

- Но европейцы не похожи на своих школьных дикарей воскресный. Риск будет огромным.

— Возможно. Однако всегда меньше, чем риск, который идет плохое отношение к другим и подстрекательство к войне. Кроме того, они ничего больше они чем дикие. Что у них есть, так это то, что с ними плохо обращаются-им нужно немного антропологии, и ничего больше.

- А кто будет преподавать им антропологию?

- Я, среди прочих, - ответил доктор Миллер. - И я надеюсь, что вы также Марк Стейтс.

Марк сморщился на лицо и покачал головой. —

Давайте позволим им прилипать друг к другу, — сказал он. — В любом случае, это что они будут делать, несмотря на то, что мы можем им сказать. Пусть же они мирно ведите свои идиотские войны. Кстати, - указал на раму сетки, которые изолировали ее рану от любого контакта с постельным бельем, - что мне теперь делать? Только свидетель. Лучшее, что у нас есть делать, все мы, значит смотреть, как зрители. Это не будет долго, кстати. Только несколько лет; а потом… - Сделал паузу, опустил глаза и нахмурился. - Как выглядят эти стихи из Рочестера? Ах да, я помнить. - Поднял голову и прочитал:

- Старость и опыт ассоциируются, поэтому,

Чтобы довести его до смерти и дать понять.

После долгих и трудных исследований,

Он пошел по обманчивому пути в жизни.

И дух, знание, гордость, слава, афама,

Все валяется в куче грязи.

Валяется в куче грязи, - повторил он. - Это действительно дивный. Валяется в грязи. И не нужно ждать смерти, чтобы оставаться таким. Мы найдем удобный и красивый уголок, грязь и там, вместе мы валяемся. Сделано? - Повернулся к Энтони. - Валяться вместе на стеркилинии и видя, как доктор испытывает его лучшее антропологическое лечение у постели генерала Геринга. Имеется от хорошего смеха.

— Несмотря ни на что, - сказал Энтони, - я думаю, что я буду делать это делает меня смешным с Миллером.

Глава XXXIX - 23 февраля 1934 г.

Елена вошла в гостиную с сковородой, в которой бекон все еще потрескивал и пузырился от тепла огня.

- Обед! — кричать.

“Komme gleich”, был голос, который исходил из спальни, а оттуда в момент, представился у двери и ККИ в рукавах рубашки, бритвой в кулак и мыльно-красное лицо.

- Я почти закончил, - сказал он, больше не по-немецки и исчез снова,

Елена близко улыбнулась, когда она села. Наслаждаясь этим, как мне нравилось, я испытывал необычайное удовольствие в этой великой и непрекращающейся физическая близость с ним-близость, которую навязала им бедность. Потому что есть так много людей, которые хотят иметь большие дома, отдельные комнаты, все эти частные убежища, которые богатые считают незаменимыми. Не мог, кстати, понять. Обманывая себя, расстраиваясь, Елена пролила чай в чашке, налил себе бекон, а затем начал раздавать письма утренний. Хелена Эмберли. Просто; без “миссис” была откровенность и антиформализм коммунистов. Открыл конверт. Письмо пришло из Ньюкасла. Может ли она или Гизебрехт поговорить с группой молодых товарищей о ситуация в Германии в марте? Нужно было это увидеть. Мистер. Э. Гизебрехт. Из Швейцарии; и, конечно же, это тонкое угловатое письмо было Хольцман.

Ekk я был бы доволен.

- Письмо Хольцмана, - сказала она, когда вновь появился Экки. — Слушать здесь, думая, какие новости он захочет на этот раз.

Экки взял письмо и с тем методическим обсуждением, которое он характеризовал все свои поступки он открыл, а затем положил на стол рядом с тарелкой и отрезал кусок бекона. Засунул бекон в рот, снова поймал письмо и, медленно пережевывая, начал читать. Его лицо приняло внимательное и концентрированное выражение гравитации. Он ничего не умел делать без себя посвятить полностью, телом и душой. Когда он закончил, он вернулся в первая страница и возобновил чтение.

В конце концов, Елена больше не могла сдерживать нетерпение, в котором она находилась, и спросить:

- Что-нибудь интересное? - Среди журналистов в изгнании было Хольцманн самый информированный. У меня всегда было что-то для сообщить. - Что он говорит?

Экки не сразу ответил, но продолжал молча читать .при несколько секунд; затем он сложил письмо и сунул его в карман. - Мах на

Базель, - все-таки ответил он, подняв на нее глаза.

- Мах? - повторила она. - Вы имеете в виду Людвига Маха? В течение за последние несколько месяцев имя этого Маха, самого умелого и храброго из все немецкие товарищи, занимающиеся коммунистической пропагандой и распространение цензурированных новостей, стало для Елены, на некоторое время, знакомый и сказочный, пень имя урны персонаж романтики или мифология. То, что Людвиг Мах был в Базеле, казалось почти таким же вряд ли, как быть там Одиссей или один, или алый Пимпернель.

Людвиг Мах из Штутгарта? - он недоверчиво настаивал.

Ekk я ответил, что да, с жестом. - Мне нужно его увидеть. Завтра.

Выраженные в этом неторопливом, решительном и удручающем тоне, слова производили странное впечатление абсолютной бесповоротности. До даже самые незначительные высказывания

звучали всегда, когда выраженные по-английски, как будто он превратил их в клятву.

- Мне пора, - повторил он.

Произнесенные осторожно, сознательно, все слоги имели такое же значение. Два могильных спондея и первая половина третьего. АО тогда как англичанин, каким бы безвозвратным ни было его решение, имел бы произносится фраза с чем-то вроде кудахтанья анапеста. В другом человек, этот способ говорить - такой вдумчивый, такой серьезный, как будто Иегова, который говорил, как она сама, насмехаясь, сравнивал-в другом мужчина показался бы Helenae невыносимо гротескным. Em и kki однако, это было слишком привлекательно. В каком-то смысле справедливо и разумно, что это человек, которого (независимо от того, любила ли она его) она восхищалась и уважала больше, чем кто-либо из тех, кого я когда-либо встречал, это было бы абсурдно до тех пор, пока эмоция.

- Если бы не тот факт, что я мог иногда смеяться над ним — - это было объяснение, которое она находила-может быть, все это испортилось. Это был бы уголь застойное поклонение. Как религия. Как одна из собак Ландсира. Смех как будто он проветривает и перемещает вещь.

Слушая его, созерцая его лицо (время наивности такой абсурдный в своей юношеской и откровенной серьезности и такого героизма решил), Елена чувствовала, как много раз раньше, что она хотела бы разразиться смехом, а затем встать на колени и поцеловать его руки.

- Мне тоже нужно идти, - сказала она вслух, пародируя его способ говорить. Сначала он предположил, что она шутит, а затем, когда он понял, что она серьезна, он тоже стал серьезным и начал возражать против возражений. Усталость-потому что они путешествуют от 3. класс. Расход. Но Елена внезапно стала такой же, как ее мать-любящей женщиной, чья капризы должны были быть удовлетворены.

- Это должно быть так весело, - воскликнула она с энтузиазмом. - А приключение! — и когда он упорствовал в своих негативных причинах, она оказалась злиться. - Но я хочу пойти с тобой, - повторила она, упрямая. - Я хочу.

Хольцманн пошел ждать их на станции. Вместо того, чтобы быть высоким персонажем, прямостоячий, отчетливый, который фантазия Елены предвещала, был, напротив, невысоким, с огромным количеством жира, и между ними глазки индийской свиньи, мягкий и бесформенный нос, как картошка. Потеть рука, когда она встряхнула ее, была так потна, от такого холодного пота, что она он чувствовал, что его собственные испачкались. Украдкой, когда он не был глядя, вытер ее на юбку. Но еще хуже, чем его внешний вид и его потные руки, это было поведение мужчины. Ее присутствие, как скоро она поняла, шокировала его.

- Я не ожидал… - тартамудил его, когда Экки представил ее; и на мгновение казалось, что его лицо меняется от волнения. Затем, овладев собой, он превратился в яркую и сердечную вежливость. При все время, пока они шли по платформе, то, что она слышала, было просто гнадиге фрау, Либер Экки, unbescheiblich froh. Как будто он их нашел на сцене думала Елена. На сцене и, что было хуже, плохо изображая роль, как актер компании третьего порядка. И как это было отвратительно. эта нервозность! Мужчина не должен так смеяться или жестикулировать., даже не гримасничать. “Выходки и обезьянки”, - тихо сказал он. Ходить рядом с ним он чувствовал, как его окружает терновый венец зла. Тот ужасный парень в одно мгновение испортил все удовольствие от путешествия. Прибывать почти сожалею, что пришел.

- Какой отвратительный человек! - ему удалось засекретить Экки, в то время как Хольцманн старался преувеличивать до экстравагантности роль того, кто он рекомендует заряжателю быть осторожным с пишущей машинкой.

- Как вы думаете? - И спросил КККИ, с настоящей суипрезой. - У меня не было представить… - Он оставил предложение незавершенным и покачал головой. Но отсюда и один момент, прерывающий Хольцмана в его неоднократных протестах привязанности и довольствуясь, он задался вопросом, что МАХ думает о ситуации в Германия; и когда Хольцман начал отвечать, он продолжал слушать, погруженный.

Частично злится на него за его бесчувственную тупость, частично восхищаясь им за его способность абстрагироваться от всего, что для него было важно, Елена молча шла рядом с ним.

- Необыкновенные, мужики, - подумала она. - Несмотря ни на что, я так и должно быть.

Вместо этого она согласилась быть отвлеченной физиономией, смехом, жестами; развеял его чувства глазами индийской свиньи и

толстые каши. А между тем миллионы мужчин, женщин, дети страдали от холода и голода, их эксплуатировали, их мертвые на работе, с ними обращались так, как будто они были меньше, чем люди, просто вьючный зверь, простые зубья колес и рычагов; миллионы они были вынуждены жить в хроническом состоянии страха и нищеты и отчаяние, их шпалили и избили, их доведенные до отчаяния ложью и запуганные угрозами и побои, они были осязаемы здесь и там, как скот без сознания. путь от рынка, от безвозвратной бойни. И тем временем она была здесь., ненавидеть Хольцмана, потому что у него были потные руки - вместо того, чтобы уважать его, как он должен был сделать, за то, что он осмелился, за то, что он страдал из-за любви к этим миллионы несчастных. Его руки могли быть потными, но он жил жизнью опасный изгнанник, преследуемый из-за своих принципов, был чемпион справедливости и правды. Ей было стыдно за себя, но в то же время он не мог не думать, что жизнь, когда она была как Экки, она должна быть странно узкой и ограниченной, невообразимо бесцветной. Жизнь в черно-белом, она отражала ее, суровую, ясную и определенную, как гравюра Дюрера. В то время как у нее — у нее был смутный блеск Тернера, От Моне, от дикого Гогена. Но “ты выглядишь как фигура Гоген”, сказал Энтони в то утро о горящей террасе; и здесь, в прохладных сумерках Базельского вокзала она внезапно поморщилась, как будто я чувствую физическую боль.

- О, как это ужасно, — говорил он вам, - ужасно!

- А трудовые станы, - спрашивал внимательный Экки, - кто говорит Мах душевного состояния в трудовых средствах?

Когда они вышли за пределы станции, они сделали это высоко.

- Начнем с того, что заберем наши вещи в гостиницу? — подсказывать Экки.

Но Хольцманн не хотел об этом слышать, - Нет, Нет; ты должен прийти сразу же, - настаивал он с задыхающимся акцентом. - Приходите ко мне. Мах ждет там. Если бы была какая-то задержка, Мах был бы без понять. - Но после того, как Экки согласился, он все равно остался нерешительным и нервный, край тротуара, как пловец боится нырять. _

- Что, черт возьми, у этого человека? - спросила Елена с тобой, нетерпеливо; затем вслух: - почему бы не взять такси? - забывая для мгновение о том, что время такси уже давно ушло. Теперь это был трамвай, это было автобус, который ехал. Но Гоген заставил ее погрузиться в прошлое; казалось естественно думать о такси.

Хольцманн не дал ответа; но внезапно с движениями быстро, суетливо, от того, кто был вынужден обстоятельствами взять

неприятное решение, схватил Экки за руку и, оттянув его от части,.он встал рассказываю ему несколько быстрых вещей, в тайне. Елена смотрела на лицо Экки, слушая, выражал удивление и противоречие. Шевелила губами. Очевидно, он возражал. Другой он повторял с улыбками и с мгновенными просьбами, продолжая обнимать его как будто в надежде получить его, бландиас, согласие.

- Ведь Экки согласился жестом головой и, повернувшись от новый для Елены, он сказал в своей резкой и скучной манере: - Хольцманн он хочет, чтобы вы приходили к нам только в обеденное время. Говорит, что мах не я хотел бы знать, что есть кто-то еще, кроме меня.

- Он думает, что я отдам его нацистам? — спросить Елена возмущена.

- Дело не в тебе, - объяснял Экки. - Он не знает, кто ты быть. Если бы я знал, дело было бы другим. Но он боится. Страх перед всеми которого он не знает. И у тебя есть все основания бояться, - собрался в этом тоне о догматической безотзывности, о том, что обсуждение было закрыть.

Приложив большие усилия, чтобы избавиться от неприятностей и душевной боли, Елена он повернул голову, подчиняясь. - Хорошо, я найду их, когда придет время. завтрак. - Но он не мог не добавить: - хотя я не могу представьте, для чего я вообще пришел сюда.

“Моя дорогая Мисс Эмберли chère condeeur, gnadige Frau, товарищ…” Хольцман превосходил буржуазные и коммунистические вежливости во всех языки, которые у меня были. “Es tut mir so leid. Я опустошен. - Но это было его вскоре передавая адрес своего места жительства. Половина двенадцатого. И если она его позвольте мне предложить вам лучший способ провести утро в Базеле…

Она сунула карточку в сумочку и, не дожидаясь ваших предложений, дала он вернулся к двум мужчинам и быстро отступил.

- Хелена! - крикнул Экки, увидев, как она уходит. Однако она не обратила на это внимания. Он больше не звонил ей.

Было холодно, но солнце светило в бледно-голубом небе. Внезапный после того, как проходя за несколькими высокими домами, Елена оказалась на берегу Рейна. Сгорбившись над парапетом, он нацелился на зеленую воду, которая текла тихо., но легкий и дальновидный до конца, как живое существо, как сама жизнь., как сила, которая движет миром, вечно течет, неотразимо; целился в нее, целился в нее, пока не почувствовал, наконец, она тоже, течет вместе с великая река, слитая с ней, часть ее власти. - Трелони умрет? он вдруг начал петь. - Трелони умрет? Двадцать тысяч человек из Corwall причина будет знать, почему он умрет. - И вот,

внезапно ему показалось верным, что они победят, что революция была там, за углом-там, после того первого изгиба реки. Это было там что поток следовал, неотразимый. И в то же время, какой мудак она была в злиться на Экки, какая зверюшка закончила! Но

через мгновение уже раскаяние уступило место восторженному и нежному предвкушению примирения. — Моя любовь, - я бы сказал Тебе, - моя любовь, ты должен простить меня. Признаюсь, я была слишком одиозной и глупой. И он протянет ей руку. вокруг ее талии, а другой рукой она оттолкнула бы ее упавшие волосы назад. над лбом, а потом, наклонившись, целовал ее…

Когда он продолжал идти, Рейн тихо бежал внутри него, и, освободившись от обиды, которую она нанесла Экки, она почувствовала нематериальную легкость, почти как будто я плыву-плыву в атмосфере счастья., слабый и опьяняющий. Еще один раз, миллионы голодающих отступили в области неопределенной абстракции. Как все было хорошо, как все было красиво., как все было именно так, как и должно быть! Даже эти толстые старушки были совершенные; совершенные, даже те готические дома девятнадцатого века. и эта чашка горячий шоколад, взятый в кафе, как это было неописуемо. вкусно! И старый официант такой добрый и отеческий. Отцовский и добрый - что еще было-на удивительном швейцарско-немецком языке, который дал нам желание лопнуть от смеха, как будто все, что он сказал — от его комментарии sabre погода до ваших жалоб против времени трудно — все было огромным, непрерывным грабительством, тем гортанным звукам,, эти ржалки! Как и язык Houyknhnms, она думала, и это стимулировало его, никогда не уставая от зрелища, реветь и насмехаться над еще одним раз.

Из кафе он наконец направился в галерею живописи; и галерея живописи это звучало так же странно, как немецкий официант. Эти Беклины! Все необычные картины, которые раньше можно было увидеть только в открытки или висящие, в красочной репродукции, на стенах пенсии Дрезде. Русалки и тритоны пойманы, можно сказать, камерой темнота; кентавры в удерживаемых и обезжиренных положениях лошадей гонки в газетной фотографии. Покрашенные с добросовестностью и трудолюбием отсутствие таланта, который был положительно трогательным. А тут-невыразимо радость! это был Тотенинсель. Погребальные кипарисы, белые храмы гробницы, фигуры в мантиях таларов, одинокая лодка, плывущая по водам. из бордового моря… У меня была прекрасная жизнь. Елена громко рассмеялась. Несмотря все, она была еще, и хорошо, дочь своей матери.

В комнате первобытных она, когда уже уходила, на мгновение встала на ноги. из картины мученичества Сто. Эразма. Палач, одетый в манеру пятнадцатый век, с розовыми шортами-конечно,

сделал girai-методично кабель

кривошип-как Мистер Манталини в каландре-скручивание кишечника от святого, от двора к двору, и заставляя его выйти через открытую рану в утробе худой, пока жертва лежала на спине, как на диване, садясь совершенно непринужденно и с пристальными глазами в небе, с выражением спокойное невозмутимость. Насмешка здесь была менее тонкой, чем в Тотенинселе, более откровенно калека; но не совсем, менее превосходен в своем простота. Она все еще улыбалась, когда выходила на улицу.

Оказалось, что Хольцманн жил в нескольких ярдах только от галереи, в красивом маленьком домике начала XIX века (слишком хорош для мужчины с потными руками!), утопленный и отделенный от улицы небольшой площадью гравий. У двери стояла большая машина. Хольцманна? вы спрашивали о себе. Должно быть, он богат, свинья! Она заняла так мало времени. от галереи до Там было еще не совсем двенадцать с четвертью, когда она поднялась лестница. - Неважно, - сказал он вам. - Им придется мириться со мной. Я отказываюсь ждать еще секунду. Воспоминание о том, что, следовательно, момент, я бы поверил Экки, заставил ее сердце биться быстро - как глупо, что я! Какая глупость! - Но как замечательно было быть глупой! Звонил в дверь. Открыл его сам Хольцманн. Она была удивлена видеть, что он одет в плащ, как будто собирается выйти на улицу. Выражение, с которым салудара на станции снова показалась ему в лицо, когда он снова увидел ее.

- Он пришел так рано, - сказал он, пытаясь улыбнуться; но состояние нервы и смущение, в котором они находились, были почти смешаны с террор.

- Мы ждали ее только в половине двенадцатого.

Елена засмеялась. - Я тоже. Но я пришел быстрее, чем думал.

Сделал ход, чтобы переступить порог; но Хольцманн остановил его рукоятка. - Мы еще не готовы, - сказал он. Смущение сделало это краснеть и потеть. - Если бы вы хотели вернуться через четверть часа,

- почти умолял. - Всего четверть часа.

“Nur ein viertel Stündechen”. Елена рассмеялась, думая о тех вышитые подушки, где Geheimrats спали в сиесте. — Но почему разве я не подожду здесь? Взял его вперед и проник в маленький темный “зал”, пахнущий кухней и плесенью. - Где Экки?

- спросил, застрявший, внезапно, от желания увидеть его, увидеть его в этом даже мгновенно, без секунды ожидания, чтобы сказать ему, что но, несмотря на свою иррациональность, как она любила его, как обожала его, и как она чувствовала себя счастливой и жаждущей разделить с ним ваше счастье! — На другом конце вестибюля была дверь приоткрытый. Называя его по имени, Елена бросилась туда-

- Стой! - крикнул Хольцманн сзади. Однако она уже перенесла

порог.

Комната, в которой он сейчас находился, была спальней. В узком железная кровать лежал Экки, полностью одетый, голова повернута в сторону и открыть рот. Он храпел медленно и долго. Спал, но как никогда она не видела его спать.

- И ККИ! - еще успел воскликнуть, когда захлопнулась дверь., другой голос присоединился к голосу Хольцмана, и весь вестибюль был заполнен шум и тряска. - Хорошо…

И тут вдруг, и сзади, коготь захлопнулся над ним. плечо. Повернулся, увидел лицо неизвестного человека, далекого от своего только несколько дюймов, слышал, идя сзади, не знал, откуда, приказ Хольцмана: “Шнелл, Вилли, Шнелл! и неизвестный сказать, почти шепотом среди стиснутых зубов: “Schmutziges Frauenzimmer”; после, когда он открыл рот, чтобы закричать, он получил на подбородке грозный удар, который он заставил его зубы сильно врезаться, и тогда он почувствовал, что все темно в вернись.

Когда он пришел в себя, он лежал на больничной койке. Несколько крестьяне нашли ее лежащей без сознания в маленьком роща, в пяти или шести милях от города. Скорая помощь вернула его в Базель. Только на следующее утро последствия удара прекратились и она вспомнила, что произошло. Но к тому времени их было уже двадцать часы, когда ККИ оказался на другой стороне границы, в Германии.

Глава XL-4 апреля 1934 г.

Из дневника А. Б.

Пять слов суммируют все биографии: видео Мелиора пробок, sequor ухудшается. Как и все другие люди, я знаю, что должен делать, но я продолжаю делать то, что знаю, что не должен. Сегодня днем, по например, я пошел к бедному Беппо, в плохом состоянии, выздоравливающему из грипп. Что ж, я знаю, что моим долгом было остаться с ним подольше., слушая его высказывания, позволяя ему дать волю своим жалобам на неблагодарность и жестокость юношей, утешая его от ужаса, который они внушают ему близкая старость и одиночество, их страшные подозрения, что уже они начинают находить его фирменным дубинкой, больше не в стиле Пейдж. Болинские они устроили вечеринку и не приглашали его, Хагворн с ноября, что я не собирался забирать на неделю… Я знаю, что должен был слушать и сочувствовал и дал хороший совет и умолял бедного Беппо, что если нет пусть это сбивает с толку холодными или неизбежными. Видно, что советы они не были бы приняты — как обычно; но это то, что, однако никогда нельзя быть уверенным, и поэтому никогда не следует отказываться от них. АО вместо этого я был в курсе своей совести, имея, как и я, будьте осторожны, чтобы купить бедному дьяволу фунт дорогого винограда. Е я сказал ему ложь: я должен был принять участие в комиссии в этом момент действительно, и поэтому я не мог задержаться. Чистая правда и просто было, однако, что я не мог выдержать повторение плач Беппо. Помимо пяти шиллингов фруктов, я все же оправдал свой процедура с хорошими мыслями о мякоти: что в пятьсот лет человек должен больше думать, чем продолжать связывать важность с любовные дела и приглашения на ужин и встречи с хорошими людьми. Это облажался; следовательно (безупречная логика!) я не мог конкурировать со мной, делать то, что я знал, что это мой долг. Я удалился через четверть часа — оставляя бедного человека преданным одиночеству и яростному жалости к себе. Пойти завтра я приеду к вам как минимум на два часа.

“Грешник”. Можно ли использовать этот термин? Не. Он полон нюансы, которые не удовлетворяют и подразумевают много вещей - кровь ягненка, что-то ужасное, падающее в руки живого Бога,

адский огонь, одержимость сексуальные обиды, целомудрие вместо благотворительности. (Обратите внимание, что бедный Беппо, вывернутый наизнанку, он равен Комстоку или Сан-Паулу.) Что-то еще, что также в списке “pecadilhos” фигурирует это отношение ensimesmada de постоянное и эгоистичное созерцание себя, с которым так часто

это обезображивает истинное благочестие. В этом смысле можно увидеть дневник принца, этот ревностный евангелист, который впоследствии основал особняк любви — под божественным руководством, как сказали бы Бухманиты. Ибо его желание, очень время пересчитано, от беспорядочного совокупления, в конце концов, обнажилось до сознания., сублимированный в орден Святого Духа (с которым, в конце концов, он пришел к “примирение плоти с Богом”.“И пошел на примирение-ла-на публике, в светлых тонах, и на софе живущей комнаты.

Поэтому нельзя использовать этот термин и думать о его значениях. впустить. Что, конечно, не означает, что не существует постоянных тенденции к плохому поведению, или что это никому не подходит объективно изучить их и попытаться исправить. Вот замечание, что это заставило меня старого Миллера, когда мы ехали верхом на лошади, чтобы увидеть одного из его больных. индейцы в горах: “на самом деле и по своей природе, йод человек является единство; но мы превратили единство в Троицу. Мужчина умный и два идиота-вот что из себя сделал каждый из нас. Один замечательный манипулятор идей, связанный с человеком, который в вопросах сознание и чувство - не что иное, как кретин; и оба, связанные с слабоумный, безнадежно не осознающий всего, что он делает и чувствует., не имея возможности, не зная, как обслуживать себя или кого-либо другое дело. Два идиота и один интеллектуал. Но человек-это демократия., в котором большинство правит. Поэтому мы должны попытаться исправить это большинство.“Такое отношение-первый шаг. Знание себя — существенная преамбула к трансформации самого себя. (Чистая наука, а затем, прикладная наука.) Мой грешник-безразличие. Я не могу смириться с этим. из-за других. Вернее, не хочу. Потому что я избегаю, со всей осторожностью, все случаи точения меня. Необходимая часть лечения находится в отбросьте все возможные неудобные случаи, идите навстречу им или создайте-шерсть. Безразличие-это форма лени. Ведь мы можем работать много, как я всегда делал, и все же жить погрязшим в лени; быть трудолюбивый в самой службе, но

возмутительно ленивый с отношение ко всему, что не является вашим сервисом. Потому что, безусловно, сервис удовольствие. В то время как не-сервис — личные отношения, в моем случае-это неприятно и тяжело. Становится все более неприятным по мере того, как привычка избегание личных отношений происходит путем пропитки и превращения, с бегом время, вторая натура. Равнодушие - это форма лени; и лень, в свою очередь, является одним из симптомов отсутствия любви, отрешенности. То, что мы любим, что нас интересует, не дает лени. Еще раз, слово подозрительно - все еще маслянистое от обработки поколений Stigginses. Должно быть средство для чистки, вытирания, дезинфекции слов. Любовь, чистота, доброта, дух-маггл в грязном белье ждет прачку.

Как же, - не скажу я любить, ибо это платок, - но, чувствовать к людям постоянный и ласковый интерес? Как установить между нами и ними антропологическое сближение, как сказал бы старый Миллер? Трудно ответить.

5 апреля.

Я работал все утро. Было бы глупо не заниматься формированием моего материал. Новая форма, без сомнения. Моя первоначальная концепция была одной из vasto bouvard et Pécuchet построен с историческими фактами. Вопиющий из бесполезность явно объективная, научная, но составная, согласно idealiza, с целью оправдания собственного образа жизни. Если мужчины всегда они вели себя как обезьяны или обезьяны, если не могли бы поступить иначе, было бы оправдано, если бы я поселился удобно и в бинокль в кулак в креслах домов зрелище. В то время как, если бы было что-то сделать, если бы поведение могло быть измененным… Между тем, будет здравым описание проведения, а также изложение средств его изменения. Хотя и меньше чем оправдывать полное воздержание всеми другими способами активности.

Днем я пошел в дом Миллера, где нашел приходского священника, который берет христианство всерьез и основало общество пацифистов. Его зовут Закупки. Среднего возраста. Относительно сильный и веселый христианин. (Как стоит признать, что один! человек может использовать клише и в то же время быть умный!) Порядочный человек, однако. Даже более чем прилично. Человек, который навязывает себя.

Цель: использование и распространение общества закупок. Блок: один небольшая группа, такая как агапе ранних христиан или коммунистическая ячейка. (Обратите внимание, что все победные движения были организованы в восьмерки регат или футбольные одиннадцать.) Встречи групп закупок им предшествуют христианские богослужения. Эмпирически установлено, что преданная атмосфера повышает эффективность, усиливает дух сотрудничество и самоотверженность. Но христианская преданность будет много причин, неприемлемо. Миллер считает, что прагматик не может-Богословская медитация. Что он, конечно, хотел бы совместить с обучение воле, обучение самообслуживанию, по образцу Ф. М. Александр, начиная с физического контроля и достигая, таким образом (поскольку дух и тело составляют урну единства), контроль над импульсами и чувств. Это, однако, непрактично. Не хватает необходимых учитель. “Мы должны довольствоваться тем, что можно сделать в домене психический. Телосложение, конечно, унизит нас. Мясо очень слабое

сложнее, чем мы предполагаем.”

Я согласился побороться за деньги, подготовить литературу и поговорить массам. Последнее-самая трудная часть, которую нужно выполнить, потому что я всегда я отрицал публичные выступления. После того, как Закупс ушел, я спросил Миллера надо брать уроки искусства публичных выступлений.

Ответ: “Если мой друг берет уроки перед хорошей координацией физика, вы просто узнаете еще один способ помочь себе собственный неправильно. Лечите себя, приобретайте координацию, служите себе вам удобно, и вы сможете говорить, как и где вы хотите. As трудности исчезнут, от живописной застенчивости до артикуляции слова.”

Миллер дал мне следующий урок по использованию личности. Как сидеть на стуле, как оставить его, как откинуться назад и остановиться. передняя часть. Это предупредило меня, что это может показаться немного не нарочно, в начало. Но интерес и понимание будут расти вместе с достигнутый прогресс. И что я найду там решение проблемы с видео meliora proboque, ухудшает sequor: техника, которая заставляет нас переводить в акты добрые намерения, чтобы убедиться, что мы делаем то, что, как мы знаем, наш долг.

Ночью я был с Беппо. Услышав, как он каталогизирует свои страдания, я предположил, что лекарства не существует, а только профилактика. Избегать причины. Он отреагировал страстно и гневно: что я забираю всю цель из жизнь, обрекая его на самоубийство. В ответ я заметил, что в жизни было больше одной цели. Он сказал, что лучше умереть, чем отказаться от своей цели. После уже в другом расположении духа он просил Бога дать ему силы отречься-Ло. Но для чего? в обмен на что? Затем я предложил пацифизм. Что уже было пацифист, который всегда был. Да, я знал это; но пассивный пацифист, отрицательный. Было еще что-то, называемое активным и позитивным пацифизмом-слушал, внимательный. Сказал, что подумает. И он думал, что это, возможно, решение.

Глава XLI - 8 апреля 1934 г.

Из дневника А. Бивиса.

условный рефлекс. Сколько удовлетворения доставил мне старик Павлов, когда я впервые прочитал это. Окончательное уничтожение всех человеческие прерогативы. Собирательство собак и сук, всех нас. Лай-Бау-ау-ау, нюхая уличный фонарь, поднимая ногу, грызть кость. Прощай глупости о свободной воле, доброте, истине и все остальное. У каждой эпохи есть свои революционеры в психологии. La Mettrie, Юм, Кондильяк и, наконец, Маркиз де Сад, последний и самый полный всех разрушителей восемнадцатого века. Может быть, настоящий революционный, окончательный и абсолютный. Но лишь немногие из них имеют смелость довести революционные рассуждения до выводов сада. Однако наука не скрестила руки. Снос эксплуатировался в веке из огней, за исключением сада, не удалось. Девятнадцатый век должен был начать подрывную работу заново. Маркс и дарвинисты. Которые продолжаются с нами-Маркс прежде всего, обсессивно. Между тем, двадцатый век уже он дал нам еще одну часть подрывников-Фрейда, и когда это началось снижаться, Павлов и бихевиористы. Условный рефлекс: - казалось, я хорошо помню, заглушить, задушить все. В то время как в действительности и без без сомнения, он только подтвердил доктрину свободной воли. Потому что, если рефлексы могут быть обусловлены, то очевидно, что они также могут быть восстановленным. Научиться кому-то исправлять себя в удобном

использовании “я” - что это, как не восстановление собственных рефлексов?

Я обедал с отцом. Веселее, чем я видел в этих последних иногда, хотя старый и-странная вещь-кажется, что ему приятно быть старый. Очень важно с трудом встать со стула, медленно поднимаясь по лестнице. Один из способов, я полагаю, развивать чувство собственной важности. Возможно, также средство навязывания сочувствие, каждый раз, когда вам это нужно. И чтобы матери могли полные рвения, что дети плачут. И это продолжается с тех пор, как колыбель до могилы. Миллер говорит, что старость в значительной степени плохая привычка. Польза подготовляет функцию. Если мы идем, как будто мы жертвы ревматизма, мышечные усилия, к которым мы будем стремиться, будут таким образом, мы, в конце концов, превратимся в настоящих жертв ревматизм. Так же, если мы начнем вести себя как старик, наше тело начнет функционировать, как у старика, и мы в конечном итоге подумаем и чувствую себя как старик. Тощий фарс, тянущий тапочки, не

это действительно реальность, но только роль, которую мы играем в жизнь. Если мы отказываемся играть это и учимся вести себя в этом отказе мы не превратимся в такого фарса. Мне кажется, много правды в этом. Как бы то ни было, мне нравится, что мой отец представляя текущую роль. Одно из больших преимуществ быть старым, так как пусть экономическая ситуация и здоровье не будут плохими, это спокойствие, которое дает нам старость. Уже возле ямы, мы идем приобретая привычку не испытывать сильных эмоций; и поэтому становится, легко смотреть на вещи в Божественной призме. Это было, например, так, что мой отец рассматривал вопрос о мире. Да, мужчины были сумасшедшими,, — признавался; скоро, примерно в 1940 году, будет еще одна война, — думать. (Очень знаменательная дата, потому что он был практически уверен, что тогда я был бы уже мертв!) Гораздо хуже, да, чем последняя война; и это, вероятно, уничтожит западноевропейскую цивилизацию. Но это было, действительно, большое значение? Цивилизация будет продолжаться в других континенты будут восстановлены в опустошенных районах. Совершенно неправильно, а наша хронологическая шкала. Мы должны позиционировать себя как живущие, а не годы тридцать двадцатого века, но в точке между двумя ледниковыми периодами. И выстрелил цитируя Goethe-

alies Vergangliche ist mur ein Gleichniss. Все это, без сомнения, очень верно, но это не вся правда. Вопрос для решения: как примирить веру в то, что мир в значительной степени является иллюзией, с вера в необходимость улучшить эту иллюзию? Как быть одновременно бесстрастный и неравнодушный, безмятежный, как старик, и активный, как молодой?

Глава XLII - 20 мая 1934 г.

Вчера вечером я произнес свою вторую речь. Никаких серьезных нервозностей. Быть легко, как только мы примем решение не беспокоиться о мы подвергаем себя насмешкам. Но это удручает. Вот случай, когда пятьсот человек в зале ничего не имеют бетона. Спикер говорит собирательное имя для абстракции, а не для коллекции лицо. Только те, которые уже частично или полностью убежденные в том, что мы говорим, действительно хотят понять.-нас. остальное от неприступного невежества. В частном разговоре любой из последних будет, конечно, и по крайней мере, кропотливое усилие чтобы понять нас. Тот факт, что есть аудитория, конкурирует еще больше для непонимания, особенно если те, кто не понимает, имеют возможность задать нам вопросы после выступления. Некоторые из причин это очевидно. Сам факт вставания и на него уже смотрят представляет собой удовольствие, удовольствие, которое во многих случаях становится почти болезненный. Мучительные оргазмы подтверждения личности. Удовольствие это увеличивается, когда вопрос враждебен. Враждебность-это заявление о личная независимость. И в то же время ясно показывает, что это тот, кто задает вопросы, не думает о помосте. или на трибуне. Если, конечно, это не преднамеренная обработка часть некоторых людей, которые не хотят, чтобы он поднимался. Прерывания и вопросы, в общем и без сомнения, полностью вне цель. Интерпелляторы живут (как и все мы) замкнутыми внутри их частных миров, не прилагая никаких усилий к проникать в чужие миры. Большинство обсуждений в общественных местах это как игра в ерунду, в которой говорят на разных языках и в которой переводчиков нет.

Марк, который присутствовал на встрече, позже пришел в мои апартаменты, где он наслаждался тем, что становился более интенсивным в состоянии депрессии, в котором я себя считать.

- Если бы вы поговорили с коровами на пастбище, эффект был бы таким же. — Быть во мне сильное искушение согласиться с ним. Все мои старики привычки думать, жить, чувствовать подталкивают меня к соглашению. Мир без интеллект, где нельзя ничего сделать - какое удовлетворение! Люди вы можете уйти и (поскольку больше нечего делать) составить свой договор социология-наука о человеческой глупости. Прошлой ночью, в компания Марка, я удивился, что испытал сильное удовольствие от комментариев глупость моей аудитории и людей в целом. Удивить-я и сдержался. Я решил, что семена были

и если бы только один из них прорастал, встреча была бы достойной ручка. Это стоило бы того, даже если бы никто не прорастал — только в мою пользу, как упражнение, как тренировка, чтобы сделать лучше в следующем случае.

Это правда, что ничего из этого не было сказано мной. Я просто перестал говорить, и, как я полагаю,я изменил свое физиогномическое выражение. Марк, который не ничего не пропусти, начал смеяться. Предсказал случай, когда каждый раз, когда я если бы вы упомянули человека или группу, вы должны были бы противопоставить ему прилагательное “дорогой”. “Дорогие коммунисты”, “дорогие оружейники”, ” дорогой генерал Геринг”.

Я не мог удержаться от смеха, потому что его дикий способ сказать вещи были лучшими и самыми комедийными у него были. Но, будь как если бы у нас было достаточно любви и доброты, не мы могли бы перестать искать способ соответствовать доброте и любви исходящие от почти всех, с кем мы контактировали-кто что бы это ни было, он или она. И в этом случае почти все будут на самом деле “дорогой”. В настоящее время большинство людей кажутся глупыми или одиозный. Виноваты, по крайней мере, те, кто судит их так же, как в них.

24 мая 1934 года.

Я провел этим утром четыре часа, сочиняя свои заметки. Удовольствие необыкновенно! Как легко и удобно предаваться труду безостановочно от науки и торговли идеями! Присоединиться к этой ” жизни высший ” это просто смерть без слез! Мир, безответственность, все прелести смерти, мы имеем их здесь и при жизни. Раньше нам приходилось собираться в

монастырь, чтобы найти их. Эти удовольствия смерти были оплачены послушанием, бедностью, целомудрие. Теперь мы можем иметь их бесплатно и в нечестивом мире. А смерть полностью без слез, смерть с улыбками, смерть с удовольствия от кровати и стола, смерть в близости, без кого-либо, кто нас тиранить. Мудрецы, философы, люди науки, которые по соглашению они должны быть непрактичными. Но какой другой класс мужчин уже преуспел заставить мир принять ее и (что более странно) продолжать принимать ее-это за ценность, которую она сама себе приписывает? Короли уже утратили свое право божественный, плутократы, похоже, тоже потеряют свой. Тем не менее, привилегированные из высшей жизни по-прежнему именуются верхний. Это результат настойчивости. Упорство в том, чтобы хвалить себя, в они забивают себя и упорно очерняют других. Так было год за годом, в течение последних шестидесяти веков.

Высшие, мы; низшие, вы; мы от Духа, вы от мира. Это снова и снова, как это делают рекламодатели Марка мыла, которая называется “Pears Soap”. Таким образом, что сегодня принято это как аксиома. Но факт в том, что такая высшая жизнь-это всего лишь лучший заменитель смерти. Способ уклониться от жизненных обязанностей, более совершенный, чем алкоголь, или морфин, удовольствия мяса или свойство. Возлияния и оргии разрушают здоровье. Рано или поздно в конце концов, те, кто отказывается от сексуальных удовольствий, оказываются вовлеченными в серьезные обязанности. Аккумуляторы товаров, фамильяры снабжения, они никогда не могут получить все марки, все китайские вазы, все дома,, все сорта лилий или что-то еще, что они жаждут.. Потеть бегство от ответственности - это мучение Тантала, тогда как человек высшая жизнь бежит в мир, где здоровье не подвергается никакому риску и обязанности и пытки сведены к минимуму. Один мир-о что еще-то, что традиция считает действительно превосходящим мир тех, кто живет ответственно. Этот верховный уклоняющийся может валяться в своей доброй совести. Действительно, как легко найти в жизнь науки и научных исследований эквиваленты всех добродетелей Мораис! Некоторые, конечно, не эквивалентны, но идентичны: настойчивость, терпение, самоотверженность и тому подобное. Хорошие средства приводимые к целям, которые могут быть злыми. Мы можем усердно работать и преданно во всем-от атомной физики до фальсификации и торговлей белыми рабынями. Остальные-перенесенные этические добродетели к

ментальной области. Целомудрие художественной и математической формы. Очищенность научные исследования. Смелость мысли. Смелые гипотезы. Логическая целостность. Умеренность или умеренность взглядов. Смирение интеллектуал перед лицом фактов. Все основные добродетели, или, скорее, маска и их фантазия. Люди высшей жизни приходят к мысли о себе сами святые-святые искусства, науки и культуры. Святость чисто образные и метафорические, которые они принимают, однако, au pied de la Леттр.

- Счастливы бедные духом. - Человек высшей жизни прибывает иметь эквиваленты духовной бедности. Как человек науки, он старается быть в курсе влияния своих собственных интересов и предрассудок. Но это еще не все. Этическая бедность духа требует, чтобы не оставляйте себе никаких мыслей на следующий день, пусть пусть мертвые хоронят мертвых, пусть они потеряют жизнь, чтобы заработать ее. Человек высшая жизнь может пародировать эти отставки. Я знаю, потому что я сам я сделал их, и для меня было честью сделать их. Только в другом мире превосходно то, что мы живем непрерывно и ответственно. В этом мы изолируем-мы из нашего прошлого; мы отказываемся доверять себе будущему; у нас нет убеждения, но мы живем моментом, который проходит; мы отказываемся от наших собственных за исключением того, что мы являемся высшим человеком, и мы становимся правопреемниками наши государства. Отряд больше, чем францисканский. Который может быть в сочетании с империалистическими ликованиями интенсивности больше, чем наполеоновской. Я думал, что у меня нет воли к власти. Теперь я понимаю, что эту волю я применил к мыслям больше, чем о людях. Завоевание новой провинции Сабер. Решение из лучших путь проблема. Заставляя идеи ассоциироваться или диссоциировать-если. Тиранизируя некоторые непокорные слова, чтобы они приняли правильное форма. Все удовольствие быть диктатором без опасностей и ответственности.

Глава XLIII - 26 мая 1934 г.

Литература за мир — какого рода? Мы можем ограничить его экономическая жизнь: торговые барьеры, дезорганизация валюты, препятствия к миграции, тенденции частных интересов к получению прибыли во всем стоимость. И так далее. Мы можем ограничить его политической жизнью: опасность понятие

суверенного государства как абсолютно аморального существа, чье интересы не согласуются с интересами других суверенных государств. Мочь предлагать политические и экономические средства правовой защиты — торговые соглашения, международный арбитраж, коллективная гарантия. Разумные рецепты, следующие за собой к безопасному диагнозу. Но был ли этот диагноз удовлетворительным? И будет ли пациент следовать назначенному лечению?

Этот вопрос был задан во время обсуждения, которое у меня было сегодня с Миллером. Отрицательный ответ. Пациент не может следовать предписанному лечению, для одна веская причина: пациента не существует. Государства и нации не существуют как таковые. Что есть, это просто люди. Группы людей, живущих в определенные области, имеющие определенные обязательства. Нации не изменят свои национальная политика до тех пор, пока люди не изменят свою политику частный. Все правительства, даже Гитлера, даже Сталина, даже Муссолини, они представительны. Сегодняшнее национальное поведение масштабная проекция сегодняшнего индивидуального поведения. Или скорее, если быть точным, масштабная проекция желаний и тайные намерения отдельных лиц. Потому что мы все хотели бы вести себя гораздо хуже, чем позволяют наша совесть и уважение к общественное мнение. Одно из величайших соблазнов патриотизма заключается в том, что он исполни наши худшие желания. В лице нашей нации мы способны делегированием, тиранировать и обманывать. И, что еще, тиранизировать и обманывать с чувством, что мы глубоко добродетельны. И сладкий, это прилично убивать ложь, пытать ради Родины. Хорошая политика международные прогнозы благих намерений и добрых желаний они должны быть того же вида, что и хорошая политика межличностные. Пацифистская пропаганда должна быть нацелена на людей так же, как и на их правительства; он должен начинаться одновременно на периферии и в центре.

Эмпирические факты:

Один. Все мы сумм способны чувствовать любовь к другим людям.

Два. Мы накладываем ограничения на эту любовь.

Три. Мы можем преодолеть все эти ограничения, если пожелаем. (И факт наблюдения, что тот, кто этого хочет, может победить личное отвращение, классовое чувство, национальная ненависть,

предрассудки цветовой. Это не легко; но это может быть достигнуто, если у нас есть желание и

мы знаем, как претворить в жизнь наши добрые намерения).

Четыре. Любовь, которая проявляется в хорошем обращении, создает любовь. Ненависть, которая проявляется в плохом обращении создает ненависть.

Свет этих фактов показывает, какими должны быть политическое поведение между людьми, между классами, между нациями. Но, еще один раз знания недостаточно. Знать, мы все знаем; где почти мы все терпим неудачу. Обычно дело в том, чтобы найти лучшие методы исполнения намерений. Среди прочего, пропаганда мира должна состоять из ряда инструкций в искусстве изменить характер.

Увидеть

Что, как и в себе, я несу свое наказание,

Таким образом, если не хуже, я получаю

Они несут свое проклятие на своих потных телах.

Ад-это неспособность отличаться от существа согласно что мы обычно ведем себя.

Покинув Миллера и направляясь домой, я спустился к писсуару аудитория Marble Arch, и там я наткнулся на очень заинтересованного Беппо Боулза в разговоре с одним из этих молодых людей без шляпы и в фланелевых штанах, который создается впечатление, что они студенты и не проходят, как я полагаю, простые офисные или встречные работники. Смесь возвышения и тревога была на лице Беппо. Счастлив, позволяя себе опьянеть от предвкушение и волнение, и в то же время с тревогой и страхом ужасный. В случае неудачи — неописуемое унижение! В случае, если не неудача — огромные опасности! Разочарованное желание, если бы была неудача,, жестокий удар по гордости, личность ранена в ее самом корне. Вдруг и был бы успех, страх (среди всякого торжества) Севастополя и полицейские осложнения. Бедный дьявол! Он был в ужасном смущении, когда вы меня видели. Я сделал только один знак головы и пошел мимо. Ад Беппо - подземный писсуар, или,

скорее, ряды писсуаров, простирающиеся до до бесконечности во всех направлениях и по одному мальчику в каждом из них. Беппо ходить туда - сюда по этим очередям, вечно - со своим потное тело, если не хуже.

Глава XLIV-1 июня 1934 г.

Сегодня вечером, когда я обедал с Марком, я впервые увидел это Елена с момента моего возвращения из Америки.

Рассмотрим значение лица. Лицо может быть символ, обозначающий предмет, описание которого в последующих деталях для этого потребуется несколько томов. Для человека, на которого он действует как символ, это означает огромную сумму чувств и мыслей, ощущений, впечатления, суждения, вспоминаемые переживания-все представлено синтетическим и одновременно с простым взглядом. Когда она вошла в ресторан, у меня сложилось впечатление человека, который, утонув, имеет мгновенный взгляд на жизнь. О бесполезной, плохой жизни, которая не удовлетворяет; и видение, полное горя. Все эти неудачные выборы, все эти безвозвратно упущенные возможности! И это грустное лицо не было только символ, который косвенно выражал мою историю; также непосредственно выразительная эмблема ее истории. История за чей грустный и горький характер я был, по крайней мере частично, ответственен. Если бы я принял любовь, которую она мне предложила, если бы я согласился соответствовать этой любви, любить (ибо я мог бы любить)… Но я предпочел быть свободным, ради своей работы-другими словами, Я предпочел остаться порабощенный в мире, где нельзя заботиться о свободе, ради любви. о моих удовольствиях. Я больше заботился о безответственной сексуальности, чем о любовь. Или, другими словами, я настаивал на том, чтобы она стала средством к концу что я стремился — мое физическое и частое удовлетворение; и, наоборот, я настаивал также, Как видно, я стал средством достижения цели, которая казалась мне ее.

Любопытно посмотреть, как теряет всякое значение тот факт, что мы были, технически, “любовники”! Это ни в коей мере не меняет его безразличия или моего чувство. Среди Максимов Ларошфуко есть тот, который гласит, что женщины забывают об одолжениях, которые они оказывали своим любовникам прошедшее время. Мне нравилась эта максима за ее цинизм; но, воистину, она он не

делает ничего, кроме грубого утверждения того факта, что то, что задумано, не иметь значение, то есть чувственность, на самом деле не имеет значения. Узел мой текущий комплекс мыслей, чувств и воспоминаний, я проверяю что едва ли есть место для физического желания. Это, несмотря на то, что это воспоминания интенсивных и полных наслаждений. Удивительно видеть, в какой степени эротика-это вопрос воли и концентрации. В настоящее время это не там очень эротично, о чем я обычно думаю; но если бы я хотел, это было бы легкий. Мы просто хотим рассмотреть людей в их способности виртуальные дарители и наслаждающиеся удовольствием, нам просто нужно сосредоточиться на

внимание к чувственным удовольствиям, чтобы эротизм стал безмерным важно и для него направить большие суммы энергии. Решить-однако, чтобы понять человека по-другому, давайте сосредоточим внимание в другом смысле: Энергия примет другой оборот, и эротизм будет казаться, относительно неважно.

Я провел большую часть ночи, обсуждая мир и социальную справедливость. Марк, с этим сарказмом этот неприятный тон всегда относится к Миллер и то, что он называет моим неохристианским аватаром, говорил: - если свиньи они хотят вытянуть друг друга, чтобы они это сделали; в конце концов, это то, что никто это может помешать. Свинья-это свинья. - Он может стать человеком, - настаивал я. Homo non nascitur, fit. Или, скорее, вы можете использовать элементы и человеческие возможности уже созданы и с которыми он рождается.

Аргумент Елены был обычным коммунистическим аргументом-не может мир или социальная справедливость без предварительной ликвидации капиталистов, либералов и других подобных. Как будто мы можем достичь мира и справедливость с применением насильственных и несправедливых средств! Средства определяют цели и должны соответствовать целевым целям. Средства внутренне в отличие от предложенных целей, они могут вести только к целям, которые их приравнивают, и никогда не те цели, для достижения которых они используются. Насилие и война порождает мир и общественную организацию, содержащую в себе выпуклость больше насилия и больше войны. Война, чтобы закончить войну, привела, как обычно, в мире, по существу равном войне; революция с достижение коммунизма привело к иерархическому состоянию, в котором меньшинство правит

полицейскими методами а-ля Меттерних-Гитлер-Муссолини и в котором власть угнетать в силу богатства заменяется властью угнетать в силу принадлежности к олигархии. Мир и социальная справедливость вещи, которые можно получить только справедливыми и мирными средствами. И люди только они будут вести себя справедливо и мирно, если они совершат в этом смысле, даже в тех случаях, когда легче вести себя жестоко и несправедливо. И это обучение, это образование он должен быть одновременно физическим и умственным. Знание способа действия, служение себе, а также цель, к которой стремится это действие. Neo-Игнатий и Нео-Сандов - таков был вердикт Марка.

Я отвел Марка к машине и пошел пешком, потому что это была прекрасная ночь, от Сохо до Челси. Театры закрывались. Елена прошла внезапно в настроении духа, полном недомоганий. Вошел, чтобы сделать комментарии вслух о прохожих. Как будто мы в зоопарк. Смущающий, но забавный и едкий, как когда это указывало на парней в цилиндрах, которые хотели выглядеть как Аристократ резке или они открывали и закрывали портсигары в манере Ге-rald du Maurier; для женщин, которые хотели выглядеть как “Vogue” или с дорогими объявлениями (для зимних круизов или шуб), голова в воздухе и веки опущены, в высокомерном отношении — или двигаясь медленно, как кино вампиры, с утробами тушеные, как в ожидании близнецов. Эти, жалкие модели от сегодняшних людей. Когда — то это было подражание Христу, а сегодня-Голливуду.

Когда мы отошли от толпы, мы остались на мгновение. бесшумный. После этого Хелена спросила, счастлив ли я. Сказал Да — хотя я не знал, было ли слово” счастье ” подходящим для случай. Более существенный, более полный, более заинтересованный, более наблюдательный. Если не совсем счастлив, в любом случае, с лучшими условиями для несчастье. Снова заткнись. После: - я думал, что больше никогда не смогу снова увидимся из-за этой собаки. Потом появился Экки и собака проиграла вся важность. И теперь, когда Ekk i уже ушел, собака остается без важность. По другой причине. Все неважно, если говорить правду. Кроме коммунизма. - Но это была старая мысль, проявление веры, продиктованное силой привычки. Я сказал, что наши цели они были такими же, что принятые средства были разными. Для нее цель оправдывала средства; для меня средства оправдывали цель. Возможно, я сказал, однажды она увидела важность средств.

3 июня 1934 года.

На сегодняшнем уроке с Миллером я внезапно сделал шаг вперед в понимании теории и практики техники. Чтобы узнать собственный режим чтобы помочь себе, человек должен сдерживать себя всеми неправильными способами. Отказ от принуждения к достижению целей эквивалентом (в терминах насильственной революции; сдерживать себя от этой тенденции, сосредоточиться на средствах, с помощью которых должны быть достигнуты цели; затем действовать. Этот процесс приводит к познанию добра и злоупотребление-знание этого в частности. Знание “осязанием”. Результат: более высокая мощность наблюдения и более высокая мощность управления. Вещь тривиальные значения приобретают новое значение. По сути, больше ничего нет ни тривиально, ни презренно. Чистить зубы, надевать обувь-такие процессы сводятся к злоупотреблению привычками до своего рода утомления небытие. Давайте осознаем, давайте практикуем торможение, мы теряем страданиеправда дойти до конца, давайте сосредоточим наше внимание на средствах - и утомительное небытие превратится в интересную реальность, абсорбирующий. В последней книге Эванса-венца о Тибете, встреча, между “Заповеди гуру”, этот совет: “постоянно сохраняет

внимательность, когда ты идешь, или сидишь, или ешь, или спать”. Совет, как и большинство советов, без сопровождения инструкции по правильному применению его на практике. Здесь инструкции практики сопровождают советы; человек учит принимать знание. И не только это. Также учит, как осуществлять право, вместо того, чтобы ошибаться, деятельность, о которой человек знает. И это все еще не все. Мощность наблюдения и мощность управления могут быть переданы. А практика, приобретенная в информировать себя о мышечном аспекте блока тела-дух может быть использован в исследовании других аспектов. Становится все больше и больше возможностей для выяснения определяющих причин, причины, побуждающие человека вести себя определенным образом, фиксировать правильно качество чувства, истинное значение мысль. Также приобретается более ясное и твердое сознание что происходит во внешнем мире и таким образом улучшается суждение, связанное с к этому усовершенствованному сознанию. Мы приобретаем искусство предотвращать неправильное использование мышцы и мы приобретем с этим искусство избегать процессов больше

сложно вести себя. И дело не только в этом: помимо лечения есть профилактика. Учитывая адекватную корреляцию, мили больше не будут возникать. мы ведем себя нежелательно. Исчезнут, например, тревоги невротические депрессии - какими бы ни были предыдущие факты, предпосылки, составляющие историю дела. Примечание: многие из история детства и юности является катастрофической; , только у некоторых людей развиваются тяжелые неврозы: те, именно в том, у кого использование “я” особенно плохо. Изнемогать, потому что сопротивление плохое. На практике невроз всегда проявляется это связано с определенным ошибочным способом, которым некоторые люди обслуживают себя собственное “я”. (Обратите внимание, как характерно плохо, физическое положение невротики и сумасшедшие. Наклон назад, напряжение мышц, голова висеть.) И мне нужно перевоспитать. Восстановить правильное использование тела. Снять ключ к основополагающему своду невротической личности и личности невротик падает на землю. И на его месте поднимется личность в что все привычки физического использования будут правильными. Но правильное физическое использование — поскольку единство духа и тела неделимо, кроме мысли — это подразумевает правильное умственное использование. Почти все мы немного невротичны. Но даже этот минимум невроза обеспечивает бесконечные поводы для одного плохое поведение. Учение о совершенном использовании освобождает нас от невроза и поэтому из многих благоприятных случаев плохое поведение. До здесь превентивная этика рассматривается как внешняя по отношению к людям. Социальные и экономические реформы, проводимые с целью ликвидации случаи, приводящие к плохому поведению. И это важно. Но нет

это довольно много. Вера в то, что этого достаточно, делает концепцию неразумной прогресс как результат социальной реформы. Осознание того, что это глупость всегда была для меня поводом для удовольствия. Дрель, с булавками, огромные воздушные шары, наполненные воздухом-вот одно из самых веселых развлечений. Но у него есть что-то ребяческое; и через некоторое время он больше не думает больше благодати. Почему это так удовлетворяет вывод, что, кажется, есть средство придания смысла бессмысленности. Метод, который приведет нас к открытию не только внешние условия прогресса, но и внутренние условия. Прогресс не только гражданина, но и того, кто руководит и управляет машина, но также и человек.

Профилактика хороша; но это не может устранить необходимость в лечении. О сила исцеления от неправомерных действий по существу похожа на силу вылечить плохую координацию. В конце концов, вы узнаете это, когда вы узнаете правильное использование “я”. Есть перевод. Сила ингибирования и контролировать. Подавление нежелательных импульсов становится легче. Более легко, также, следовать, а также увидеть и одобрить лучшее. Легче положить в практикуйте добрые намерения и будьте терпеливы, в хорошем настроении, приветливы, без хищные тенденции, целомудренные.

Глава XLV - 25 июня 1934 г.

Как легко человек мог стать одетым Стиггинсом? moderna! Гораздо более тонкий Стиггинс, и, следовательно, более отвратительный, более опасный. Конечно, сам Стиггинс был слишком глуп, чтобы быть или быть злым по своей природе, или быть способным навредить другому. АО шаг, если бы я был готов к этому, кто знает, чего бы я не сделал, что бы я не ликеро-водочный завод в чужой душе в жанре лжи. Даже не имея возможности это, я мог бы пойти далеко, как я понял сегодня с ужасом, когда говорил Закупки и трое или четверо молодых людей, которые сопровождают его. Я рассказал о “антропологический критерий” Миллера; я говорил о мире не только как о образ жизни, но и как международная политика-образ жизни являясь условием любой политики с минимальной надеждой на успех постоянный. Я так ясно, с такой глубиной, с таким большим сила убеждения, что бедные дьяволы слушали меня с открытым ртом и язык снаружи. С гораздо большей убедительной силой, чем это было бы собственные покупки; этот христианин сильного и веселого типа начинает хорошо, пробуждая внимание, но, следовательно, мало, таков плач его слов, что слушатели они больше не могут его сопровождать. Что им нравится, так это то, что оратор понятно, не забывая о серьезности предмета. Что такое искусство, которое мне повезло владеть. И так я говорил, так поистине мастерски, о духовной жизни, чувствуя удовольствие интенсивный в, овладение предметом, поздравляя меня тайно, а не только умение, но также и безопасность, с которой он выставлял вещи, когда внезапно я понял, кто я: Стиггинс. Рассуждая о теории мужество, самоотверженность, терпение, без знания практики. Что было

хуже, в присутствии людей, которые практиковали то, что я проповедовал-проповедовал так эффективно, что это давало истинная смена ролей: они слушали меня, меня, и не я им. Открытие того, что я делал, пришло мне в голову внезапно. Я наполнился стыдом. И все же — что было еще более позорным — я продолжал говорить. Но ненадолго. Через минуту или во-вторых, мне пришлось остановиться, извиниться, настаивать на том, что это не мое дело говорить.

Это показывает, как легко быть Стиггинсом по ошибке и несознательно. Но это также показывает, что бессознательное не является оправданием и что мы несем ответственность за ошибку, в которую мы попадаем, что приводит к, конечно, от удовольствия, которое мы чувствуем, имея больше таланта, чем другие, и в овладении ими интеллектом. Почему мы не знаем об этих вещи? Потому что мы никогда не удосужились исследовать силы, которые

мы не исследуем силы, которые движут нами, потому что эти силы, эти причины обычно постыдны. По общему признанию, в качестве альтернативы, мы исследуем эти причины, но лжем нам; то же самое в отношении они настолько хороши, что мы пришли к выводу, что они хороши. И это это то, что составляет убеждение Стиггинса, сознающего себя. Я всегда осуждал как вульгарный эксгибиционизм и желание доминировать; и я представлял себя совершенно освобожденным от этих пошлостей. Но если бы это было освобожденный и свободный от этого, и насколько это было, именно благодаря безразличию я он держался подальше от других людей благодаря экономическим обстоятельствам-внешние и интеллектуальные-внутренние, которые сделали меня социологом что банкир, администратор, инженер, действующий в Контакте прямо с моими собратьями. Это не-тогда я понял-в установление контактов, что есть зло; но в тот момент, когда я оседаю, ловлю себя на показных показах и попытках область. И все же с этим обострением, что, как и Стиггинс, я я хвастаюсь и пытаюсь доминировать посредством явного словесного хвастовства добродетелями, которых нет деловой. И унизительно проверять, что наши предполагаемые хорошие качества в основном из-за обстоятельств и вредной привычки равнодушия, которые заставили меня избегать случаев, когда я веду себя плохо-плохо или хорошо, чтобы говорить правду, потому что очень трудно вести себя хорошо или плохо, чтобы не быть по отношению к другим людям. Еще более унизительно проверить,

что, когда, прилагая усилия доброй воли, мы создаем необходимые возможности, мы немедленно приспосабливаемся к ним, ведя себя плохо. Примечание: медитировать о добродетелях, противостоящих тщеславию, страсти повеления, лицемерию.

Глава XLVI - 29 июля 1934 г.

Сегодня я был в компании Елены, слушая выступление Миллера в Тауэре Хилл, во время ужина. Большая толпа. Он говорил хорошо-а хорошо сделанное сочетание аргументов, шуток, обращений к чувствам. О темой был мир. Или мир везде, или мир вообще. Международный мир этого нельзя было достичь, кроме как в качестве политического перевода отношений межличностные. Милитаристы в доме, на заводе, в офисе, чтобы подчиненные и соперники не могли логически ожидать, что правительства, которые они представляют, если они ведут себя как пацифисты. Лицемерие и глупость тех, кто выступает за мир между государствами, ведя войны частные, в бизнесе или в семье. Между тем, они были постоянны попытки коммунистов в толпе. Как можно получить что-нибудь без революции? Без ликвидации лиц и классов, которые были ли они против социального прогресса? И так далее. Ответ (всегда с необыкновенное хорошее настроение и интеллект): средства определяют цели. А насилие и принуждение порождают постреволюционное общество коммунистическая, но (как и русская) иерархическая, управляемая олигархией который использует методы тайной полиции. И так все остальное.

Примерно через четверть часа разгневанный молодой интерпеллятор забрался на маленькую стену, где стоял Миллер, и пригрозил ему бросить ее по суше, если бы он не заткнулся. - Ну тогда, приди, Архибальд, - толпа рассмеялся; юноша еще больше разгневался, двинулся вперед, сжав кулаки и уколотый на бедрах.

- Спустись дай, старый самозванец, иначе… Миллер остался прежним спокойно, улыбаясь, с висящими руками, говоря, что все в порядке, что он не был против того, чтобы его свергли оттуда. Злоумышленник отрепетировал жесты боксер, он поднял кулак на дюйм от носа Миллера. О старик не двигался, не проявлял никаких признаков страха или холеры. Другой он взял руку, но вместо того, чтобы подвести ее к лицу Миллера, взял-он прижимается к груди. Довольно сильно. Миллер колебался, потерял равновесие и упал со стены в толпе. Извинился перед людьми по поводу кто упал, рассмеялся, встал и снова взошел к

стене. Повторение со сцены. Снова молодой человек угрожал ему лицом, но все же однажды, как Миллер не поднимал руки, не проявлял страха и гнева, удар по груди. Миллер упал и снова забрался на стену. Получил новый удар. Он снова поднялся. На этот раз мальчик цеплялся за него, чтобы ударить его лицо, но только тыльной стороной ладони. Миллер поднял лицо и продолжил улыбаться. - Пенни на каждые три удара, Арчибальд. Мальчик оторвался и выбросил его со стены. Снова наверху. Миллер проконсультировался с часами.

- Ему оставалось еще десять минут, пока не пришло время вернуться к работе., Архибальд. Прийти. Однако на этот раз человек мог только решить встряхните кулак и назовите Миллера старым реакционером и пиявкой. В затем он повернулся спиной и отступил вдоль стены, преследуемый смех, мотыги и свист толпы. Миллер продолжил свою речь.

Любопытно, какой эффект все это произвело на Helenay. Страдания перед зрелище жестокости мальчика со стариком. Но в то же время, гнев, видя, как Миллер соглашается на избиение, не оказывая сопротивления. А причина этого гнева? Неясный; но я думаю, что она обиделась на успех Миллера. Возмущенный тем, что молодой человек был сокращен, психологически к импотенции. Возмущенный демонстрацией того, что заменитель терроризма и ненасильственное средство борьбы с ним. - И это просто искусство, - сказала она. Я настаивал на том, что это не очень легкое искусство; и что я, конечно, не мог запустить его. - Любой мог узнать его, если бы он попытался-возможно; и это было бы нехорошо, если бы все мы попробуем? - Нет; я думаю, это глупо. - Почему? Ей было трудно ответить. - Потому что это неестественно, - вот почему, в конце концов, это удалось сформулировать; и продолжил развивать его в мы будем иметь своего рода философию эгалитарный. - Я хочу быть похожим на других. Иметь те же чувства и заинтересовать. Я не хочу делать себя по-другому. Просто обычный человек и не кто-то, кто гордится тем, что узнал трудную вещь. Как этот старик Миллер, твой друг. - Я дал ему понять, что мы все учимся сложным вещам., как управлять автомобилем, работать в офисе, читать и писать, пересекать улица. Почему бы нам всем не научиться другому трудному искусству? Искусство, потенциально тем более полезным. Если бы каждый должен был выучить это, то, может ли кто-то быть таким же, как другие, может ли кто-то поделиться чувств других безопасно, с уверенностью быть участие в чем-то

хорошем, а не плохом. Но Елена не была готов быть убежденным. И когда я предложил нам встретиться со стариком, на обед с ним она отказалась. Он сказал, что не хочет с ним встречаться. Что это был мальчик, который был совершенно прав; Миллер был реакционером. Маскировать, сокрытие языком, намекающим на экономическую справедливость; но в фон, простой агент" Тори", реакционеров. Тот факт, что он настаивает в том, что было недостаточно изменить общественную организацию, что необходимо преобразование, если оно сопровождало или являлось результатом преобразований в личные отношения — что это было, как не защита консервантизма? — Я думаю, что он вреден, - сказал он. - И я думаю, что Вы тоже. — Но он согласился со мной пообедать. Что показывало ей мало уверенности я полагался на свою силу, чтобы поколебать его убеждения! Аргументы-мог у меня было множество хороших аргументов, что она была непроницаема для них. Но

действия Миллера проникли в промежутки его доспехов. Он был доктрина в действии; он не был доволен ее разоблачением. Уверенность, что она был, что я не мог быть таким проницательным, как он был, был оскорбительно в крайности. Тем более, что я знал, что такое доверие, если оправдать.

Настойчивость, смелость, терпение. Все эти вещи, плод любви. Любите доброту достаточно, и равнодушие и пренебрежение будут немыслимый. Мужество возникает так же, как в матери, защищающей сына; и, в то же время нет страха перед противником, которого любят делай что делать, в силу потенциала доброты, который есть в нем. Что касается боли, то усталость, упрек — это вещи, которые терпят друг друга с духом и радостью, потому что они кажутся неважными по сравнению с любимой добротой и искать. Огромная пропасть отделяет меня от такого состояния души. Факт Елены не бояться моей пагубности (потому что она только теоретическая), в то время как он боялся Миллера (потому что в нем жизнь отождествлялась с учением), это стало для меня болезненным напоминанием о существовании этой пропасти.

Глава XLVII - 4 августа 1934 г.

Подавленный, возвращаясь после полудня в компании Елены и

полдюжины его молодых политических друзей. Какая страстная тенденция у них они должны “ликвидировать” людей, которые с ними не согласны! И что искреннее убеждение, что такая ликвидация необходима!

Отвратительно - но этого уже следовало ожидать. Рассмотрим проблему реформы в качестве исключительно политического и экономического вопроса, и должно быть утвердить и попрактиковаться в ликвидации.

Обратите внимание на недавнюю историю. Индустриализм вырос Пари пассу с населением. Что ж: там, где расширяются рынки, решаются две проблемы, которые затрагивают все: индустриальные общества. Новые изобретения могут создать технологическую безработицу; но поскольку это безработица создается, исправляется за счет расширения рынок. Каждый человек может обладать недостаточной покупательной способностью; но общее количество особей постоянно растет. Многие малые покупательные способности производят тот же эффект, что и меньшее количество крупных покупательных способностей.

Наше население в настоящее время неподвижно, скоро сократится. Отступление вместо расширения рынков. Таким образом, решение прекращается автоматические экономические проблемы. Контроль рождаемости делает необходимо использовать координирующую политическую разведку. Нужно пусть будет план в (большом масштабе. В противном случае машина не работать. Другими словами, политиков должно быть около двадцати в разы умнее, чем они были до сих пор. Предложение разведки будет ли это равным спросу?

И, конечно же, интеллект, как всегда настаивает Миллер, не она изолирована. Акт разумного планирования изменяет эмоции планировщик. Обратите внимание на английскую политику. Мы провели часть реформы — без единого признания принципов, составляющих их база. (Сравните титулы короля с его нынешним положением. Сравнить наши протесты о том, что мы никогда не будем иметь ничего общего с социализмом, с реалиями контроля со стороны государства.) Нет широких планов масштаб в английской политике, даже не тот, который строится с точки зрения основные принципы. Какие результаты? Среди прочего, что английская политика это было, по большому счету, bonacheirona. Причина проста. Дело в практические проблемы по мере их появления и без ссылки на основные принципы;

политика-это своего рода разносчик. Почему, разносчики нетерпеливы, раздражительны, но обычно не считают себя между собой, как демоны, которые приняли человеческий облик. Но это

именно то, что принципиальные люди и систематические планировщики они не могут не делать этого. Принцип по определению справедлив; план, на благо народа. Аксиомы, из которых логически следует, что те которые не согласны с нами и не хотят помогать в реализации нашего плана враги добра и человечности. Они больше не мужчины и не женщины, но олицетворения зла, воплощения демона. Убить мужчины и женщины-несправедливость; но убивать демонов-долг. Отсюда и Святая канцелярия, отсюда Робеспьер и ОГПУ. Люди, наделенные сильной верой религиозные и революционные люди, обладающие хорошими планами спроектированы для улучшения состояния своих собратьев либо в этом инундо они были более систематически и преднамеренно жестокими, чем чем любые другие. Мышление с точки зрения основных принципов подразумевает действие с артиллерийскими орудиями. Правительство с всеобъемлющим планом для улучшение общества-это правительство, которое применяет пытки. Против, если мы никогда не придерживаемся принципов и не имеем никакого плана, но мы изучаем и мы относимся к ситуациям по мере их возникновения, по частям, по частям, мы находимся в состоянии иметь полицейских безоружные, свобода слова и хабеас корпус. Достойно восхищения; но, что это происходит, когда индустриальное общество учится добиваться прогресса технологии в постоянном ускорении и (Б) препятствуют зачатию? Ответ: или он должен быть организован в соответствии с политическими принципами и общие экономические, или потерпит неудачу. Но правительства, которые руководствуются принципы и планы, как правило, до сих пор не прошли от тираний, которые они используют полицейских шпионов и террористов. Мы должны смириться с рабство и пытки ради координации?

Неудача с одной стороны. Инквизиция и ОГПУ друг друга. Настоящая дилемма, если план в основном экономический и политический. Но давайте рассмотрим случай с видом на людей-мужчин, женщин и детей, не для государств, религий, экономических систем и quejandas абстракции: тогда есть надежда пройти между концами дилеммы. Ибо, если мы начнем с рассмотрения конкретных людей, мы сразу увидим то, что они

свободны от всякого принуждения, является необходимым условием его развитие в полноценных человеческих существах; что форма последовательное экономическое процветание в владении ненужными объектами не способствовать индивидуальному благополучию; что досуг, наполненный пассивные развлечения не являются благом; что удобства; жизни городские закупаются по высокой цене физиологические и психические; что образование что позволяет нам проступок почти ничего не стоит; что организация социальное, что приводит к тому, что индивиды вынуждены, от немногих к немногим годы, начиная убивать друг друга, вы, должно быть, ошибаетесь. И так далее

впереди. В то время как мы исходим из государства, Веры, экономической системы, происходит полное транспонирование значений. Люди должны убивать друг друга других, потому что этого требуют интересы нации; они должны быть воспитаны в смысл заботиться о целях и презирать средства, потому что учителя-школа не заставляет себя ждать и не знает другого способа; они должны жить в города, они должны иметь время, чтобы читать газеты и ходить в кинотеатры, они должны быть вынужденным покупать вещи, которые им не нужны, потому что система промышленный существует и должен поддерживаться в постоянной деятельности; они должны быть их принуждали и порабощали, потому что в противном случае они могли бы думать сами за себя и вызвать смущение у своих правителей.

Суббота была создана для человека. Но человек теперь ведет себя как фарисеи и настаивают на том, что он создан для всех вещей-наука, промышленность, нация, деньги, религия, школы-которые действительно были созданы для него. Почему? Потому что он так мало осознает свои собственные. интересы как человека, который испытывает непреодолимое искушение жертвовать собой ради этих идолов. Нет другого лекарства, кроме как сделать-мы осознаем свои собственные интересы как человеческие существа и как только мы осознаем, мы учимся действовать в соответствии с этим осознанием. Что значит научиться использовать себя и научиться направьте наш дух. Это почти утомляет, это от того, что человек всегда возвращаюсь к той же точке. Для разнообразия было бы неплохо, если бы был другой как выбраться из наших трудностей? Дорожка. Метод, который не это потребовало больших личных усилий, чем регистрация голосования или приказ расстрел какого-то”врага общества”. Спасение, пришедшее

извне, как доза каломелей.

Глава XLVIII - 10 августа 1934 г.

Сегодня Елена вновь рассказала о Миллере. С яростью и раздражение. (Определенные воспоминания, определенные психические процессы подобны зубу что это больно и что нужно всегда прикасаться, просто чтобы быть уверенным это все еще больно). Ненасилие: на этот раз речь шла не о простом неважная игра, но также и несправедливость. Если мы убежденные, что люди плохие, мы не имеем права не искать заставить их вести себя удобно. Согласно: но как должны ли мы действовать, чтобы иметь вероятность успеха? За насилие? Но, в то время как насилие может заставить людей взять на себя формы хорошего поведения, но он не сможет показать реальность хорошего подлинное и постоянное поведение. Она обвинила себя в том, что она убегает от проблем. реальны и апеллируют к расплывчатому идеализму. В конце концов, все сводилось к его ненависти мстительный против нацистов. Мир всем, кроме нацистов и заражение для фашистов. Они должны быть наказаны, радикально уничтожены, как крысы. (Обратите внимание, что мы все, девяносто девять цент, пацифисты. Нагорная проповедь, да, пока это мы. согласился сыграть роль Тамерлана или Наполеона в одном сто отборных случаев которые особенно приспосабливают нас. Мир, совершенный мир, когда мы сможем провести войну, которая нас устраивает. Результат: каждый проходит быть предопределенной жертвой исключительно допустимой войны другой. Этот девяносто девятипроцентный пацифизм - просто другое имя отдано милитаризму. Если должен быть мир, должен быть стопроцентный пацифист).

Мы обмениваемся длинной серией аргументов, а затем на некоторое время, мы ничего не сказали. В конце концов она заговорила о Гизебрехте. Казнен, только Бог знает, после каких пыток. - Можете вы все еще странно, что я чувствую к нацистам то, что чувствую? - Ни за что, как мало мне вызывали странности сами нацисты. Чуждаться, да, терпимость с их стороны, прощение с ее стороны. - Но человек который мог бы простить, исчез, когда исчез Экки. Я был хорош пока он был в моей компании. Теперь я плохая. Если бы он был еще здесь, возможно, я смогу простить им, что они заключили его в тюрьму. Но это невозможное условие. Я ни в коем случае не могу простить. - (На это, естественно, были некоторые ответы. Но мне это не показалось,

быть тем, кем я являюсь, и вести себя так, как я себя веду, что у меня есть любое право давать такие ответы). Она продолжала описывать то, что у него было был для нее. Кого-то, кого не нужно было стыдиться любить, как мне было стыдно любить Джерри. Кто-то, кого она смогла

любить всем своим существом - не только изредка и с частью моего быть, на террасе; или просто как развлечение, в" студии", перед ужин. - И возвращалась к тому же, - что и ККИ сделала ее доброй, искренней, самоотверженный, а также счастливый. - Я была другой, когда была с ним. Или возможно, именно тогда я впервые почувствовал себя собой. — В далее: - он вспомнил, как он смеялся надо мной в тот раз, о терраса, когда я говорил о своем истинном "Я"? - Если я не помнил! Я даже не был на данный момент вполне реальным, чтобы понять, как я сам отдалял меня от реальности. Потом, когда я увидел, как она плачет, только тогда что я осознал, что намеренно отказываюсь любить ее.

После молчания: - сначала я думаю, что мог бы любить тебя почти так же, как я любил Экки.

И я, конечно, сделал все возможное, чтобы остановить ее. Ваше лицо он внезапно загорелся от того злого, насмешливого выражения, которое было часто встречается у матери. - Как удивительно смешно трагедия, если смотреть на нее наизнанку! - Потом все еще улыбается: — Представляете, вы чувствуете ко мне сейчас какую-то склонность? Кто любит меня, одним словом?

Который не только воображал, но и действительно любил ее.

Он поднял руку, как полицейский. - Здесь нет фильмов. Я Верия обязана выгнать вас, если вы войдете в эту игру. И я не хочу иметь что делать. Потому что-странная вещь! - ты мне очень нравишься. Несмотря ни на что. Я никогда не думал, что мне это понравится. Особенно после того случая от собаки. Но дело в том, что мне это нравится. - К его лицу вернулось это выражение болезненный. - Все, что я предполагал больше никогда не делать! Как это, от еды до наслаждения; три дня спустя я уже делал это. И это другое, желание любить, любить физически. Это выглядело как немыслимое кощунство. А между тем, через три-четыре месяца я уже я хотел этого, я уже мечтал об этом. И я верю, что в любой день из них я действительно буду делать это. Делать это

“без обязательств”, как они говорят, когда они посылают нам, для эксперимента электрический пылесос порошок. Точно так же, как я делал раньше. - Снова рассмеялся. - И это очень вероятно пусть будет с тобой, Энтони. Пока на нас не обрушится еще одна собака. Готовы ли вы начать все сначала?

Не на той же старой базе. Я хотел дать больше, получить больше. — Быть нужно два, чтобы дать и взять. - Потом она переключила разговор на другое направление; кого я любил в то время? И когда я ответил, что никому, спросил меня, не трудно ли и неприятно быть целомудренный и почему я должен был подражать Марку Стейтсу. Я пытался объяснить, что он не подражал Марку, что аскетизм Марка наблюдался хорошо

от самого аскетизма и, прежде всего, ради него, Марк, чтобы он чувствовать себя более отстраненным, более интенсивно себя, в лучшем положении для смотреть на других сверху. В то время как то, что я пытался сделать, это было именно избегать случаев, когда индивидуальное расстояние было подчеркнуто за чувственность. Ненависть, гнев, амбиции - это отрицание. явное единство человека; и похоть и обжорство действуют в одном и том же косвенно и косвенно, настаивая исключительно на индивидуальный опыт и, в случае похоти, использование другие просто как средство получения такого опыта. Без так много опасность в отношении недоброжелательности и страсти к превосходству, престижу, социальное положение, похоть, однако, несовместима с пацифизмом; только он может стать совместимым, когда перестает быть самоцелью и становится единым целым средство для объединения любовью двух отдельных людей. Этот случай единство представляет собой парадигму единства в целом.

Глава XLIX - 11 сентября 1934 г.

С Миллером, чтобы увидеть показ научных фильмов. Развитие морского ежа. Оплодотворение, деление клеток, рост. Повторение этого почти кошмара прошлого года, этого видение ультра-бергосианской жизненной силы этого далекого бога тьмы, гораздо более коварный, более странный и более жестокий, чем

любой, кто представьте себе Лоуренса. Сырье, которое в своем собственном нечеловеческом плане уже это идеально готовый продукт. Затем последовал фильм о земных червях. Неделя любви, гермафродитная любовь, червь к червю, внутри трубки содержит вазу. Затем фильм невероятной красоты, рассказывающий всю жизнь от мясной мухи. Яйцо. Твари над куском испорченного мяса. Белоснежки, как стадо на лугу. Уходя, быстро, от свет. Затем, через пять дней роста, спускаясь на землю., запираясь в ней, изготовляя кокон. Через двенадцать дней муха появляется. Фантастический процесс воскрешения! В голове орган он становится влажным, как воздушный шар. Раздуваясь так сильно, что от таких больших стен из кокона раскалываются. Муха отрывается, отрывается. Теперь, положительно, а не отрицательно, фототропно, как это было, когда это был еще червь. (Вторичное чудо и инцидент). Открытие сейчас путь вверх, к свету. На поверхности мы видим, как она наполняется своим воздухом. мягкое и влажное тело, растягивающее и разглаживающее морщинистые крылья, с помощью кровь, которая впрыскивается в вены. Потрясающее и трогательное зрелище.

Я задаю Миллеру этот вопрос: какое влияние окажет вульгаризация таких знаний, как этот? Знание мира несравненно более маловероятным и более красивым, чем вещи воображаемый любым мифотворцем. Один мир, есть только несколько годы, совершенно неизвестные всем, за исключением горстки людей. Каковы последствия его общего открытия всеми? Миллер засмеялся. — Таких эффектов будет ровно столько или меньше, сколько они хотят быть. Те, кто предпочитает думать о сексе и деньгах, будут продолжать думать о сексе и деньгах. Как бы громко ни провозглашали кинотеатры слава Богу. Сохранение наивного представления о том, что это неизбежно и автоматически хорошо встретить каждый благоприятные обстоятельства. Еще раз, сырье, который нужно разработать. Мы все еще верим в прогресс. автоматически, потому что хочется подпитывать эту глупость: это так утешает. Утешает, потому что он бросает на кого-то или вещь, кроме нас самих, вся ответственность за все, что мы делаем или не делаем.

Глава L-15 сентября 1934 г.

В течение последних нескольких дней я сочинял медитацию вокруг из предложения Виллиана Пенна. “Сила может подчинить, но любовь-это то, что побеждает; и тот, кто первым прощает,

побеждает Лорел".

"Сила может подчинить". Я представляю, как люди используют силу. Во-первых, рукопашный бой. С кулаками, ножами, дубинками, кнутами. Стигма, красные или бледные, на плоти. Рваные раны, ушибы, сломанная кость разрывая кожу, ужасно опухшие лица и кровоточащие. Ищу, потом, представьте себе, в моем собственном теле, боль от раздавленного пальца, от дубинок или хлыст в лицо, прижигание раскаленного железа. Все жестокости и пытки с близкого расстояния. Затем применение силы на расстоянии. Пули пушка, фугасные, газовые, удушающие или раскаленные, огонь.

Сила, наконец, в форме экономического принуждения. Дети голодные, пузатые, с руками и ногами, которые даже не палками. Женщины в возрасте тридцати лет. И те живые трупы, которые тихая парковка на углах улиц Дарема или Южного Уэльса, которые молча ползают по грязи.

Да, сила может подчинить. Покорить смертью, покорить смертью ранения, покорение голодом и террором. Спектакль физиономии в ужасе от отвратительных жестов раболепия. Менеджер, сидящий за его секретарь, хвастун. Работник, унижая себя под угрозой увольнения. Виселица-акт насильственного отрицания окончательного и окончательного единства мужчина с мужчиной.

"Сила может подчинить, но любовь побеждает". Резюме истории самого Пенна среди краснокожих. Я помню, как Миллер привык умиротворить недоверчивую враждебность индейцев в горных деревнях. Я помню Пеннелла на северо-западной границе; о квакерах во время голода Руссо; Элизабет Фрай и Дэмиен.

Далее я рассматриваю переводы любви с точки зрения политики. Кэмпбелл-Баннерман настаивает на возмещении ущерба в Африке с юга-это, несмотря на протесты, пророчества Кассандре де некоторые "уравновешенные и практичные люди", такие как Артур Бальфур. Любовь побеждает даже в левосторонней и неподходящей форме хорошей Конституции политика. "Тот, кто первым прощает, тот, кто выигрывает Лорел". В Африке На юге англичане простили тех, кому они причинили вред — что, кстати,, это менее сложно, чем простить тех, кто причинил нам вред — и так далее они получили награду, которую не могли бы выиграть принуждением продолжать. Ни одна награда не была выиграна с момента последней войны, потому что никто из бойцов еще не простил тех, за кого был

обидел или тех, кого обидел.

Удобно применительно к любой ситуации, любовь побеждает каждый раз. Быть факт, который подтверждается эмпирически. Любовь-лучшая политика. А лучше не только для тех, кого любят, но и для тех, кто любит. Ибо любовь-это энергетический потенциал. Он производит средства, с помощью которых он может быть осуществила свою политику. Чтобы продолжать любить, человеку необходимо терпение, смелость, настойчивость. Но даже процесс любви-это то, что порождает эти средства необходимы для продолжения любви. Любовь побеждает, потому что любовь любимого объекта, любящий субъект терпелив и зол.

И что это за любимый объект? Доброта и потенциал доброты в все люди - даже те, кто глубоко предан отказ от реализации этого потенциала доброты по отношению к себе парень любовник. Если достаточно большой, любовь может изгнать страх, пока из самых активных врагов в их злобе

Я заканчиваю тем, что придерживаюсь идеи добра, вечной, так сказать, перед от глаз моего духа. Доброта, имманентная в своем потенциале, трансцендентный как идеал; мыслимый в своем совершенстве, но также может быть реализована на практике, может быть воплощена, по крайней мере частично, в любой ситуации, в которой мы находимся. “Идея доброта ” - это неправильное выражение. Ведь в действительности речь идет о всех система идей и чувств. Это та система, которую я поддерживаю, совершенно однородный, воспринимаемый одновременно в своей целостности — держать его безмолвным, без образов, в антидискурсивной концепции, как единое целое, простое. Я сохраню это-на потом, и наконец, отступить снова в мир слов, вернуться в конце концов (но снова, стал более осознанным, переделан, так сказать) к обычной жизни.

17 сентября 1934 года.

Хелена призвала меня помочь ей отвлечь ее сестру и зятя, которые они приехали из Индии в отпуске. Пришлось надеть пальто-мех впервые в этом году — Колин не мог согласиться с идеей быть увиденным в театре или в ресторане Savoy Grill в другом костюме, кроме строгого. Ночь акабрун. Нездоровая,

нездоровая, непослушная Джойс в своем состоянии беременность. Колин украдкой интересуется более стройными телами, более пышные. Она ревнует и всегда предостерегает его; ему скучно быть таким образом, он привязан к ней и ее детям, упрекая ее в строгости навязанного кодекса сам по себе, и это не позволяет ему быть распутником, которым он хотел быть. В время от времени взрыв плохого настроения, обмен словами грубые, полные обиды, в летописи взаимного нетерпения. Колин имел,

помимо этого, есть и другие причины для жалоб. Ему казалось, что Англия не она очень уважительно относилась к офицеру и “джентльмену”. Эй Кучеры были непослушными, низшие классы толкали его локтями на улицах. “И они называют это страной белых”. (Это после второго “глотка” в театральный бар, в перерыве). “Да Нет, нет. В Пуне я хотел быть, в каждый момент”.

Я думаю, что у всех нас есть свои Пуны. Бегство от реальности неприятный. Как всегда настаивает Миллер, опасность медитации превратить себя в это уклонение. Квиетизм может быть просто снисходительностью к себе даже. “Харизматы” похожи на мастурбации. Мастурбации, однако, достойные, любящие мистики, которые практикуют их, со всеми остальными святые имена религии и философии. “Созерцательная жизнь”. Просят сделать ее своего рода интеллектуальным преемником Марлен Дитрих: тема для эротических медитаций, в сумерках. Медитация — ценная вещь, не как удовольствие само по себе; но только как средство воздействия вы желаете изменений в личности и способе существования. Жить созерцательно не жить в прелестях какой-то сладострастной и лестная Пуна; это жить в Лондоне, но жить там в ” не ” стиле-кокни”,

Глава LI - 21 сентября 1934 г.

Заметки Святой Терезы. “Давайте посмотрим на наши собственные недостатки, а не для чужих. Мы не должны настаивать на том, чтобы все следовали за нами по стопам, ни поручить нам преподавать уроки духовности, когда мы не знаем, может быть, даже, что бы это ни было. Ревность к благу душ, даже если это благодать Бог часто может сбить нас с пути”. К чему это

должно добавить это: “это великая благодать от Бога, чтобы практиковать самокритику, но здесь ни много, ни мало, как говорится; поверьте мне, с помощью Бог сделает больше, созерцая божество, чем всегда имея наше смотреть лицом к себе”. Бог может существовать или не существовать. Но есть факт эмпирически, что созерцание божественности-благости в ее наиболее неограниченная форма-это способ понять эту доброту в нашем жизнь в меньшей степени, и часто это приводит к тому, что мы как бы помощь в этом понимании доброты, помощь, исходящая от какое-то существо, отличное от нашего обычного существа и неизмеримо превосходящее его. О Христианский Бог и первый дух буддиста являются интерпретациями конкретные переживания, буддизм-это рационализация более широкого государства. дистанцировался от нормального, чем христианин. Конечно, часто христиане испытали это состояние и столкнулись с большими трудностями объясняя это в ортодоксальных терминах. Обе концепции являются законными — именно так законны как макроскопические виды, так и микроскопические вещества. Именно с определенным физическим и психическим аппаратом мы смотрим на вселенную. Этот прибор может соответствовать только определенным стимул. В относительно узких пределах он регулируется. А природа фактов, которые каждый из нас воспринимает как данные и первичные факты это зависит от характера отдельного инструмента и настройки, которую он мы даем, либо в силу нашего воспитания, либо по осознанному выбору. Из этих данных мы можем сделать выводы. Которые могут быть логичными или нелогичный. Любая философия является интеллектуально законной, если, 1), часть фактов которые для философа составляют данные, и если 2) логическая конструкция на основе в этих фактах она идеальна. Но законная интеллектуальная философия-это не то же самое это морально законная философия. Мы можем настроить наш орудие умышленно, по воле. Это означает, что мы можем захотеть внести изменения в личный опыт, лежащий в основе нашего философия, в данных soque, которые мы строим нашу аргументацию. Проблема: построение действительно прочных логических мостов между данными фактами и философские выводы. Практически нерастворим. Нет неразрушимых аргументов в пользу в пользу основных космологических теорий. Что же нам делать? Применяйте себя, насколько это возможно, к эмпирическим фактам-всегда напоминая нам

что они могут быть изменены тем, кто решает изменить механизм

восприятия. Повезло, что человек может видеть, например, или невосполнимая глупость и невнимательность, или потенциал достижимая доброта-чего бы она ни хотела; это вопрос выбора.

Глава LII - 30 октября 1934 г.

Марк, - сказал за ужином, что перечитывал Ануа Каренину, - нашел его ну, как романтика. Но он сожалел об огромной искусственности произведений литературные произведения, не исключая даже лучших. И он занялся каталогизацией.- им упущения. Почти абсолютное презрение к этим маленьким фактам физиологопсихологические решая от приятного или неприятного тона нашей жизни ежедневно. Экскреция, например, с силой, которую она имеет, чтобы сделать это давайте воспользуемся этим или испортим наш день. Пищеварение. И для героинь романтика и драма, менструация. Затем болезни без тяжести: мокрота, ревматизм, головная боль, боль в глазах. Физические недееспособности хронические-ветвящиеся (как в случае деформации или импотенции) в похотливых безумиях. И, наоборот, болезненные проявления, исходящие из неизвестных висцеральных и мышечных источников, от здоровья выше обычного. Еще одно упущение: нет ссылки на бумагу играется простыми ощущениями в производстве счастья. Ванна горячий, например, вкус бекона, контакт детской, аромат Ирис кабеля. В жизни пустой портсигар может причинить больше мучений чем отсутствие любовника; в книгах никогда. Третье упущение почти полное-это небольшие отвлекающие факторы, которые заполняют большую часть человеческие жизни. Чтение газет; посещение витрин магазинов; разговор сплетни и сплетни; со всеми разновидностями бреда и снов и фантазии, от тех, которыми мы качаемся, лежа в постели, до представьте, что бы мы сделали, если бы мы были любовником идеального существа, мы обладаем доходами, физическим типом, социальным положением, которое мы идеализируем для нас, даже для тех, кто из кресла кинотеатра пассивно мы принимаем, и они приходят к нам уже готовыми из Голливуда.

Ложь по бездействию неизбежно превращается в ложь. положительный. Что неявно выводится из литературы, так это то, что люди они управляются если не разумом, то, по крайней мере, чувствами понятные, хорошо организованные, признанные. Когда

правда в том, что реальность совершенно иная. Чувства конкурируют иногда, но в других случаях нет. Все ради любви, иначе мир потеряется. Но любовь это может быть дворянский титул, присвоенный неупорядоченной страсти к запаху или форма конкретного человека, к безумному желанию, чтобы оно повторилось. ощущение, вызванное определенной особой ловкостью. Или рассмотрим эти случаи (редко публикуются, но в то же время настолько многочисленны, насколько это возможно информировать любого, кто в состоянии знать), эти случаи выдающихся государственные деятели, служители церкви, юристы, промышленники, на вид так нормальный, интеллект, как легко продемонстрировать, так выше уровня

общественная жизнь, руководствуясь такими высокими принципами; но в жизни не в силах противостоять влиянию алкоголя на них, мальчики, девочки все еще на кнопке, эксгибиционизм, игра, скупость, империализм или мазорхизм в любой степени, все бесчисленные и неупорядоченные извращения, порожденные, с одной стороны, жаждой деньги, власть, положение и, с другой стороны, жажда сексуального удовольствия. Настоящий тики и тропизмы, безумные и неконфессиональные желания — вот что это представляет в жизни человека такая же важная роль, как и в чувствах организованные и признанные. И литература воображения подавляет факт. Он распространяет огромную ложь о природе людей и женщина.

- И справедливый титул, без сомнения. Потому что, если бы это было открыто существам люди, кем они являются на самом деле, или они в конечном итоге станут друг другом другие, как твари, или в конечном итоге повесятся. Однако я больше не я больше терплю любую художественную литературу. Ложь меня не интересует. В более поэтично, чем стиль, в котором они выступают. Скучная вещь, и больше ничего.

Я согласился с Марком в том, что художественная литература не соответствует ваш долг. Что было важно знать все вещи-знать их, а не только через книги научной вульгаризации, но и в форме чтобы у него была сила знакомить с фактами весь дух, а не только интеллект. Полное выражение (с точки зрения литературы воображение) водя к полному знанию (со всем духом) полная истина: обязательное предварительное условие любого действия поправка, любая серьезная попытка построить существо

действительно человек. Построение наизнанку, каждый из которых в надлежащем использовании себя - выездка одновременно физическая и психический. Строительство, в то же время, снаружи внутрь, с помощью социально-экономические институты, созданные в свете полного знание личности и того, каким образом человек может изменяться.

Марк ограничился смехом и сказал, что я напомнил ему этих мужчин которые ходят из дома в дом, продавая электрические чистящие средства.

4 ноября 1934 года.

Отличный митинг в Ньюкасле с участием Миллера и Закупки. Большая и восторженная толпа, с преобладанием частных ресурсов. Следует отметить тот факт, что пацифизм, как правило, в обратная причина процветания. Чем больше бедность, тем больше

продолжительная безработица, тем более укоренившаяся решимость не сделать биться и тем более полный скептицизм по отношению к идолам традиционные, Империя, национальная честь и quejandos. Негативное отношение в тесная корреляция с ненадежностью экономических условий. Без поэтому заслужить доверие. Подобный пацифизм не имеет автономной жизни. Во власти, прежде всего, того, кто машет ему деньгами — и таким образом, угрозы войны приведут к значительному увеличению числа занятость. На милость, во-вторых, того, кто выступает с позитивная доктрина, полная привлекательности - какой бы безумной и преступной она ни была будьте такой позитивностью. Дух ненавидит вакуум. Негативный пацифизм и скептицизм по отношению к существующим институтам-не что иное, как открытые пещеры в духе, пустые пространства, ожидающие заполнения. О фашизм или коммунизм обладают достаточным положительным содержанием, чтобы служить наполнитель. Когда вы меньше всего этого ожидаете, может появиться кто-то с качества Гитлера. Просто дайте насосу, и при открытии и закрытии глаз вакуум он будет полон. Эти разочарованные пацифистские скептики будут преобразованы из ночь в адестратах фанатики национализма, классовой борьбы или что-то еще. Вопрос: у нас есть время, чтобы заполнить вакуум

позитивный пацифизм? Или, имея время, у нас будет возможность?

Глава LIII-Рождество 1934 года

Бог-человек или нет? Quien знает? Только откровение может решить эти метафизические проблемы. И откровение скрывает игру, как игрок ждет возможности поставить на стол три козырных туза который скрывается.

Более важным является практический вопрос. Что дает человеку больше способность понимать доброту-веру в Личного Бога или в Безличный Бог? Ответ: это зависит. Некоторые духи работают из режим, другие по-другому. Мой оказывается, что на самом деле не чувствует нужно и, даже, считает невозможным, думать о мире с точки зрения личность. Патанджали говорит, что можно верить в Личного Бога или нет верить, по вкусу. Психологические эффекты будут такими же в или в другом случае.

Для тех, чья природа требует личности как источника энергии, но они считают невозможным поверить в то, что Вселенная была создана для человека во всех возможных смыслах этого слова - какая политика честно? В большинстве случаев они отталкивают любую возможную практику называть религиозным. Но это все равно, что выбросить ребенка вместе с водой из ванны. Желаемые отношения с личностью могут быть историческими, а не онтологический. Контакт, а не с кем-то, кто существует в настоящее время как правитель Вселенной, но с кем-то, кто, как известно, существовал в других времена. Подражание Христу (или любому другому историческому персонажу) - это точно так же эффективно, когда модель считается имеющей существует там, а затем, сколько есть, когда модель задумана как существующая здесь и сейчас. И медитация на доброту, общение с добротой, созерцание благости, безусловно, является средством, способным совершайте доброту в жизни, даже когда то, над чем мы медитируем, с что мы общаемся и что мы созерцаем, это не человек, а общий дух или даже идеал, который, как предполагается, существует только в духе людской. Основная проблема практическая-разработка систем психологические упражнения для всех типов мужчин и женщин. О католицизм имеет много систем ментальной молитвы-Игнатий,

францисканец, лигуорианец, Кармелит и другие. Индуизм, буддизм Север, Юг, Дзен также представляют различные практики. Там здесь большая работа, которую нужно сделать. Собирать и сопоставлять информацию со всех эти источники. Обращайтесь к книгам и, что более важно, к людям, которые они действительно практиковали то, что написано в книгах, которые знают по опыту обучение новичков. Возможно, было бы возможно установить полный и окончательный созерцательный Ars. Ряд методов, адаптированных к

каждый ментальный тип. Техники медитации на доброту, общение с добротой и созерцанием доброты. Цели сами по себе и в то же время, средства для реализации некоторых из этого добра на практике.

1 января 1935 года.

Техника и хорошая организация-Moderna изобретения; и, как и все льготы должны быть оплачены. Разными способами. Одним из пунктов является вера общая, стимулируемая механической и социальной эффективностью, что прогресс автоматический и может быть наложен извне. Нам, людям, ничего не нужно делать в этом направлении. Ликвидируйте нежелательных, распределите деньги и товаров в достаточном количестве-и все будет хорошо. Это возвращение к магии, поощрение естественной лени человека. Обратите внимание на удивительный режим как эта тенденция распространяется на moderna Life, прорастая, растет, роится см в каждой точке. Там, кажется, нет никакого отношения это проявляется между Уэббами и советами с одной стороны, и Moderna католицизмом напротив. Но какие глубокие, подземные сходства! Недавний католическое обновление - это, по сути, обновление таинств. Из одного с католической точки зрения, это “сакраментальная эпоха”. Магическая сила таинства, считается достаточным для спасения. Идеальная аналогия С Уэббс-советской идеей прогресса, реализованной вне нас, через машины и эффективной организации. Для английских католиков таинства-психологические эквиваленты тракторов в России,

Глава LIV - 23 февраля 1935 г.

Энтони провел все утро в офисах организации, диктуя письма. По большей части речь шла о преодолении трудностей интеллектуалы, возражения потенциальных пацифистов. - Что бы вы сделали, если бы увидели иностранный солдат нападает на вашу сестру? Ну; все, что мы бы, конечно, не отправили нашего сына убить его двоюродного брата второй. Изнурительная работа! Но это должно было быть сделано. Продиктовал двадцать семь письма; затем он заметил, что пришло время пойти на обед с Хеленой-

- Практически нечего есть, - сказала она, когда он вошел. Честно говоря: я не был в настроении что-либо готовить. Это кулинария-это действительно безымянная уловка! - В его голосе была одна обиженная нота, почти злоба.

Им пришлось довольствоваться консервированным лососем и салатом. Энтони пытался говорить; его слова, однако, казалось, скатились на поверхность непроницаемый от задумчивой и меланхоличной тишины, в которой она закрылась. В наконец, он тоже решил замолчать.

- Сегодня как раз год, - все-таки проговорила она.

- Год?

- Только один год, чем те, черт возьми, в Базеле… - Встряхнул голова и снова затихла,

Энтони ничего не сказал. Все, что он сказал, Было бы, как он я даже чувствовал себя непригодным, почти оскорблением.

- Я часто жалею, что они убили меня, меня тоже, - продолжила она приостановленным тоном. - Вместо того, чтобы позволить мне здесь, гниющий, как ком грязи, какое-то дерьмо на куча мусора. Как мертвый кот, - добавил он, вспоминая. — Простая падаль. - Слова произносились интенсивно отвращение.

- Почему ты так говоришь? - спросил он.

- Потому что это правда. Падаль - это то, что я есть.

- В этом нет необходимости.

- Не могу не быть. Падаль - это то, чем я являюсь по своей

природе.

- Это не так, - настаивал он. - Ты сама сказала. Когда Экки все еще жил…

- О, признаюсь, тогда я не был.

- И то, что когда-то было, может снова стать.

- Без него это невозможно.

И он, утвердительным жестом: - может, да; если хочешь быть, ну что может. Весь вопрос в желании. Хочу, а затем поставить себя на работать в этом направлении.

Елена покачала головой. Они должны были убить меня. Если вы знайте, как мне противно себя! - Скрутил лицо, в гримаса. - Я ничего не стою. Хуже того: не более чем горстка лама. - После паузы продолжил: - меня даже не интересует работа Экки. Мне не нравятся его друзья. Они коммунисты. Но некоторые маленькие низкие и обычные, как и любые другие. Глупые, вульгарные, завистливые, насильственный. Когда я думаю, что теперь я мог бы наслаждаться хорошим пальто шиншиллы и обед в Claridge… Я, вероятно, все еще в конечном итоге продать меня богачу. Если я все еще могу его найти. Смеяться. Затем в том более горько презирал к себе, снова затянул нить его размышления: - сегодня прошел всего год, и мне уже надоело все это. Безмерно тошнит и вздыхает, видя, что я свободен от этого. Я чувствую тошнотворно и тошнотворно.

- Но это будет ваша вина?

- Конечно.

Энтони покачал головой: “а возможно, следует также привлечь к ответственности работа.

- Что вы имеете в виду?

- Это организованная ненависть-это не то, что можно назвать чем-то привлекательный. Это не те вещи, из-за которых мы обычно чувствуем, что нам нужно жить.

- Экк я жил для этого. И часть людей живет для этого.

- Что за люди? — спросить. Я оцениваю людей в три типа. Идеалисты с исключительным даром иллюзии. Или они не знают, что это организованная ненависть, или искренне верят, что конец оправдывает средства, наивно воображает, что средства не обусловливают конец. Экки был одним из них. Они составляют большинство. Далее следуют два меньшинство. Во-первых, людей, которые знают, что это просто ненависть и он находит в этом повод для радости, а другой-для честолюбивых, они служат движением только как инструментом для реализации своих амбиций. Вы, Елена, не амбициозны и не обмануты. Е, несмотря на то, что произошло год назад сегодня, на самом деле это не так. никакого намерения ликвидировать других, нацистов, в том числе. И вот почему который чувствует такое большое влечение к шиншиллам и орхидеям. Не потому, что задыхайтесь от них активным образом. Но только потому, что этот конкретный альтернатива делает ее очень неудовлетворенной.

Была тишина. Елена встала, поменяла посуду и поставила фруктовая мальга на столе. - Какая альтернатива удовлетворяет? — спросил он, пока он наливал себе яблоко.

- Начинай, - ответил он, с того, что мы стремимся развивать трудное искусство любить ближнего.

- Но есть так много отвратительных людей.

- Они отвратительны, почему мы их ненавидим. Были бы добры, если бы любить.

- Думаешь, это правда?

- Я уверен, что это правда.

- И что мы будем делать дальше?

- Нет “после”, - ответил он. - Потому что, естественно, это задача на всю жизнь. Любой процесс трансформации-это работа для целого существования. Каждый раз, когда мы достигаем вершины пика,, мы видим еще один пик перед нами-пик, который снизу не мы могли видеть. Возьмем, к примеру, механизм дух-тело. Мы начинаем с изучения лучшего способа его использования; таким образом, мы даем шаг вперед, мы продвигаемся на один шаг вперед; с завоеванной позиции мы обнаруживаем как его использовать еще лучше. И так далее, бесконечно. Цель идеалы

отступают, когда мы приближаемся к ним; они рассматриваются как другие и более заметные, чем они казались до начала прорыва. О то же самое происходит, когда мы пытаемся изменить наши отношения с другими. Каждый шаг вперед показывает необходимость делать новые шаги вперед - непредвиденные шаги, из пункта назначения которых на момент отъезда не было малейший намек. Да, это длится всю жизнь, - повторил он. Нет места для нет “после”. То, что может быть, является лишь попыткой, поскольку мы продолжаем переводить в план политики и экономики то, что выяснил в плане личной жизни. Одно из первых открытий, — он добавил, - одним из первых среди первых, что мы делаем, является то, что организованная ненависть и насилие-не лучший способ добиться справедливость и мир. Все мужчины способны любить всех остальных люди. Но мы искусственно ограничиваем нашу любовь. Посредством Конвенции о ненависти и насилии. Мы сделали его ограниченным семьями и кланы, классы и нации. Ваши друзья хотят снять эти ограничения используя больше ненависти и больше насилия — я имею в виду, служа себе точно такими же средствами, которые были первопричинами ограничение. — Улыбаться. - Можете ли вы в этих условиях быть удивлены, обнаружив что такое предприятие не удовлетворяет?

Елена посмотрела на него на мгновение в тишине и после негативного жеста, сказал: - Я предпочитаю своих шиншилл.

- Брось!

- Я предпочитаю. Скорее я хочу быть горсткой грязи. Это более удобно.

- Встал. - Давай выпьем кофе? - На маленькой кухне, пока они ожидали, что вода закипит, она внезапно сказала ему об этом. мальчик из рекламы. Я нашла его две недели назад. Какое забавное существо и умный! И он был влюблен в нее. Смех беззаботная злоба осветила его лицо. - Голубые глаза, - сказал он каталогизируя заслуги мальчика, как это сделал бы аукционист. — Волос кудрявые, грозные плечи, узкие бедра, боксер-любитель. первый заказ — что больше, чем ты когда-либо мог быть, бедный мой Энтони, - добавил он в скобках и тоном сочувствия презрительный. - Сказать все: идеально подходит для кровати. Или, по меньше, вот как это звучит. Потому что мы никогда не знаем, пока нет попробуй, правда? — Смеяться. - Я очень хочу

попробуй сегодня вечером, - продолжал он. - Чтобы отпраздновать этот день рождения. Ты не думаешь, что это хорошая идея, Энтони? - И, видя, что он не отвечала, настаивала: - не так ли? А? Не так ли? - И не переставал глядя на него, стремясь обнаружить на его лице любые признаки гнева, ревности, или отвращение.

Энтони ответил ему с улыбкой. - Это не так просто., когда это горсть грязи, - сказал он. - На самом деле, я бы раньше сказал это действительно довольно тяжелая работа.

Погасло все свечение, освещавшее его лицо. - Довольно сложно, — повторила она. Возможно, это причина, по которой я стараюсь попробовать.

- После перерыва, и пока наливал воду в кофеварку. — Ты похоже, ты сказал, что выступишь сегодня на митинге?

- В Баттерси.

- И вполне возможно, что я его услышу. Если только, - добавил он, прилагая усилия, чтобы смеяться, - если, конечно, я не решусь на праздновать День рождения по-другому.

После того, как они оба выпили кофе, Энтони удалился и пошел идя к своей резиденции, чтобы работать несколько часов в новом брошюра, которую он обещал написать для закупок. Прибыли два письма по почте в полдень. Эпоха Миллера, описывающая отличные митинги, на которых он выступал, в Эдинбурге и Глазго. Другой, без адреса она была напечатана.

“Сэр, - начиналось письмо, - мы не теряли его из виду в этих последнее время и мы принимаем решение не позволять Господу продолжайте в своем нынешнем поведении нелояльности и предательства. Поэтому будьте предупреждены если вы продолжите произносить свои грязные пацифистские речи, мы вас

мы дадим наказание, которого вы заслуживаете. Бесполезно обращаться в полицию. Раньше или позже мы возьмем его за руку, что будет не очень приятно.

Объявлено, что вы выступите сегодня вечером в Баттерси. Там находиться. Поэтому мы советуем Вам, если вы любите свою трусливую кожу, не присутствовать. Вы не заслуживаете этого

предупреждения, но мы стараемся действуйте преданно, даже с несчастными в своем роде. — Быть, коммуникации.

“ГРУППА АНГЛИЙСКИХ ПАТРИОТОВ”

Шутка? Спросил Энтони от себя к себе. Нет; это должно быть вещь серьезный. Улыбаться. - Как вы должны чувствовать себя добродетельными! - я сказал вам. - И что герои! Вибрирующий удар в защиту Англии.

Но удар, продолжил он в своих размышлениях, сидя перед от печки удар, кто бы его получил, был он, если бы он говорил, то есть, если бы они не им было запрещено нападать на него. И, естественно, шанс не говорить, обращение в полицию было исключено. Мне больше нечего было делать., если не практиковать то, что вы проповедовали.

Но у него было бы достаточно силы духа, чтобы хорошо видеть, что у него было. делать? Если они напали на него, если они начали избивать его? Вы бы знали, как сопротивляться?

Пытался работать над листовкой; но возникали вопросы личного порядка и они вновь появлялись в каждом мгновении, настойчиво занимая место других. более отдаленные и безличные проблемы, связанные с колониями и престижем и рынки и инверсии капитала и миграции. Я представлял себе выражение ужасные, искажения, которые холера могла бы навлечь на лица тех, люди, я слышал их, в воображении, жестокие и оскорбительные слова, видел руки, которые поднимались, руки, которые опускались. Он мог бы доминировать над собой, а не слабеть, не отступать, не убегать? И боль, вызванная ударами, — резкая, резкая боль, в лице, сильная боль, от головокружения, в теле — до тех пор, пока точка может ли он выдержать ее, и как долго? Если бы только Миллер будьте там, чтобы посоветовать и ободрить его! Но Миллер был в Глазго.

Он все больше сомневался в себе. Стоять там, позволяя себе врезаться, не реагируя, не уступая земли-это казалось ему тем, чего никогда не было бы. способный сделать.

- Я не наберусь смелости, - повторял он от мгновения к мгновению, обсидированный, уже, из-за страха быть напуганным. Вспоминая, как он вел себя в Тапатлан покраснел от стыда. И на этот раз позор будет публичным. Все они должны знать — Елена и все остальные.

И на этот раз, я все еще думал, на этот раз не будет оправдания удивлению. Они предупредили его - даже несчастного человека своего рода — и,

кроме того, он тренировался, в течение нескольких месяцев учился делать перед лицом ситуации именно такого характера. Сцена была отрепетирована. Он знал наизусть все “реплики” и все жесты. Но пришел настоящий момент, когда боль перестала быть воображаемой, вспоминать-был ли он из той роли, которую выучил? Какая гарантия, что в то время не потерпит ли это неудачу безвозвратно? Против Елены, Когда Елена колебалась на пороге ее собственной жизни, может быть, и его тоже. Кроме того, если он если вы потерпите неудачу, бесчестие будет не только вашим. В дополнение к дискредитации себя и больше, чем это отрицало бы его убеждения неудачей, аннулировало бы его философию, он предаст своих друзей. - Но почему ты такой дурак? — женщина тихо спрашивал. - Почему ты ведешь себя с убеждениями и философии? И зачем тебе предавать того, кого ты быть? Почему бы тебе снова не сделать то, для чего природа предназначила тебя — для тебя? отношение зрителя, к делу, из вашей личной каюты, комментарии к заказать? Какая тебе разница? И даже если тебе все равно., что ты можешь сделать? Почему бы тебе не смириться с неизбежно, и в перерывах, продолжай работу, которую ты можешь лучше всего делать?

Это было из облака усталости, которое, казалось, исходило от этого голоса. Во время минута, он превратился в не что иное, как скорлупа, мертвый стручок и засуха, чей трезвый интерьер был сделан из усталости и отрицания. - Позвони они, - Голос продолжался. - Скажи ему, что заболела гриппом. Останься на постель несколько дней. После этого ваш врач назначит вам отдых на юге Франции…

Внезапно он рассмеялся. От зловещего, от коварно убедительного что с самого начала этот голос был абсурдным. Прибытие в такую точку, выраженная с такой наивностью, подлость стала почти комичной.

- Единство, - сказал он, выражаясь шепотом.

Он был соединен с ними, как рука, соединенная с рукой. Подключен к его друзья, привязанные даже к тем, кто объявил себя своими врагами. Он не мог сделать ничего, что не повлияло

бы на всех, на врагов, как на друзья, приносящие им пользу, если это хорошо, что он сделал, причиняя им вред, если поступай плохо. Единство, повторил он. Единица.

Единство человеческого рода, единство всей жизни, всего живого.

Физический диск, прежде всего. Единство даже в разнообразии, даже в разделение. Выдающиеся экземпляры, но везде одинаковые. Во всем часть, те же созвездия элементарных единиц энергии. As то же самое на поверхности Солнца, что и в живой плоти, нагретой солнечное облучение; так в олористых цветках будлеи, как в синем море и в облаках горизонта; в пистолете пьяного мексиканца, как в

темная, иссушенная кровь на этом изуродованном лице среди скал, в свежая алая кровь, которая запятнала обнаженное тело Елены, в крови, которая это сочилось из живой плоти и ушиба колена Марка.

Идентичные экземпляры и идентичные экземпляры. Был резкий в дух их идея и в то же время идея жизни двигаться непрерывно между образцами, отбирая и укрываясь для своих целей. Жизнь становится проще по мере того, как она превращается в более комплексы-идентичные по своей сложности, через все бескрайние серия анимированных существ.

Сперма проникает в яйцеклетку, клетка делится и подразделяется, чтобы в конечном итоге превратиться в этого человека, в эту крысу, в эту лошадь. А гипофиз коровы заставляет лягушек размножаться в межсезонье. Моча одного беременная женщина доводит мышь до течки. Щитовидная железа барана трансформируется аксолотль жаберной дыхательной личинки в саламандре легочное дыхание, кретин-карлик в полностью человеческом существе развитый и умный. Между одной формой жизни животных и другой разные экземпляры чередуются. Эта эстафета также наблюдается между животным и растением, между растением и неживым миром. Образцы семя и лист и корень, развитые экземпляры более простых существующие в воздухе и на земле-они могут быть ассимилированы и преобразованы насекомыми, рептилиями, млекопитающими, рыбами.

Единство жизни. Единство продемонстрировано даже при

уничтожении одна жизнь за другую. Жизнь объединена со всем, что есть. Иначе, ни одно живое существо никогда не могло питаться другим или субстанциями неодушевленные окружающие его. УНА, даже в разрушении, УНА, несмотря на любое разделение. Каждый организм уникален. Единый и, тем не менее, объединенный с все остальные организмы в идентичности своих элементарных частей; уникальный поверх субстрата физической идентичности.

И духи - также духи уникальны, но уникальны поверх субстрат ментальной идентичности. Самобытность и взаимность любви, уверенность, смелость. Смелая привязанность возвращает сумасшедшего в здравом уме, превращает враждебного дикого см в друга, приручает свирепое животное. О ментальный тип любви может передаваться от одного духа к другому без, тем не менее, он теряет свою добродетель именно как физический образец гормон может передаваться, при всей своей эффективности, из одного организма в другой.

И не только любовь, но и ненависть; не только доверие, но недоверие; не только доброта, щедрость, мужество, но и недоброжелательность, жадность и страх.

Делимые эмоции; но тот факт, что они могут быть по очереди, чередующиеся, передаваемые от Духа к духу, ничего не теряя от своего

элементарное содержание, демонстрирует фундаментальное единство духа.

Реальность единства, но равная реальности разделения — или, для лучше сказать, большая реальность разделения. Нет необходимости медитировать факт разделения. Он постоянно входит в глаза каждого. Иметь постоянно осознавая, что мы уникальны и отделены; только в иногда, а затем только интеллектуально, чаще всего, только в результате одного процесс дискурсивного мышления заключается в том, что мы осознаем, что наш дух мы едины с другими духами и понимаем наше единство с другими жизнями и со всем, что есть. Иногда интуиция единства, интуиция, которая приходит случайно или которую ищут шаг за шагом в медитации.

Один, один, один, повторял он; но один в разделении; единый и

все же, отдельный.

Зло-это акцентуация разделения; добро, все, что способствует единство с другими жизнями и другими существами. Гордость, ненависть — гнев-вот по сути, плохие чувства; и по сути плохие, потому что они есть, все они, интенсификации реального и конкретного состояния разделения, потому что все они настойчиво подчеркивают разделение и единство, потому что исключают и отрицают другие жизни и существа. Похоть и жадность также настаивают на единство; но это настойчивость, которая не подразумевает никакого отрицания, которое они не исключают тех, от кого единое существо отделено. А похоть говорит только “мне нужно кончить”, а не”тебе нужно страдать”. А жадность в чистом состоянии - это просто стремление к моему удовлетворению и никогда протест против удовлетворения других. Их зло заключается в том, что они делают акцент на изолированный человек; зло, однако, меньше, чем гордость, ненависть или гнев, потому что в них акцент человека не отрицает других существ.

Но почему, в конце концов, раскол? Почему, неизбежно, даже в самом совершенная любовь, и на другом конце шкалы существ, даже в том, что это или кажется ниже добра и зла, Почему должно сохраняться зло разлука? Разделение, даже, от святого к святому, разделение даже между простым физические образцы. Один человек не может есть из-за другого. Эй лучше они должны думать, они должны наслаждаться и страдать, они должны трогать, видеть запах, слушайте, смакуйте в самой полной изоляции. Хороший человек-это всего лишь один Вселенная менее полностью закрыта, чем злая; но закрыт, но именно так атом замкнут.

И, несомненно, если существование необходимо-существование такое, как мы знаем, что существа должны организовываться в замкнутые вселенные. Духи, подобные нашим, могут воспринимать недифференцированное единство только как быть ничем. Мы не можем избежать этого парадокса, который заставляет нас желать, чтобы n пусть он равен единице, но на самом деле заставляет нас проверять каждый раз, когда он равен единице нуль.

Разделение, разнообразие-условия нашего существования условия с помощью которых мы обладаем жизнью и совестью, мы

отличаем добро от зла и у нас есть сила выбирать между ними, признавать правду, иметь опыт красоты. Но в разлуке зло. Таким образом, зло находится в состоянии жизнь в состоянии различать, знать, что хорошо, а что красиво.

Что ищут, что мужчины в конечном итоге требуют от себя сами, это реализация союза между существами, которые ничего не были бы, если бы не они были разлучены; это реализация доброты созданиями, которые, если не если бы они были плохими, их бы не было. Невозможность. Но не совсем, меньше затребовать.

- По одному закону рождаются, а по другому подчиняются.

Он сам, — продолжал Энтони в своих размышлениях, - сам он решил рассматривать весь процесс, или как лишенный смысла, или как плохая шутка. Преднамеренно, да. Потому что это был акт воли. Если бы все это было бессмысленным или грабительским, то он был свободно иметь свои книги и расширять свои способности комментатора саркастический; не было причин перестать спать с какой-либо женщиной презентабельно, что она готова переспать с ним. Если бы не было нет-смысл, если вещь имела какое-то значение, то он больше не мог жить безответственно. Были обязанности перед собой и перед другими и с природа вещей. Обязанности, выполнение которых было бы противопоставлено, как препятствие, кровать и бессистемные чтения и привычка к разрозненной иронии. Он решил судить эту вещь как абсурд, и абсурд был тем, что она ему казалось, что это абсурд, несмотря на случайные и тревожные намеки что может быть смысл, и что смысл был именно в том, что он решил рассматривать как бессмысленную и злую шутку вкус. И вот, в конце концов, все прояснилось; он понимал, по какой-то причине непосредственный опыт, что смысл был как раз в парадоксе, в том, что быть блоком начало и блок конец, и быть разделением, между тем, к состояние жизни и всего, что существовало, разделение, которое было эквивалентом зло. Да, смысл, - настаивал он — - в том, что мы жалуемся на нас даже получение невозможного. Смысл в том, что даже с величайшая добрая воля в мире, отдельная и злая вселенная человека или физический образец никогда не может полностью соединиться с другими жизнями и существ, или со всей жизнью и бытием. Все еще даже для добра в в высшей степени борьба бесконечна; ибо никогда в природе вещей подарки, может закрытое стать полностью открытым; доброта никогда вы можете полностью освободиться от зла. И стойкий для того чтобы положить-доказательство, образование-срочное, трудное, продолжающееся в

течение всего периода жизнь, возможно, в течение длительных периодов жизни. Прошлые периоды жизни

в попытке открыть больше, и всегда больше, замкнутая Вселенная, которая стремится постоянно закрываясь в первый момент, когда он прекращается или расслабляется. усилие. Побеждая разделяющие страсти, такие как ненависть, злоба и гордость. Они выдувают тоску, которая гипертрофирует “я”. Проводимые в постоянных усилиях по достижению единства с другими жизнями и другие способы существования. Чтобы почувствовать единство в упражнении любви и сострадание. Чтобы почувствовать это на другом плане через медитацию, в самоанализ прямой интуиции. Единство в другой плоскости, над смятение разлуки и раскола. Доброта вне и выше возможности зла. Но факт разлуки всегда сохраняется, всегда остается зло как состояние жизни и бытия. Мы никогда не должны ослаблять освободительное давление. Но даже лучшие из нас все еще далеко, неизмеримо далеко от достижения совершенства.

Между тем, есть любовь и сострадание. Постоянно забиты. Но пусть они станут, о! пусть они станут неутомимыми, безжалостными, в его стремление преодолеть все препятствия, внутреннюю праздность, отвращение, интеллектуальное презрение; и извне чужие отвращения и недоверие. Любовь и сострадание-а также, между тем, созерцательная ориентация, это стремление к достижению единства жизней и существ с интеллект, и, наконец, возможно, интуиция, акт полного понимания. От одного аргумента к другому, постепенно, до совершенного покоя, где прекратите всякую дискурсивную деятельность там, где есть только опыт, только прямое знание, такое как знание цвета, запаха, звука музыкальный. Постепенно, пока мы не почувствуем, что нас больше нет полностью отделены, но объединены в глубоких планах с другими жизни, с другими существами. Едины в мире. В мире — повторял — в мире, в спокойствие. Мир в глубине каждого духа. Тот же мир для всех, непрерывный между дух и дух. Поверхность, рассеянные волны, вихри, водовороты; однако под непрерывными и недифференцированными просторами моря, тем спокойнее, чем глубже, пока мы, наконец, не достигнем покоя, абсолютная тишина. Темный покой глубин. Мрачный мир, который является то же самое для всех, кто к ней спускается. Мир, который, по странному парадоксу, является вещество и источник бури, царящей на поверхности. Из мира, волны, однако, разрушают

мир, разрушают его, но они необходимы. Ибо, без бури поверхности ничего бы не существовало: ни понятие добра, ни усилия, чтобы успокоить злые фуроры, ни повторное открытие тишины в основе и глубоко, ни понимание того, что вещество агитации бешенство-это то же самое, что и мир.

Безумие зла и разлуки. В мире есть единство. Единство с другими жизни, единство со всеми существами. Ибо под всеми существами, под

бесчисленные идентичные, но отдельные экземпляры, под аттракционами и отвращение, мир. Тот же мир, лежащий в основе безумия духа. Спокойствие мрачно, неизмеримо глубоко. Мир, который избавляет нас от ненависти и гордость и гнев, мир, который спасает нас от тоски и отвращения, мир, который спасает нас сохраняет от всех рассеивающих frenesis. Мир за освобождение, ибо мир-это полное завоевание свободы. Свободы, и в то же время истина. Правда единства действительно ощущается. Мир глубоких планов, под штормом, далеко под топотом волн, безумного воздуха. брызги пены. Мир в эту глубокую подводную ночь, мир в этой тишина, в этой пустой тишине, где времени больше нет, где его больше нет. картинки, где больше нет слов. Ничего, кроме живого мира, мира на самом деле ощущается; мир, как трезвый вакуум, вне всякой личной жизни, и все же, не переставая быть более интенсивной формой жизни, несмотря на все ее нечеткий характер, абсолютное отсутствие цели или желания, выше, в богатство и качество, к обычной жизни. Мир, превосходящий мир, в начале сфокусированный, сходящийся, затем излучающий в своего рода безграничном пространстве-Мир в вершине, так сказать, конуса концентрации и исключения, конус со своим основанием на разладах взволнованной поверхности жизни и свой вершина в подстилающей тьме. И в темноте кончик конуса встречается с кончиком из другого; и из одного фокуса мир расширяется, расширяется до одного основание неизмеримо далекое и настолько обширное, что его круг является основанием и источник всей жизни, всего бытия. Перевернутый конус начиная с преломленного света и нерешительность поверхности; перевернутый конус и спуск до точки тьмы концентрируется; следовательно, в другом конусе, всегда расширяясь, расширяясь в направление, да, к другому свету, устойчивому, невозмутимому, так глубоко. тишина, как тьма, из которой она выходит. Перевернутый конус, установленный к другому праву, вершина

против вершины. Переход от широкого бурного света к спокойному фокусу от тьмы; и оттуда, обгоняя фокус и через тьму все больше и больше огромное, новое вторжение в другой свет. От бури до бонанса, и всегда таким образом, постоянно, во все более глубоком и интенсивном мире, до к окончательному завершению, к высшему свету, который является источником и субстанцией всех вещи; фонтан защелки, вакуума, подводной ночи в реальном маштабе времени; фонтан наконец, от волн и безумия мечей-теперь забыто. Ибо теперь есть только тьма, которая поднимается, сгущается и углубляется, даже сделать себя в свете; есть только этот окончательный мир, это осознание того, что больше не существует отдельно, это освещение.

Часы пробили семь часов. Медлительный и осторожный, он позволил себе покинуть свет, проникающий снова, сквозь тьму, в прерывистые, нерешительные вспышки. и тени повседневного существования. Наконец встал и пошел на кухню приготовить себе еду. Не было времени терять; митинг

было восемь, и он добрался до места происшествия добрых полчаса. Он отложил два яйца в согреться и сел есть хлеб с сыром, пока ждал. Без страстно и с безмятежной ясностью я думал о том, что у него в запасе. Что бы это ни было, теперь я был уверен, что все будет хорошо.

КОНЕЦ